Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ РАЗЛИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ ПРАВА (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. М. КУРИЦЫНА)

Международная научно-практическая конференция
(22–23 декабря 2022 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2023

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2023
ISBN 978-5-9694-1399-3

УДК 34.04
ББК 67.05
И90

Рецензенты:
помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации доктор юридических наук, профессор **В. М. Баранов**; начальник отдела НЦБ Интерпола МВД России кандидат юридических наук **А. А. Солуков**

Составитель *А. И. Клименко*

И90 **Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В. М. Курицына)**: Международная научно-практическая конференция, 22–23 декабря 2022 г. : сборник научных трудов / [сост. А. И. Клименко]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 326 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1399-3

В сборнике представлены научные труды участников Международной научно-практической конференции, состоявшейся 22–23 декабря 2022 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. На конференции обсуждались актуальные вопросы, связанные с теорией правового сознания, особенностями его исторических трансформаций, развитием правосознания в пространстве различных правовых традиций, своеобразием различных правовых культур и правовых систем, ценностным строем современного права, и другие проблемы теоретико-исторических правовых наук.

Сборник рекомендован ученым, преподавателям, студентам (курсантам) и аспирантам (адъюнктам), практикующим юристам, а также всем, кто интересуется вопросами современной общеправовой науки.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Редактор *Достовалов Ю. Н.*
Компьютерная верстка *Абилова Ф. А.*

Подписано к изданию 08.02.2023
Объем издания: 2,98 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1399-3

РИО
УОН
РИД

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Васильев А. П., Пашкеев М. А.

Генезис теории правосознания в трудах современной белорусской правоохранительной школы 11

Клименко А. И.

Факторы изменения содержания правосознания российского общества в отечественной правовой традиции 16

Ромашов Р. А.

Традиционность и дискретность российского права и правосознания 19

Сигалов К. Е.

Правосознание в контексте комплекса правовых методологий 28

Лановая Г. М.

Репрезентация государства в правосознании человека эпохи постиндустриализма 32

Фролова Е. А.

Категория правосознания в философии права 37

Трофимов В. В.

Правосознание в структуре правообразования (опыт интерпретации модели) 42

Туранин В. Ю., Нестеренко В. В.

Трансформация содержания понятия «правосознание» в исторической ретроспективе 50

Малофеев И. В.

Категория законного уголовного судопроизводства в сознании современного правоприменителя 55

Крючков В. В.

Особенности правосознания несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних 61

Медушевская Н. Ф.

Универсализм и стандартизация правосознания 64

Желдыбина Т. А.

Правосознание законодателя (аксиологический аспект) 69

Плотников В. В.

Диалектика естественно-правовых и позитивных установок
в современном российском правовом дискурсе..... 73

Маркова Н. А.

К вопросу о трансформации правосознания 77

Абдрахманов А. И.

Проблема коррупции в англосаксонской практике и традиции..... 80

Алексеева Л. А., Гусев К. А.

Трансформация российского права в контексте
основных тенденций международного права..... 87

Калинина Е. Ю.

Правосознание в структуре смеховой культуры
в искусстве средневековой Испании 92

Золкин А. Л.

Цивилизационные основания российского правосознания 98

Никитин А. Н., Никитина М. А.

Трансформация правосознания народов Древнего мира
в традициях права Рима, Китая, Индии 102

Правкин И. В., Брунер Р. А.

Ценностные основания правоохранительной деятельности
в современном российском обществе 106

Правкина И. Н.

Установки правосознания современного российского общества 111

Гарашко А. Ю.

Юридический и правовой нигилизм: целесообразность
дифференциации понятий в контексте исследования
системы форм современного права 115

Феднева Н. Л.

Изменение подходов к пониманию права
в течение жизненного пути И. А. Ильина..... 119

Путинцев А. В.

Документы стратегического планирования
как технология трансформации правосознания 126

Ситников К. А.

К вопросу о правосознании урядников уездной полицейской стражи
Российской империи в начале XX в. 131

Шингарева Н. В.

Влияние судебных преобразований второй половины XIX в.
на трансформацию правосознания российского общества 136

Жеребцова Е. Н.

Роль правового сознания в становлении молодых сотрудников
уголовно-исполнительной системы 139

Иванченко Ю. А.

Историческая трансформация понятия легитимности
государственной власти 143

Марченя П. П.

Роль массового правосознания в русском транзите
«империя – смута – империя» 146

Мельник Е. В.

Особенности революционного правосознания в реализации
уголовно-правовой политики и Советского государства 151

Мун В. А.

Государственно-правовое регулирование демографических процессов
в Советском государстве в 1940-х гг. 155

Сучкова М. В.

Формирование и трансформация крестьянского правосознания
во второй половине XIX – начале XX в. 159

Порватова Л. В., Куксов В. А.

Правосознание и правовая культура сотрудников ОВД в XXI в. 162

Якутин А. В., Якутина О. Л.

Трансформация правосознания под влиянием
идеологического манипулирования 165

Васечко А. А.

Традиционные идеи российского правосознания в контексте духовной безопасности России 169

Яцкова А. П.

Политико-правовые факторы делегитимации монархической власти в массовом правосознании в период демократизации российской государственности в начале XX в. 174

Тумин А. Ю.

Социально-философский анализ взаимосвязи правосознания и патриотизма 177

Левкина Е. С.

Формирование конституционного правосознания в Российской империи во второй половине XIX в. 181

Хабарин О. М.

Проблема формирования антикоррупционного правосознания в России в первой четверти XVIII в. 184

Ярош А. В.

Формирование правосознания потенциальной суррогатной матери 187

Дергунов А. А.

Преимущественное право и субъективное право: попытка осознания различий 193

Антохина М. Е.

Трансформация студенческого правосознания в России в начале XX в. 198

Артеменко И. А.

Трансформация российского правосознания (XV–XVIII вв.) 202

Тонков Д. Е.

Значение теории и практики радикального правового реализма для России 206

Вставский В. В.

Правосознание как фактор правообразования в социологической юриспруденции России второй половины XIX – начала XX в. 210

Хвостова А. В.

Ограничение как идея правосознания 213

Самойлюк М. С.

Отражение правовой культуры общества
в юридической технике 218

Напольских И. М.

Феномен доверия в английском праве справедливости 221

Рудакова О. Н.

К вопросу о понятии «конституционные ценности» 224

Кузюкова А. Н.

Институт семьи и брака в СССР, его обычаи и традиции 228

Леонова Е. Р.

Традиционные нравственные ценности как основа формирования
правосознания российского общества 232

Плахтий Н. А.

Роль правосознания субъекта
при усмотрении исключительного случая 237

Черномор А. Д.

Правосознание как основной элемент обеспечения правопорядка 240

Чиркаев С. А.

Юридический приоритет и правосознание:
отдельные аспекты взаимодействия 243

Белова А. Р.

Роль правосознания в механизме правового регулирования 247

Филиппова В. А.

Профессиональная деформация правосознания сотрудников ОВД 250

Хорошавина Я. А.

Трансформация правосознания молодежи
на современном этапе развития российского общества 256

Боброва С. Н.

Особенности формирования правосознания курсантов образовательных
организаций системы МВД России в современных условиях 261

Шапкина Л. С.

Проблема деформации правосознания
на современном этапе развития общества 266

Ананичук И. М.

Образ и роль новой международной правовой идеологии
в формировании нового международного правопорядка 269

Поломошнова А. А.

Правовой нигилизм как причина деформации правосознания 273

Саможен Е. С.

Формирование правосознания в Советской России
в 1917–1920 гг.: теоретико-правовой аспект 276

Долженко Г. В.

К вопросу о генезисе понятия гражданского общества
в контексте его взаимодействия с государством 281

Корнюхина Е. С.

Формирование законопослушного поведения
у современной молодежи 284

Ярмак М. К.

Идеологическая функция Российского государства
в условиях решения задач социальной мобилизации 289

Парадников П. А.

Идеологический фактор трансформации правопорядка 292

Пьячева П. Ю.

Средства массовой информации как инструмент
правового просвещения населения 296

Пасканова К. И.

Причины деформации правосознания
в современном российском обществе 299

Трухачев А. А.

Советское классовое правосознание:
особенности становления и развития 302

Меликовский А. А.

Право и правосознание в их соотношении 305

Зыкин Н. И.

Анализ феномена правосознания в теории Т. Гоббса 309

Хаврошина А. А.

Трансформация правосознания лиц,
наделенных властными полномочиями 312

Михеева А. В.

Правовая информированность населения
в условиях современного российского общества 316

Пантелеева Е. В.

Роль правовых традиций в формировании правосознания 320

Курбакова Д. О.

Теоретико-правовой анализ
обыденного и профессионального правосознания 323

Васильев А. П.[1],
начальник Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь

Пашкеев М. А.[2],
начальник кафедры теории и истории государства и права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ГЕНЕЗИС ТЕОРИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Распад СССР и связанная с ним общественно-политическая трансформация белорусского общества оказали непосредственное влияние на формирование современной белорусской правоохранительной школы, основу которой составили правоведы-теоретики Минской высшей школы МВД СССР. Одной из ключевых тем исследований формирующейся школы стала теория правосознания. Придерживаясь устоявшегося понятия и понимания юридической категории «правосознание», которое рядом ученых рассматривается как своего рода ключ к эффективности правового регулирования общественных отношений, современная белорусская правоохранительная школа привнесла целый ряд новаций.

Основоположником исследований правосознания в рамках современной белорусской правоохранительной школы стал кандидат юридических наук, доцент Николай Алексеевич Горбаток [1; 2; 3]. Н. А. Горбаток являлся соавтором первого в Беларуси учебника по общей теории права, который был издан 1996 г. Наиболее существенным вкладом в развитие теории правосознания выглядят его выводы, касающиеся структуры правосознания. В частности, профессор дополнил два классические элемента – «правовая идеология» и «правовая психология» – третьим – «правовая мораль». Под ней ученый понимает представления людей о действующем праве, его реализации и развитии с точки зрения их моральных убеждений. По мнению ученого, именно существование правовой морали как элемента структуры правосознания позволяет объяснить проблему исполнения законов, не отвечающих нравственным критериям лица.

В 2000 г. под руководством Н. А. Горбатка Еленой Владимировной Борщевой была подготовлена и защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Правосознание как фактор формирования правового государства» [4]. Е. В. Борщева дополняет определение правосознания оценочно-ценностными характеристиками и социально-правовым самоконтролем его носителей. По ее мнению, под правовым сознанием следует понимать систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений и чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей в сфере права, а также самооценка собственного правового поведения.

---

[1] © Васильев А. П., 2023.
[2] © Пашкеев М. А., 2023.

Также в 2004 г. под научным руководством Н. А. Горбатка была подготовлена кандидатская диссертация Еленой Михайловной Ефременко на тему «Правосознание учащейся молодежи: теоретические основы и особенности формирования». В частности, автор уточнила определение правосознания, акцентировав внимание на связи его содержания с условиями, в которых осуществляется его формирование, а также его роли в правовом поведении личности. Так, под правосознанием Е. М. Ефременко понимает социокультурно обусловленную форму активного психического отражения личностью, социальной группой, обществом в целом правовой жизни общества в ее эволюции, определяющую рациональное, эмоциональное и мотивационно-деятельностное отношение субъектов к правовым явлениям [5]. Кроме того, в своей работе Е. М. Ефременко охарактеризовала качественное состояние правосознания учащейся белорусской молодежи. Так, автор выявила противоречия в его содержании. В частности, речь идет о признании молодежью необходимости и эффективности правового регулирования общественных отношений на основе общечеловеческих ценностей на фоне невысокого уровня правовых знаний, нестабильности, противоречивости и эклектичности ценностно-правовых установок и ориентаций, а также низкой степени доверия к институтам существующей правовой системы, в первую очередь к системе законодательства и деятельности механизма государства. Была выявлена недостаточная осведомленность учащейся молодежи о содержании конституционных норм, а также непонимание смысла многих важнейших юридических категорий и понятий.

Методологический арсенал современной белорусской правоохранительной школы, направленный на исследования правосознания, существенно расширил кандидат философских наук, доцент Александр Александрович Козел [6; 7; 8]. Так, важным методологическим принципом в исследовании правосознания является рассмотрение его как производного, как отражения в человеческом сознании не только собственно права, но и социальных, политических, экономических, культурных и духовных детерминирующих его факторов. Еще одним методологическим принципом, с помощью которого можно сегодня исследовать феномен правосознания, является представление о сознании как совокупной психической деятельности человека, на основе которой он отражает окружающий мир в идеальных, субъективных образах и регулирует свои поступки. Важное значение для исследования правосознания имеет методологический принцип его анализа в диалектической взаимосвязи с другими формами общественного и индивидуального сознания, такими, как моральное, религиозное, политическое и эстетическое.

В 2015 г. Александром Владимировичем Григорьевым была подготовлена и защищена кандидатская диссертация на тему «Органы внутренних дел в механизме белорусского государства» [9]. Непосредственно вопросы правосознания в диссертации не затрагиваются, однако значительное внимание уделяется ключевой фигуре правоприменительного процесса – правоприменителю. Так, при выявлении особенностей правоприменительной деятельности органов внутренних дел А. В. Григорьев обратил внимание на необходимость формирования высокого уровня профессиональной правовой и нравственной культуры субъектов правоприменительной деятельности, что, по мнению автора, позволит достичь как юридической, так и социальной эффективности применения права.

Аналогичным образом в работах Дмитрия Александровича Воропаева делается акцент на связи субъекта правоприменительной деятельности и выносимого им решения, отражения в последнем свойств и характеристик личности правоприменителя, что, очевидно, опосредуется правосознанием. В 2016 г. им была подготовлена и защищена диссертация на тему «Усмотрение и справедливость правоприменительного решения в деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект)» [10]. Общепризнанным является тезис о том, что правоприменительной деятельности органически присущ творческий характер. Не в последнюю очередь данному обстоятельству способствуют такие факторы, как абстрактность норм права и разнообразие общественных отношений, которые ими регулируются, особенности, в том числе изъяны юридической техники: диспозитивные нормы права, императивные нормы права с относительно-определенными или альтернативными санкциями, оценочные понятия, правовые перечни, коллизии в праве, пробелы в праве и др. Сочетание данных факторов практически исключает возможность всеобъемлющего и всеохватывающего нормативного регулирования общественных отношений, исключающих всякую неопределенность, и с необходимостью вызывает к жизни усмотрение правоприменителя. В ходе проведенного исследования Д. А. Воропаевым установлено, что значительную роль при осуществлении выбора играют личностные качества правоприменителя и прежде всего – его представления о справедливости. На сегодняшний день представителями этой школы Надеждой Михайловной Дубравой и Егором Игоревичем Стабровским ведется работа над кандидатскими диссертациями, а Вадимом Ивановичем Павловым – над докторской диссертацией.

Так, исследование Н. М. Дубравы посвящено теоретико-методологическим основам толкования норм права в контексте теории интерпретации (на примере правоохранительной практики). Исследователь утверждает, что применительно к проблематике толкования права в рамках классической правовой методологии процесс познания права рассматривается как прямое и непосредственное отражение объективной действительности, развивающейся независимо от субъекта познания. В современных подходах к праву этот тезис переосмысливается, прежде всего, в наделении субъекта права конструктивным характером относительно правовой реальности.

Е. И. Стабровский завершил диссертационное исследование на тему «Теоретико-правовые основы формирования правового сознания личности в процессе реализации юридической ответственности (антрополого-правовой аспект)». Используя в качестве дополнительного методологического инструментария по отношению к традиционному формально-юридическому и иным методам правового познания антрополого-правовой подход, автор осуществляет дальнейшую разработку и усовершенствование теории правового сознания за счет рассмотрения правовой реальности как двухсоставного образования, складывающегося из нормативного и антрополого-правового уровней.

Кандидат юридических наук, доцент В. И. Павлов в своем исследовании также придерживается антрополого-правового подхода, что позволяет рассматривать правовую реальность, в том числе и феномен правового сознания, на основе принципа «человекомерности». В соответствии с ним представление правовой реальности осуществляется только в связи с существующим и действующим

в ней человеком. Как следствие, антрополого-правовой подход к человеку в праве коренным образом отличается от содержания сложившейся в юриспруденции категории «субъект права».

Помимо диссертационных исследований, проводимых представителями современной белорусской правоохранительной школы, основные исследовательские теории правосознания нашли отражение в целом ряде коллективных монографий и учебных пособий. Например, в коллективной монографии под научной редакцией кандидата юридических наук, доцента Владимира Сергеевича Гайдельцова «Проблемы формирования профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов и специальных служб», увидевшей свет в 2020 г. [11]. Монография состоит из двух глав, в первой рассматриваются исторические и теоретические аспекты формирования правосознания, в том числе профессионального, во второй – вопросы влияния различных факторов, от качества нормотворчества до особенностей оперативной работы, на уровень правосознания сотрудников правоохранительных органов и специальных служб. Ученые обратили особое внимание на осмысление влияния оперативно-разыскной деятельности на формирование профессионального правосознания ее субъектов. Понимая отличия как в правовом статусе, так и в содержании деятельности правоохранительных органов и специальных служб, авторы монографического исследования также исходили из наличия ряда общих закономерностей, обусловленных используемыми силами и средствами.

В целом, современная белорусская правоохранительная школа признает, что структура правового сознания человека включает в себя и компоненты, которые следует охарактеризовать как правовые знания, но также и компоненты, связанные с ценностным отношением к правовой реальности. Обращение к ценностным основаниям функционирования правового сознания личности указывает на необходимость исследования ценностей, которые существуют в обществе и воспроизводятся в сознании людей.

Законодатель, или субъект нормотворческой деятельности, формулируя норму права, ориентируется на соответствие цели и смысла нормы права существующей социальной ценности. Принятая в установленном порядке норма права, рассчитанная на толкование, воспринимается человеком на основе доступных ему правовых значений. Через соответствующие правовые значения путем толкования человек извлекает правовой смысл, определяет правовую ценность, которые заложены законодателем в норме права. Таким образом, имея представления о норме права, ее смысле и отраженных в ней ценностях, человек становится носителем правовых ценностей на нормативном уровне.

Таким образом, анализ деятельности современной белорусской правоохранительной школы свидетельствует, что ее исследования по теории правосознания, опирающиеся на различные методологические подходы, оказали существенное влияние на развитие всей белорусской юридической науки.

Список литературы

1. Борщева Е. В., Горбаток Н. А. Некоторые особенности формирования правосознания работников милиции // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2002. № 2. С. 26–31.

2. Горбаток Н. А. Повышение уровня профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел – основа качества правоохранительной деятельности // Милиции Беларуси 90 лет: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции. Минск, 2007. С. 181–186.

3. Горбаток Н. А. Методологические особенности исследования состояния правосознания в контексте развития современной юриспруденции / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сборник научных трудов. Минск : Академия МВД, 2017. С. 45–55.

4. Борщев Е. В. Правосознание как фактор формирования правового государства : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Минск, 2000. 22 с.

5. Ефременко Е. М. Правосознание учащейся молодежи: теоретические основы и особенности формирования : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Минск, 2004. 21 с.

6. Козел А. А. Правовая культура личности как результат правовой социализации // Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции, 14 мая 2021 г. / под ред. И. А. Демидова [и др.]. Могилев : Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2021. С. 56–60.

7. Козел А. А. Правосознание сотрудника правоохранительных органов: структура и сущность / под ред. А. В. Яскевич [и др.] // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тезисы докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию милиции Беларуси. Минск : Академия МВД, 2017. С. 54–55.

8. Козел А. А. Методологические принципы исследования правосознания // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Минск : Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2018. С. 21–22.

9. Григорьев А. В. Органы внутренних дел в механизме белорусского государства : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Минск, 2015. 26 с.

10. Воропаев Д. А. Усмотрение и справедливость правоприменительного решения в деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Минск, 2016. 25 с.

11. Проблемы формирования профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов и специальных служб / [Е. В. Боровая и др.] ; под общ. ред. В. С. Гайдельцова. Минск : Академия МВД, 2020. 119 с.

Клименко А. И.[1]*,*
начальник кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Сегодня актуальным представляется вопрос о содержательных характеристиках правосознания российского общества. На его содержание сейчас влияют самые разные факторы как на уровне правовой психологии, так и на уровне идей и ценностей, концепций и теоретических построений. В современной науке можно встретить различные классификации таких факторов.

По характеру влияния к таким факторам относятся деструктивные и конструктивные факторы. Конструктивные факторы укрепляют ценностный строй правосознания, правовую идеологию и в целом обеспечивают соответствие содержания правосознания правовой действительности. Деструктивные вызывают противоречия в содержании правосознания, разрушают ценностную иерархию, затрудняют понимание правовой действительности различными деструктивными мифопостроениями и т. д.

По временной протяженности воздействия можно выделить долговременные и кратковременные факторы. И они могут также воздействовать с разной степенью интенсивности.

Имеет смысл также классифицировать факторы, оказывающие влияние на содержание правосознания, на закономерные и случайные. Первые являются неустранимыми и вместе с тем предсказуемыми, а вторые могут быть устранены, однако их характеризует непредсказуемость, и это их качество создает определенные сложности в плане их усиления (если это конструктивные факторы) или, напротив, ослабления их влияния (если это факторы деструктивные)

По степени значимости и фундаментальности воздействия выделяют первичные и вторичные факторы. В качестве первичных выступают социальная реальность и факторы, связанные с правовой действительностью. В качестве вторичных – идеология и идеологическое воздействие государства и иных социальных факторов, информационная манипуляция и др. Эта классификация будет для нас основной. Поэтому далее именно на ней и будут основаны наши рассуждения.

Правосознание в своем содержании отражает социальную реальность и выражает правовую действительность. Социальная реальность отражается правосознанием в правовых чувствах, ощущениях, идеях, категориях, понятиях, образующих содержание правосознания.

Следует подчеркнуть, что правовая действительность не тождественна правовой реальности. Правовая действительность умопостигаема и выступает в качестве ценностного каркаса содержания правосознания. Правовые ценности современного общества формируются в результате публичного правового дискурса.

---

[1] © Клименко А. И., 2023.

Ценностный образ права выступает как критерий оценки социальной реальности, которая, отражаясь в правосознании, предстает как правовая реальность.

Дело в том, что картина социальной реальности первоначально воспринимается не диалектически. Однако через понимание общественных отношений, имеющих правовое значение в их системе и развитии [5, с. 52] правовой жизни, в ее динамике и многообразии связей можно сформировать диалектическую картину права и правовой жизни, определить его (права) потенциал и идентифицировать действительную реальность (подлинную и функционально состоятельную) и не реальную действительность (как закономерную потенцию развития правовой жизни общества), отграничив эти компоненты действительного права от других компонентов социальной реальности, а именно от недействительной реальности (которая характеризуется видимостью, неподлинностью и функциональной несостоятельностью). Здесь можно вспомнить слова Г. В. Ф. Гегеля: «То, что действительно, *может действовать*; свою действительность нечто высказывает *через то, что оно производит*» [3, с. 193]. Именно через понимание системы конвенциональных правовых ценностей в определенной правовой традиции (эти ценности могут различаться в различных традициях права) достигается понимание подлинного права и правовой жизни – того, что можно определить как правовую действительность.

Говоря о Российской правовой традиции, следует обратить внимание на Конституцию Российской Федерации [1] и Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2]. В этих источниках получили выражение базовые правовые ценности российского общества, сформированные в процессе публичного правового дискурса. Следует отдельно подчеркнуть, что рассматриваемый Указ Президента предполагает возможность корректировки политики в области ценностей не чаще чем раз в шесть лет, что, с одной стороны, гарантирует определенную идеологическую стабильность, а с другой – показывает то, что ценностные основания современного общества с его развитием закономерно могут изменяться под воздействием различных факторов.

Таким образом, следует констатировать, что, с одной стороны, на содержание правосознания влияет социальная реальность, а с другой – осмысление системных связей и развития картины этой реальности, понимаемое через развитие (определяемых материальными условиями жизни людей, порождающих интересы и потребности социальных акторов) правовых ценностей, формируемых в процессе правового дискурса в столкновении и согласовании этих интересов и потребностей социальных акторов [4, с. 7].

Помимо первичных факторов (правовой реальности и правовой действительности) на правосознание влияют и факторы вторичные – среди них, конечно, идеологические, которые носят, как правило, случайный и деструктивный характер. Это идеологическое воздействие и манипулятивное воздействие на содержание общественного правосознания, которые привносят в содержание правосознания элементы, не согласующиеся с правовой действительностью.

В процессе правового дискурса сталкиваются и согласуются интересы наиболее существенных социальных акторов. И воздействие на содержание правосознания

«внешних» по отношению к конкретному политически организованному обществу акторов и их агентов особенно на ценностном уровне всегда деструктивно и искажает понимание правовой действительности. Ценности, сформированные в правовой традиции другого общества, исходя из его условий и специфики материального и духовного развития, не могут быть в полной мере релевантными для российской правовой традиции.

Тем не менее, сегодня мы наблюдаем достаточно сильное влияние идеологических функций других государств, направленных на нашу страну и проявляющихся в информационном пространстве России. Опасность этого воздействия заключается в нарушении баланса национального правового дискурса, посредством привнесения мнимых (фиктивных) ценностей, за которыми не стоят реальные интересы и потребности российских социальных акторов. Для того, чтобы преодолеть данную проблему, вполне оправданно и закономерно используются как идеологические (пропаганда и идейно-дискурсивная защита традиционных ценностей российского общества), так и юридические средства (маркировка иностранных агентов, различного рода ограничения деятельности экстремистских трансляторов ценностно значимой информации и дезинформации и др.).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906.

3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. Т. 2. Учение о сущности. М. : Мысль, 1971. 248 с.

4. Калиниченко И. А., Зиборов О. В., Клименко А. И. Материалистический подход и идеалистические концепции в современной теоретико-исторической правовой науке // История государства и права. 2022. № 11. С. 3–9.

5. Корнфорт М. Диалектический материализм. М. : Издательство иностранной литературы, 1957. 498 с.

Ромашов Р. А.[1]*,*
профессор кафедры теории права
и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского Гуманитарного Университета профсоюзов,
доктор юридических наук, профессор

ТРАДИЦИОННОСТЬ И ДИСКРЕТНОСТЬ РОССИЙСКОГО ПРАВА И ПРАВОСОЗНАНИЯ

Бог умер, идея умерла, но правду и справедливость
в России по-прежнему ценят и уважают.
А. В. Корнев

Категории классика – постклассика – постнеклассика, модерн – постмодерн достаточно часто используются в трудах современных отечественных исследователей в сфере социо-гуманитаристики, в том числе, работающих в области теории права [1–7]. При этом, говоря о классических, постклассических, постнеклассических, модернистских, постмодернистских юридических исследованиях, авторы, как правило, исходят из факта самоочевидности самих перечисленных понятий как собственно юридических категорий. Столь же очевидным представляется и то, что во всех названных подходах речь идет об одних и тех же предметных областях познания, а именно о праве как формализованной социально-регулятивной системе (правопонимание) и логической умозрительной конструкции (правосознание). Вместе с тем, при более пристальном рассмотрении выясняется, что представители различных подходов наполняют одни и те же слова различным смысловым содержанием. Получается, что и «классики», и «постклассики», и «постнеклассики», равно как и «модернисты» с «постмодернистами», используют в своих рассуждениях слова «право» и «правосознание», однако вкладывают в них различные, зачастую взаимно исключающие смысловые коннотации. При этом соотношение перечисленных модельных порядков может носить как непрерывный (линейный, традиционный), так и прерывистый (дискретный) характер. Линейная трансформация представлений о праве и правосознании характерна для западной (буржуазно-либеральной) юридической науки, сложившейся в странах Западной Европы и Северной Америки. Для государств, расположенных в пределах названных регионов, переход от классического понимания права и правосознания к постклассическому, а затем к постнеклассическому носил эволюционный характер и не привязывался к глобальным политическим катаклизмам. Российская государственно-правовая система относится к дискретным образованиям. Российская империя, РСФСР (СССР), Российская Федерация – это не просто разные названия одного и того же государства, а разные социально-культурные образования, не связанные единой политической и правовой традицией. При таком подходе имперская классика, советская постклассика, современная российская постнеклассика – это самостоятельные конструкции, соотношение которых предполагает фактическое отрицание

[1] © Ромашов Р. А., 2023.

последующей моделью теоретического и практического опыта, накопленного предыдущей.

Задавшись целью отыскать критерий, позволяющий относить ту или иную позицию, в рамках которой осуществляется характеристика права и правосознания к юридической классике, автор обнаружил статью «Критерий классичности русской литературы в российском и советском литературоведении», в которой высказывалась достаточно интересная, хотя и весьма неоднозначная точка зрения: «Правящие классы и России и СССР, при всех их радикальных противоречиях, были едины в одном, они исповедовали европоцентризм… И эти правящие классы использовали в качестве фильтра для определения литературных произведений как классических оценку этих произведений на Западе» [8].

Если высказанную точку зрения взять за основу дальнейших рассуждений, то с достаточно высокой степенью достоверности можно утверждать, что российское право, правосознание, как, впрочем, и юриспруденция в целом в своем современном понимании, представляются продуктами либерально-буржуазной (западной) правовой культуры, которой российская юридическая наука обязана такими понятиями, как естественное право, правовое государство, права человека и гражданина, разделение властей, конституция и др. Будучи рожденными в процессе буржуазных революционных преобразований в государствах континентальной Европы и Северной Америки, эти и связанные с ними понятия в ходе полито- и правогенеза приобрели характер общечеловеческих ценностей и в настоящее время используются в конституционных актах практически всех государств, независимо от формы правления, административно-территориального устройства, политического режима, идеологии и религии.

Система правовых ценностей, сложившихся в ходе буржуазно-демократических преобразований, получила распространение во всем мире и может рассматриваться в качестве классической, в том числе с точки зрения ее восприятия российской дореволюционной и современной юриспруденцией, которые в основе своей опирались и опираются на фундаментальные институциональные каноны, ценностные приоритеты и принципы, сложившиеся в образовательно-научной системе западно-европейского (преимущественно германского) и англо-американского права. Однако, отмечая сходность в области теоретических правовых конструкций, а также базовых принципов правотворческой и правореализационной деятельности в Российской империи (на стадии формирования капиталистической системы экономики) и в Российской Федерации (на аналогичном этапе экономической трансформации), следует рассматривать названные государственно-правовые системы в качестве дискретных циклов, не связанных общей традицией ни в области государственного устройства, ни в сфере понимания права и правосознания.

Формирование юридической концепции правопонимания в Российской империи происходило под воздействием двух самостоятельных тенденций: традиционной – право как возведенная в закон воля Государя [9, с. 117] и новационной, основанной на рецепции западного правового опыта как в теоретической, так и в практической юриспруденции [10, с. 23]. Кроме того, социально-классовое структурирование имперских подданных на «благородных» (светская

и духовная аристократия) и «простых» не могло не повлиять на природу правосознания представителей различных социальных групп, оперировавших в своих логических построениях противоречивыми целевыми и ценностными установкам. Такие противоречия вели к тому, что понимание и субъективная оценка права в целом и юридического процесса в частности «благородными» и «простыми» осуществлялась на основании стереотипов, исключающих приведение к единому правовому порядку. То, что воспринималось в праве в качестве легитимного, а значит, справедливого «благородными», отвергалось «простыми», и наоборот.

Попытку перейти от классической к постклассической модели правопонимания и правосознания предприняли отцы-основатели советской социалистической государственно-правовой системы, отрицающей «классическое буржуазное» право «эксплуататорского» государства, основанного на праве частной собственности и экономической эксплуатации человека человеком [11].

Советское социалистического право в реальности может рассматриваться в качестве постклассического. При этом переход от классической юриспруденции Российской империи, сложившейся на основе европейской, и прежде всего немецкой юридической школы к постклассической, осуществлялся не эволюционным, а революционным путем, предполагавшим пресечение национальной правовой традиции, разрушенной новой властью вместе с ее носителями: имперским русским государством и имперским русским народом, объединенными известной триадой графа Уварова «православие, самодержавие, народность».

Советская юриспруденция, отринув свою «имперскую предшественницу», равно как и породившую ее западную (буржуазную) юридическую науку и практику, тем не менее заимствовала у названных систем ряд правовых форм (конституция, народное представительство, политическая партия, демократия, федерация и т. п.), наполнив их качественно отличным от аутентичных (классических) аналогов содержанием.

На смену классической модели правопонимания и правосознания, основанной на европейской юридической науке и профессиональных юридических кадрах, пришли революционное правотворчество широких народных масс, революционное правосознание и революционная законность, базировавшиеся не на научных концепциях правопонимания и нормативной юридической технике правотворческой и правореализационной деятельности, а на классово-партийной государственной идеологии, определяющей направления государственно-правового развития, задающей его ценностные приоритеты и целевые ориентиры. Авторы коллективного труда «История уголовного права» отмечали, что в порыве «народного творчества уничтожались старые и создавались новые суды, творилось… новое право… Масса требовала нового, революционного порядка, новой, революционной законности» [12, с. 9]. В условиях, когда традиционное имперское право утратило юридическую силу, а новое право советской социалистической республики еще только формировалась, в качестве фактического источника революционного права выступало правосознание лиц, наделенных функциональными полномочиями в сфере правоприменения, в первую очередь, в сфере уголовного преследования и уголовного правосудия [13]. В декрете СНК о суде

от 22 ноября 1917 г. № 1 закреплялось положение, в соответствии с которым «местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» (ст. 5). При этом, по мнению В. И. Ленина, «судить на основе революционного правосознания трудящихся классов может всякий» [14, с. 169]. По мнению Г. М. Португалова, «в творимом социалистическом праве… отсутствует простая историческая преемственность правовых институтов, резко оборванная вместе с нитью старой жизни» [15, с. 24]. В условиях обозначенной дискретности основным отличием «социалистического декрета» от «буржуазного закона» является то, что «первый не есть мудрствование законодателя, удачное или неудачное, проникнутое правополитическим заданием или своевольное… а есть претворение в статьи и параграфы того учения, которое объединяет весь трудовой народ, составляя его общественное исповедание, есть конкретизация того самого социалистического правосознания…» [15, с. 38].

Переход от системы революционной законности к социалистической получил юридическое закрепление в процессе разработки и принятия Конституции СССР 1936 г., закрепившей «окончательную победу социализма» и ознаменовавшей завершение процесса формирования нормативистской модели социалистического права, в рамках которой правосознание, утратив статус формального источника права, отошло на второй план и в дальнейшем рассматривалось преимущественно в связи с феноменом правовой культуры [16].

Во второй половине XX в. социалистическое право представляло собой мировую правовую семью, сходную с романо-германской, однако существенным образом отличную от нее. По мнению Р. Давида, «единственным источником социалистического права является революционное творчество законодателя, которое выражает волю народа, руководимого коммунистической партией. В соответствии с доктриной марксизма-ленинизма, являющейся официальной, законодатель стремится прежде всего создать новый экономический строй. Средства производства обобществлены… Частное право уступает господствующее место праву публичному» [17, с. 15]. Социалистическое правосознание представляло собой специфическую форму отражения социалистического права, в которой сочетались традиционное нигилистическое отношение к нормативному тексту законодательного акта со столь же традиционной верой в правовую справедливость, базовые положения которой получили свое закрепление в Моральном кодексе строителя коммунизма [18–19].

Современная российская юриспруденция, сформировавшаяся в ходе масштабных изменений национальной государственно-правовой системы, может рассматриваться в качестве постнеклассической. Перестав быть советской социалистической, она не вернулась к классической западной романо-германской форме, характерной для правовой системы Российской империи.

В теории правопонимания ортодоксальный нормативизм сменился плюрализмом, с акцентом на юснатурализм и социологический правовой реализм [20]. Вместе с тем в практике правоприменения продолжает доминировать позитивистский

тип правопонимания, в рамках которого источниками права считаются документальные юридические формы (нормативно-правовые акты, нормативные договоры), реализуемые как в непосредственных (исполнение, соблюдение, использование), так и в опосредованных (применение) правоотношениях [21].

Закрепление на конституционном уровне права частной собственности и экономической свободы по сути означает переход к капиталистической экономике, в рамках которой существует классовый антагонизм между эксплуататорами (владельцами средств производства и финансовых капиталов) и эксплуатируемыми (наемными работниками). В складывающейся ситуации право, по идее, должно рассматриваться в качестве инструмента, при помощи которого эксплуататорское государство осуществляет угнетение эксплуатируемых народных масс. Применительно к правосознанию отмеченная особенность правопонимания обусловливает специфику соотношения правовой психологии и правовой идеологии. Последняя отражает отношение к праву со стороны государства, стремящегося подвести под единый правовой стандарт правовые воззрения представителей различных социальных групп, формально соединенных в конструкции «народ Российской Федерации», однако на практике выступающих в качестве носителей не только не совпадающих, но и вступающих в серьезные противоречия ценностных и целевых установок [22]. Такие противоречия, в свою очередь, означают необходимость разграничения субъектов правовой психологии на лиц, поддерживающих исходящую от государства правовую политику, и тех, кто ее критикует, занимая по отношению к официальному праву нигилистическую позицию. Подобное разграничение актуализирует проблему легитимности современного российского права [23, с. 8], суть которой заключается в восприятии как самих правовых актов, так и в принимаемых на их основе правоприменительных решений, в качестве справедливого порядка обычными людьми, составляющими «глубинный российский (русский) народ» [24], традиционно отделенный от аппарата государственной власти, «замкнутого» в своей организации и деятельности на персонифицированного главу государства, наименование должности которого на различных этапах исторического развития российского государства не меняет функционального наполнения фигуры «Государя русской земли и русского народа» [25, с. 188]. В условиях, когда «сознание правоприменителей имеет бóльшее значение, чем текст закона, – их корпоративные интересы при толковании норм доминируют над правами поднадзорных лиц», а это в свою очередь предопределяет сочетание и, более того, взаимное дополнение формального права и властного волюнтаризма как системных элементов существующей правовой реальности. Действуя от имени «единого народа», бюрократическая власть «целенаправленно конструирует общественное мнение, формирует картину мира, наделяя юридическими значениями свою волю. Благодаря суггестивному воздействию, любая предложенная картина мира приобретает в глазах населения естественность, само собой разумеющийся характер. Тем самым социальный мир может искусственно наделяться признаками разумности и онтологической безопасности, вовсе не являясь таковым… Власть переводит социальные явления в политические, наделяя свой произвол квазиюридическим значением нормы. Средствами массовой информации любые действия субъектов публичной власти

могут объявляться жизненно необходимыми, а все негативные последствия от субъективных решений – объективными процессами. Социально-политическое господство обеспечивает монополию властных лиц на право применять насилие к нарушителям установленных ими норм от имени всего общества» [23]. Восприятие субъективным сознанием нормативного текста и его волевой интерпретации в качестве структурных элементов целостного правового единства актуализирует проблему «живого права», которое в современных российских реалиях существенно отличается как от классической (социологическая концепция О. Эрлиха) [26, с. 159], так и от постклассической (американский правовой реализм) интерпретации [27].

Применительно к сложившейся в настоящий период национальной правовой системе, конструкцию «живого российского права» следует рассматривать с учетом дифференциации правовой теории и юридической практики.

В теории права (за исключением теории правопонимания) продолжает безусловно доминировать позитивистский подход, в рамках которого формальные источники права представлены иерархией нормативных текстов (документов), подразделяемых на законы – акты высшей юридической силы и подзаконные нормативные акты. При этом аутентичный текст закона обладает приоритетным значением по отношению ко всем другим производным от него актам (доктринальным, интерпретационным, исполнительным и правоприменительным).

Вместе с тем на практике, складывается ситуация существенным образом отличающаяся от той, которая существует в отечественной теории права. Для практического правоприменителя «живыми», а стало быть, подлежащими реализации в рамках служебной деятельности, являются не абстрагированные политические акты – документы стратегического планирования (доктрины, стратегии, концепции, основы государственной политики и др.), а конкретные инструктивные положения, прописанные в должностном функционале. Кроме того, реальной силой в сфере конституционного права наделены интерпретационные акты Конституционного Суда России, не изменяющие текстуальную нормативную форму, однако существенным образом меняющие ее смысл. По мнению профессора Н. С. Бондаря, такие акты, по сути своей являющиеся облеченными в нормативную форму эманациями правосознания судей Конституционного Суда, в формальном смысле не являются законами, но по своей юридической силе, по меньшей мере, равны им [28].

В настоящее время юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе российского «живого» конституционного права включает три основных инструмента: преобразование аутентичного конституционного текста в рамках традиционной парламентской деятельности в сфере принятия и изменения федеральных конституционных законов; внесение текстуальных изменений в гл. 3–8, посредством которых осуществляется смысловая коррекция законодательных положений гл. 1, 2, которые объявлены текстуально неизменными; внесение смысловых изменений в конституционный текст путем его интерпретации Конституционным Судом России.

Во всех случаях, «живое» конституционное законодательство (так же, как и законодательство других отраслей российского права), находится в непосредственной

зависимости от государства (точнее, от его отдельных представителей, наделенных конкретными прерогативами в законотворческом процессе), которое продолжает выступать по отношению к национальному праву в целом и законодательному массиву, в частности, в качестве владетельного суверена.

И в завершение. Понимание классичности, постклассичности, постнеклассичности, равно как модерна и постмодерна, в современной российской юриспруденции представляется целесообразным осуществлять применительно к завершенным и длящимся циклам полито- и правогенеза [29]. В рамках каждого цикла формируется самостоятельная национальная правовая традиция понимания права и правосознания, делающая юридические исследования классическими и, соответственно, рождающая классиков-правоведов. Сохранят эти направления и личности свой классический статус либо канут в грядущем модернистском постврeменье, решает бесстрастная, равнодушная к субъективным оценкам история правовой науки, мгновенья которой «раздают кому позор, кому бесславье, а кому бессмертие» [30].

Список литературы

1. Стовба А. В. Классическая и неклассическая теория права // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 251–256.

2. Максимов С. И. Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 41–54.

3. Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136–153.

4. Тимошина Е. В. Классика, постклассика, неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 6–29.

5. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. Т. 4. № 8. С. 15–28.

6. Малиновская Н. В. Постмодерн и его влияние на понимание права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2 (7). С. 78–90.

7. Филичева Н. В. Модерн (к вопросу о проблеме стиля) // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2003. № 8. С. 194–208.

8. Критерий классичности русской литературы в российском и советском литературоведении // LiveJournal. URL: https://stalinist.livejournal.com/1499309.html.

9. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2010. 670 с.

10. Павкин Л. М. Особенности правового развития Российской империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 3. С. 21–24.

11. Эксплуататорский тип российского государства как основной фактор сохранения ресурсной зависимости российской экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 103–106.

12. История советского уголовного права / [А. А. Герцензон и др.]. М. : Юридическое издательство, 1948. 466 с.

13. Максимова О. Д. Революционное правосознание как источник советского права и законотворчества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-2 (47). С. 88–94.

14. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 38. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. 579 с.

15. Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петроград : Государственное издательство, 1922. 50 с.

16. Кабенко М. С. Особенности советского социалистического правосознания, обусловившие его деформацию // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 3 (28). С. 38–44.

17. Давид Р. Основные правовые системы современности. М. : Прогресс, 1988. 495 с.

18. Аверин Н. М. Советская этика: идеологический фантом или историческое наследие? // Вестник ТГУ. 2000. № 3 (19). С. 21–28.

19. Курилов В. А. «Строитель коммунизма» и «homo religiosus» в философском дискурсе марксистско-ленинской этики // Вестник Ленинградского государственного университета (ЛГУ) имени А.С. Пушкина. 2019. № 3. С. 102–116.

20. Кожевников В. В. Проблемы типов правопонимания в отечественной юриспруденции // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 4 (53). С. 4–12.

21. Мельников С. А. К вопросу о формах реализации права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 68–72.

22. Ромашова М. Р. «Государственный народ» – социальная основа государственного суверенитета и источник государственной власти // Глобализация и региональное развитие в XXI в.: векторы развития, вызовы, инновации : сборник научных статей Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и адъюнктов. Самара : Самарский государственный экономический университет, 2019. С. 367–370.

23. Легитимность права : коллективная монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2019. 496 с.

24. Ильин В. А., Морев М. В. «Интеллектуальное бессилие» правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства» // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 9–35.

25. Ромашов Р. А. Политогенез : монография. СПб. : Алетейя, 2020. 298 с.

26. Антонов М. В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма // Правоведение. 2013. № 1. С. 157–181.

27. Голдобина З. Г. Юридический прагматизм и социологическое направление в американском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2008. № 1. С. 17–26.

28. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда Российской Федерации как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4 (124). С. 75–85.

29. Правогенез: традиция, воля, закон : коллективная монография / под ред. Р. А. Ромашова. СПб. : Алетейя, 2021. 474 с.

30. Рождественский Р. Мгновения // Министерство культуры России. URL: https://www.culture.ru/poems/42594/mgnoveniya.

Сигалов К. Е.[1]*,*
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРАВОСОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КОМПЛЕКСА ПРАВОВЫХ МЕТОДОЛОГИЙ

Содержательно следует отметить, что теория правосознания имеет несколько «пластов ответственности». Во-первых, «вписанность» в теорию и философию права. Эта проблема «провисает» в правовой теории в силу ее профанизации в большинстве исследований. Во-вторых, стремление некоторой части теоретиков права понизить уровень теоретизированности проблемы, что касается не только правосознания, но и других базовых теоретических проблем. Попытки «затащить» правосознание в отраслевые сферы юриспруденции, сузить его содержание оправдываются редукционистским пониманием практической значимости правосознания. В-третьих, если уже и говорить о практической значимости правосознания, то ее значимость недостаточна. Но понимаемое в узконормативистском ключе правосознание ничего на самом деле юридической практике дать не может, кроме избитых клише. Это могло пройти, когда значимости права была ничтожна, но никак не может действовать сейчас. Ведь для одной группы людей право – это система мировоззрения, для другой – система нормативных актов, для третьей – система запретов, для четвертой – абсолютно чуждое явление, для пятых – система уголовных квазинорм, для шестых – пустое понятие. Но и таких страт может быть больше. При этом и понимание, и сознание права имеют большую вариативность, социально-стратовую определенность и индивидуализированность. То есть понимание существа права у различных представителей одной и той же социальной или профессиональной группы может быть различным и порой принципиально. Отсюда и теоретические споры, и профессиональные разногласия, и различные политические пристрастия, которые формируются именно на различии в понимании существа права различными людьми в их индивидуализированном восприятии.

Понимание права связано с видением правовой реальности. Но для одних эта правовая реальность – необходимость соблюдения законов и/или борьба за совершенствование законодательства, для других – стремление нарушать законы (криминальная и квазикриминальная среда, с одной стороны, и «мажорная» среда – с другой), для третьих – это понимание того, как можно злоупотреблять правом, подстраивая его под себя.

Это принципиально различные формы правового мышления, внутри которых функционируют все типы мышления (нормативное, ценностное, принципиально-установочное, оценочное, деятельностно-мотивирующее). Так, например, столкновение двух принципиально различных концепций развития кредитно-банковской системы на уровне правовой аргументации «накрывает» все представленные типы правового мышления, и у тех, и у других есть свои аргументы

---

[1] © Сигалов К. Е., 2023.

принципов развития гражданского общества, перспектив высшего образования, наукометрии и т. д.

Понимание правосознания есть реальный предмет философии права. Наверное, кому-то эта мысль покажется революционной, но на самом деле – это просто феномен нормальности. В действительности, теория правосознания есть верхний этаж того гносеологического знания, которое называется наукой о праве. Закономерно, что этот этаж может постигаться только философией. Возможно, то, что постигается криминологией и социологией, нуждается в других названиях (в каждом случае – в своем), или это просто низший этаж в понимании правосознания как изучаемого конкретного феномена, применяемого к конкретным социальным, демографическим, криминальным или некриминальным группам населения. Без философского обоснования право теряет свою основу, оно приносится в жертву политическим интригам и обстоятельствам неправового свойства. Свидетельством этого являются всем известные события последнего времени в международных отношениях, экономике, культуре и спорте. «Философия – камертон эпохи. Смена принципов и духа философствования является прямым свидетельством идейного кризиса (если не катастрофы) общества, его духовности. Под влиянием этого процесса происходят сущностные изменения и во всех сферах общественной жизни» [1, с. 139]. Исключительная роль философии состоит не в том, что она выступает в роли некого обязательного богословского элемента, ссылок на непререкаемые авторитеты, а исключительно как философская рефлексия на любые явления сложного характера, в нашем случае – на правовые явления. Исследователь прибегает к философии, когда уже во многом действительно разобрался, желает понять большее, выработать свой собственный взгляд или даже открыть нечто новое.

Методологии в понимании правосознания имеют собственные определения в каждом конкретном случае, «отвечают» за собственные параметры осознания права личностью, социальной группой и обществом в целом. Без этого реально обойтись невозможно, и сегодня даже махровые юридические позитивисты вынуждены соглашаться с этим, в научные исследования требуется обязательное включение используемых методологий. Любая научная работа требует указания того, как и с помощью каких именно методологий проведено данное исследование. Разумеется, в реальном познании любой правовой проблемы не следует думать, что эти методологии разобщены, что они «лежат на разных полках». Просто мы вычленяем проблему и рассматриваем различные ее аспекты с помощью этих методологий. Далее, я бы предложил к имеющимся каноническим методологиям добавить синергетическую методологию как некий новый метод исследования – мало изученный, но реально существующий. Думаю, что по ходу исследования могут появиться и представления о каких-то иных методологиях, например, сопряженной с цифровизацией или влиянием внеземных цивилизаций.

Наверное, самое благодатное поле в раскрытии правосознания у *исторической методологии*, хотя здесь есть масса подводных камней: 1) на самом деле историю знают мало и плохо, хотя уверены в том, что ее хоть как-то знают; 2) мало кто признает, что история – не только и не столько наука о прошлом; в первую очередь – это наука о будущем, и именно в этом ее основной

методологический посыл; 3) историческая методология должна распространять свое влияние не только на общественное, но и на индивидуальное правосознание – а отсюда и выходы на другие методологии. В контекст исторической методологии вписана и *культурологическая методология*, определяющая правосознание как фактор широкого анализа культуры в целом и правовых культур как концептов цивилизационной и национальной самоидентификации.

Системная методология позволяет взглянуть на теорию правосознания в целостности, как на систему разноуровневых восприятий права человеком, рассмотрение человеком себя в праве, права в себе, представление о том, каково представление о праве в той социальной группе, к которой человек относит себя, и его представление об общественном сознании в целом и своем месте в нем.

Герменевтическая методология является одной из основополагающих правовых методологий в понимании правосознания, ибо проблема понимания и скрупулезной работы с текстом – это суть правовой деятельности.

Применение *антропологической* методологии в теории правосознания позволяет дихотомию «общество – человек» рассматривать как поиск своего места в комплексе социальных связей и отношений.

Аксиологическая методология – одна из тех, которые наиболее целостно корреспондируют правосознанию возможности взаимодействия с окружающим миром, взаимодействие с социумом, определяет, насколько ценностно правосознание для индивида во всем многообразии его смыслов.

Для *социологической методологии* характерно измерение состояния человека в социуме, возможностей подтверждения практикой умозрительных заключений и сущности права и человека в нем.

Формально-логическая методология формирует адекватный понятийный аппарат правосознания и выстраивает систему правосознания на разных уровнях и в разных средах.

Задача *диалектической методологии* состоит в рассмотрении противоречивых тенденций в теории правосознания, рассматривает правосознание как целостный феномен в его становлении, развитии и борьбе противоположных тенденций, статике и застое, позволяет рассматривать правосознание в целостности, как единый феномен. Только применяя эту методологию, можно воспринимать правосознание в становлении, развитии и в то же время – в статике.

Использование *феноменологической методологии* для постижения существа правосознания предполагает, что применяющий ее исследователь понимает право и доктринально, и практически, и интуитивно. Эта методология основывается не только на знаниях в области философии, истории, теории права, но и в умении их адекватно применять и сочетать.

Синергетическая методология позволяет рассматривать правосознание в контексте саморазвития и права как социокультурного развития в постоянном развитии – как прогнозируемом, так и непрогнозируемом, так и правосознания в ситуациях многоаспектности и непредсказуемости в силу массы разнофакторных и разновеликих феноменов социальности. Синергетическая методология определяет алгоритмы предпочтения, которые носят как закономерный, так и стахостический

характер, определяется факторами бифуркации и основаниями случайного аттрактора, неизбежных при выборе пути развития.

Список литературы

1. Малахов В. П. Право в контексте форм общественного сознания. Принципы правопонимания. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2015. 157 с.

Лановая Г. М.[1],
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВА В ПРАВОСОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА

Соприкосновение с правозначимыми институтами, явлениями и процессами неизменно сопряжено для человека с их репрезентацией в образах, моделях, символах. Репрезентанты не только представляют, но и замещают собой для человека правовую реальность, поэтому именно они (а не сами институты, явления и процессы) оказывают определяющее влияние на когнитивные процессы – восприятие правовой реальности, правовое мышление и т. д. Поскольку репрезентанты в определенном смысле управляют человеческой деятельностью, выступают посредниками в правовой коммуникации, постольку осмысление того, как именно репрезентуются правосознанием определенные явления или процессы, имеет значимость как для глубокого познания самого правосознания, так и для реконструкции репрезентуемых явлений и процессов в том виде, каковы они есть, различения реальности и тех моделей, символов, в которых она представлена.

Для понимания особенностей правосознания человека эпохи постиндустриализма, равно как и для осмысления реальности, в которой он живет, большое значение имеет уяснение того, каким образом им репрезентуется государство. Это связано с тем, что в условиях постиндустриализма, характеризующихся постоянными серьезными изменениями всех сфер жизнедеятельности, человек перманентно находится в ситуации неопределенности и риска, а в таких ситуациях он неизменно начинает придавать государству роль действенного института, позволяющего уменьшить рискованность любых неблагоприятных исходов, предотвратить наиболее тяжелые последствия негативно влияющих на жизнь событий. В описываемых условиях действенность права увязывается правосознанием с существованием и эффективным функционированием государства, а репрезентанты государства оказываются для правового сознания значимыми смысловыми единицами, несмотря на то, что сам по себе связанный с ними институт по природе является не правовым, а политическим.

То, что государство – не правовой по своей природе институт, не лишает правосознание возможности репрезентовать его. Точно так же, как политическое сознание способно осмысливать право [4, с. 15–20], правовое сознание может осмысливать политические институты и отношения: объектом отражения и постижения для него выступает не правовое, а правозначимое.

Однако институты и отношения, не имеющие правовой природы, для правового сознания значимы лишь в контексте связи с собственно правовыми феноменами. При этом то, связь с какими именно феноменами обусловливает характер репрезентантов тех или иных правозначимых институтов или отношений, в значительной мере зависит от культурного и исторического контекста: несмотря на

[1] © Лановая Г. М., 2023.

то что репрезентация – субъектный процесс, лежащие в его основе субъективный опыт, осмысление, переживания в значительной мере формируются и изменяются под влиянием среды, в которую субъект погружен, в которой протекает его социализация и в которой он осуществляет свою деятельность.

Сказанное в полной мере относится к государству, особенности репрезентации которого в правосознании человека сегодня во многом определяются теми трансформациями, которые претерпевают правовая реальность и правовая идеология постиндустриального общества.

Репрезентантами государства в правосознании человека, живущего в эпоху постиндустриализма, выступают:

– во-первых, пространство, объединенное общим правом. Этот репрезентант государства близок характерному для эпохи индустриализации образу государства как «обезличенного порядка социальной организации», в котором все члены данной организации занимают «предназначенные для них места» [6, с. 69–70]. Однако в эпоху постиндустриализма государство для человека предстает не организацией, сопричастность к которой он ощущает, а локацией, в которой он пребывает в качестве персонализированного субъекта. Утрированный антропоцентризм, являющийся приметой постиндустриального общества, способствует тому, что государство как пространство предстает для человека лишь средой обитания, в которой предсказуемость и безопасность обеспечиваются общеобязательностью обезличенных и единых для всех проживающих в нем правил;

– во-вторых, бюрократический аппарат, действующий посредством права и на его основе. При этом право в данном контексте предстает именно как система формально определенных юридических норм, а не как система общепризнанных ценностей, мера свободы и справедливости, гарантия прав и свобод человека. Опора на право рассматривается в качестве источника силы, мощи государственного аппарата, призванного в условиях перманентных изменений не только стабилизировать общественные отношения, придавая им упорядоченность, но также решать широкий круг других значимых для обеспечения благополучного существования человека задач;

– в-третьих, механизм воспроизводства и приведения в действие права. Несмотря на то что в обществе эпохи постиндустриализма государство не является единственным источником права (так, в продуцировании международного права участвуют наднациональные организации, а занимающиеся экономической деятельностью юридические лица создают собственное корпоративное (внутрифирменное) право), государство устойчиво ассоциируется с осуществлением правотворчества и правоприменением. Как следствие, оно воспринимается в качестве гаранта эффективного действия права, причем последнее связывается в сознании человека прежде всего со стабильностью, безопасностью и порядком, потребность в которых человек ощущает в ситуации перманентно происходящих вокруг него изменений;

– в-четвертых, «сервис» правообеспечения и правозащиты. В условиях постиндустриализма человек становится все более психологически уязвимым, и вследствие этого значимость прав и свобод, их реализации и защиты для него существенно возрастает. При этом индивид утрачивает присущую ему активность,

а также интерес к социальным связям, не стремится к установлению и поддержанию этих связей, хотя априори не может удовлетворить существующие у него притязания, воспринимаемые в качестве прав, иначе как через эти связи, создавая и поддерживая их собственными усилиями. В описываемой ситуации человек ожидает от государства не только отказа от вмешательства в реализацию собственных прав, но и замещения себя в их осуществлении и защите, рассматривая такую помощь как «услугу», которую он вправе требовать в качестве оплаченной собственными налоговыми отчислениями.

При всей многоликости государства многие образы и модели, ранее бывшие его репрезентантами в правосознании, в условиях постиндустриального общества утрачивают свою значимость. Так, в условиях формализации и технократизации общественной жизни на второй план отходит образ государства как специфического феномена политико-правовой культуры общества. Осознание гражданами того, что многие государства утрачивают реальную власть, которая оказывается сосредоточенной «в руках наднациональных организаций недемократического характера, таких как Европейский Союз, в руках судей Европейского Суда по правам человека, а также экономических структур» [5, с. 12], делает малозначимым для репрезентации государства в правосознании человека эпохи постиндустриализма образ государства как субъекта международного права. Следствием того, что в массовом сознании снижается доверие к демократии и она перестает восприниматься в качестве «абсолютно необходимой» [1, с. 12; 5, с. 13], становится утрата значимости для правосознания образа государства как народа – суверенной объединенной общей историей общности равноправных граждан.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что репрезентанты государства, типичные для правосознания человека, живущего в эпоху постиндустриализма, не просто принципиально отличны от тех образов, которые были значимы для репрезентации государства на более ранних исторических этапах развития общества, они становятся основой возникновения в массовом сознании искаженных представлений о характере связи современного государства с правом, его отношениях с человеком и обществом, его функциональных возможностях. Такие представления, равно как и последствия их воспроизводства, являются самостоятельным предметом научного анализа, поэтому ограничимся примерами.

Опора бюрократического аппарата на право рассматривается в качестве источника силы, мощи государства. Предполагается, что она позволяет государству более эффективно решать задачи правообеспечительной и правозащитной направленности. Однако, в условиях постиндустриализации существенно повышается вероятность превращения опирающегося на право «сильного» государства в тотальное, поскольку уровень развития технологий позволяет легально контролировать человека не только в публичном, но и в частном пространстве, а граница между публичным и частным размывается.

Усиление государства на практике нередко связано с возникновением дополнительных угроз правам и свободам человека, даже если его необходимость и неизбежность объективно продиктованы потребностью в защите других прав и свобод, обеспечением безопасности общества и государства. Показательным

примером в этом плане является то, как события 11 сентября 2001 г. породили в США явление, для описания которого максимально точно подходит термин «надзорная чрезвычайщина» [2, с. 155].

В ситуации, когда эффективность права в обеспечении стабильности и безопасности воспринимается в качестве критерия эффективности государства, но названные состояния вследствие перманентного изменения системы общественных отношений априори оказываются недостижимыми, возникают предпосылки для снижения авторитета государства. При этом человек, живущий в эпоху постиндустриализма, не принимает во внимание того, что, чем менее стабильной и определенной является среда, в которой существует государство, тем менее вероятным становится то, что оно окажется способным вовремя реагировать на изменение условий и возникновение в этой связи факторов, негативно влияющих на жизнь человека.

Перекладывая на государство заботу об осуществлении и защите собственных прав, человек перестает отдавать себе отчет в том, что реализация прав зависит прежде всего от активности усилий их носителя. Как следствие, индивид не понимает, что разрыв между идеологией прав человека и реальной практикой их осуществления не может быть компенсирован возложением на органы и должностных лиц государства обязанностей правообеспечения и правозащиты. В описываемой ситуации постоянное увеличение существующего разрыва оказывается неизбежным.

Массовым сознанием не осмысливается тот факт, что в условиях включенности государств в сеть международных институтов и наднациональных организаций реальный процесс принятия политических решений, связанных с организацией жизнедеятельности общества и способствующих решению волнующих человека проблем, «происходит в сетях взаимодействия между национальными, наднациональными, международными, межнациональными, региональными и локальными институтами при одновременном втягивании в него организаций гражданского общества» [3, с. 86]. Как следствие, сокращается круг тех возможностей по воспроизводству и приведению в действие права, которые современное государство в реальности может использовать для разрешения значимых для него внутренних проблем, а также уменьшается способность общества влиять на правотворческую деятельность государственного аппарата.

В заключение следует подчеркнуть, что многие значимые для человека эпохи постиндустриализма модели не являются продуктом осмысления государства правовым сознанием. Например, либерально-демократическое государство является репрезентантом государства в политическом сознании, сервисное государство – в экономическом сознании, социальное государство – в моральном сознании, цифровое государство – в научном сознании. То, что в целом перечисленные модели для человека эпохи постиндустриализма оказываются важнее тех моделей, которые выступают репрезентантами государства в правовом сознании, свидетельствует о том, что в целом правовые аспекты жизни для индивида становятся менее значимыми, чем ранее.

Список литературы

1. Данн Дж. Не очаровываться демократией. М. : Издательство Института Гайдара, 2016. 156 с.
2. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М. : Издательство Института Гайдара, 2022. 781 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 590 с.
4. Малахов В. П. Право в контексте форм общественного сознания. Принцип правопонимания. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2015. 159 с.
5. Матье Б. Право против демократии? М. : Норма, 2021. 200 с.
6. Ромашов Р. А. Политогенез : монография. СПб. : Алетейя, 2020. 298 с.

Фролова Е. А.[1]*,*
заведующий кафедрой
теории государства и права и политологии юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

КАТЕГОРИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Понятие и природа правосознания

Тема правового сознания неотделима от жизни каждого человека. Прав был И. А. Ильин, когда писал: «Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить – значит для человека жить правосознанием, в его функциях и его терминах…» [1, с. 163].

В научной литературе под правосознанием принято понимать совокупность воззрений, убеждений, эмоций, настроений, оценок в сфере права и государства. Единства во взглядах на правовое сознание нет: под ним понимают нормы естественного права, официальное и неофициальное право, информацию о позитивном праве, область морали, содержащую оценки права, идеальные правовые построения и др. Столь широкий подход к трактовке правового сознания предполагает его исследование с позиции разных правовых школ и направлений. В целом можно отметить, что феномен правосознания:

– отождествляется с предписаниями естественного права;
– выступает знанием норм действующего права;
– является разновидностью морали и с этих позиций оценивает позитивное право.

Разные суждения о содержании правосознания влияют на понимание его природы и содержания (например, является ли правовое сознание только отражением системы действующих правовых норм на массовом (обыденном), профессиональном, доктринальном уровнях, или правовое сознание несет в себе самостоятельную функциональную нагрузку, активно влияя на политико-правовую реальность).

Правосознание содержит оценочные суждения о праве и рассматривается в системе категорий должного и сущего. Область правового сознания – это элемент культуры, т. е. факт, относящийся к категории ценности. Независимо от того, насколько реальное право справедливо или несправедливо, его смысл и назначение заключается в том, чтобы быть справедливым – правосознание должно вобрать в себя и реализовать идею права. Этот аспект подчеркивал немецкий юрист Р. Штаммлер: «Всякое установленное право по понятию своему есть попытка быть справедливым правом» [8, с. 85]. Стоит заметить, что правовое сознание (при любом понимании его содержания) имеет оценочный характер и потому по своей сути нормативно.

---

[1] © Фролова Е. А., 2023.

Правосознание и принципы права

Феномен правового сознания исследуется как область ценностных суждений (оценки действительности) и как факт бытия (явления государства и права). Для того, чтобы правовое сознание было творческим и деятельным, оно должно основываться на общезначимых *принципах* [5, с. 37–71; 6]. Эти основополагающие начала (принципы) складываются в сознании народа и проявляются на практике независимо от их закрепления в действующем законодательстве. Правовое сознание всех уровней основывается на единых общезначимых положениях, которые одновременно образуют фундамент правовой культуры народа. Как правило, предписания выстраиваются на заповедях личной справедливости, которые определяют качества добропорядочного человека как основу не только правового сознания, но и всей духовной жизни человека.

В политико-правовой мысли *юридическое* значение принципы правосознания впервые получают со времен деятельности римских юристов, суть которых (принципов) лаконично высказал Ульпиан: «Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать должное» [2, с. 54; 7, с. 71–76]. С точки зрения массового правосознания эти три постулата едины, но, используя кантианскую методологию [3, с. 146, 450], можно придать особое значение каждому принципу в отдельности и, тем самым, глубже уяснить содержание этих принципов:

1. Жить честно. В римском праве данный принцип связывался с добродетелью, нравственным характером поведения человека. Суть этого положения заключалась в том, чтобы сознательно и добровольно подчиняться праву – на уровне правового сознания не допускалось нарушений права и высказывалась идея сделать добровольное недопущение зла чертой характера человека. Впоследствии содержание этого принципа расширилось: добровольное подчинение требованиям права дополняется долженствованием морально-правового признания – необходимости сохранения в отношениях с другими своего достоинства как человека. «Не делай себя только средством для других, а одновременно будь для них и целью» (Кант). Добропорядочный человек не только сам не поступает несправедливо по отношению к другим лицам, но и не допускает унижения своего достоинства.

2. Ни с кем не поступать несправедливо. Этот принцип основывается на правовом признании других лиц – «Будь лицом и уважай другого в качестве лица» – одно из главных положений абстрактного права объективного духа философии права Гегеля. Кроме того, предполагается, что естественный характер основных прав и свобод человека не допускает каких-либо изъятий и исключений их со стороны государства.

3. Воздавать каждому должное. Данный принцип восходит к учению Платона и сводится к необходимости выполнения каждым своей задачи, вмененной со стороны Целого. В последующей политико-правовой мысли эта идея трансформировалась в постулат гарантированности государством предоставленных индивиду прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому обеспечение этих прав предполагалось целесообразнее осуществлять открыто. Суть принципа заключена в предписании взаимного и формального (признанного со стороны

государства) запрета на совершение любой несправедливости по отношению к другим лицам.

Правосознание как естественное право

Со времен теории голландского юриста Гуго Гроция источником естественного права признается правосознание человека, его способность мыслить и действовать по установленным общим правилам. К предписаниям естественного права он относил: воздержание от чужого имущества, возвращение чужой вещи и возмещение извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, причиненного по вине нарушителя, воздаяние заслуженного наказания. Установленные начала, по Гроцию, считаются достоверными и неизменными, поскольку непоколебима природа человека.

В разные исторические времена источники естественного права виделись поразному, к ним относили: предписания здравого разума человека, божественную волю, принципы морали, ценности цивилизации и др. Однако независимо от философско-правовых направлений признавалось, что предписания естественного права являются *частью правосознания* и выступают в виде идеологического оформления социальных ожиданий членов общества как требований совершенствования права. В Новое время замена сословно-феодального общества гражданским происходила в условиях смены типа общественного правосознания; его главным требованием было установление формального равенства всех перед законом. Аналогичным образом происходила смена парадигм доктринального правосознания. На рубеже XIX–XX вв. сложилась теория «возрожденного» естественного права, пришедшая на смену господствовавшему до этого времени позитивному праву. Теоретик марбургской школы неокантианства Р. Штаммлер выступил с обоснованием понятия естественного права с изменяющимся содержанием. Согласно этому подходу, естественное право – это исторически складывающиеся идеи, содержащиеся в массовом правосознании, требующем реформирования права с точки зрения регулятивных идей (общественного идеала).

Правосознание и права человека

Одна из теоретических трактовок содержания естественного права – концепция прав человека. В общественном правосознании стран Западной Европы XVII века был сформулирован перечень основных прав и свобод человека, ставший впоследствии классическим. Дж. Локк обосновал триаду естественных прав человека – равенство, свободу, собственность. По мысли английского философа, государство должно воплотить их в законодательстве и охранять с помощью системы правосудия и административной власти. По существу, это была проекция правового государства.

Если для эпохи XVII–XIX вв. основными требованиями правового сознания были гражданские и политические права, обеспеченные правовым государством, то правосознание эпохи XX–XXI вв. притязает на гарантированность социальных прав и свобод (права на труд, на всеобщее образование, на бесплатную медицинскую помощь, на социальные пособия малоимущим, инвалидам, больным и др.). Поэтому современному общественному правовому сознанию соответствует задача построения не только правового, но и социального государства.

Предписания естественного права в некоторой части признаются официальными и входят в систему права каждого государства, т. е. из области идей переведены в нормы действующего права. Формальная закрепленность прав и свобод в текстах законов придает им определенность и обеспеченность, однако сам перечень прав и свобод не является исчерпывающим. Это означает, что помимо перечисленных прав и свобод государством могут признаваться другие неотчуждаемые права и свободы человека.

Несмотря на закрепление прав и свобод государством, научные дискуссии о содержании, перечне и необходимости прав человека второго и последующих поколений далеки от своего завершения. Напротив, многие современные «оценочные понятия» права представляются теоретически дискуссионными и спорными в плане их практической реализации. С актуальными тревогами населения (массовое правосознание) связаны дискуссии о допустимости или запрете смертной казни, эвтаназии, абортов. Сопоставление в общественном правосознании разных точек зрения на эти проблемы, обсуждение законодательных инициатив по вопросам, связанным с правом на жизнь, чрезвычайно важны для правильного ориентира законодателя (например, «право на однополый брак», «право на нудизм», «право на клонирование человека» на уровне нашего обыденного правосознания отторгается, а потому законодателю не следует воплощать их в позитивное право). Кроме этого, чрезмерно расширенный перечень естественных прав и свобод не способен гарантировать их эффективную защиту государством.

Правосознание и правовой порядок

Правосознание непосредственно связано с правопорядком. Оно способно воздействовать на право и правовую структуру общества, влияя на направления изменения права (ни одна правовая реформа невозможна без участия в этом процессе официального правосознания). Правосознание, как известно, может стать мощной идеологической силой, если объединит большие массы населения против общего врага. Для этого должны стать очевидными пороки действующего права и в общих чертах определены основные принципы желательного права [4, с. 203].

Разочарования в праве и его эффективности создают в массовом правовом сознании настроения недовольства, разочарования, недоверия к праву и в конечном итоге – отчужденное к нему отношение (например, стремление обойтись без правового оформления договоров, обязательств), более того, появляется уверенность, что право мешает осуществлению интересов, прав и свобод человека. Общественное правосознание в определенной степени может повлиять на принятие/непринятие конкретного нормативного акта, воздействовать на систему права. Поэтому оно, в отличие от морали, в большей степени мобилизует членов общества на проведение назревших политико-правовых реформ, однако само по себе (вне других регуляторов) не способно выступить основой стабильного правового порядка в виду отсутствия единства и определенности. Дело в том, что в каждом обществе выделяется несколько видов правосознания: по социальной основе различаются правосознание индивидуальное, групповое, национальное, сословное, массовое; по формам связи правосознания с действующим правом можно выделить: официальное правосознание, профессиональное, доктринальное, обыденное, между которыми имеется немало противоречий.

Список литературы

1. Ильин И. А. Теория права и государства. М. : Зерцало-М, 2014. 550 с.
2. История политических и правовых учений : хрестоматия / под ред. О. Э. Лейста. М. : Городец, 2000. 512 с.
3. Кант И. Метафизика нравов : в 2 ч. Часть 2 // Сочинения : в 6 т. Т. 4 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965. 478 с.
4. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. : Зерцало-М, 2008. 246 с.
5. Стоилов Я. Правните принципи: теория и приложение. София, 2018. 336 с.
6. Фролова Е. А. Рациональные основания права: классика и современность. М. : Проспект, 2020. 576 с.
7. Хеффе О. Справедливость: Философское введение. М. : Праксис, 2007. 190 с.
8. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М. : Типография товарищества И.Д. Сытина, 1908. 144 с.

Трофимов В. В.[1],
начальник Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
доктор юридических наук, доцент

ПРАВОСОЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ (ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОДЕЛИ)

Проблема правосознания – крайне интересная и системообразующая или, может быть, точнее сказать, системоориентируемая проблема правовой теории. Если задуматься, то данный феномен и данная категория науки права к числу полностью самодостаточных (которым не нужно оправдывать себя на основе связи с другими правовыми явлениями) вряд ли относится. Мы всегда так или иначе подразумеваем, рассуждая о правосознании, что это либо свойство субъекта права, социальной группы, или социума в целом (их принадлежность, характеристика), либо это то, что связано с правоприменением и правореализацией, так как последние могут видимо проявлять свои качественные характеристики только при условии определенного уровня правосознания участников (правосознание в этом смысле, в свою очередь, подтверждает на этом фоне свою состоятельность как необходимый элемент правовых связей в социальной правовой системе). Также о правосознании можно говорить, рассуждая о правовой культуре, характеризуя ее духовную ипостась и т. д. Но, как представляется, вне связи с этими и другими правовыми явлениями правосознание как жизненный факт есть нечто аморфное, неопределяемое, а потому обязательно нуждается в «отсвечивании» каким-либо иным правовым явлением[2], которое также, возможно, не является полностью самодостаточным и требует в свою очередь верификации посредством установления связи с иными фактами правовой жизни. В этом, думается, и проявляется диалектика правовой жизни общества.

Но вместе с тем это не означает, что правосознание есть некая фикция, нет, это крайне важный компонент правовой реальности, это именно тот элемент правовой жизни, который придает «разумность» всему правовому и символизирует, что право есть «разум», есть форма осознания человеком и человечеством потребности жить (существовать) по правилам, взаимно устраивающим всех членов социального общежития, предполагая в том числе не только внутринациональный, но и международный уровень правового общения, а также надлежащее согласование этих уровней между собой, трудности достижения которого мы сегодня воочию наблюдаем. Но как писал И. А. Ильин, «только нормальному правосознанию дано разрешить это затруднение и притом через верное понимание

---

[1] © Трофимов В. В., 2023.

[2] С точки зрения субъективного идеализма (например, кантовского) это, конечно, не совсем так, но имея в виду, что сознание субъекта способно определять «должное» в поведении, именно сознание (правосознание) мы идентифицируем фактом созданного или не созданного категорического императива при этом «обусловливая» правосознание с другим социально-правовым явлением (связанным с ним).

природы духа и природы государства: это разрешение утверждает патриотизм как *верное* состояние духа, как необходимую основу духовного интернационализма и как живой действительный путь к положительно-правовой организации международного братства. Здоровое правосознание не только не отвергает государственного образа мыслей и патриотического чувства, но культивирует эти состояния как безусловно ценные и необходимые – не только для индивидуума, но и для государства, и не только для отдельного государства, но и для всего человечества в целом» [4, с. 233].

Правосознание способно проявлять свою конструктивную (облагораживающую) роль в разных сферах. И начинается, по нашему мнению, проявление этой социально-конструктивной роли правосознания [1; 2; 8; 9; 10; 12; 15; 18; 21; 23] уже на уровне правообразующих процессов, о чем и будет сказано ниже.

Если продолжить деление правовых процессов и явлений на первоначальные и производные, относительно автономные и не полностью самодостаточные, то правообразование – это как раз тот, на наш взгляд, процесс, который, несмотря на свою изначальную обусловленность факторами социальной жизни, в контексте правового пространства (относительно других явлений в праве) представляет собой явление первоначального толка (характера) и самодостаточное с точки зрения своей процессной завершенности (целеполагание и смысловое значение «право будет создано») этого процесса вытекают из самой его природы и самого его хода, который, скажем к слову, идет непрерывно и будет идти до тех пор, пока существует человеческая цивилизация).

Правообразование – это базовый для правовой действительности процесс, с него все начинается, этим процессом все дальше определяется, поскольку только тогда, когда будет создано право, смогут проявиться (заявить о себе) все иные правовые явления и получить толчок (стимул к движению) все иные правовые процессы.

С некоторой долей сожаления можно отметить, что до сих пор в учебной литературе по теории права тема правообразования все еще не занимает своего должного места. Основная часть учебных изданий «обходится» темой правотворчества. И лишь изредка можно увидеть в оглавлениях, в названиях глав и параграфов, термин «правообразование», причем часто этим дело и ограничивается, поскольку в содержании соответствующих глав и параграфов больше говорится о правотворчестве как завершающей (и в этом смысле самой основной) стадии правообразования. Однако, думается, этого явно недостаточно и в плане объяснения самой логики процесса образования права, и для формирования правового мышления будущих специалистов, которые изучают эту проблему в рамках учебных часов, так как незнание и непонимание предельных истоков права, неспособность осмыслить глубину и многообразие источников воспроизводства права есть одна из первых причин невозможности оценить и применить в дальнейшем на практике все многообразие юридических приемов и средств (часть из которых существует в неоформленных правообразовательных пластах) для решения тех или иных правовых вопросов. Как представляется, связь здесь вполне очевидная.

Вообще можно выделить, пожалуй, три основные группы подходов к пониманию правообразования. Первый подход рассматривает правообразование как

чисто объективный процесс, идущий вне и независимо от воли людей, спонтанно и где-то даже бессознательно, естественным путем (на этом во многом зиждется естественно-правовая школа). Как справедливо подмечает Е. А. Фролова: «Со времен Г. Гроция классическим положением естественного права стала мысль о том, что в отличие от волеустановленных предписаний оно как совершенная, идеальная норма, вытекающая из природы и, следовательно, неизменная, противопоставляется изменчивой и зависимой от человеческих установлений норме положительного права» [19, с. 71].

Второй, более распространенный в отечественной юридической теории подход (который можно охарактеризовать как субъектно-ориентированный в понимании процесса правообразования) связывает правообразование с деятельностью компетентно-властного субъекта, который создает правотворческим путем право. Иногда процесс создания права именно так и определяется. Так, в частности, С. Н. Братусь писал: «Процесс формирования юридических норм немыслим вне психологических актов воли живых людей, предлагающих и утверждающих эти нормы. Право как совокупность юридических норм есть продукт сознательной деятельности тех представителей господствующего класса, которым принадлежат законодательные в широком смысле этого слова (т. е. нормотворческие) функции» [3, с. 8]. Иными словами, имеет место отождествление правообразования и правотворчества, подмена первого процесса вторым.

Те же теории, которые рассматривают правообразование как то, что предшествует правотворчеству, или как более широкий по сравнению с правотворчеством процесс (а таких точек зрения (с разными полутонами) в отечественной теории права очевидно большинство (В. М. Горшенев, А. В. Мицкевич, С. С. Алексеев, С. В. Поленина и др.), по сути от позиции отождествления равообразования и правотворчества практически не отличаются, так как все так или иначе на правотворчестве и замыкается [16; 17].

И можно выделить третий подход, приверженцем которого являюсь я (черты которого обнаруживаются в работах Н. И. Кареева, Р. Лукича, Л. С. Явича, В. А. Муравского, Ф. А. Хайека, Ж.-Л. Бержеля и др.), согласно которому правообразование – это двуединый процесс спонтанного и планомерно-рационального формирования правовых норм, в рамках которого сочетаются объективное и субъективное, бессознательное и сознательное, естественно-историческое и искусственно моделируемое, стихийное и системное и т. п. Здесь проблема правогенеза решается, исходя из идеи комплиментарности, сбалансированности правообразующих источников и их объективной взаимосвязи. Именно это направление исследований проблемы право-образования требует, на наш взгляд, дальнейшего развития и именно на этой интегральной основе следует формировать дефинитивную конструкцию понятия правообразования.

Предлагаем, в частности, вниманию такой опыт формулирования дефиниции понятия: «Правообразование можно определить как осуществляющийся под воздействием разнообразных факторов общественного развития, получающих свое преломление в юридически значимых социальных интересах и последующее отражение в правовых идеях, двуединый процесс спонтанного (общесоциального) и планомерно-рационального (правотворческого) формирования системы правовых

норм, обеспечивающих упорядоченность общественных отношений» [11, с. 60–61]. Правообразование следует понимать как двуединый (естественно-социальный и правотворческий) процесс формирования права, в котором природа социума и разум законодателя развиваются в постоянном взаимодействии и переплетении. В правовой жизни есть два источника возникновения права – объективный и субъективный – взаимно дополняющие друг друга в ходе правовой эволюции. Естественно-социальное и искусственное (рационально-организованное) находятся в постоянном переплетении и взаимодействии, что отражает сложный процесс воспроизводства права.

Вместе с тем, такое понимание правообразовательного процесса не исключает возможности его структурного моделирования, выделения в нем тех или иных стадий, тем более что, следует признать, в современных условиях планомерно-рациональное начало все же доминирует, а значит, в рамках правообразовательного процесса более отчетливо может выделяться этап (или этапы, стадии), на которых приоритетной является роль субъекта правотворчества (планомерно-рациональной правообразующей активности).

Признавая в целом, что процесс планомерно-рационального формирования права проходит в своем развитии основные объективный и субъективный этапы, тем не менее считаем возможным схематично представить это движение к праву в виде пяти основных стадий, т. е. более детально.

На первой стадии в результате влияния целого ряда факторов объективно складываются (устанавливаются) основные социальные и государственно-правовые закономерности.

На второй стадии (под влиянием этих факторов) возникают первоначальные потребности (нужда в некоторых правилах для разрешения и регулирования определенных жизненных ситуаций) и на их основе юридически значимые интересы как осознанные стремления индивидов и общностей в разрешении социальных проблем при помощи права (первая и вторая стадии условно символизируют объективный этап правообразования, причем на второй стадии проявляются отдельные черты «перехода» к субъективному этапу).

На третьей стадии (собственно «субъективной») в силу глубокого осмысления (осознания) правообразующих закономерностей осуществляется формулирование основных правовых идей, которые находятся в соответствии с этими закономерностями, выражают их истинный смысл и логику.

На четвертой стадии осуществляется юридизация правовых идей посредством известных способов правообразования, путем введения протоправовых норм в систему действующего позитивного права.

На пятой стадии происходит социализация правовых норм, их адаптация к реальным условиям правовой жизни. Данная схема не исключает на определенных интервалах правового развития «вмешательства» спонтанных процессов, когда моменты осознания приходят несколько позже фактов возникновения правовых нормативов, которые создаются самой правовой жизнью в ходе ее динамичного развития и постоянного преобразования.

С определенных позиций представленная конструкция процесса планомерно-сознательного формирования права может быть названа также типовой, но не

в смысле ее универсальности, а в смысле ее некоторой односторонности и мононаправленности. Данная оценка будет во многом обоснованной. Но в то же время не следует забывать, что это всего лишь модель (схема), которая, если ее не догматизировать, может претерпевать определенные модификации, а ее отдельные сегменты будут наполняться именно тем содержанием, которое будет задаваться как самим ходом правообразовательного процесса, так и взглядом исследователя на данный процесс. Данный общий вывод вытекает главным образом из того, что общесоциальный (спонтанный) и планомерно-рациональный (правотворческий) типы правообразования осуществляются не параллельно и не вопреки друг другу, а соприкасаясь (дополняя) один другой, комплиментарно взаимодействуя друг с другом. Ф. А. Хайек, относящийся к редкому типу ученых-универсалов [6], выражая свое понимание относительно эволюции социальных норм и институтов, высказывал интересное на этот счет суждение: «Культурная эволюция не является продуктом разума, сознательно проектирующего институты, а представляет собой результат процесса, в котором культура и разум развиваются в постоянном взаимодействии и переплетении. Это, кажется, теперь начинают понимать. Вероятно, имеется не более оснований утверждать, что мыслящий человек создал свою культуру, чем утверждать, что культура создала его разум» [20, с. 477].

Где здесь место правосознанию? Оно в этом плане довольно очевидное – правосознание включается в работу тогда и там, когда и где требуется осуществить переход в правообразовании от объективного этапа к этапу субъективному. Достаточно подробно описывает эту схему В. В. Степанян [14].

Связующим звеном между объективным и субъективным этапом правообразования являются интересы [14, с. 15]. С их осознания (вначале как потребностей) начинается субъективный этап процесса формирования права – возникает идея права (или правовая идея). Как отмечает А. И. Экимов, «интересы, конечно, сами собой не отражаются в правовой идее. До тех пор, пока они не осознаны, они выступают лишь в качестве объективной связи между людьми и, соответственно, не играют роли сознательно-побудительного фактора. Их мотивационное значение существует только в потенции» [22, с. 25].

Функционирование механизма выражения интересов в праве начинается с осознания социальным субъектов и, в первую очередь, компетентным государственным органом некоторого юридически значимого интереса. «Правильное осознание общественных, коллективных и индивидуальных интересов – необходимое, но еще недостаточное условие научно объективного и эффективного правотворчества. После осознания интереса правотворческий орган должен решить вопрос о том, нуждается ли данный интерес в правовом опосредовании» [13, с. 123].

В субъективном этапе правообразовательного процесса выделяется три относительно самостоятельных подпроцесса (они накладываются на ранее (выше) обозначенные вторую – четвертую стадии правообразования):

– формирование интеллектуального, эмоционального и волевого содержания «идеи права» на основе все более глубокого и всестороннего отражения объективной действительности;

– распространение элементов содержания «идеи права» в обществе (либо в общности), т. е. перехода этих элементов из сферы индивидуального сознания (где они первоначально формируются) в сферу коллективного сознания (с последующим преломлением содержания идейного источника правообразования через индивидуальную или коллективную волю компетентных лиц, участвующих в правотворческой деятельности, т. е. правотворческую волю);

– взаимодействие доктринального (идеологического)[1] и социально-психологического уровней «правовой идеи» в ходе ее формирования и развития [14, с. 35–38].

В каждом из указанных подпроцессов субъективного этапа правообразования рассматривается ряд относительно самостоятельных стадий (здесь речь идет о стадиях именно субъективного этапа (не смешивать с ранее (выше) обозначенными стадиями общей модели (схемы) планомерно-рационального типа правообразования). Первая стадия подпроцесса формирования и развития интеллектуальных, эмоциональных и волевых элементов «правовой идеи» начинается с осознания частных и общих интересов (начинается этот процесс с осознания исходных потребностей решения тех или иных вопросов жизненного бытия), реализация которых необходима для сохранения определенной социальной системы. Этот процесс первоначального осознания пока не сопровождается формированием представлений о том, с помощью какого правового инструментария будет возможно реализовать данные интересы. На этой стадии интересы фиксируются в сознании в самом общем плане. Эту стадию можно назвать стадией общего отражения. Однако в дальнейшем происходит более углубленное проникновение в материю объективной действительности, осуществляется выявление обстоятельств и условий реализации юридически значимых интересов (приходит понимание того, *как* решать возникшие вопросы социального бытия, по каким схемам осуществлять те или иные социальные действия, как правило, взаимные действия участников социальных ситуаций). Начинается вторая стадия более полного и точного осознания всей системы взаимосвязанных интересов, формируются соответствующие им мотивы (побудительные причины, поводы к каким-либо действиям) и, как правило, после борьбы мотивов формируется цель действия, осознается необходимость в использовании общеобязательного (и общепризнаваемого) правила как средства достижения правовой цели («идея права» приобретает свои очертания в сознании людей).

Подпроцесс распространения элементов содержания «идеи права» в обществе (в коллективном сознании) проходит несколько стадий. На первой стадии данная «идея права» отражается, как правило, в сознании передовых, мыслящих представителей общества. На второй стадии «идея права» отражается в коллективном и групповом сознании. На третьей стадии этой идеей охватывается основная часть общества (либо определенная социальная подсистема). На четвертой стадии происходит «возвращение» «идеи права» на конкретные коллективные и индивидуальные уровни; осуществляется обратное влияние общей «идеи

[1] Как отмечает Деннис Ллойд, «…право, являясь одним из основных творений человеческого разума в социальной сфере, уходит в конечном итоге своими корнями вглубь идеологических установок того общества, в котором оно действует» [7, с. 250].

права» на коллективное и индивидуальное правосознание. При этом данное влияние распространяется по двум направлениям:

– в направлении индивидуумов и их коллективов;

– в направлении формирования и развития правосознания должностных лиц, непосредственно участвующих в правотворческой деятельности.

В последнем случае речь идет о влиянии «идеи права», получившей отражение в сознании общества, на завершающую и решающую стадию процесса формирования права – правотворческий процесс (происходит так называемая юридизация юридически значимых интересов и правовых идей, на которые уже нанизана определенная правовая модель (схема, правило) действования в данном социальном контексте).

Третий подпроцесс является как бы сквозным и опосредует все стадии субъективного этапа. Весь процесс формирования и распространения в сознании людей «идеи права» сопровождается тесным взаимодействием юридико-доктринального уровня (осознания данности права на уровне правовой идеологии [5] и социально-правовой науки) и уровня социально-правовой психологии (уровня осознания «идеи права» в процессе межличностного общения) [14, с. 38–47].

Таким образом, сознание подключается в процесс правового созидания на стадии перехода от объективного к субъективному этапу правообразования, причем интересно, на наш взгляд, подметить то, что уже на этой стадии сознание, включаемое в правообразовательный процесс, становится правовым, так как объективные условия или обусловленные ими объективные потребности оцениваются субъектами не просто как данность, а именно на предмет их правового значения, на предмет соответствия началам справедливости, равенства, паритетности в ситуациях социального общения (взаимодействия). И поэтому кристаллизация этого всего в юридически значимых интересах и правовых идеях есть уже не что иное, как «овеществленное» в праве (протоправе) сознание субъекта, его *правосознание*. И в этом смысле можно констатировать, что правосознание (начиная с момента перехода от объективного этапа к субъективному) сопровождает весь последующий ход правообразования вплоть до завершения, сопутствуя этому процессу и где-то (на отдельных фрагментах, интервалах) определяя (детерминируя) его, лишний раз подтверждая диалектичность правового бытия, способность к взаимопереходам правовых состояний, явлений и процессов (с учетом, как представляется, сохранения их базовой (первичной) сущности и значения).

Список литературы

1. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2006. 53 с.

2. Бельский К. Т. Социалистическое правосознание: диалектика формирования и развития. Ярославль : Верхне-Волжское издательство, 1979. 384 с.

3. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М. : Юридическое издательство, 1947. 364 с.

4. Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1992. 235 с.

5. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М. : Норма, 2017. 383 с.

6. Козлихин И. Ю. Правопонимание Ф. А. Хайека // Правоведение. 1992. № 5. С. 67–73.

7. Ллойд Д. Идея права. М. : Юнона, 2002. 416 с.

8. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М. : Юридическая литература, 1973. 342 с.

9. Назаренко Е. В. Социалистическое правосознание и советское правотворчество. Киев : КГУ, 1968. 190 с.

10. Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности. М. : Наука, 1969. 172 с.

11. Придворов Н. А., Трофимов В. В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М. : Норма, 2012. 400 с.

12. Соколов Н. Я. Профессиональное правосознание юристов. М. : Наука, 1988. 222 с.

13. Степанян В. В. Значимые для правотворчества интересы и их отражение в советском праве // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 121–125.

14. Степанян В. В. Теоретические проблемы правообразования в социалистическом обществе. Ереван : Академия наук Армянской ССР, 1986. 183 с.

15. Сырцев В. А. Социалистическое правосознание в СССР. М. : Госюриздат, 1958. 131 с.

16. Трофимов В. В. Логико-теоретические аспекты построения дефиниции понятия правообразования // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 49–56.

17. Трофимов В. В. Проблемы теории правообразовательного процесса // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 24–36.

18. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М. : Юридическая литература, 1963. 206 с.

19. Фролова Е. А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 2. С. 71–78.

20. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М. : ИРИСЭН, 2006. 644 с.

21. Щегорцов В. А. Социология правосознания. М. : Мысль, 1981. 174 с.

22. Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л. : ЛГУ, 1984. 134 с.

23. Юрашевич Н. М. Эволюция понятия правового сознания // Правоведение. 2004. № 2 (253). С. 165–181.

Туранин В. Ю.[1],
заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор

Нестеренко В. В.[2],
консультант юридической клиники Белгородского государственного национального исследовательского университета

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ПРАВОСОЗНАНИЕ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Правосознание, являясь одной из категорий теории права, играет весьма важную роль в жизни современного общества. Оно предстает одним из инструментов реализации права и средством оценки соответствия поведения людей его нормам. Более того, правосознание является органичной составляющей правотворческой и правореализационной деятельности. Также справедливо подчеркнуть, что оно способно консолидировать общество, укреплять как его, так и существующий в нем порядок.

Примечательно, что интерес к исследованию такой категории права, как правосознание, наличествовал еще в дореволюционный период. Не меньшее внимание исследованию феномена правосознания отдавалось правоведами в советское время и уделяется в современности. Если взглянуть на понятие «правосознание» в ретроспективе, то можно констатировать тот факт, что в различные исторические периоды развития государства и права отечественные и зарубежные ученые толковали его достаточно неоднозначно. Полагаем, что это обусловлено, в первую очередь, идейными и идеологическими предпосылками, а также особенностями развития различных сфер жизни общества и государства в конкретный из периодов. Соответственно, особый интерес представляет прослеживание тенденций трансформации содержания понятия «правосознание» в исторической ретроспективе, а именно в дореволюционный, советский и современный периоды.

Начиная характеризовать особенности понимания правосознания в дореволюционный период, отметим, что, например, Г. Ф. Шершеневич в своих трудах отмечал следующее: «правосознание можно понимать как сознание в том, что данная норма есть право, или сознание в том, что данная норма должна быть правом». При этом, как подчеркивается, в первом случае речь идет о действующем праве, а во втором – о справедливости. Относительно последнего упомянутого аспекта констатируется, что «правосознание сливается со справедливостью» [20, с. 292–293]. То есть особенность авторской дефиниции состоит в раскрытии правосознания как с позиции права, так и с точки зрения справедливости.

[1] © Туранин В. Ю., 2023.
[2] © Нестеренко В. В., 2023.

Также значительный вклад в развитие учения о правосознании внес Л. И. Петражицкий. По его мнению, правосознание тождественно интуитивно-правовой совести. Он подчеркивал, что феномен осуществления людьми прав и несения обязанностей обусловлен не столько их закреплением в различных источниках, сколько зовом той самой интуитивно-правовой совести [13, с. 87–88]. Такой взгляд на правосознание основан, в первую очередь, на психологической концепции.

Некоторую общность с позицией Л. И. Петражицкого имеет и точка зрения Н. М. Коркунова, также обращавшегося к аспектам человеческой психики. По его мнению, общество есть психическое единение людей, а индивидуальное сознание предстает основой всего права, поскольку «в нем зарождаются первоначально представления о возможных способах разграничения сталкивающихся интересов, следовательно, о юридических нормах» [9, с. 227].

Также, на наш взгляд, достаточно специфична дефиниция правосознания, данная С. А. Муромцевым, который отмечал, что оно представляет собой «совокупность субъективных представлений о наиболее совершенном правовом порядке» [12, с. 154]. Примечательно, что он наделяет упомянутый термин признаком субъективности, состоящим в выражении тех или иных явлений в представлениях людей. Также особенность авторской дефиниции заключается в указании на то, что правосознание отражает желаемый правовой порядок. При этом на существующий правовой порядок внимания правоведом не обращается. Конечно, стоит констатировать, что данное определение, в отличие от ранее рассмотренных, имеет некоторую схожесть с современными.

Достаточно интересен и взгляд на правосознание И. А. Ильина, который считал необходимым формирование в России правосознания, свободного от западного формализма. В свою очередь, говоря о правосознании, он отмечал, что «нормальное правосознание ведет не раздвоенную, а единую жизнь, и если оно видит перед собой исторически данное раздвоение, то оно обращается к борьбе за становление своего внутреннего и духовного единства» [4, с. 165].

Однако, как уже упомянуто, внимание исследованию понятия «правосознание» уделялось и в работах зарубежных ученых того времени. Например, И. Кант определял правосознание как детерминанту права, предусматривающую осознание необходимого ограничения прав отдельной личности в общественных интересах [5, с. 535]. Г. Гегель давал характеристику правосознания с точки зрения саморазвития сознания и духовной культуры. Иными словами, он связывал уровень развития правосознания с уровнем развития духовной культуры [2, с. 201]. В то же время достаточно специфична и позиция Р. Иеринга, видевшего сущность правосознания в интуиции и чувствах, но ни в коем случае не в разумности и рациональности [3, с. 38].

Отметим, что в дореволюционный период единого мнения о сущности понятия «правосознание» так и не сложилось.

Начало XX в. было ознаменовано переломными событиями и, как следствие, кризисом правосознания. В частности, Б. А. Кистяковский констатировал наличие низкого уровня правосознания интеллигенции, игнорирование ею правовых норм [7, с. 620]. Своеобразным катализатором, вновь подогревшим общественный

интерес к сущности правосознания после продолжительного кризиса, стал приход к власти большевиков с присущей им идеологией и образование первого в мировой истории социалистического государства. Справедливо говорить, что тем самым была ознаменована новая эпоха в праве.

В. И. Ленин, говоря о правосознании, выделял в особую категорию революционное правосознание и рассматривал его как источник права в условиях отсутствия достаточного количества советских законов. Он считал, что оно наличествует в каждом представителе трудящихся классов. Более того, по его мнению, применение революционного правосознания – инструмент для приобщения народных масс к управлению [10, с. 172–173]. П. Н. Галанза, в свою очередь, оценивал революционное правосознание как «оружие в руках пролетариата», подчеркивая такие его черты, как классовость и глубокая народность [1, с. 164–165].

Продолжая характеризовать понимание правосознания в советский период развития государства и права, отметим, что П. И. Стучка, также будучи одним из видных деятелей той эпохи, понимал под ним психическое переживание, которое происходит в голове человека по поводу того или иного общественного отношения. Иными словами, это своеобразная оценка им справедливости [17, с. 44]. Из этого следует, что обращение к справедливости имело место при анализе понятия «правосознание» не только в дореволюционный, но и советский период.

М. А. Рейснер, анализируя сущность правосознания, отождествлял его с правом, причем отмечая, что последнее, как правило, устанавливается по произволу законодателя [16, с. 273–274]. Данную точку зрения не разделял и даже критиковал И. П. Разумовский, отождествляя правосознание не с правом, а с правовой идеологией, а ее, в свою очередь, отделяя от правовой психологии [15, с. 35–38].

Значимым этапом для развития учения о правосознании стала вторая половина XX в. Именно тогда оно начинает рассматриваться как одна из разновидностей общественного сознания и, что не менее важно, без отрыва от человека как его непосредственного носителя, несмотря на все такое же наличие в правовой мысли присущих советской идеологии принципов. Так, А. Е. Лукашева, характеризуя социалистическое правосознание как форму общественного сознания, в качестве его носителей выделяет представителей рабочего класса, а в условиях зрелого социализма – весь народ. Особое внимание она обращает на структуру правосознания и выделяет следующие составляющие: взгляды, представления, настроения, чувства относительно характера, сущности, принципов права и законности, оценку действующих и предлагаемых к изданию правовых норм. При этом А. Е. Лукашева особо отмечает, что правосознание также выражается в осуждении неправомерного поведения и фактов несправедливости, беззакония, произвола [11, с. 130].

Достаточно популярным во второй половине XX в. являлось и определение правосознания, данное И. Е. Фарбером. Аналогично вышеупомянутому толкованию, ученый понимал правосознание как форму общественного сознания. Так, по его мнению, оно представляет собой «совокупность правовых взглядов и чувств, обладающих нормативным характером и охватывающих как знания правовых явлений, так и оценку с точки зрения классовой (или общенародной) справедливости, а также новые правовые требования, отражающие экономические

и политические потребности и интересы общественного развития» [18, с. 37]. Особенность авторской дефиниции состоит в наделении правосознания признаком нормативности и обращении к справедливости.

Г. Кельзен в качестве цели правосознания определял построение конструкций, не имеющих ничего общего с реальными жизненными процессами. При этом составляющими таких конструкций он определял так называемые «нормы долженствования» [6, с. 110]. В. Кнапп и А. Герлох давали характеристику правосознания с точки зрения логики норм, отмечая, что основу оценки поведения личности составляют нормативные суждения. По мнению авторов, те самые нормативные суждения о возможном и должном поведении, о правозначимом поведении личности позволяют определять векторы развития поведенческих процессов саморегуляции и самоконтроля [8, с. 172].

Обобщая тенденции развития учения о правосознании в советский период, стоит констатировать, что сначала оно изучалось с точки зрения психологии и социологии. Однако с развитием марксистко-ленинской идеологии правосознание стало восприниматься как инструмент отражения общественного бытия. Особо стоит отметить вторую половину XX в., когда внимание как советских, так и зарубежных ученых сосредотачивается на субъектной и содержательной составляющей правосознания. Более того, оно начинает восприниматься в качестве формы общественного сознания, что, несомненно, оказало влияние на его современное понимание.

В современный период, на наш взгляд, правосознание понимается научным сообществом более однозначно, нежели в дореволюционный и советский периоды. При этом тенденции к пониманию правосознания, которые сложились в советское время, нашли свое отражение в настоящем.

Для выявления особенностей современного понимания правосознания в зарубежных странах обратимся к работе Марка Хертоу. Так, автором отмечается, что в США закон понимается своеобразной «переменной» правосознания. То есть интерес представляет ответ на вопрос «Что люди думают об официальном праве?» В то время как европейские ученые задаются вопросом «Что люди понимают под словом „право”?» По мнению исследователя, данные позиции предстают как «две стороны одной монеты», в связи с чем он считает рациональной их интеграцию [21, с. 457–481].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что правосознание является категорией права, вокруг которой в различные исторические периоды развития государства и права сосредоточен интерес отечественных и зарубежных ученых. Примечательно, что в каждый из них понимание правосознания отличалось определенной спецификой.

Список литературы

1. Галанза П. Н. Психологическая теория права и марксизм // Ученые записки Казанского государственного университета имени В.И. Ленина. 1929. Кн. 1. Т. 89. С. 113–170.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
3. Иеринг Р. Борьба за право / пер. с нем. С. И. Ершова. М. : Феникс, 1991. 64 с.

4. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. 400 с.

5. Кант И. Основы метафизики нравственности / Сочинения : в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М. : Мысль, 1965. С. 219–310.

6. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.

7. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М. : М. и С. Сабашниковы, 1916. 704 с.

8. Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании / под общ. ред. и вступ. ст. А. Б. Венгерова. М., 1987. 310 с.

9. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. 354 с.

10. Ленин В. И. Доклад о партийной программе, 19 марта // Полное собрание сочинений. Т. 38. М. : Политиздат, 1969. С. 151–173.

11. Лукашева Е. А. Правосознание, правовое воспитание и правовая культура // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 129–137.

12. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М. : Типография А.И. Мамонтова и К°, 1879. 240 с.

13. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. Т. 1. СПб. : Типография товарищества «Екатерингофское печатное дело», 1909. 318 с.

14. Популярный юридический энциклопедический словарь / под ред О. Е. Кутафина [и др.]. М. : Большая российская энциклопедия : Рипол-классик, 2001. 800 с.

15. Разумовский И. П. Детские и старческие болезни правовой теории // Под знаменем марксизма. 1925. № 5–6. С. 28–54.

16. Рейснер М. А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. Ленинград : М. : Государственное издательство, 1925. 276 с.

17. Стучка П. И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве. М. : Соцакадемия, 1923. 153 с.

18. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М. : Юридическая литература, 1963. 206 с.

19. Философская энциклопедия : в 5 т. Т. 1 / под ред. Ф. В. Константинова. М. : Советская энциклопедия, 1960. 504 с.

20. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права : в 4 т. Т. 1. М., 1910. 839 с.

21. Hertogh M. A «European» Conception of Legal Consciousness: Rediscovering Eugen Ehrlich // Journal of Law and Society, 2004, vol. 31, no. 4, pp. 457–481.

Малофеев И. В.[1],
директор Дальневосточного юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук

КАТЕГОРИЯ ЗАКОННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ

Законность при производстве по уголовному делу является одним из базовых принципов уголовного процесса. Закрепленный в ст. 7 УПК РФ, он представляет собой адресованное суду, прокурору, следователю, дознавателю и начальникам соответствующих подразделений требование действовать в соответствии с УПК РФ и принимать законные, обоснованные и мотивированные решения.

Достаточно ли этого положения для формирования у правоприменителя представления о том, как надо работать, чтобы добросовестно выполнять свой долг?

Полагаем, что нет, так как одного лишь требования принимать соответствующие закону решения, адресованные указанным должностным лицам, недостаточно для понимания идеального результата, к которому им следует стремиться.

Непрекращающаяся реформа уголовного судопроизводства, характеризующаяся постоянными изменениями, вносимыми в УПК РФ, оставляет нерешенными множество вопросов о сущности и целях уголовного процесса.

Безусловно, назначение уголовного судопроизводства указано в ст. 6 УПК РФ:

– привлечение к уголовной ответственности виновных;
– отказ от уголовного преследования невиновных.

Однако такой подход законодателя, к сожалению, не дает ответа на все вопросы правоприменителя (осознанные или нет), связанные с пониманием им идеального результата его работы.

Противоречивость назначения судопроизводства, сформулированная в законе, требует от правоприменителя сделать на уровне подсознания выбор, какой из двух целей отдать приоритет. Вспомнив про сформулированные в отраслевых законах (например, о полиции и о прокуратуре) цели борьбы с преступностью, а также отнесение их в УПК РФ к органам обвинения, нетрудно понять, какой выбор сделает подавляющее большинство работников органов системы уголовного преследования.

Такой упрощенный подход, безусловно, не лучшим образом сказывается на работе и на состоянии законности и правопорядка в целом. В контексте уголовного судопроизводства, насквозь проникнутого правоотношениями человек – государство, это означает смещение приоритетов с человека, т. е. пресловутый обвинительный уклон.

Полагаю, что (как это и декларируется в Конституции современной России) как всегда нужна законность, справедливость и беспристрастность. Такой мотив правосознания, как служение своему народу и государству, должен восприниматься только с этой точки зрения.

---

[1] © Малофеев И. В., 2023.

Самый известный киногерой Владимира Конкина не мог соревноваться с безграничной харизмой, обаянием и профессиональными качествами героя Владимира Высоцкого. Однако на чьей стороне правда в их известном споре о допустимости обойти закон при борьбе с преступностью?

Приведу мнение известнейшего советского процессуалиста М. С. Строговича: «Иногда в юридической литературе высказывается мысль, будто нарушения не всяких законов или не всякие нарушения законов несовместимы с законностью, что бывают нарушения закона, не являющиеся нарушениями законности, так что можно нарушить закон, не нарушая законности. Эта более чем странная концепция чрезвычайно благоприятна для нарушений законности, но вредна для укрепления законности: всякий нарушитель может оправдаться тем, что он нарушил только закон, но не нарушал законность. Юристам необходимо решительно устранить хождение этих и им подобных взглядов» [10, с. 66].

Полагаю, что эта проблема относится в первую очередь к сфере субъективного, и проблема законности в этом контексте представляет собой не столько состояние работы правоохранительных органов, сколько правосознание их работников. К сожалению, эти вопросы встают перед многими до сих пор. К счастью, в вышеприведенном споре Жеглова и Шарапова современная власть встает на сторону последнего: «Вызовы и угрозы, с которыми сталкивается сегодня страна, не могут служить оправданием для поверхностного или обвинительного подхода при проведении судебных разбирательств, следственных и других процессуальных действий» [1]. Полагаю, что эти слова стоят того, чтобы постоянно напоминать их всем работникам правоохранительной системы.

В самом деле, какой-либо уклон при расследовании и разрешении уголовных дел влечет за собой утрату беспристрастности, а затем и справедливости в деятельности работников правоохранительных органов. В конечном итоге это вызывает у последних ощущение кастовости, отрешенности от народа, отторжение одних от других и, как следствие – недоверие населения к власти и власти к народу.

Может ли быть что-либо губительнее для нашей страны?

Приведу еще одну мысль самого известного из современных российских юристов. «Национальная идея России – в патриотизме, но он должен быть не «квасным», а направленным на развитие страны. При этом нужно не только оглядываться на героическое прошлое, но и смотреть в будущее… Мы непобедимы, когда мы вместе», – подчеркнул в одном из своих интервью Президент Российской Федерации Владимир Путин [2].

Сложно спорить с тем, что необходимым условием сильного государства является взаимное доверие власти и общества.

Почему же в нашем сознании произрастает обвинительный уклон? Полагаю, что изначально, как и многое из зол, он имеет благие истоки.

Вот как оценивают нашу правовую систему классики компаративизма: «Слабость юридических традиций в России… Писаное русское право было чуждо народному сознанию… Право представляло собой не выражение сознания и традиции народа, как в других странах Европы, а произвольное творение, самодержавного

властителя… Юристы являлись скорее слугами царя и государства, чем слугами народа…» Вывод, сделанный исследователями: «В этом плане марксистский идеал будущего общества и нашел свою благодатную почву в моральных и религиозных чувствах русского народа… Очень трудно также изменить ментальность населения. Оно издавна отстранилось от политики и подчинялось приказам правителей, подобно тому как подчиняются предначертаниям Провидения. Так было в эпоху татарского ига и в эпоху автократического правления царей. Народы Советского Союза безропотно согласились на террор сталинского режима. Всегда преобладали пассивность и покорность. Демократия как идеология и форма правления была чужда населению [6, с. 118–119, 126].

Российские исследователи придерживаются сходного мнения. Так, А. В. Поляков полагает, что «основной особенностью российского и общественного сознания вообще и правосознания в частности является… идеологическое подчинение права более высоким, нравственным и религиозным ценностям… западноевропейский идеал правового государства никогда не выступал в российском правосознании. С последним скорее связывались представления о царстве правды, чем права… Архетип российского политического сознания завязан на ценностно обремененное государство, чья священная миссия выражается в таких кодовых понятиях, как «Святая Русь», «Москва – Третий Рим», «Православное царство», «Отечество» [9, с. 316, 321].

Известный российский мыслитель К. Н. Леонтьев, полагал, что демократические ценности, традиционные для Европы, чужды российскому сознанию: «Сила наша, дисциплина, история просвещения, поэзия, одним словом, все живое у нас сопряжено органически с родовой монархией нашей, освященной православием, которого мы естественные наследники и представители во вселенной» [7, с. 46]. Ориентированность на человека в устройстве государства и общества, по его мнению, неприемлема. «Скучным до отвращения» называл К. Н. Леонтьев «пир всемирного, однообразного братства» [8, с. 421].

Таким образом, традиционное российское правосознание имеет тенденцию смещения приоритетов более к интересам политическим, чем правовым.

В контексте затронутой практической цели это означает, что вектор усилий правоприменителя смещается с сохранения законности на решение конъюнктурных задач или «ответов на современные вызовы».

Полагаем, что сложившийся в правосознании советского, а потом и российского гражданина «государственный настрой», привел к тому, что участники уголовного судопроизводства оказались априори неравноправными перед судом, что, как бы громко это ни звучало, подрывает одну из конституционных основ государства – справедливую и объективную судебную власть.

Во многом это вызвано продемонстрированным выше архетипом государственного человека, безоглядно и без сомнений посвятившего себя служению интересам государства. Но не стоит забывать, что мысль, возведенная в абсолют, становится своей противоположностью. Интересы государства требуют именно постоянного самоконтроля, критичного отношения к методам и средствам своей деятельности, а также – к ее результатам. Причем к результатам не только в текущей, но и долгосрочной перспективе.

Каждый правоприменитель должен помнить, что сильное государство в современном мире должно быть правовым. Н. Н. Алексеев полагал, что правом является не любой закон, а обладающий в том числе самоограничивающей силой для государства [4, с. 522]. Дух взаимного уважения власти и граждан в долгосрочной перспективе развития любой страны не менее важен для жизнеспособности государства, чем экономическая, политическая или военная мощь. Решение этой проблемы в первую очередь зависит от уровня и ориентированности правосознания правоприменителя.

Известный советский процессуалист Л. Д. Кокорев говорил, что «в процессе доказывания… между общественными и личными интересами иногда возникают острые конфликтные ситуации. В преодолении их большую роль играют нравственные начала» [5, с. 274].

В этой связи полагаю, что на первое место в укреплении законности и правопорядка выходят педагогические работники.

Когда формируется профессиональное правосознание? Полагаю, что со студенческой скамьи, поскольку, изучая законы как основу будущей профессии, мы все не могли не моделировать собственное отношение к праву. Современное право, как результат многовекового общественно-государственного развития, не могло не произвести на нас сильного впечатления, и думается, что подобное происходит и с нынешними российскими учащимися.

Можем ли мы пускать этот процесс на самотек или должны по крайней мере доносить свою позицию относительно правопорядка до студентов? Ответ представляется очевидным. С этих же позиций необходимо продолжать и реформу уголовно-процессуального судопроизводства.

Так, причина усиления обвинительного уклона судопроизводства заключается в том числе в распределении в современном уголовном процессе участников судопроизводства на обвинение и защиту. Полагаем, что российское уголовное судопроизводство было выстроено по такой модели при недостаточной проработке современного уголовного процесса с точки зрения исторические сложившихся правоприменительных взглядов.

Совершенно очевидно, что невозможно качественно построить дом без учета окружающих факторов (почвы, климата, ландшафта, наличия коммуникаций и т. д.). Даже внешний вид будущего здания необходимо выбирать, думая о том, как оно будет смотреться в окружающей обстановке. С построением уголовного процесса ситуация, полагаем, является абсолютно идентичной.

Действующая модель постановки целей уголовного процесса, использованная в ст. 6 УПК РФ, является работоспособной с точки зрения защиты личности от незаконного осуждения только в том случае, если суд является абсолютно беспристрастным и независимым. Суд в такой модели должен выполнять только функцию рассмотрения представленных доказательств, но никак не установления истины.

Сложившиеся в СССР правовые традиции требовали от судов установить истину по делу. Эти требования были прямо указаны в УПК РСФСР и возлагали на суд «обязанность установить».

Этимологически слово «установить» в рассматриваемом нами контексте познания означает в первую очередь «доказать». Так, согласно словарю Ефремовой,

слово «установить» означает: а) обнаруживать, выяснять, выявлять что-либо; б) доказывать, открывать что-либо. В словаре же Ожегова в значении понятия «установить» доказывание вообще выходит на первое место: «доказать, выяснить, обнаружить. У. факт. У. истину».

Учитывая очевидную связь языка и культуры, приходим к выводу о том, что в РСФСР сложилась устойчивая правовая установка, требующая от суда устанавливать, а по сути доказывать и обеспечивать полноту исследования всех обстоятельств дела, поскольку согласно п. 1 ст. 342 УПК РСФСР одним из оснований отмены приговора являлась «односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия». На практике это означало обязанность суда обеспечить полноту судебного следствия, инициативную роль суда в сборе доказательств.

Сложившиеся правовые традиции не могли одномоментно исчезнуть после 1991 года, особенно если вспомнить, что УПК РСФСР продолжал действовать более 10 лет после создания Российской Федерации. При этом до 2000 года на суды законом возлагались обязанности осуществлять уголовное преследование. Так, согласно п. 4 ч. 1 ст. 232, ч. 1, 2 и 4 ст. 256 УПК РСФСР суд при установлении признаков преступления должен был возбудить уголовное дело, а в случае обнаружения невосполнимой в судебном заседании неполноты расследования по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору (п. 1 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР).

Эти положения, по мнению Конституционного Суда РФ, являлись возложением на суд [3] несвойственной ему обвинительной функции.

Таким образом, модель строгого разделения процессуальных функций не является для современного российского правосознания оптимальной.

Не является она и безупречной с теоретической точки зрения, поскольку в нее не вписывается правозащитная функция прокурора и следователя, поскольку последняя нередко предполагает действия в интересах стороны защиты, что вступает в противоречие с выполнением единственно возложенных законом функций обвинения. И логично вытекающим из такого построения процесса является недостаток, о котором говорилось выше: в сознании будущего правоприменителя при изучении уголовно-процессуального права не формируется в достаточной степени установка на обязанность выполнения правозащитной функции.

Подводя итог, следует отметить необходимость как законодательного, так и педагогического подхода к формированию у правоприменителей чувства законности и справедливости.

Список литературы

1. Путин: Права и свободы россиян должны быть незыблемы // Российская газета. URL: https://rg.ru/2022/11/29/putin-tekushchie-problemy-ne-mogut-opravdyvat-poverhnostnyj-podhod-v-sudah.html.

2. Владимир Путин рассказал о своем понимании национальной идеи России // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/05/11/vladimir-putin-rasskazal-o-svoem-ponimanii-nacionalnoj-idei-rossii.html.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25945.

4. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998. 635 с.

5. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / [Г. Ф. Горский и др.]. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1978. 303 с.

6. Давид Р., Жофре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 2009. 453 с.

7. Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. М. : Аграф, 2000. 334 с.

8. Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М. : Русская книга, 1992. 538 с.

9. Поляков А. В. Общая теория права : курс лекций. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2001. 642 с.

10. Строгович М. С. Избранные труды. Т. 1: Проблемы общей теории права. М. : Наука, 1990. 302 с.

Крючков В. В.[1],
начальник кафедры
социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОСТОЯЩИХ НА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОМ УЧЕТЕ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Изучение правосознания лиц, совершивших противоправные деяния, является актуальным – оно позволяет понять сущность делинквентного поведения сквозь призму внутреннего мира правонарушителя. В связи с этим целью данной работы является проведение анализа правосознания несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних (далее – ПДН).

Для выявления характерных черт правосознания был проведен опрос несовершеннолетних г. Рязани и Рязанской области с последующим анализом полученных результатов. Мы задали одинаковые вопросы несовершеннолетним, состоящим на профилактическом учете в ПДН, и несовершеннолетним, не состоящим на профилактическом учете в ПДН.

В целом почти две трети несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН, и законопослушных несовершеннолетних надеются, что в будущем они не совершат правонарушений. Остальные в этом не уверены.

О внутреннем мире несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН, многое говорят ответы на вопрос «Ради чего вы могли бы нарушить закон?» Лишь 13 % из них уверены, что не станут нарушать закон никогда. Остальные допустили, что при тех или иных обстоятельствах могут пойти на это. Основной причиной, которая может их к этому побудить, 61 % считают необходимость спасения своих родных и друзей. 41 % полагают, что смогли бы нарушить закон ради спасения свой жизни и здоровья. Выделяется группа несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН, которые считают допустимым правонарушение ради того, чтобы отомстить за обиду (22 %). Некоторые готовы нарушать закон ради наживы (11 %), приобретения авторитета (6 %), защиты интересов своей страны (5 %), карьеры (4 %), чтобы почувствовать себя сильнее и увереннее (4 %).

Несовершеннолетние, состоящие на профилактическом учете в ПДН, чаще, чем их законопослушные сверстники считают допустимым нарушение закона. Они чаще готовы оправдать свое противоправное поведение желанием отомстить, обогатиться, завоевать авторитет. Зато у них слабее выражены мотивы спасения родных и близких, своей жизни и здоровья. Эти несовершеннолетние также реже склонны нарушить закон ради интересов своей страны, чем законопослушные несовершеннолетние.

В этой связи интересно выглядит самооценка несовершеннолетними, состоящими на профилактическом учете в ПДН, уже совершенных ими противоправных

---

[1] © Крючков В. В., 2023.

деяний. Наиболее частой причиной постановки на учет в ПДН опрошенные считают сложившиеся обстоятельства (35 %). Стремление к наживе указали 11 %, желание получить острые ощущения – 8 %, подражание – 6 %, алкоголь и наркотики – 6 %, стремление к самоутверждению – 5 %, месть – 4 %. Заметим, что примерно четверть несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН, вообще уклонилась от ответа на данный вопрос, хотя на подавляющее большинство других вопросов они отвечали охотно. Нежелание отвечать говорит о внутреннем неприятии санкций со стороны общества. Можно сделать вывод, что чувство вины за совершенное у многих из них отсутствует, а значит, не исключен рецидив.

Заметим, что о причинах преступности в целом несовершеннолетние, состоящие на профилактическом учете в ПДН, готовы рассуждать более откровенно. Они считают главными факторами, толкающими человека на преступление, алкоголь и наркотики (53 %), стремление к наживе (52 %), месть (34 %), сложившиеся обстоятельства (34 %). Как видим, здесь сложившиеся обстоятельства, как доминанта преступного поведения, находятся далеко не на первом месте. Зато главная роль отводится корыстным мотивам самого преступника, а также влиянию алкоголя и наркотиков.

Также интересно оценить оценку несовершеннолетними, состоящими на профилактическом учете в ПДН, последствий их постановки на профилактический учет в ПДН. Положительно эти последствия оценили 40 % опрошенных, отрицательно – 16 %, нейтрально – 23 %. Показательно, что 21 % не дали никакого ответа, что говорит о каких-то внутренних трудностях, мешающих им высказать свою позицию по данному вопросу. Среди отрицательных последствий постановки на профилактический учет в ПДН многие несовершеннолетние называют ухудшение отношений с учителями, в то время как с родителями и сверстниками постановка на профилактический учет в ПДН влияет гораздо реже.

Некоторое представление о правосознании несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН, может дать анализ их отношение к полиции. Четверть из них категорически не желают помогать полиции. Вместе с тем, почти половина опрошенных считает возможным для себя сообщить о готовящемся или совершенном преступлении, 28 % – выступить в качестве свидетелей. 16 % опрошенных даже полагают, что могли бы принять личное участие в охране общественного порядка. Соответственно, чем больше активности требует оказание того или иного вида содействия, тем меньше желающих его оказать. Законопослушные несовершеннолетние чаще готовы помогать полиции, чем несовершеннолетние, состоящие на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних. В том числе обращает на себя внимание их готовность выступить официально со свидетельскими показаниями (45 % против 28 % у несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних), принять личное участие в охране правопорядка (20 % против 16 % у несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН). Таким образом, у многих несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН, сохраняется настороженное отношение к полиции, нежелание идти с ней официально сотрудничество.

Несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН, просили выбрать три наиболее важные ценности. Выяснилось, что опрошенные выше всего ценят семейные отношения (65 %), хороших друзей (47 %), материальное благополучие (42 %), любовь (35 %). Следует опираться на положительные ценности, мотивируя их перспективами создания и сохранения хороших отношений в семье, с друзьями, возможностью получить хорошо оплачиваемую работу при условии правопослушного поведения. Вместе с тем, важно развивать у них чувство ответственности, которую они ценят гораздо реже (например, лишь 15 % указали в числе трех важнейших ценностей уважение со стороны людей).

Подведем итоги. Правосознание несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН, заметно отличается от правосознания законопослушных несовершеннолетних. Несовершеннолетние, состоящие на профилактическом учете в ПДН, чаще готовы нарушить закон, причем среди них заметно больше лиц, готовых нарушить закон в силу асоциальных установок (корысти, властолюбия, самоутверждения и т. д.). Вину за постановку на профилактический учет эти несовершеннолетние зачастую возлагают не на себя, а на сложившиеся обстоятельства. Для многих несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН, характерно скептическое отношение к тому, что их поставили на учет. В гораздо меньше степени данная категория несовершеннолетних готова сотрудничать с полицией. В связи с этим можно считать обоснованными санкции, примененные в отношении данных несовершеннолетних со стороны государства. В работе с несовершеннолетними, состоящими на профилактическом учете в ПДН, следует опираться на такие привлекательные для них ценности, как хорошие семейные отношения, дружба, материальное благополучие, любовь.

Медушевская Н. Ф.[1]*,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

УНИВЕРСАЛИЗМ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

В эпоху Просвещения стали доминировать представления о неизменности человеческой природы, что способствовало рождению идеи об универсальности человеческих ценностей. В то время в западном мире постепенно стали преобладать ценности либерализма, в нашу эпоху к ним стали относить прежде всего ценности посткапиталистического мира, который признается агрессивным Западом как наиболее экономически развитый и передовой, требующий подражания и безоговорочного следования. Соответственно эти ценности переносились и в область правосознания, которое рассматривается в качестве нормального, если следует под неусыпным оком «старшего брата».

Таким образом, универсализация правосознания сопровождается его стандартизацией, которая неизбежно и умышленно приводит к нивелированию особенностей национальной психики, к стиранию различий в национальном характере, традициях, обычаях, образе жизни и мысли. Но не надо забывать, что правосознание народов в принципе не может быть одинаковым, оно различно, как отличен менталитет, политический строй, развитость экономической жизни и духовного мира каждой нации. Понятно, почему Н. С. Трубецкой называет психологию романо-германцев эгоцентрической [4, с. 111], имея в виду не только ее индивидуалистичность, но и агрессивность.

В эпоху Возрождения были основательно пересмотрены основы западноевропейского понимания человека, произошел так называемый пассионарный переворот в культуре, и человек из подобия образу Бога превратился в автономное существо, которое само поставило себя на место Бога, провозгласив вершиной творения и мира. Н. С. Трубецкой пишет: «Поэтому всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной» [4, с. 111]. Отсюда – возвышение своей нации над всеми остальными, которым дозволяется поставить себя вровень с ними, если они станут признавать их формы социальности и духовности господствующими и единственно верными. Именно эта культура стала пониматься как общечеловеческая. Отсюда вытекает принцип европоцентризма, а позже евро- и американоцентризма.

Россия по сравнению с Европой является цивилизацией молодой, следовательно, ее участь – вобрать в себя западноевропейскую культуру, которая должна стать обязательной для всех неевропейских народов. При этом следует иметь в виду, что европейская культура тоже изменилась, она динамична и ныне покоится уже не на тех классических либеральных основаниях, которые ее характеризовали хотя бы в Новое время. Сейчас некоторые ее принципы доведены до абсурда и неузнаваемости.

---

[1] © Медушевская Н. Ф., 2023.

Стремление превратиться в европейцев характерно для России, особенно начиная с XIX в., когда культурные слои общества перенимали образ жизни западноевропейца, его стиль мышления и теоретико-аналитического анализа. Поэтому в целом наша философия и юридическая наука в значительной степени стала эпигонской, впрочем, ее сильные стороны заключались именно в том, что в ней были весьма продуктивные попытки переосмыслить европейские ценности на русский лад. Между тем наиболее оригинальной оказалось наше художественное творчество: музыка, литература, балетное, а в какой-то степени и изобразительное искусство.

Выдающиеся умы XIX и XX вв. стремились постичь самих себя, утвердить в духовности свою самоидентичность, определить специфику национального характера и менталитета. Чтобы оставаться самими собой, а не настоящими западноевропейцами, осуществлялись бесконечные поиски общественного идеала и своего предназначения, путей развития, места в мире и на Земле.

Особенности политико-правового порядка Западной Европы заключаются в доминировании корпоративной культуры, защите законных прав личности и утверждении незыблемости ее обязанностей, и это привело к формированию автономной личности, а ныне – общества атомизированных индивидов. Для Востока же характерна культура, в которой личность растворена в целом, автономия личности рассматривается как злостное нарушение общественного порядка, где господствует строгая ритуализация и иерархизация социального целого.

Примерно 100 лет назад Н. С. Трубецкой пишет: «Русская интеллигенция в своей массе продолжает раболепно преклоняться перед европейской цивилизацией, смотреть на себя как на европейскую нацию, тянуться за природными романо-германцами и мечтать о том, чтобы Россия в культурном отношении, во всем была подобна настоящим романо-германским странам» [5, с. 371]. Он связывает это с отсутствием свободы мысли, раболепным подражательством и преклонением перед всем западным. Особенно вредной, с его точки зрения, стала «моральная поддержка иностранного владычества». И если русская интеллигенция, Россия в целом не освободится от власти романо-германского ига, оно никогда не сможет обрести свою самостоятельность, превратившись в колониальную державу, придаток Запада. Поэтому вопрос о государственном строительстве и политической системе перестает быть первостепенным, на передний план выдвигаются проблемы выработки миросозерцания, наполненного самобытной национальной духовностью: «Общим требованием, предъявляемым ко всем, является радикальный переворот в мировоззрении» [5, с. 377].

Ориентация лидеров перестройки на либеральное мироустройство формально поддерживала идею естественных прав человека и их защиту. Но в действительности не учитывалось, что свободный рынок – центральная экономическая идея либеральной идеологии – развязывала конфликтность и противоречивость в области экономической конкуренции. Как пишет А. Г. Дугин, «экономическая конкуренция при этом должна представлять собой «джунгли», т. е. совершенно неупорядоченное пространство, где позиции игроков могут постоянно меняться и их приемы совершенствоваться; более того, субъекты рынка могут постоянно мутировать, укрупняться или дробиться, подстраиваясь под

конъюнктуру» [2, с. 376]. В этом нам видится корень агрессивности коллективного Запада, который осуществляет прежде всего экономическое насилие, и оно поддерживается социальным, духовным, физическим и другими способами. Постоянная борьба за экономическое господство облекается в разнообразные идеологические одежды, будь то феминистская, националистическая, религиозная идеологии, – они поддерживаются и навязываются средствами информационных технологий, путем мифологизации и виртуализации социального пространства. Естественно, в такой войне происходит кардинальное деление на своих и чужих, победителей и побежденных, аристократов и рабов.

Возвращаясь к евразийской концепции, отметим, что многие ее идеи в силу их актуальности могут быть использованы и в нашей сегодняшней действительности.

Прежде всего остановимся на идее многополярности. Нашу эпоху называют эпохой глобализации, когда появляются транснациональные объединения, банки, корпорации. Общества становятся открытыми, а значит, активно взаимодействующими друг с другом в экономической, политической и культурной сферах. Но чем дальше осуществляются глобализационные процессы, тем очевиднее их крен в сторону западных моделей развития, образцов жизни и поведения, социального строительства, образования, воспитания, повседневности, искусства, мировоззренческих позиций в научном знании, которые, хоть и претендуют на объективность и независимость от идеологических координат, на самом деле весьма далеки от реализации этой идеи на практике. Происходит разрушение традиционного уклада жизни, навязывание несвойственных многим культурам образцов. Хотя еще Г. В. Флоровский утверждал, что европеизация коснулась и была воспринята только небольшим процентом российского населения, основная же масса ее не воспринимала, оставаясь в рамках привычного патриархального, т. е. старого мировоззрения [6, с. 349]. И в этом смысле весьма актуально звучит фраза Н. С. Трубецкого: «Отныне интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, быть может, Китая и других стран Азии. «Азиатская ориентация» становится единственной возможной для настоящего русского националиста» [5, с. 371].

Из первой идеи закономерно вытекает и вторая идея, согласно которой под универсальностью ценностей Запад стал понимать преобладание своих ценностей. Поэтому неудивительно, что евразийцы отбрасывали веру в универсальность таких ценностей, противопоставляя им ценности конкретного социума.

Следовательно, исходя из логики евразийцев, самой главной задачей социально-исторического развития каждого общественного организма является духовное развитие человека, его нравственное и религиозное воспитание, а не упование на выдающиеся результаты научно-технического и экономического прогресса, который может сделать индивида счастливым. Обратимся к книге «Общество потребления», в которой Ж. Бодрийяр метко отмечает, что «искренняя вера в потребление составляет новый элемент; новые поколения являются отныне наследниками – они наследуют не только блага, но и естественное право на изобилие» [1, с. 21].

Обращаясь к аксиологическому сознанию человека, евразийцы справедливо отмечали, что индивидуализм и индивидуалистическая идентичность не могут

быть универсальными ценностями всего человечества, что для каждого локального общества могут быть свои ценности, своя ценностная иерархия.

И последнее. Ориентация западноевропейского Просвещения на Разум, культ рационализма не есть единственно правильная и универсальная мировоззренческая позиция. В XIX столетии наука все глубже проникает во внутренний мир человека, открывает неизведанное поле человеческой психики за пределами сознания. Человек – это огромный мир, Вселенная, в нем мирно уживается рациональное и иррациональное, мистическое и научное, эзотерическое и теоретическое.

Автор не склонен идеализировать евразийские идеи, многое из того, что было предложено евразийцами, не может быть принято и воспринято однозначно. Нельзя отрицать в целом значение европейской культуры для человечества, тем более что именно в ней были созданы предпосылки для развития теоретического познания. Но она не единственная и тем более не самая «лучшая», как сейчас позиционирует себя коллективный Запад, и вовсе не превосходящая все остальные культуры.

Возвращаясь к правовому сознанию, следует отметить его глубокую диалектическую связь с нравственным сознанием, в котором также должны меняться приоритеты в связи с новыми социальными реалиями. Ганс Йонас в книге «Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации» утверждает, что в связи с этими изменениями социального мира многие позиции традиционной этики требуют и ждут своего пересмотра. Начиная с этики Аристотеля, в центре ее внимания неизменно находились категории добра и зла, но сейчас в связи с изменениями во всех сферах деятельности, будь то политическая, экономическая, правовая или интеллектуально-духовная, на передний план выдвигается категория ответственности. Какие аргументы приводит Йонас?

Прежде всего, он обращает внимание на то, что фундаментальным принципом традиционной этики было убеждение в неизменности природы человека и вещей, следовательно, в неуязвимости экзистенциалов человеческого бытия. Но современная техника не только стимулирует появление технократического мышления, нацеленного на материальное благополучие и потребление, она меняет самого человека. Не напрасно ведь сейчас в научной литературе все чаще говорят о возможном появлении наносубъектов. Другими словами, техника начинает подчинять себе своего создателя – человека. Бурное развитие биотехнологий свидетельствует, что не только сознание человека, но и его физическая природа не являются неизменными.

В философии Платона отчетливо представлена установка на высшее благо, оно трансцендентно миру изменчивых, преходящих вещей, ценность его определяется исключительно сопричастностью вечному благу, обладающему истинностью. Тем самым, утверждает Г. Йонас, этика направлена не на мир земного, а на мир сверхчувственного. Но мир сегодняшнего дня изменился, человек все больше осознает пагубные результаты своей хищной деятельности по преобразованию природы и самого себя. Осознание последствий – вот что должно наполнять современную этику, научное знание наполняется нравственным содержанием, поэтому все последствия человеческой деятельности должны быть точно просчитаны и объективно оценены, поэтому новая этика должна быть направлена

в будущее, стать этикой предостережения. Мыслитель особое значение придает отрицательным прогнозам, чтобы вызвать страх и спасти человечество от непродуманных решений и опрометчивых действий.

Следовательно, если традиционная этика касалась преимущественно взаимоотношений и коммуникаций между людьми, то новая этика выдвигает на передний план категорию ответственности за саму природу, человека и их целостность. Г. Йонас пишет: «Сберечь целостность его сущности, что подразумевает также и целостность окружающей среды; пронести эту вверенную ему ценность в необезображенном виде через все опасности, которым подвергает его время, и по большей части миновать опасности со стороны его собственных чрезмерно величественных деяний – вот не утопическая цель, однако и не такое уж скромное задание ответственности для будущего человека на Земле» [3, с. 408]. Этот вывод следует, по мнению автора, распространить и на правовое сознание, которое традиционно оперировало в первую очередь категориями свободы и справедливости. В настоящее время в правовое сознание должно активнее внедряться понимание долга, правовой дисциплинированности и правовой ответственности за те решения, которые принимаются законодательно, за их неукоснительное соблюдение с целью преодоления халатности и правового нигилизма.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : АСТ, 2020. 320 с.
2. Дугин А. Г. Философия политики. М. : Арктогея, 2004. 616 с.
3. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем., предисл., примеч. И. И. Миханькова. М. : Айрис-пресс, 2002. 480 с.
4. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку : сборник. 1921. С. 71–85.
5. Трубецкой Н. С. Русская проблема. URL: http://az.lib.ru.
6. Флоровский Г. В. О патриотизме праведном и греховном. 1922. С. 82–88.

Желдыбина Т. А.[1]*,*
доцент кафедры истории государства и права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОСОЗНАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЯ (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Процесс законотворчества является комплексным, многогранным правовым явлением, предполагающим изучение разнообразной проблематики. Немаловажное значение в современных условиях приобретает аксиологический аспект законотворческой деятельности, связанный с ценностными установками на пути повышения качества российского законодательства. В этой связи ключевой интерес представляет категория «правосознание» применительно к субъектам законотворчества.

«Между правосознанием и законотворчеством, – отметил Л. В. Карнаушенко, – существует смысловая связь на уровне тех оснований, которые определяют необходимость закона в конкретной социокультурной ситуации» [3, с. 25].

Нельзя не согласиться с мнением А. В. Дербиной о том, что правосознание является сложным, многоаспектным интегральным явлением, отражающим результаты процессов правовой социализации, состояние законности, правопорядка в обществе и выполняющим роль важнейшего элемента структуры правовой культуры и правотворческого процесса [2, с. 11].

В правовой науке общепринято определение «законодатель», под которым понимается в целом как орган законодательной власти, так и лицо, устанавливающее законы. И хотя на уровне Федерации Государственная Дума принимает Федеральные законы, право вносить их на рассмотрение принадлежит также Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации, Правительству Российской Федерации, Конституционному и Верховному Судам Российской Федерации (однако высшие суды только конкретизируют законодательство). При Федеральном Собрании Российской Федерации 21 мая 2002 г. образован Совет законодателей как совещательный и консультативный орган.

Что из себя представляет российский законодатель?

История вопроса уходит своими корнями к началу XIX века, когда проблема подготовки будущих законотворцев стала актуальной по причине необходимости систематизации законодательства. Изменения в праве касались больше его формы, а не содержания. Общеимперское право оставалось разрозненным, а на уровне отдельных территорий законы были более совершенны.

Например, гражданские законы губерний Царства Польского существенно отличались от гражданского законодательства России в сторону более четкой регламентации гражданских прав [8, с. 192]. В Прибалтийских губерниях действовал Свод Гражданских узаконений губерний Прибалтийских, в Бессарабской

[1] © Желдыбина Т. А., 2023.

губернии – Румынский гражданский кодекс, в Финляндии – Шведское уложение 1734 года [9, с. 64].

В XIX – начале XX вв. особым предметом для преподавания стало законоведение, а издававшиеся учебники и курсы по законоведению становились основными пособиями для изучения закона. Законоведение преподавалось в средней школе, в специальных учебных заведениях, на юридических факультетах университетов. Получило распространение и так называемое отраслевое, специально-юридическое законоведение – церковное, морское, торговое.

Примечательно, что законодатель того времени был не только хорошим теоретиком, но и занимался практической работой (собственно необходимость практической деятельности сыграла значительную роль в становлении российского законоведения).

Например, именитый цивилист К. И. Малышев занимался практической деятельностью при Государственном Совете – сначала старшим чиновником вновь учрежденного Кодификационного Отдела, затем в Редакционной Комиссии по составлению проекта Гражданского Уложения. Кроме того, он состоял членом консультации при Министерстве Юстиции.

Сегодня законодатель – это субъект, как правило, имеющий высшее юридическое образование, обладающий правовыми знаниями, ораторским искусством и определенным набором положительных личностных качеств, внутренних морально-нравственных установок.

Законодательство формируется в процессе сознательной волевой деятельности человека, который нередко далек от совершенства и находится под влиянием множества факторов. Общепризнанное мнение на этот счет сложилось и высказывается рядом авторов.

«В условиях формализации процесса законотворчества законодатель превращается в субъекта, функционирование правосознания которого минимизируется» [1, с. 21], он «не готов к изменениям, которые требуют затрат времени, выражает приверженность к административно-командной системе, демонстрирует завышенную самооценку в области юридических тонкостей и решения вопросов, охватывающих различные сферы» [6, с. 69].

Современному законодателю «необходимо исходить из осознания взаимосвязи между господствующими ценностными установками и эффективностью нормативных регуляторов, установленных публичной властью» (И. А. Треушников, С. Л. Ивашевский) [11, с. 211].

На страницах юридической литературы не раз высказывалась точка зрения о влиянии на законотворчество большого количества факторов (Д. А. Керимов, И. И. Шувалов, К. Ю. Кудрин) [4, с. 14–15; 12, с. 120; 5, с. 241–242].

На факторы, имеющие субъективное значение, указывает М. Ю. Спирин. С его точки зрения, так как закон принимается государственным органом (парламентом) либо предлагается этим органом на рассмотрение населению, он несет в себе черты коллективной воли законодательного органа государственной власти, которая начинает проявляться вовне в процессе утверждения плана законопроектных работ, а потому в процессе законотворческой деятельности влияние субъективных факторов особенно велико [10, с. 22].

К их числу относится и правосознание субъектов законотворческой деятельности, высокий уровень которого является неким идеалом в научной и практико-ориентированной юридической среде.

Менталитет и традиции общества, исторически сложившиеся принципы права, правовая политика, проблема соотношения источников права – все эти факторы оказывают важное влияние на правосознание законодателя. Немаловажную роль играет процесс подготовки будущего юриста, высшее учебное заведение, в котором он получает образование; тип правопонимания, формируемый на базе определенной научной юридической школы.

Достаточно широко разработаны в научной правовой литературе вопросы деформации правосознания. Так, Е. И. Махрова, анализируя данную проблему, указала на социально-экономический фактор, влияющий на профессиональное правосознание. Входя в «касту» законодателей, элиту парламентской деятельности, субъект законодательной деятельности получает определенные блага, становится частью политической номенклатуры. Материальное обеспечение данной деятельности на этапе работы и после сложения полномочий, степень социальной защищенности очень высоки, что и объясняет повышенный интерес к данной должности. Деформация уже на этом этапе становится явной, что связано с достигнутым уровнем жизни и всем, что этому сопутствует [7, с. 208].

К одной их форм деформации правосознания относится феномен перерождения правосознания.

Человек к тому же в течение жизни переживает личностные изменения, меняются его уровень знаний, профессиональный опыт, ценностные ориентиры, жизненные приоритеты и эмоциональное восприятие.

Но, говоря о деформации правосознания законодателя (отсутствие адекватного восприятия, нарушение уяснения сущности права), следует разграничивать эту правовую категорию с субъективным восприятием правовой действительности.

Реалией современного правового развития стала хаотичность действующего законодательства, огромное количество принимаемых нормативно-правовых актов, их бессистемность и подчас противоречивость. Правосознание является одним из внутренних факторов, оказывающих влияние на сбалансированное действие механизма обеспечения процесса законотворчества.

Список литературы

1. Быков А. Н. Роль правосознания в юридической практике : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2012. 27 с.

2. Дербина А. В. Правосознание как элемент правовой позиции субъекта правотворчества : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Казань, 2011. 29 с.

3. Карнаушенко Л. В. Соотношение оснований законотворчества и правосознания как фактор целостности социально-правовых отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 24–29.

4. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права. М. : Современный гуманитарный институт, 2000. 82 с.

5. Кудрина К. Ю. Влияние зарубежного законодательства как факультативного фактора на законотворчество в России // Личность. Ученый. Учитель. Памяти

профессора Виктора Степановича Основина. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2008. С. 241–249.

6. Махрова Е. И. Законодатель как носитель профессионального правосознания // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 5 (94). С. 67–71.

7. Махрова Е. И. Нравственно-этическая составляющая деформации профессионального правосознания субъектов законотворчества // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия : сборник статей по материалам XXV Международной научно-практической конференции. М. : МЦНО, 2019. С. 44–48.

8. Медушевский А. Н. Проект Гражданского уложения Российской империи в сравнительном освещении // Цивилистические исследования. Вып. 2. М. : Статут, 2005.

9. Мозолин В. П., Беседин А. Н. История цивилистической мысли в России // История юридических наук в России : сборник статей. М. : МГЮА, 2009. 503 с.

10. Спирин М. Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Казань, 2000. 21 с.

11. Треушников И. А. Правовой идеал и качество отечественного законотворчества // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 210–212.

12. Шувалов И. И. Теория законотворчества. М. : Норма, 2006. 206 с.

Плотников В. В.[1]*,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор социологических наук, доцент

ДИАЛЕКТИКА ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫХ И ПОЗИТИВНЫХ УСТАНОВОК В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

Вопрос о взаимном переходе естественно-правовых и позитивных установок лежит в двух областях: непосредственной реальности и правовой теории. Парадигмы естественного и позитивного права, с позиции таких авторитетных исследователей правовой реальности как Л. В. Карнаушенко [2, с. 160] или И. Л. Честнов [5, с. 230–233], являются сравнимыми лишь номинативно, если их подвести под общее понятие «теория права», однако, будучи частными формами отдельных и радикально отличающихся друг от друга теоретических парадигм, они оказываются несравнимыми. С точки зрения данной позиции, нельзя объективно сравнивать обе теории, будучи приверженцем метафизического способа мышления, приверженцем диалектики, или приверженцем позитивистской методологии.

В связи с этим, возрастает актуальность обнаружения концептуальных инвариантов в каждой теории, которые позволили бы их рассматривать по возможности отдельно от метафизического или позитивистского контекста. Тем самым, парадигмальный подход является источником построения «чистых» концепций и систем, тогда как построение правовой реальности, хоть и опирается на концептуализацию, но развивается с течением времени и в привязке к конкретным культурно-историческим особенностям.

Так трансформация постсоветского пространства философии права находится в зависимости от двух факторов. Это наследие советского периода истории, когда все социально-гуманитарное знание было подчинено официальной идеологии политического развития. Подобная ситуация отразилась и на философско-правовом дискурсе, который был ограничен в рамках определенных философско-правовых воззрений. Здесь происходит процесс дифференциации философско-правового знания на соответствующее и не соответствующее официальной идеологии. Этот процесс также инициировал формирование философско-правовых воззрений реакционного толка, которые интенсивно прорываются после окончания советской эпохи. В качестве второго фактора выступает неопределенность развития страны, возникшая после социально-политических трансформаций 90-х гг. XX в. Происходящие культурные и общественные изменения необходимо требуют философского осмысления, поэтому несмотря на идеологическое освобождение, философско-правовая мысль оказывается перед социокультурными проблемами, которые требуют немедленной реакции.

Постсоветское пространство развертывания правовой реальности столкнулось с состоянием дюркгеймовской аномии (для многих – ценности прошлого ушли, но новые еще не закрепились). Ощущение заброшенности, отстраненности,

[1] © Плотников В. В., 2023.

правового кризиса породило в обществе постперестроечной России потребность в этических основах.

Современными авторами отмечается, что анализ исторических изменений в условиях формирования права и его отношения к этическому сознанию, так или иначе, предполагает осмысление специфики естественно-правовой теории и противоречия между естественно-правовым и позитивно-правовым подходом. Данный аспект имеет большое значение для понимания поставленных на данном этапе вопросов, поскольку именно в рамках дискуссии между сторонниками естественно-правового и позитивно-правового подходов была произведена последовательная разработка вопроса о природе права и, в том числе – о его отношении к идеальной сфере этического. В постсоветском пространстве все больше происходит противопоставление «закона на бумаге» и «правды». Поиск постсоветским человеком этой самой правды проявляется как в паттернах поведения, так и в произведениях массовой культуры этого периода.

Кардинальное противоречие между естественно-правовой и позитивно-правовой теориями состоит в том, что именно рассматривается в качестве права. С точки зрения позитивно-правового подхода, право – это совокупность актуально действующих на уровне конкретного государства нормативных установлений [1, с. 96–97]. Специфика позитивно-правовой установки состоит в том, что она рассматривает, преимущественно, институциональный и технический аспекты права, не ставя при этом под вопрос корректность того или иного закона, его справедливость, человечность и т. д. Данный подход во многом социологичен и предполагает акцент на внешнем анализе фактически действующего институционально-обусловленного набора юридических норм.

Вместе с тем, для постсоветского правового пространства была характерна еще одна существенная проблема. Ответственность за правовую некомпетентность. Как таковая некомпетентность развивалась не только в силу кризиса системы образования, но и являлась логическим продолжением позиционирования «правды» выше «писанного закона». В некотором смысле, если правда – основа правового поведения, а закрепленный официально закон – эффективен лишь в некоторых случаях, то потребность в юридической подкованности подменяется знанием норм и обычаев.

Правовая некомпетентность как социальная тенденция расставила новые акценты в правовом поле российской действительности постсоветского периода. С одной стороны, члены общества могут в силу незнания совершить преступное действие, полагая, что они действуют в рамках правового поля. С другой – незнание действующих законов влечет за собой непонимание собственных прав и законодательно определенных возможностей, что может привести уже к допущению различного рода злоупотреблений и нарушений в свой адрес.

Помимо двух основных негативных последствий незнания законов следует отдельно отметить такой момент, как нарушение условий формирования позитивного отношения к праву, связанное с незнанием членами общества своих прав и, соответственно – тех возможностей, которые предоставляет им соответствие социальной практики действующим правовым установлениям. По мнению Л. В. Карнаушенко, в ряде западных обществ в основу развитого правосознания

ложится именно осознание членами общества значимости собственных прав и их встроенный в общую систему права характер [3, с. 280–282].

Итак, знание законов или, иначе говоря, правовая грамотность – это базовый аспект правосознания, определяющий понимание людьми границ допустимой с точки зрения действующей системы права деятельности, что распространяется как на них самих, так и на окружающих их людей.

Человек как существо разумное может нарушать естественный порядок вещей только из-за незнания этого порядка, вследствие своего невежества. Поэтому для предупреждения преступлений надо просвещать людей, доводить до их сведения содержание разумных законов. Обозначенный принцип прошел ряд трансформаций, но, вместе с тем лег в основу современного правосознания.

В условиях социума для преступности характерна связь между поведенческим мотивом и реакцией на него общественных институтов, иными словами, взаимодействия личностных актов действия и их оценки с точки зрения различных категорий большими социальными группами. То, что в одном обществе может порицаться как нарушение правил поведения, в другом будет считаться серьезным правонарушением, а в третьем – представлять собой обычную повседневную практику.

Чтобы определить преступность как общественный феномен с точки зрения его исторической и социальной сущности, исследователю необходимо выявить особенности социокультурной организации рассматриваемого общества и проследить эволюцию (или деградацию) системы общественных ценностей. Основой преступности, с философской точки зрения, является изменение социальных норм (правил поведения) в зависимости от развития самого общества и трансформации его ценностей внутри социокультурной системы.

Вместе с тем, вопрос о правотворчестве и влиянии «закона писанного» на правовую реальность остается актуальным для современной российской действительности. С позиции поведенческой психологии права, ведение определенной нормы как решение властителя может либо выражать специфику исторически сформировавшейся нормативности в отношениях, либо иметь по отношению к устоявшимся моделям взаимодействия внешний характер. Петражицкий [4] весьма своеобразно поставил вопрос о соотношении основ правового взаимодействия и позитивного права.

Последнее тем эффективнее встраивается в систему отношений, чем более оно соответствует ей. И, напротив, в отдельных случаях возможны ситуации, когда совокупность исторически сложившихся в определенной среде норм взаимодействия начинает противоречить официальному праву (тому «правовому факту», который еще не есть область правовых отношений, покуда он не пройдет путь «сверху вниз» от законодателей до рядовых носителей социальной активности). Последнее отечественный исследователь обозначал в качестве одного из оснований ситуации неготовности членов общества следовать букве закона.

Подводя итог, следует отметить, что тенденции позитивного и естественного права находят свое отражение во всех важнейших сферах современного российского общества. Вместе с тем, установка на поиск «правды» и отношение к сфере права как, в первую очередь, карающей (в разной степени) порождает такие

казусы правосознания как допустимость правонарушения. Прямой иллюстрацией такой допустимости в социальном сознании является совокупность ответов на гипотетический вопрос: с какой скоростью следует (или можно себе позволить) ехать, управляя транспортным средством, если разрешенная скорость – 60 километров в час? И, соответственно, чем при этом руководствуясь.

Список литературы

1. Барсукова А. А. Соотношение естественного и позитивного права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2019. № 1 (22). С. 95–100.

2. Карнаушенко Л. В. Естественное и позитивное право: перспективы преодоления противоречий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2 (40). С. 159–163.

3. Карнаушенко Л. В. Роль метафизики права в современном философско-правовом дискурсе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3 (37). С. 277–282.

4. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1–2. СПб., 1909–1910.

5. Честнов И. Л. Перспективы и проблемы социокультурной антропологии права: ответ на критические замечания // Lex Russica. 2016. № 6 (115). С. 225–233.

Маркова Н. А.[1]*,*
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Текущий период времени характеризуется тенденцией на многогранность и конвульсивность изменений, происходящих в общественном сознании. Соответственно, правосознание оказываясь подверженным влиянию со стороны различного рода явлений и процессов, находится в состоянии постоянной трансформации, что обусловлено и сопровождается не только направленностью на изменение существующих устоявшихся позиций, но и появлением принципиально новых представлений, внедряющихся впоследствии непосредственно в ядро механизма формирования комплексной системы взглядов конкретно определенных субъектов, выражающихся в своеобразном переходе из одного состояния в совершенно иное.

Понятие трансформации правосознания обладает многоспектральностью наполнения, поскольку формат осуществляемых изменений непосредственно соотносится не только с формирующейся системой идейных установок и имеющихся взглядов, но и с положениями различных концепций, выстроенных соотносительно различного рода установок складывающейся правовой действительности.

Терминологически «трансформация» означает преобразование, изменение вида, формы, существенных свойств чего-либо [1]. Сущностное наполнение указанного понятия целесообразно соотносить с такими производимыми изменениями самой системы, вследствие которых фактически осуществляется ее качественно направленное преобразование, ориентированное на дальнейшее развитие и которое впоследствии может оказать стержневое влияние, приводя к изменению собственно целевой направленности, необходимости в корректировке фундаментальных основ.

В целях осмысления сущности непосредственно самого процесса трансформации необходимо произвести его разграничение относительно смежных с ним категорий – «движение» и «развитие», – которые фактически выступают в качестве отражения одного и того же процесса, но при этом каждый термин имеет собственные специфические содержательные аспекты и фактически выражает конкретно различное отношение к чему-либо.

Трансформация выступает не просто как определенная поверхностно выраженная преобразовательная процедура, а проявляется в формате достижения таким путем качественно иного уровня общественной жизни, открывающего дополнительный спектр возможностей развития.

Правосознание выступает в формате интегрально комплексной сложно выраженной категории, идеи которого, согласно позиции С. С. Алексеева, являются «визитной карточкой права данного общества» [2, с. 156], что свидетельствует

[1] © Маркова Н. А., 2023.

об их онтологической детерминированности и коррелирующем влиянии относительно друг друга.

Содержательная характеристика термина «правосознание» выражается в формирующихся специфических особенностях, проявляющихся в процессе осуществления восприятия, осознания, оценивания, интерпретации права, а также вследствие установления непосредственно собственного отношения к нему конкретно определенного субъекта.

Смысловая ценность и значение правосознания в текущий период времени играют особенно важную роль, поскольку прослеживается направленность правовой системы на дальнейшее упрочнение основ общедозволительного типа регулирования, обусловленного необходимостью обеспечения впоследствии прогрессивно направленного развития [3, с. 7].

Ведущим содержательным аспектом трансформации правосознания выступает существенное конструктивное изменение качественных характеристик структуры и элементов функционирования собственно всей системы общества.

Динамическая направленность и эффективность происходящего процесса трансформации правосознания находится в прямой зависимости относительно способности тех или иных институтов и сопутствующих им факторов осуществлять направленность на реализацию ответной реакции на появляющиеся внутренние и внешние стимулы. И сам происходящий процесс последующей трансформации правосознания выступает как олицетворение его адаптирующей способности к различного рода изменениям, происходящим в социальной системе.

Вместе с тем устойчивый характер правосознания относительно принципиального изменения исторически сложившихся стереотипов обусловлен наличием уже сформированной мотивации, что зачастую свидетельствует о невозможности оказания молниеносного влияния и необходимости в определении более длительного периода времени, заложенного в регламентированных государственных концепциях, направленных на повышение уровня правосознания в обществе.

На специфические особенности трансформации правосознания оказывает непосредственное фундаментальное воздействие формирующееся социальное настроение, поскольку именно конфигурированное изменение мировоззрения общества выступает в качестве доминирующего показателя эффективности данного процесса.

Достижение высокого уровня эффективности правового регулирования общественных отношений находится в прямом соотношении с уровнем правосознания индивидов и обусловлено этим уровнем, выраженным в их готовности на произведение реализации регламентированных государством предписаний.

Процесс трансформации правосознания должен обладать объективно выраженной направленностью, осуществляемой посредством диспозиционного отклонения от возникающих деструктивно ориентированных тенденций правового характера в обществе и стремления к дальнейшему поступательному формированию исключительно позитивной его направленности.

В процессе общественного развития механизм оказываемого влияния трансформированного правосознания на сущностное содержание права становится

содержательно имманентно инкорпорированным в процесс формирования правового пространства государства.

Построение правового государства и гражданского общества объективно предопределено необходимостью достижения высокой степени правосознания с учетом позитивно выраженных динамично происходящих трансформационных изменений, поскольку выступает в формате императивно обеспечивающего свойства верховенства регулирования права, необходимым условием эффективной реализации и обеспечения защиты фундаментальных общественных ценностей.

Список литературы

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный // URL: https://www.efremova.info.

2. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Бек, 1995. 311 с.

3. Погребная Ю. К. Правосознание современного российского общества: вопросы теории и методологии исследования : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2011. 27 с.

4. Маркова Н. А., Правкина И. Н. Теория государства и права. М. : Граница, 2021. 144 с.

Абдрахманов А. И.[1]*,*
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАКТИКЕ И ТРАДИЦИИ

Как отмечают современные авторы, «история коррупции фактически не уступает по древности истории человеческой цивилизации, более того – сопровождает существование публичной власти во всех ее формах, в любом государстве. Зарубежные историко-правовые исследования также доказывают неразрывную связь коррупции и управленческого аппарата» [1, с. 8–13]. При этом в актуальных реалиях традиционно нет оснований недооценивать серьезности коррупционной угрозы: «Коррупция – симптом того, что в системе государственного управления что-то не так. Государственные институты, созданные для регулирования взаимоотношений между гражданином и государством, вместо этого используются для личного обогащения и предоставления льгот коррумпированным хозяйствующим субъектам. Ценовой механизм, столь часто призванный быть источником экономической эффективности и стимулятором экономического роста, может – в форме взятки – подорвать легитимность и эффективность государственной власти» [8, с. 7]. В частности, наряду с криминальным аспектом, «продажное и некомпетентное чиновничество может свести на нет любые попытки борьбы с коррупцией» [8, с. 91].

Важнейшим условием противодействия коррупции является анализ накопленного в данной сфере опыта, в том числе и сравнения понимания коррупции в различных государствах, на основе различающихся цивилизационных подходов. В означенном контексте представители западной аналитики полагают, что «развивающимся странам и странам с переходной экономикой могут пригодиться исторические уроки, почерпнутые из опыта развитых стран» [8, с. 261]. Значение таких уроков особо весомо для сторонников подхода, согласно которому на «свободном» Западе коррупции нет, поскольку у них – свободная прозрачная экономика и честные, понятные правила игры, общие для всех. Люди в западных странах честней, ответственней и свободней, они соблюдают законы, что также делает коррупцию практически невозможной» [4]. Авторы приведенной цитаты сформулировали ее в саркастическом (критическом) ключе, но при этом пусть кратко, но достаточно объективно изложили аргументы сторонников так называемого европтимистического подхода. В любом случае, обращение к имеющимся данным позволит расширить представление об истоках и специфике коррупции в западном обществе, возможных отличий от подобных явлений в цивилизациях иного, континентального типа.

И в этом отношении показательна соответствующая история наиболее характерного представителя европейской цивилизации – Великобритании. Безусловно, именно эта страна первой в западной Европе воплотила многие политические

[1] © Абдрахманов А. И., 2023.

формы, правовые институты, повлиявшие на формирование современной европейской цивилизации. Выразительный панегирик английской политической традиции изложил Д. М. Петрушевский, подчеркнувший «захватывающий интерес, какой вызывает английская средневековая история у всякого, кто дорожит благами свободной государственности, ставшей культурным достоянием всего цивилизованного мира: ведь эта высочайшая культурная ценность современного человечества была создана конкретным процессом индивидуального английского политического развития, основы которого были заложены средневековой Англией» [7, с. 30].

Выразив свое восхищение английской традицией как таковой, профессор Петрушевский подчеркнул значение британских образцов для формирования всей западноевропейской цивилизации, отметив, что «современное конституционное государство есть дальнейшее развитие той английской конституции, которая в основных чертах функционировала в средневековой Англии уже с конца XIII века и в девятнадцатом столетии была реципирована и другими странами цивилизованного мира» [7, с. 30].

Обращаясь к опыту «высочайшей культурной ценности современного человечества», отметим, что проблема коррумпированности английского королевского двора, его учреждений и представителей всех уровней, проявляется уже в раннее средневековье, а именно с XII века. Например, одно из соответствующих свидетельств содержится в известии, что Генрих I (1068–1135) «отправил королевских судей в английские графства, в крупные судебные «турне» расследовать преступления, случаи злоупотреблений и коррупции … в местных органах власти» [2, с. 2].

Спустя более чем сто лет, при неоднократных обращениях Генриха III (1216–1272) к протопарламенту за необходимыми короне средствами, депутаты последнего «…не просто отказались давать деньги, они еще и громко жаловались на всепоглощающую коррупцию [2, с. 294]. Именно необходимостью «решить серьезную проблему коррупции на местах» были вызваны к жизни Оксфордские провизии 1258 г. [2, с. 304]. Впрочем, проходили столетия, государственный аппарат развивался, а проблема коррупции не утрачивала своей остроты. Так, выраженный фаворитизм, когда король проявлял «упорное предпочтение всего, что касалось этих фаворитов, государственным делам», взяточничество высших сановников дискредитировали правление Эдуарда II (1307–1327).

При Генрихе VI (1421–1471) «те же, кто должен был собирать налоги, больше занимались перепродажей должностей, назначать на которые полагалось парламенту (здесь и далее курсив авт.). Да и сам парламент давно перестал быть таковым: выборами манипулировали местные магнаты, выдвигавшие в него своих ставленников. Коррупция поразила и судебную систему» [5, с. 287]. Относительно судебной практики отмечается коррумпированность не только светских, но и церковных судов, впрочем, отмечается, что свидетельств таковой все же относительно немного [3, с 340].

При Елизавете I (1558–1603) вельможам жаловались доходные поручения, как, например, «патент на расследование нарушений указа о шерсти (что давало огромные возможности для шантажа и получения взяток)» [12, с. 160]. Менее

знатные особы «примыкали к придворным, которые могли бы обеспечить их должностями или дарами, и крупные награды направлялись тем, чью поддержку стоило иметь» [12, с. 157]. Характер парламента определяло то, что крупные магнаты определяли «…парламентариями своих собственных родственников и слуг» [12, с. 196].

Для иллюстрации общей распространенности взяточничества, заметим, что свидетельства такового содержатся не только в официальных актах, хрониках, летописях, но и в средневековой художественной литературе. Например, в «Любознательных поисках Джека из Дувра» встречается эпизод, когда судья, приняв по взятке как от истца, так и от ответчика, разрешил тяжбу в пользу той стороны, чье подношение оказалось более весомым [6, с. 167]. Тема продажности должностных лиц отражена и в иных литературных сочинениях рассматриваемой эпохи. В означенном контексте упомянем сочинения: «Парламент, протертый до дыр, или Поэты без гроша: сплошное веселье, острословие и довольство жизнью», «Показательное разоблачение самых отвратительных обманов и шулерства при игре в кости, другие хитрости игры: Полезное руководство для всех молодых джентльменов и прочих честных граждан» [6, с. 203, 248, 288]. Авторы приведенных сочинений проявляют убедительную осведомленность о готовности королевских уполномоченных пойти на встречу интересантам в обмен на соответствующую мзду.

Итак, имеющиеся данные свидетельствуют, что коррупция в Англии оставалась значимой проблемой, начиная с царствования Генриха I и до английской буржуазной революции [2, с. 42, 294, 304; 13, с. 260–261, 300; 3, с. 10, 143–144]. Показательно, что в числе причин обрушившихся на Туманный Альбион революционных потрясений исследователи отмечают не только общественное возмущение режимом абсолютизма самим по себе, но и его коррумпированностью [3, с. 400].

При общей характеристике явления коррупции средневековой Англии, невозможно не принимать во внимание определенных реалий феодализма. А именно: характерные признаки означенного исторического уклада выражались в том, что королевские должности предполагали не только статус и обязанности, но и прямой допуск к определенным материальным выгодам, а точнее – к возможностям их овладением. Проще говоря, к прямому обогащению уполномоченного лица через распоряжение сбором податей, пошлин, штрафов и прочих поступлений. В реалиях Средневековья нередко предусматривался порядок, при котором королевские уполномоченные, осуществляя соответствующие сборы, обеспечивали прежде всего собственные достаток, возможности, могущество и уже только в следующую очередь выделяли оговоренную часть поступлений в пользу короны. Не случайно означенный (или подобный) уклад на Руси назывался именно «кормлением».

Соответственно, обращаясь к примерам проявления коррупции в средневековую эпоху, заметим, что тогда это понятие применялось не столько в смысле противозаконного использования служебного положения для личного обогащения, а скорее как испорченное, неправильное управление. Например, когда сановники пренебрегали своими обязанностями по обеспечению порядка и безопасности во

вверенных графствах и приходах, пускаясь при этом в прямой грабеж подвластного населения, нападения на соседей, похищение людей и прочие бесчинства. Понятно, что в рассматриваемую эпоху «большинство англичан считали главным злом для страны то, что влиятельные люди злоупотребляли своей властью и могли бросить вызов закону, помешать осуществлению правосудия и силой добиться своих целей. Документы изобилуют рассказами об убийствах, избиениях, разрушениях замков, грабежах, которые чинили вооруженные свиты лордов. По большей части эти акции проводились при попустительстве могущественных придворных покровителей, которые оберегали нарушителей спокойствия от возмездия, запугивали недовольных и вынуждали пострадавших хранить молчание» [10, с. 63].

Ярким примером подобного самоуправства может послужить перечень «художеств», совершенных за срок около года депутатом парламента, сэром Томасом Мэлори, а именно: «В конце 1449 – начале 1450 г. с отрядом в двадцать шесть человек Мэлори пытался заманить в засаду и убить герцога Бекингемского, в мае и августе 1450 года обвинялся в насилии и вымогательствах, но умудрился избегнуть заслуженного наказания. В 1451 г. сэр Томас совершил много новых «подвигов»: украл несколько сотен голов скота, терроризировал монахов из Монкс-Кирби, убил оленя в парке Келадон, принадлежавшем герцогу Бекингемскому. Он ворвался в аббатство Комб, где забрал деньги и украшения, а на следующий день имел наглость вновь вернуться туда с отрядом в сто человек, оскорблял монахов и обобрал их до нитки» [10, с. 63].

В царствование Елизаветы I представители высокого сословия не сильно приблизились к образцам благородства и законопослушания. Достаточно упомянуть, что командиры английских воинских подразделений скрывали убыль личного состава (погибших в боях, скончавшихся от лишений, дезертировавших) с целью присвоения солдатского содержания. Исследователь Кристофер Хейг предполагает, что иногда по этой причине разница в списочном и реальном составе войск приближалась к 50 %. Так, этот автор отмечает: «предполагалось, что у Грея было 9500 пехотинцев; он составил план атаки, для которого требовалось 9000, но, по всей вероятности, у него и 5000 не было» [12, с. 222]. Не отставали в корысти и английские флотоводцы, игнорировавшие приказы своей королевы и направлявшие боевые эскадры не по замыслу военно-морских компаний, а в соответствии с собственными материальными интересами [12, с. 232–237].

Не менее грубые нравы проявлялась и в более высоких сферах, вплоть до окружения короля Англии. Достаточно вспомнить принца Кларенса (брата Генриха V), похитившего и насильственно удерживающего королевскую невесту, будущую королеву Анну. Кроме будущей королевы, герцог Кларенс похитил и одну из королевских фрейлин, осуществив над ней скорую и свирепую расправу: «Несчастную женщину ограбили, избили и в Уорике устроили над ней судилище. Кларенс заставил судей вынести смертный приговор, и через двадцать четыре часа ее повесили» [5, с. 353]. Увы, похищениями и расправами принц Кларенс не ограничился, позволив себе еще и насилие над королевским Тайным советом, принявшим не устроивший данного вельможу вердикт. Разъярившись на таковую нечуткость к своим интересам, буйный брат Генриха V ворвался на

одно из заседаний высокого собрания и принудил его участников задним числом пересмотреть ранее предложенное королем решение [5, с. 353]. Впоследствии не менее дерзко повел себя лорд Эссекс, в ответ на лишение его доходных полномочий попытавшийся ни больше, ни меньше «захватить королеву (Елизавету I) и сделать ее своей заложницей» [12, с. 181].

Безусловно, перечисленные безобразия дискредитировали английское «благородное сословие» и не могли не сказаться на отношении общества к главному представителю британского рыцарства – королю. Но приходится заметить, что и короли не всегда выступали примерами благородства, строгого следования добрым обычаям и разумным законам возглавляемой страны. Нередко правителям приходилось отвлекаться от задач текущего управления, в частности, для реагирования на выдвигаемые в их адрес обвинения.

Поводы для негодования, в некоторых случаях выливавшиеся в прямые обвинения, королевские особы вызывали во множестве. Обратимся к примерам допускаемых королевской властью злоупотреблений именно корыстного характера. Так, правление Эдуарда II сопровождалось возмущением королевского окружения гомосексуальной связью короля с одним из его фаворитов – Пирсом Гавестоном (графом Корнуоллом). Не стоит забывать, что в Средневековье содомия признавалась не только грехом, но и тяжким уголовно наказуемым составом, что, впрочем, не сильно мешало Эдуарду носить статус христианского монарха.

Хуже того, предосудительная с точки зрения традиционных ценностей связь приводила к серьезным злоупотреблениям в расходовании королевской (государственной) казны. Проще говоря, Эдуард II беззастенчиво пользовался налоговыми поступлениями для вознаграждения благорасположения своего избранника. Особое негодование знати вызывало и то, что Гавестон, не удовольствовавшись королевскими дарами и пожалованиями, использовал свою близость с Эдуардом для вымогательства взяток с английских сановников [11, с. 70].

Эдуарду III (1312–1377) вменялось, что король окружил себя «нечистыми на руку людьми» [2, с. 577]. Кроме того, при этом правителе английская корона ввязалась в коррупционную схему, при которой, в числе прочего, продавала итальянским купцам лицензии, позволявшие им обходить английский же закон об обязательной выгрузке в порту Кале [2, с. 576]. Короля Эдуарда III сменил Ричард II (1377–1399), в адрес которого в конце концов последовало обвинение, включавшее в себя факты использования «огромного множества преступников» из Чешира против своих подданных; грабительской торговли помилованиями; фальсификации парламентских записей; отказа в правосудии; злоупотребления налогами и займами; отказа «соблюдать и защищать справедливые законы и обычаи королевства»; бесчисленные примеры вымогательства и обмана» [2, с. 644].

Таким образом, формирование государственного аппарата Англии сопровождалось проявлениями коррупции, причем проявлениями на всех уровнях феодальной иерархии и в различных пониманиях этого термина. Так, в изначальном смысле («испорченное правление») английская практика изобилует примерами прямого насилия и произвола властвующих в адрес подвластных. Причем насилия осуществляемого именно в искажение существующего порядка, добрых нравов и справедливости. Более позднее понимание – «использование власти в целях

противозаконного обогащения» – также представлено множеством случаев, когда властвующие распоряжались своими полномочиями в зависимости от значимости соответствующего корыстного интереса по отношению к подвластным.

В плане сравнительного анализа, отметим, что проблема коррупции может рассматриваться в контексте специфических качеств английского королевства. Уникальность английского опыта видится прежде всего в том, что в силу географического положения, естественного ограничения территории, благоприятного климата [9, с. 7] королевская власть располагала большими ресурсами и возможностями для организации управления, контроля над ним, нежели это складывалось в континентальных странах. Тем не менее при всех организационных и контролирующих возможностях государства проблема английской коррупции в период Средневековья оставалась весьма острой.

Чертой английской традиции выглядит и королевская практика по противодействию корыстным злоупотреблениям нижестоящих носителей власти. Понимая, что представители «благородного» сословия зачастую идут на корыстные преступления в силу собственного восприятия своего высоко статуса и предполагаемых им прерогатив, вышестоящая власть стремилась как минимум учитывать это обстоятельство в своей реакции. Прежде всего это проявлялось в явном опасении дискредитации всего правящего слоя из-за публичного наказания кого-либо из его представителей. Как отмечает Кристофер Хейг, в итоге складывается впечатление, что «будто бы знатным лордам убийство могло так же сойти с рук, как и измена» [12, с. 113]. Если же обойти необходимость наказания не удавалось, то оно оказывалось «мягче максимально возможного», когда, например, «титулованные особы были заключены в Тауэр за поведение, которое других людей привело бы на плаху… аристократы, участвовавшие в восстании Эссекса в 1601 г., избежали казни, которой подверглась мелкая рыбешка» [12, с. 113].

Следующая черта средневековой практики – это не явная, но ощутимая поддержка правителями материальных интересов облеченных властью носителей рыцарского статуса. Как показывает разбор финансовой практики Елизаветы I, знатные пэры, получая доходные должности, пользовались предоставляемыми материальными плюсами, явно игнорируя свои должностные обязанности перед казной. При безусловном потворствовании подобной недобросовестности с королевской стороны. Мало того, власть явно занижала значения принадлежащей пэрам налогооблагаемой базы, хотя пэры зачастую игнорировали свои платежные обязанности и по заниженной ставке. И это игнорирование не вызывало нареканий со стороны королевских казначеев.

Приведенные факты позволяют заключить, что понимание того, как именно лорды обеспечивают свои материальные запросы, когда полагают, что эти запросы недостаточно удовлетворяются королем, побудило королевскую администрацию не явно, но реально возложить часть содержания знати на казну. В итоге «избранные вельможи… жили за счет Елизаветиной кубышки» [12, с. 111]. Предполагалось, что подобная практика, в какой-то степени удержит, по крайней мере, титулованных должностных лиц от коррупционных соблазнов. В какой-то части подобная практика, возможно, снижала остроту проявления корыстных интересов, не решая самой проблемы принципиально.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что угрозы коррупционного характера вставали перед обществами вне зависимости от исторической эпохи и социально-политического уклада, и ядро англосаксонской цивилизации не является здесь исключением.

Список литературы

1. Варфоломеева Н. П. Исторический опыт борьбы с коррупцией // Основы экономики, управления и права. 2013. № 5 (11). С. 8–13.

2. Джонс Д. Плантагенеты. Короли и королевы, создавшие Англию. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 750 с.

3. Ерохин В. Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 750 с.

4. Матвейчев О., Акопян А. Мифы о коррупции. М. : Книжный мир, 2018. 576 с.

5. Норвич Дж. История Англии и шекспировские короли. М. : Астрель, 2012. 416 с.

6. Парламент дураков : сборник. СПб. : Азбука-классика, 2005. 236 с.

7. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. 3-е изд., испр. и доп. М. : Научное слово, 1913. 380 с.

8. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М. : Логос, 2003. 343 с.

9. Тюрин А. В. Русские – успешный народ. Как прирастала русская земля. СПб. : Питер, 2013. 384 с.

10. Устинов В. Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М. : Вече, 2012. 429 с.

11. Уэйр Э. Французская волчица – королева Англии. Изабелла. М. : АСТ, 2010. 629 с.

12. Хейг К. Елизавета I Английская. Ростов н/Д. : Феникс, 1997. 429 с.

13. Чернова Л. Н. Под сенью святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. : СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.

Алексеева Л. А.[1]*,*
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

Гусев К. А.[2]*,*
курсант факультета подготовки специалистов ГИБДД
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Общественные отношения чрезвычайно динамичны. При этом динамика их развития характеризуется разнонаправленными тенденциями, наряду с процессами совершенствования некоторых из них, в развитии других может иметь место деградация. Кроме того, некоторые тенденции развития общественных отношений присущи не только отдельным обществам, но напротив, имеют общемировую тенденцию. Более того, в условиях постоянно глобализирующегося мира, сверхскоростного обмена информацией, все больше проявляется тенденций, имеющих общемировой масштаб. Все это находит свое отражение в праве внутригосударственном и международном.

Характерной особенностью последнего столетия является активное взаимное влияние внутригосударственного и международного права. При этом, все современные цивилизованные государства нормативно закрепляют соотношение международного и внутригосударственного права в своих основных законах, устанавливая примат того или иного. Не является исключением в этом плане и Российская Федерация.

В современных условиях международное право подвергается изменениям. Эта целая система развивается в направлении становления права международного сообщества, функцией которого можно назвать обеспечение и защиту интересов международного сообщества и человека по отдельности [1]. Международные акты ориентированы на сокращение смертности, обеспечение гендерного равенства; охрану материнства; борьбу с распространением неизлечимых болезней; обеспечение устойчивого развития окружающей среды; формирование партнерских отношений; сотрудничество в вопросах международной безопасности и защиты; мирное разрешение споров; борьбу с транснациональной преступностью; развитие научного и культурного взаимодействия [2].

В этом аспекте развития международного права особой важностью обладает утверждение концепции общего человеческого наследия в интересах как нынешнего, так и будущего поколения. Данная концепция включает в себя все пространство и все ресурсы, которые окружают людей и находятся под суверенитетом конкретного государства.

---

[1] © Алексеева Л. А., 2023.
[2] © Гусев К. А., 2023.

Право международного сообщества определяет и иная концепция, которая называется концепцией устойчивого развития. Ее суть – установление нового международного правопорядка, который в дальнейшем может обеспечить социальную справедливость всем [1]. Можно констатировать, что положения международного права направлены на защиту интересов и нынешнего, и будущего поколения.

Характерной современной тенденций выступает значительное сближение международного и национального права. Проникновение и отражение во внутригосударственном праве положений международных актов в существующих реалиях – это гарант их качественного и уверенного функционирования. Знания в сфере международного права становятся все более актуальными для людей, которые просто интересуются мировой политикой, экономикой, а также для иных граждан, работающих, обучающихся и путешествующих.

Смена общественных отношений в современном мире характеризуется стремительностью. В этой связи любая правовая система должна наиболее быстро адаптироваться под существующие потребности и модернизироваться. Международное право – не исключение из правил.

В международной сфере все чаще возникают угрозы национальным интересам государств. В этой связи возникает необходимость формирования разносторонней системы международных отношений, которые будут отражать многообразие современного мира и его взглядов и принципов. Особое внимание должно уделяться коллективному характеру решения острых проблем на правовой основе и демократизации отношений международного уровня. Основами новейшего миропорядка выступают демократия, протекающая и внедряющаяся в различные виды международных отношений, взаимное уважение и равноправие в международных отношениях.

Глобализационные процессы должны протекать в условиях тесного сотрудничества и взаимопонимания государств, зарождения новых международных институтов, которые бы функционировали на основе принципов компромиссов и взаимных уступок. Несмотря на особенности всех зарождающихся тенденций в системе международного права, изначально уделяется внимание общим интересам государств. Приоритет интересов международного сообщества не означает ущемления интересов государств. Задачей является достижение наиболее благоприятного сочетания интересов. Современный миропорядок может быть создан при наиболее высоко организованной мировой системе, а также при обеспечении наиболее полноценной его контролируемости. Это ключевая глобальная проблема, решение которой определяет международно-правовое регулирование иных глобальных проблем, также требующих незамедлительного решения.

Затрагивая российскую систему конституционного права, важно отметить, что она является базовой, основополагающей отраслью российского права. В ее рамках определена совокупность конституционно-правовых норм, которые закрепляют и регламентируют фундаментальные общественные отношения, а именно основы конституционного строя, основы правового статуса человека и гражданина, государственное устройство, основы организации системы государственной власти и местного самоуправления.

Необходимо понимать, что конституционное право Российской Федерации – это та отрасль права, которая характеризуется специфической динамичностью, сложностью и объемностью. Именно она закладывает все основы жизни российского общества и возможности его благоприятного и целесообразного существования. Вопросы общественной целостности, территориального и политического устройства страны, статуса личности в нем, организации деятельности как государства, так и органов государственной власти – все это образует общественные отношения, входящие в сферу воздействия конституционного права. Перечисленные элементы жизни общества – это и есть предмет регулирования фундаментальной отрасли права.

Кроме того, конституционные нормы формируют базовые основы иных отраслей российского права, закладывая основные принципы формирования прав и обязанностей субъектов различных правоотношений. Основным источником конституционного права выступает Конституция Российской Федерации, одним из источников которой являются международные правовые акты, провозглашающие основные и неотчуждаемые права и свободы граждан.

Взаимодействие Конституции нашего государства и Международных нормативных правовых актов требует сбалансированной кооперации двух самостоятельных систем права.

Так, идеи о верховенстве международного права в системе национального законотворчества все более и более актуализуются и продвигаются в рамках его проникновения в конституционное право демократических правовых стран. Ведь именно международные правовые нормы определяют основные права и свободы человека.

Обращение к положениям Конституции Российской Федерации подтверждает мысль о том, чем первоочередно связаны международное и конституционное право. В ч. 4 ст. 15 которой провозглашено: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». В Конституции Российской Федерации закреплены правила о том, что первое, общепризнанные нормы, и второе, принципы международного права, являются частью национальной правовой системы, тем самым становятся еще одним источником конституционного права [3].

В современном мире значительная роль отдана правам и свободам человека и гражданина и проблемам, касающимся их реализации. Этому посвящено значительное количество международно-правовых актов: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах и др. Указанные международно-правовые акты оказали большое и весомое влияние на Конституцию Российской Федерации 1993 г.

Именно Конституция Российской Федерации оказывает воздействие на конституционное право, а также его институты. Так, в ней заложены принципы и нормы политической системы, которая основывается на идеологическом плюрализме, многопартийности, признании, уважении и гарантировании прав и свобод человека и гражданина, за счет нее создана государственная власть на основе

принципа разделения властей. Кроме этого, основной закон российского государства обеспечил демократическое федеративное устройство Российского государства и определил местное самоуправление.

Важно отметить, что конституционное право России, основанное на принципах демократизма и социального предназначения, также подвергается изменениям и требует их при существующих реалиях. Поэтому уместно выделить основные тенденции развития конституционного права.

Целесообразно создавать условия для полноценного и подлинного формирования демократического правового социального государства с республиканской формой правления, как гласит Конституция Российской Федерации [4]. Помимо этого, актуально обеспечивать требовательный и грамотно выстроенный характер реализации конституционного принципа разделения властей. Существенно обеспечивать современное федеративное устройство, основывающееся на равенстве и недопущении дискриминации субъектов разных типов, т. е. актуально уменьшить ассиметричный характер федеративного строя государства.

Для более успешного развития конституционного права нужно признать и осознать особый характер социальной ценности общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации в целях успешного и плодотворного развития национального законодательства. Необходимо усиленное приближение его к международным стандартам. Важно обеспечить тот формат коммуникации двух сложных и тонких правовых систем, который позволит Российской Федерации соответствовать своим национальным ценностям и параллельно продвигаться вперед наравне с другими интернациональными агентами на международной основе.

Также в конституционном праве Российской Федерации прослеживается такая тенденция, как расширение и разделение сферы государственно-правового регулирования. Под этим понимается принятие федеральных конституционных и иных законов, которые обозначены в основных нормах, но до сих пор не были приняты, и должная регламентация всех аспектов правотворческой деятельности.

Одной из тенденций и одновременно целей развития современного отечественного конституционного права можно назвать создание единого правового пространства на всей территории России.

Еще одной из наиболее прослеживаемых тенденций выступает усиление рабочих процессов по созданию Свода законов Российской Федерации и Свода законов ее субъектов [4]. Важно комплексное и обдуманное совершенствование конституционного законодательства по различным институтам и направлениям. Это способно повысить эффективность и стабильность внутри страны, поспособствовать становлению демократической государственности. Именно это может сформировать совершенный для нашего времени характер российского законодательства во всех его аспектах, основной которой является Конституция Российской Федерации.

Изучение основных актуальных тенденцией в сфере развития международного права, а также национального конституционного права позволяет осознать то, что диктуют наше время, наш век и события мирового и национального масштабов обществу в целом.

Правовая система – это очень тонкая, но очень необходимая для обеспечения более здорового и качественного функционирования мирового сообщества в целом и его субъектов по отдельности.

Сейчас огромное значение имеет создание более мощного и четкого конституционного правого механизма Российской Федерации, чтобы скооперировать деятельность всех ее субъектов и их жителей. Не стоит забывать про важность обеспечения правового статуса страны и на международной арене, в рамках которой также протекает множество трансформаций в сфере международного права.

Все государства, насколько это возможно, должны стремиться к сотрудничеству и взаимопониманию в целях обеспечения межгосударственного и внутригосударственного порядка, а это возможно при соблюдении двух основных условий:

– соответствие международного права и национального конституционного права существующим реалиям, а также их взаимное и непротиворечивое взаимодействие;

– создания информационного поля, в рамках которого каждый человек, проживающий на территории любого государства, просвещен в сфере международного и конституционного права.

Список литературы

1. Валеев Р. М., Курдюков Г. И. Международное право // URL: https://be5.biz/pravo/m025/index.html.

2. Беляева О. В. Российская Федерация в международной правозащитной системе: теоретико-правовые аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2 (87). С. 14–21.

3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

4. Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата / [Е. В. Колесников и др.]. М. : Высшее образование, 2008. 365 с.

Калинина Е. Ю.[1]**,**
доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования
Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена,
доктор юридических наук, доцент

ПРАВОСОЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСКУССТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

По какой-то трудноуловимой причине прошлое не ассоциируется со смехом. В усредненном представлении даже наши ближайшие предки, скажем, бабушки и дедушки, не обладали чувством юмора, не понимали шутку и их вовсе нельзя представить себе искренне веселящимися. Это нас даже оскорбило бы. Предки должны быть серьезными, даже трагически-серьезными. То, что их жизнь была полна скорбей и страданий, понятно для любого человека: войны, диктатуры, кризисы – это все о них. Во многом это общее мнение «подтверждается» старинными фотографиями. Лица на них, как правило, напряженные, люди редко смеются. Мало кто задумывается о технических причинах этого, ведь фотография воспринимается как одно из самых правдивых свидетельств прошлого. Тем более странно представить «смеющееся Средневековье», а установившееся уже в научно-популярных кругах понятие «страдающее Средневековье» не просто потеряло свой изначальный иронический смысл как родившееся из шутки, но стало восприниматься практически буквально, поскольку больше соответствует массовому представлению о прошлом вообще и о средневековом в частности. Смеховая культура Средневековья – очень многоаспектное понятие. Слово «ri- весьма распространено в Средневековье, а потому заслуживает внимания. Оно встречается в текстах разных жанров (фаблио, народная, часто непристойная поэзия, жития святых, проповеди, «высокая» поэзия, художественные произведения), как существительное (что-то смешное, предмет для смеха, шутка, анекдот, фарс, острота), так и прилагательное (забавный, смешной, насмешливый, остроумный, абсурдный, причудливый, глупый), в положительном и отрицательном смысле [15]. Смешное, странное, причудливое хоть и осталось лишь в маргиналиях, как нельзя лучше приоткрывает для современного историка права особенности правосознания средневекового человека. Это не сохраненное в официальной культуре «приглаженное» изображение «как на паспорт», которое из-за стремления к идеальности становится почти уродливым, но зато официально признанным, культурно допустимым. Это то настоящее, живое, что не скрывает свою «некрасивость», а потому может служить более правдивым источником. Больше всего таких образцов сохранило романское искусство X–XIII вв.

Смех как социально-психологический феномен нередко представляется «несерьезным» объектом для научного исследования. Но М. М. Бахтин открыл дорогу для его изучения, и в современной историко-правовой науке в рамках цивилизационного или культурально-антропологического подхода анализ смеха может открыть широкие возможности для изучения правовой культуры и правосознания.

---

[1] © Калинина Е. Ю., 2023.

Смех долгое время рассматривался как способ осмеяния ценностей, и уже это вызывало негативное отношение к нему. В конфликтологии смех чаще понимается как конфликтоген, в истории можно увидеть, как формировались идеологии и мифологии, направленные на уничтожение противника путем его осмеяния, создание негативного образа в рамках формирования идентичности. Смех и его механизмы в науке нередко воспринимались как нечто «низкое» само по себе, недостойное глубокого изучения.

Тем не менее смех можно изучать, в том числе в рамках историко-правовой науки, поскольку это не физиологический в чистом виде и даже не просто психологический феномен. Это социальный конструкт. Это одна из форм, через которые пропускается правосознание. Правда, необходимо отметить позицию некоторых авторов о том, что «смех, именно благодаря своему животному происхождению, лишен всякой семантики. Смеясь, человек как бы «возвращается в докультурное, дочеловеческое прошлое» [13, с. 125]. В этой позиции есть рациональное зерно, если вспомнить неосознанный смех детей – над неудачей, падением. Таким образом действительно можно выделить докультурный смех, который с течением времени «цивилизуется», т. е. входит в определенные обществом рамки. Правда разрушительная и уничижающая его характеристика все равно остается. В праве она может проявиться, например, в делигитимации.

С помощью смеха могут формироваться политико-правовые образы. Конечно, первой функцией смеха в государственно-правовой и политической практике является осмеяние, унижение и уничижение. Но если отвлечься от этих первичных образов, то можно увидеть, что за той или иной формой смеха скрывается отношение к основополагающим социальным и культурным ценностям, в том числе, к религии, праву, справедливости, добру и злу, греху и наказанию, жизни и смерти. Смех является связующим звеном между священным и профанным, властью и обществом, обществом и правом. Поэтому смех часто не может быть контролируем обычными средствами. В этом власти, как правило, видят опасность смеха, его разрушающую структуру функцию. Смех иррационален, а потому не подчиняется обычной линейной логике. В базисном мифе европейского правосознания мир представляет собой дуальную структуру, в которой уравновешены противоположные силы [4]. Социальный порядок уравновешивается не криминальной субкультурой, а смеховой культурой, которая направлена на то, чтобы временно выходить из модели социального порядка [2; 11]. Любопытной формой выхода за пределы социальной нормы можно считать так называемый заветный фольклор, характерный для европейской культуры [3; 10].

Религия, политика и право – это формы сознания, картины мира. Все они замкнуты на собственной смысловой ценностной составляющей, поэтому воспринимают смех как разрушительную стихию, как элемент хаоса в упорядоченной государственно-правовой системе. Смех связан с греховным и даже преступным, он девиантен, а потому связывается в официальном сознании с антиповедением. Смеховое поведение противопоставлено нормативному, что выражается в сознательном или неосознанном отказе от социальной нормы, какую бы природу она ни имела. Те люди, которые были профессионально задействованы в реализации смеховой культуры – шуты, скоморохи, ваганты, бродячие артисты, комики, –

нередко были связаны с преступным миром (мошенничество, обман, воровство, самозванчество, бродяжничество, нищенствование). Их «невозможно отнести к правонарушителям, преступникам – это вынужденный образ жизни, балансирующий между правом и преступностью. Это пограничное положение плута выводило его из рамок официальной правовой культуры, заставляло власть имущих относиться к нему с подозрением – как к лицу, обладающему деформированным правосознанием» [8, с. 80].

Авантюризм и своеволие, неповиновение властям, выход из пространства, очерченного социальной нормой, – за это смеховая культура вытеснялась на общественную периферию. В творчестве вышеупомянутых категорий людей нередко проявлялся эротизм, что связывалось с блудом (преступное для Средневековья деяние), сладострастием, непристойностью, разгулом. «Смех не может быть источником зла, хотя его постоянный контакт со злом и способен вызвать подобную иллюзию» [6, с. 12]. Поэтому скоро смех в средневековой Европе стал ассоциироваться с дьяволом, т. е. антиподом всего правильного, светлого, правового.

Возможно, смеховая культура является способом снять стресс в процессе жесткого нормирования во время существования государственности и права – то, что мы наблюдаем в средневековой Европе. Так, правосознание в Европе целостное, но включает в себя самые разнообразные элементы, которые важны для данной эпохи, в том числе новые – такие, как государство и право, а также христианство. Смех часто спасает целостность сознания, когда не совсем ясно, каким образом все разнонаправленные элементы можно совместить в рамках одной системы, особенно если речь идет о ценностях. Действительно в Средневековье нужно было совместить старые мифологические дохристианские верования и христианство, обычное право и формирующуюся нормативно-правовую систему писаного права.

Смех формирует яркие, эмоциональные, запоминающиеся образы, которые должны встроиться в сознание, в том числе в правосознание. Нередко это образы, которые ломают социальную норму путем насмешки над ней. Жизнь человека в Средневековье была амбивалентной: с одной стороны, подчиненность жесткому иерархическому порядку, догматичность, ограниченность, с другой – кощунство, насмехательство над святынями, непристойности [1, с. 187].

Смеховые жанры важны для права, поскольку оказывают влияние на правосознание [7, с. 25]. Они могут высветить соотношением между правом и реальными социальными практиками, выявить изъяны в правовом мышлении. Смех может стать значимым инструментом в руках публичной власти с целью нахождения баланса между решениями и реальным правовым поведением. Другое дело, что власть имущие нередко боялись представителей смеховой культуры, которые слишком ярко выявляли недостатки управления и правоприменения.

С другой стороны, смеховая культура обладала важным качеством легитимации и делигитимации. Эта технология нередко с успехом применялась как политическое оружие. Смех заключает в себе и разрушительное, и созидательное начала.

«Разрушительная сила смеха проявляется в том, что он возвращает миру его изначальную хаотичность, т. е. разрушает всю знаковую систему, существующую

в мире культуры, и создает свою антикультуру: «мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически не оправданных соотношений, мир свободы от условностей, а потому в какой-то мере желанный и беспечный». Но мир антикультуры противостоит не всей культуре, а только осмеиваемой» [12, с. 127]. Поэтому смеховая культура Средневековья направлена не только на уничтожение, разрушение установленной системы: «Комическая негация состоит не только в намеренном снижении реальности, но и в повторном отрицании созданного образа. Таким путем происходило очищение реальности, что напоминало обряд инвективы, очищение через страдание, принятие вины. Таким образом, комический образ создается путем двойного отрицания» [14, с. 62]. Это должно привести к исправлению осмеянного. Смех не столько разрушает, сколько сохраняет официальную культуру [9], в каком бы образе она ни представала перед нами, будь то зарождающаяся публичная светская власть или религиозный культ. Наверное, это происходило потому, что смеховая культура была направлена не на разрушение, а на переворачивание мира или выворачивание его.

Одним из ярких – и материальных – примеров смеховой средневековой культуры, которая может нести в себе основы для анализа правового сознания, можно считать гротескную романскую скульптуру в Испании. Странные существа, сюжеты, выбор которых вызывает недоумение, и, конечно, непристойные сцены, которые сегодня пытаются толковать (ранее они просто не существовали для исследователей). Возможно, секретом является то, что «свобода смеха проявляется и в том, что он способен преодолевать такие несвободные состояния человека, как страх и стыд» [5, с. 106]. Вряд ли смеховые сцены вне церкви могли возыметь столь мощный эффект. Здесь это уже не просто кощунство, а переход той грани, за которой изображаемые сцены нравственно оправдывают себя в религиозной и политической доктрине. Если подобные сцены в исполнении бродячих артистов или в таверне (что, представляется, было обычным делом) вызывали грубый смех освобождения и забвения (как и алкоголь), то в самой церкви они, очевидно, приобретали иной смысл, балансируя на грани между священным и абсолютно профанным, добром и злом, ценностью и антиценностью, нормой и аномалией. Это можно было бы считать заботой об общественной нравственности через полное отрицание ценностей, морали. Это давало «возможность попробовать себя в ином мире – в антимире, чтобы, отрицая его хаос и беспорядок, ощутить необходимость и совершенство отвергнутого и вновь восстановленного мира» [5, с. 108].

Ключевой смысл смеховой культуры и маргинальных изображений в частности – несоответствие, противоречивость (когда ожидаешь увидеть одно, а видишь совсем другое). Нелепо, странно и смешно то, что значительно отклоняется от порядка и условностей или противоречит законам природы или общества, вызывая конфликт с тем, что правильно, известно или ожидаемо. Смешное всегда подразумевает отчуждение от реальности или нормальности, деформацию, нарушение или дестабилизацию того, что считается истинным или находящимся в гармонии с природой и Богом, тем, что признано властью и считается исключительно правильным способом существовать в обществе. Это всегда то, что отклоняется от нормы, хотя не все ненормативное смешно.

Поэтому уже современники, например, Бернард Клервоский, определили романское искусство (или, по крайней мере, некоторые предлагаемые им образы) как искаженную красоту, нелепость и монструозность. Критерием для священнослужителя и представителя интеллигенции тех времен служило соответствие канону красоты, концепции приличия, правомерности. Его, как и многих других, особенно в Новое время, не интересовала глубокая символичность, эмоциональность, искренность, стремление рассказать историю, что было характерно для романской скульптуры. Его потрясало то, что не укладывалось в его нормативное представление об эстетике. Действительно, его критика прежде всего нацелена на изображения монстров и гибридов, которые противоречат природе, а значит, замыслу Бога, представляют собой резкое отклонение от нормы, беспорядок и хаос [15, pp. 25–44].

Встречающиеся обсценные или просто гротескные изображения можно было бы отнести к так называемому антиповедению, которое не имеет собственной мотивации, в отличие от асоциального. Оно просто выворачивает мир наизнанку, все делает наоборот. В этом есть некий детский протест против взрослого, но именно так нередко поступали представители антикультурных движений во все времена. Это безликое коллективное, часто ритуальное и гротескное отрицание идеалов и ценностей. Считается, что систему они подорвать не могут, а наоборот, подчеркивают ее стабильность, особенно если официальная культура не пытается применять жесткие меры для подавления антикультурных акций, которые выглядят скорее как выходки. Однако вызывает удивление и вопросы тот факт, что такие сцены изображаются, да еще и в камне (т. е. навечно), в самих церквях. Возникает вопрос, кто мог выступать в качестве заказчиков этих изображений, какой смысл вкладывался в них? Особенный интерес и любопытство вызывает тот факт, что они изображались в тех церквях, которые располагались на одном из самых знаменитых и значимых из паломнических путей – Пути Святого Иакова.

Романское искусство пока ставит перед исследователем больше вопросов, чем дает ответов. Поэтому на сегодняшний день необходимо собирать материал, чтобы затем на основе новых методов в контексте правовой науки определить для смеховой культуры более четкое место в историко-правовых изысканиях. Правосознание, очевидно, нашло яркое выражение в структуре смеховой культуры, в которой мы можем в качестве предмета изучения выбрать антинормативные, аномальные явления. Через познание отрицаемого и осмеиваемого можно не только лучше понять ценность и содержание нормы, но открыть более широкий обзор для анализа правосознания как комплексного и многоаспектного феномена правовой действительности в средневековой Европе.

Список литературы

1. Бакмансурова А. Б. Реализация концепта «дурак» в языке немецкого средневековья // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 185–190.

2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 543 с.

3. Возякова Н. В. Романс о Бастарде и песенный фольклор испанского района Ребольяр (на материале экспедиции 2005 г.) // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 1–21.

4. Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры // URL: https://monographies.ru/ru/book/view?id=173.

5. Головко Т. И. К проблеме смеха в народной художественной культуре // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1. С. 106–109.

6. Гришанова Е. В. Комическое как часть религиозной духовности социума // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 4. С. 10–14.

7. Калинина Е. Ю. Создание негативного мифологического образа Филипа II испанского как средство формирования политического и правового сознания в новое время // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 24–29.

8. Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании : цивилизационный подход : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. Калининград, 2021. 42 с.

9. Каплан А. Б. Карнавал и революция // Вестник культурологии. 2007. № 3. С. 85–98.

10. Краусс Ф. С. Заветные истории южных славян: в 2 т. М. : Ладомир, 2009.

11. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л. : Наука, 1976. 204 с.

12. Мартынова Е. М. Феномен смеха в аномальной коммуникации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. №4. С. 126–131.

13. Федорова М. В. Смех как религиозный феномен // Философия и культура. 2017. № 2. С. 123–135.

14. Шипицына А. А. Возрастание негации в комическом: от архаики к средневековью // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 4. С. 59–62.

15. Rico Camps D. Ridiculous Voices in Medieval Art // Repensar el sombrío Medioevo: nuevas perspectivas para el estudio de la cultura medieval y de la temprana Edad Moderna, Reichenberger, 2014, 245 p.

Золкин А. Л.[1]*,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук, доцент

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

У российского правосознания есть глубокие исторические и духовные корни. Но они слишком запутаны: правосознание Российской империи, затем правосознание Советского Союза, постсоветское либеральное правосознание. Мало того, что эти корневые системы правосознания отрицают друг друга, так они еще и внутренне противоречивы или по крайней мере не согласованы друг с другом в аспектах соотношения правовой идеологии и правовой психологии. Под правосознанием обычно понимается как интеллектуальное, так и эмоционально-ценностное освоение правовой действительности, определяющее правовое поведение субъектов. Совокупность наиболее характерных, типичных ментальных образов правовой действительности образует систему общественного правосознания, или систему правосознания общества.

Задача сегодняшнего дня – рефлексивное осмысление этих ментально-социальных систем с целью преодоления ситуации неопределенности правопонимания и правосознания, вызванной кризисными явлениями как последних лет, так и конкретно событиями 2022 г. Проблема этого кризиса проявляется прежде всего в обнаружении противоречий социокультурного развития человечества тектонического масштаба – самоопределение цивилизаций как субъектов многополярного мира, борьба с неоколониальным доминированием западного мира. Результатом этого процесса должна стать выработка цивилизационной модели правосознания.

Процесс этот сложен и не может сводиться лишь к формально-логическим дефинициям права. Основными видами отношения сознания к миру являются познавательное, ценностное и практическое. Соответственно и в правовом сознании можно выделить познавательные, ценностные и волевые элементы, из которых и складывается как индивидуальное, так и общественное правосознание. Своеобразным комплексным образованием, включающим в свой состав и правовую идеологию, и правовую психологию, является правовая ментальность (менталитет). Ментальность как таковая характеризуется особенностями психического склада и мировоззрения людей, входящих в ту или иную социально-этническую целостность. Но что это за целостность? Народ, империя, рабочий класс или глобализированное человечество?

Правовая ментальность тесным образом связана с культурной идентичностью. Вопрос о культурной идентичности до недавнего времени рассматривался на примере отождествления ее с национальной идентичностью, освобожденной от более общей политической системы. Именно по этому пути пошли все постсоветские республики, культивирующие принцип национализма и этнократии на

[1] © Золкин А. Л., 2023.

основе фольклорной и племенной культурной традиции, противопоставляя ее цивилизационному синтезу.

Субъектами (носителями) правосознания могут выступать как отдельные индивиды, так и различные социальные группы, вплоть до социума в целом. В соответствии с этим различают такие виды правосознания, как индивидуальное, групповое и общественное. Они отражают объективные условия жизни общества и постоянно воспроизводятся как на сознательном уровне, так и на уровне бессознательном. При этом в одном и том же обществе может одновременно существовать несколько правовых идеологий, хотя общественный характер будет иметь только та идеология, которая отражает существенные условия правовой жизни конкретного социума и получает легитимное значение. Этим предопределяется возможная ситуация конфликта между официальной правовой идеологией, насаждаемой «сверху», и общественным правосознанием, являющимся в этом случае оппозиционным.

Одна их главных особенностей и проблем понимания российского правосознания – цивилизационный характер государственности и общества [1, с. 210]. Именно этот момент дистанцирует российское правосознание от либерального индивидуализма, этноцентристского национализма и псевдотолерантного глобализма. Вместе с тем, подобному виду правосознания свойствен и определенный универсализм и партикуляризм. Цивилизация – это социосистема, которая строится на основании фундаментального ценностного проекта понимания человеческого бытия как такового в конкретных геополитических и культурно-исторических условиях существования [2, с. 201].

Эти условия накладывают партикуляристские ограничения на цивилизационный проект, однако стать исключительно партикулярным он не может и с необходимостью предполагает определенную форму универсализма. Российская цивилизация является таковой не в силу племенного духа русских, а в силу цивилизационно-антропологической проекции – рассмотрения «иных» как «своих» и даже превращения «чужих» в «своих». Ядром российской цивилизации является не этнос великороссов сам по себе, а геополитическое государство, созданное великороссами с целью организации, упорядочения северо-восточной Евразии и превращения ее в жизненный топос – в месторазвитие – пространство для человеческой жизни и формирования специфического проекта развития человечества в целом [4, с. 37].

Правовое осмысление этого феномена предполагает формирование специфической разновидности социального права, понимаемого как право интеграции и право субординации. В отличие от индивидуального права, лежащего в основе либерального правосознания, социальное право отражает процесс интеграции индивидов в общность, создающий правоотношения как систему прав и обязанностей. Включенность индивида или народа в цивилизационную общность не может рассматриваться как результат чистого насилия, даже если имело место присоединение в результате завоевания. Более того, именно цивилизационное право является фактическим источником индивидуального права, поскольку гарантирует его существование. Вся западная мифология примата индивидуальных прав является лишь следствием формирования западной колониальной цивилизации.

Но этот фундаментальный факт не фиксируется правовой идеологией, нацеленной на обоснование либеральной доктрины индивидуальных прав, при этом правовая психология вполне даже может культивировать различные формы экзальтации по поводу угнетения и подавления личности системой. Результат может быть негативным: радикальное противопоставление цивилизационному праву права индивидуального, опирающегося на метафору естественного права. Последняя метафора хотя и несет определенное гуманистическое содержание, но противоречит принципу исключительно системного способа существования разумной жизни.

Зрелое правосознание требует самопознания общества, а самопознание – важнейшая задача философии, в том числе – философии и теории права. Непонимание обществом самого себя чревато трагическими последствиями. Судьба Эдипа угрожающе распахивает перед современным человеком свои сомнительные перспективы. С чистыми помыслами Эдип стремился избежать зла: покинул дом, где он вырос, и тех, кого считал родителями, оставил наследный престол, обрек себя на лишения и превратности скитальческой жизни, он все разумно рассудил, – он не знал только самого себя, не знал того, кто он, каких родителей сын. Не в подобном ли незнании истоки трагических уроков русской культурно-исторической традиции, которая парадоксальным образом одновременно культивирует и юридический идеализм в форме государственно-бюрократического легизма, и правовой нигилизм.

Надо признать, что в русской культуре эта проблема давно была поставлена, но ее решение затруднялось ложной дихотомией индивидуальной свободы и социального права. Юридическое мировоззрение есть представление о праве, согласно которому оно понимается и переживается как высшая ценность, подчиняющая себе все другие ценности. Право при этом воспринимается как некое чудодейственное средство, способное изменить мир, сделать общество и государство совершенными, а людей – счастливыми. Основы первого воззрения на право были заложены еще в XVI–XVIII вв., когда считалось, что достаточно написать разумные законы, чтобы устранить все общественные противоречия и создать совершенный политический строй. Правовой нигилизм опирается на определенное правопонимание, при котором право ассоциируется с насилием, государственным принуждением, произволом власти. Право в данном случае предстает отрицательной ценностью, и поэтому его теоретическое и практическое неприятие объявляется естественным и нравственно необходимым. То, что реальное, исторически действующее право может давать поводы к такого рода выводам, достаточно очевидно. Но также достаточно очевидно, что распространять вывод о конкретно-исторической форме права как о воплощении зла на все право в целом совершенно неверно.

Особый интерес представляет проблема правового нигилизма применительно к российской правовой культуре. Российская правовая действительность дает достаточно поводов, чтобы увидеть в ней подчас и неуважение к закону, и пренебрежительное отношение к праву. Но, строго говоря, это свидетельствует не столько о правовом нигилизме (отрицании ценностного значения права), сколько о своеобразном «инструментальном» подходе к праву, о понимании его как ценности

относительной, как одного из многих средств для достижения каких-либо утилитарных целей, выше которых всегда находится идеал нравственного блага – «правда» [3, с. 253].

Поэтому, хотя российское общественное правосознание существенно отличается от западного, характеризовать его как исключительно нигилистическое неверно. Это была бы оценка с позиций другой правовой культуры, но каждая культура нуждается в собственных критериях оценки. Для обозначения характерного для российской правовой культуры «инструментального» подхода к праву можно использовать термин «правовой скептицизм». Одной из причин правового скептицизма является конфликт либерального правосознания и цивилизационной матрицы социального права, которая обеспечивает выживание и развитие общества в определенных геополитических и исторических условиях.

Право не только предоставляет полномочие, но и связывает индивида в пределах всех социальных коммуникаций, участником которых он оказывается. Человек, способный сознавать только свои права, еще не является полноценным субъектом права. В подавляющем большинстве случаев сознание своего права дается человеку гораздо легче сознания неизбежно сопутствующих этим правам обязанностей. Зрелое правосознание отличается тем, что позволяет человеку соблюсти ту последовательность, согласно которой только и должно протекать осуществление человеком субъективных прав: сознание права – сознание вытекающего из этого права долга (юридически оформленного в виде обязанности) – исполнение обязанности – реализация права.

Список литературы

1. Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность : сборник научных трудов. Вып. 9. М. : ИПЛ, 2020. С. 191–230.

2. Общественные трансформации и цивилизационная идентичность России / [С. Р. Аблеев и др.] : под ред. П. П. Марченя. М. : Соционет, 2017. 30 с.

3. Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность : сборник научных трудов. Вып. 6. М. : ИПЛ, 2017. С. 292–322.

4. Аблеев С. Р. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 213 с.

Никитин А. Н.[1]*,*
профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

Никитина М. А.[2]*,*
старший научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ НАРОДОВ ДРЕВНЕГО МИРА В ТРАДИЦИЯХ ПРАВА РИМА, КИТАЯ, ИНДИИ

Термин «трансформация», т. е. изменение, может означать как развитие, так и деформацию, упадок. Правосознание народов Древнего мира за тысячелетия его существования пережило и то, и другое. в древнем Риме, например, эти разнонаправленные процессы в период поздней Республики и еще явственнее – Империи шли одновременно. Указанный феномен возник в результате эволюции общества, носившей противоречивый характер, неоднозначных для дальнейшего существования государства изменений его политического устройства. Важную роль сыграли также востребованность римлянами юридических услуг, включая правосудие по частным делам, прежде всего по спорам о собственности, и сформировавшаяся за несколько веков система правового образования, особенно юридическая наука, достигшая, как известно, в I–III вв. н. э. высочайшего уровня.

Способствовало разнонаправленной трансформации правосознания граждан Рима и деление права на публичное и частное. Оно возникло еще в царский период, когда значение права, умение его толковать, составлять судебные иски были в руках коллегии понтификов.

Деление права на публичное и частное создало необходимые предпосылки для секуляризации последнего. Непосредственное участие в правотворчестве всего народа, составлявшего высший орган государственной власти (Народное собрание), и избираемых им должностных лиц (магистратов) облегчило переход к гражданам судопроизводства по частным делам. Римский народ с благодарностью принял книгу судебных исков, похищенную писцом Гнеем Флавием у жрецов. Похититель, сын вольноотпущенника, удостоился высших почестей, был сделан трибуном, сенатором, культурным эдилом.

Секуляризация частного права, с одной стороны, ускорила формирование правосознания, прежде всего профессионального. Отныне правосудие по частным делам осуществляли избираемый Народным собранием претор и назначаемые последним из числа граждан судьи. С другой – поставила вопрос о ценностной ориентации законодателя и правоприменителя. Мораль дала ответ на него, философия стоиков дополнила.

Базовая категория морали – справедливость служила ориентиром и претору, и судьям, более того, стала отождествляться с правом. Выдающийся римский

[1] © Никитин А. Н., 2023.
[2] © Никитина М. А., 2023.

юрист Ульпиан утверждал: «Право получило свое название от (слова) «справедливость», ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть искусство доброго и справедливого» [1, с. 83]. Он же дополнил данное высказывание другим, относящимся непосредственно к правосудию: «Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит» [1, с. 87]. А далее – самое важное, раскрывающее гносеологическую сущность когнитивной функции профессионального правосознания: «Юриспруденция есть познание божественных и человеческих дел, *наука о справедливом и не справедливом*» (курсив наш. – *А. Н., М. Н.*) [1, с. 87].

Благодаря указанной ценностной ориентации, развитой системе юридического образования и науке профессиональное правосознание, воплощенное в сентенциях выдающихся юристов, было официально признано источником частного права, а само оно – классическим.

Однако к публичному праву указанная характеристика не относится, не только потому, что оно включало в себя «священнодействия, служение жрецов».

Можно согласиться с утверждением, хотя и с оговоркой – до определенного времени, – что в Древнем Риме религия имела высокий престиж, «от культа идет знаменитое jus civile – гражданское право, политические права, вся правовая культура, включая правовую практику и правовое сознание <…> Непоколебимая уверенность в том, что Рим существует по предначертанию богов, вручивших ему власть над миром за свои гражданские добродетели и военные доблести, и его история суть этапы осуществления его предназначения, подвигали римлян на бесчисленные подвиги» [2, с. 64].

Верно и то, что выдающиеся деятели и военачальники Рима – Сципион Африканский, Цезарь, Октавиан использовали высокий авторитет религии для обоснования претензий на божественное происхождение. Титула «Август» («высокий, священный, великий») удостаивался каждый император, при этом непременно избирался великим понтификом (жрецом). Однако в период империи язычество уже не оказывало существенного влияния на правосознание римлян, ему на смену шло христианство, обещавшее каждому спасение души.

Противоречивым в указанный период было положение морали. Если в частноправовой сфере ее принципы служили ценностным ориентиром, то в политической жизни нередко грубо попирались. Некоторые императоры (Калигула, Нерон) вообще стали олицетворением морального падения верховной власти. И все-таки не безнравственное поведение, не аморальные поступки правителей деформировали правосознание граждан. Верховная власть оставалась легальной, хотя и теряла легитимность.

Процессу деформации правосознания римлян положили начало убийство народных трибунов – братьев Гракхов (II в. до н. э.) и провозглашение Суллы пожизненным диктатором (I в. до н. э.). Первое запрещалось обычаем, второе – законом. Гражданская война, разразившаяся в I в. до н. э., 1-й и 2-й триумвираты, диктатура Цезаря, а затем Октавиана ускорили этот процесс. С переходом от Республики к Империи он приобрел необратимый характер.

Многократное увеличение территории и населения в ходе завоевательных войн сделали невозможным созывы народного собрания. В результате Рим

естественным путем, без какого-либо насилия, военного вторжения или внутренней смуты лишился высшего органа государственной власти. Граждане утратили возможность реализовать важнейшие элементы правового статуса – участвовать в законотворчестве, избирать и быть избранными.

Реформы Гая Мария способствовали развитию военного права, но фактически избавили римских граждан от необходимости с оружием защищать страну. Состоять в ополчении было правом и обязанностью римлянина, являлось третьим элементом его правоспособности в публично-правовой сфере.

Примечательно, что римские юристы переход от республиканской формы правления к монархической считали естественным и разумным. «Наконец, сами дела, – утверждал юрист Помпоний, – потребовали установления права меньшим количеством способов, и оказалось необходимым, чтобы забота о государстве была возложена на одного…» [1, с. 93]. Фактически же римляне свое право участвовать в формировании государственной власти и в законотворчестве обменяли на подачки от государства – на хлеб и зрелища. Следует подчеркнуть, что переход к монархии означал нечто большее, чем смену формы правления. В правосознании граждан Рима государство перестало быть «Res publicia» – делом народа. Именно поэтому был легко свергнут преторианцами последний император Ромул Августул – никто не встал на защиту власти, утратившей легитимность.

Не менее драматичные процессы проходили на Древнем Востоке. В этом регионе так же, как и на Западе в догосударственный период, источниками нормативного сознания являлись религия, мораль, обычаи. С образованием государства указанный перечень пополнило право. Правосознание народов Востока формировалось в качестве самостоятельной, тем не менее составной части нормативного сознания. Стремление фараонов, царей, императоров придать праву статус основного и даже единственного регулятора общественных отношений и тем самым усилить свою власть встречало сопротивление отдельных социальных групп, в первую очередь жрецов.

Так, в Китае при первых династиях – Шань (Инь) и Чжоу культура и нравственность являлись отточенным инструментом императоров и правителей и, следовательно, право было поддержкой и помощью культуре и нравственности.

С утверждением династии Цинь закон и предписания стали основой управления страной. Учение Конфуция, отстаивавшее приоритет морали, предъявлявшее моральные требования к верховной власти, было отвергнуто, многие его последователи физически уничтожены. Легисты (юристы), взяв в свои руки государственное управление и суд, активно внедряли в правосознание жителей страны уголовно-правовую доминанту. Уголовное право приобрело надотраслевой характер. Разработанное легистами учение о злой воле – причине преступности, якобы передаваемой родителями детям, – легло в основу системы наказаний, официально называвшейся «истребить три поколения», т. е. самого преступника, его родителей и детей.

Широкое применение указанной системы, категорическое отрицание регулятивной функции морали вызвали наряду с другими факторами массовые восстания крестьян. Династия Цинь была свергнута. Ее падение повлекло за собой

изменение структуры нормативного сознания китайцев. Новая династия руководствовалась сентенцией Конфуция: «Если править с помощью закона, улаживать наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалам, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [3, с. 20].

В Древней Индии до правления царя Ашоки право тоже являлось поддержкой и помощью культуре и нравственности, но прежде всего религии. Служители культа – брахманы создали теорию божественного происхождения царя и одновременно, в качестве неотъемлемой ее составляющей, «полное и вечное правило его деятельности». Правила содержали норму об ответственности царя за положение дел в стране вплоть до лишения его жизни, а также требование, чтобы он использовал всех чиновников «на благо народу» [4, с. 394].

В то же время брахманы – сторонники сильной царской власти, доминирования права и правосознания стремились секуляризировать суд и судопроизводство, настаивали на том, чтобы судебные дела решали чиновники, руководствуясь положением, что царский указ обладает большей силой, чем правила, установленные богами.

Отменить «полное и вечное правило деятельности царя», конечно, можно было, но только заменив брахманизм новой религией. Ею должен был стать буддизм, отрицавший главенствующую роль брахманов в обществе. Поддержка царей позволила буддизму широко распространиться, в том числе и за пределами Индии, и стать первой мировой религией. Однако постепенно он утратил привлекательность и поддержку. Население вновь обратилось к брахманизму, который, в отличие от буддизма, обещал спасение души. Власть же явно не устраивало то, что буддийская этика подменяла собою право. В конечном итоге в Индии, как и в Китае, правосознание осталось лишь частью нормативного сознания, благодаря чему общество в этих странах, в отличие от Древнего Рима, продолжало существовать и после крушения государства.

Список литературы

1. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002, 584 с.
2. Темнов Е. И. Звучащая юриспруденция. М. Статут, 2015, 477 с.
3. Конфуций. Уроки мудрости. М. : Эксмо ; Харьков : Фолио, 2004. 958 с.
4. Законы Ману. М. : Эксмо-Пресс, 2002. 456 с.

Правкин И. В.[1]*,*
заместитель начальника кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Брунер Р. А.[2]*,*
доцент кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Проблема определения ценностных оснований человеческой жизнедеятельности существует достаточно давно, но в наибольшей степени она актуализируется в условиях появления новых вызовов и глобальных изменений, с которыми современное российское общество как раз и столкнулось в настоящее время. Все происходящее заставило нас задуматься над тем, а что действительно наиболее важно и выступает ценностью.

Термин «ценность» имеет разные значения и может пониматься:

– как явления действительности (факты идеального и материального мира), имеющие то или иное значение для общества, его групп или отдельных людей [5, с. 20];

– идеал, выходящий и выводящий за пределы наличной данности, что позволяет понять не просто надиндивидуальность, но и надличность ценностей [8, с. 15];

– особый сплав значений, определяющих вещественно-предметные свойства явлений и в то же время выражающих практическое и эмоциональное отношение к ним человека [10, с. 10];

– ценностное отношение, которое «порождается субъектно-объектной связью» как «специфическим философским и собственно философским описанием поведения и деятельности людей» [6, с. 51].

Обобщая существующие научные позиции, ценности можно рассматривать как специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительные или отрицательные значения для человека и общества. Ценности выступают как свойства предмета или явления, однако они присуще ему не от природы, не просто в силу внутренней структуры самого объекта, а в связи с тем, что он вовлечен в сферу общественного бытия человека и стал носителем определенных социальных отношений.

В современной научной литературе часто задаются вопросом о том, что лежит в основе того или иного вида деятельности. Не является исключением и определение ценностных оснований деятельности правоохранительных органов.

Любая деятельность, рассматриваемая как активное поведение человека, направленное на изменение и преобразование объекта, по своей структуре состоит

---

[1] © Правкин И. В., 2023.

[2] © Брунер Р. А., 2023.

из таких компонентов, как цель, средство и результат. Ценности, не являясь содержанием этих элементов, составляют основу этой деятельности. Они занимают важное место при формировании цели деятельности, выборе средств ее осуществления, а также влияют на полученный результат.

Нельзя не согласится с мнением А. А. Контарева, который верно отметил, что «ценности во всякой деятельности играют смыслообразующую роль, определяемую отраженными в сознании ее субъекта значениями, а игнорирование ценностей в структуре деятельности означает ее бессмысленность» [7, с. 46].

Включение в конструкцию человеческой деятельности ценностного компонента способствует ее дополнению и преобразованию к лучшему. Ценностное содержание деятельности выступает ее духовным источником, определяет общественные идеалы, в соответствии с которыми она должна осуществляться, придает этой деятельности смысл и помогает предотвратить деструктивные последствия.

Одним из видов деятельности, где ценностные основания имею особое значение, является правоохранительная деятельность. Основой правоохранительной деятельности являются принципы и ценности, определяющие ее содержание и основные направления деятельности. Если обобщить существующие в научной литературе мнения, то можно определить, что чаще всего под правоохранительной деятельностью понимают осуществляемую в соответствии с законодательством государственную или санкционированную государством деятельность, осуществляемую в установленных процессуальных формах специально уполномоченными на то субъектами, связанную с применением мер государственного принуждения и направленную на охрану и защиту прав и свобод граждан, общества и государства.

Рассматривая вопрос о том, какие ценности являются определяющими в процессе осуществления правоохранительной деятельности, прежде всего следует принять во внимание ее государственный характер. Это означает, что ценностное основание данного вида деятельности определяется правоохранительной политикой государева. Кроме этого, важно учитывать и то, какие ценности существуют в самом обществе, где эта деятельность собственно и реализуется.

С точки зрения политики государства сущность деятельности правоохранительных органов определена в ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1].

Если рассматривать интересы общества, то в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к традиционным ценностям российского общества относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [2].

Указанные выше нормативные правовые акты показывают, что является определяющим для современного российского общества и какие приоритеты оно выставляет для проведения государственной политики, в том числе в сфере правоохраны.

Определяя, какие именно ценности лежат в основе деятельности правоохранительных органов, следует рассмотреть их с точки зрения внешнего проявления по отношению к обществу и касательно характеристики субъекта, осуществляющего правоохрану.

Относительно внешней среды, которой для органов, осуществляющих правоохрану, является общество, можно выделить такие основополагающие ценности правоохранительной деятельности, как правопорядок, законность, гуманизм, равенство, личность, право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, справедливость, легитимность и др. Для того чтобы понять, как эти ценности реализуются в реальной жизни, следует рассмотреть в качестве примера содержание нескольких из них.

Решение задачи, стоящей перед государством, оказывается возможным только в условиях создания и поддержания стабильного и твердого правового порядка. Упорядоченность и стабилизация всех сторон общественной жизни являются необходимым условием гарантированности прав и свобод граждан, реализации законных интересов последних, а также выполнения всеми субъектами возложенных на них юридических обязанностей.

Только в условиях правопорядка становится возможным формирование правового государства, демократическое развитие общества, совершенствование механизма обеспечения прав человека, создание механизмов защиты от противоправных посягательств, оптимальное функционирование экономической, политической, духовной, социальной и правовой сфер жизни общества.

Отсутствие надлежащего правопорядка в государстве оказывает разрушительное воздействие на современное общество. Прежде всего это проявляется в незащищенности прав и свобод человека и гражданина, отсутствии гарантий социальной защиты, социальном расслоении общества, увеличении роста преступности как среди населения, так и среди властвующих структур, коррумпированности, бюрократизации и т. д.

Правопорядок является одной из основополагающих, узловых ценностей демократического правового государства, основанного на неукоснительном соблюдении формально-определенных правовых предписаний, выраженных в действующих источниках российского права. Подлинный правопорядок в государстве характеризуется следующими особенностями. Во-первых, правопорядок формируется при непосредственном участии государства и народа и выражается в установленных нормах права. Во-вторых, правопорядок возникает в результате реализации правовых норм. В-третьих, поддержание правового порядка обеспечивается государством. Государство охраняет правопорядок от нарушений, в том числе защищает его с использованием правовых средств [9, с. 12–13].

Ценность равенства имеет многоплановое, универсальное содержание и характеризуется различными формами своего проявления. Оно выступает как принцип правового государства, как политико-правовая основа гражданского

общества, как форма проявления юридического равновесия при достижении баланса интересов граждан, а также как институт правового положения человека и гражданина. Равенство как принцип проявляется в равноправии между субъектами права, равенстве перед законом и судом, отсутствии привилегий и дискриминации людей в правовой сфере.

Социальная справедливость выступает еще одной правовой ценностью современного общества, которая лежит в основе правоохранительной деятельности. Понятие справедливости многогранно и охватывает различные сферы человеческих отношений. Справедливость тесно связано с правом. Право дает меру, а справедливость контролирует ее, устанавливая определенные требования. По своему содержанию ценность справедливости предполагает соответствия между правами и обязанностями, деянием и воздаянием, преступлением и наказанием. Несоответствие в этих соотношениях рассматривается как несправедливость.

Гуманизм выступает одной из базовых ценностей современного общества и подчеркивает высокий уровень развития цивилизации. Гуманизм определяет признание человека основным источником права, устанавливает высшей ценностью его субъективные права и свободы, запрещает использовать правовые средства для осуществления деяния вопреки природе человека, гарантирует безопасность человека, охрану его прав и законных интересов от противоправных действий [9, с. 25].

Второй разновидностью являются ценности, которые проявляются по отношению к субъектам правоохраны. Они служат объектами его интересов, а для сознания субъекта выполняют роль повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям. К таким ценностям правоохранительной деятельности относятся следование совести, соблюдение чести и достоинства, долг, мужество, верность присяге и служебному долгу, уважение к себе и другим, патриотизм, служение Родине и закону, ответственность.

В современных условиях эти ценности имеют особое значение в процессе обеспечения правопорядка. От того, какими качествами обладает сотрудник правоохранительных органов, зависит его готовность к выполнению служебных задач. С одной стороны, их деятельность четко регламентирована нормативными правовыми актами, с другой, требования законодательных актов носят общий характер, и то, как они буду интерпретированы и реализованы, в определенных случаях зависит от конкретного сотрудника и уровня его правосознания. Отсутствие у сотрудника правоохранительных органов базовых личностных ценностных установок приводит к обессмысливанию его деятельности и деформации личности. Утрата социального смысла правоохранительной деятельности изменяет правосознание сотрудника, формирует систему ложных ценностей, а также мотиваций девиантного характера.

Таким образом, правоохранительная деятельность в современном российском государстве осуществляется на основе ценностей, которые определяются исходя из государственной политики и интересов общества. Ценности, лежащие в основе деятельности правоохранительных органов, следует рассмотреть с точки зрения внешнего проявления по отношению к обществу и исходя из

характеристики субъекта, осуществляющего правоохрану. Относительно внешней среды можно выделить такие основополагающие ценности как правопорядок, законность, гуманизм, равенство, личность, право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, справедливость, легитимность. К ценностям, связанным с личностью субъекта правоохранительной деятельности, относятся следование совести, соблюдение чести и достоинства, долг, мужество, верность присяге и служебному долгу, уважение к себе и другим, патриотизм, служение Родине и закону, ответственность.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906.

3. Белинова О. А., Фомин В. Е. Ценность права и ценности в праве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1 (44). С. 29–33.

4. Васильева З. В. Духовно-нравственные ценности правоохранительной деятельности // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2020) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 80–82.

5. Жуков В. Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. 2009. № 6. С. 20.

6. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб. : Петрополис, 1997. 205 с.

7. Контарев А. А. Ценности в структуре правоохранительной деятельности: философско-методологический аспект // Научный репозиторий учреждения образования «Академия МВД Республики Беларусь». URL: https://elib.amia.by/bitstream/docs/3022/3/manag4_19.pdf.

8. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.

9. Роль правовых ценностей и принципов российского общества в процессе социальной адаптации мигрантов : учебно-методическое пособие / [А. Г. Мамонтов и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. 123 с.

10. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М. : Республика, 1994. 463 с.

Правкина И. Н.[1]*,*
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

УСТАНОВКИ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Проблема правосознания, его структурно-содержательных особенностей, факторов, влияющих на его формирование, а также причин и условий, способствующих продуцированию трансформационных процессов правосознания, носящих как позитивный, так и деструктивный характер, является одной из центральных в отечественной правовой теории. Несмотря на то что юридической наукой накоплен большой арсенал монографических исследований, посвященных генезису представлений о правосознании, его структуре, свойствах, качественном состоянии его элементного состава, видовом многообразии, проблемы правосознания современного российского общества до сих пор входят в сферу научных интересов специалистов в области теории государства и права.

Повышение интереса к проблеме правосознания обусловлено, во-первых, тем, что уровень правосознания современного общества определяет степень его развития, во-вторых, само правосознание является продуктом историко-культурного и духовно-нравственного развития общества, архетипы которого оказывают существенное воздействие на правовую культуру, и, в-третьих, формирование развитого правосознания, преодоление негативных трансформационных процессов обеспечивают повышение эффективности действующего права, механизма реализации прав и свобод человека, укрепление законности и правопорядка, а также развитие гражданского общества и правового государства.

Необходимо отметить, что правосознание является сложным системным образованием, отражающим субъективное отношение индивида к правовой действительности, и объективируется в социально-значимых действиях и поступках. Целостность правосознания обеспечивается комплексностью компонентов, входящих в его состав. Одним из таких компонентов правосознания является правовая установка. Рассмотрение содержательных особенностей, современного состояния правосознания, а также причин и условий, оказывающих непосредственное влияние на формирование правовых установок российского общества, оказывается чрезвычайно значимым как в теоретическом, так в и практическом аспекте. Так, комплексное теоретическое исследование правовых установок позволит расширить горизонты познания данного феномена в контексте различных методологических подходов, раскрыть понятие, сущность и природу правовых установок, выявить факторы, обусловливающие культивацию правовых установок. Практическая потребность в изучении проблемы правовых установок определяется необходимостью повышения уровня правового сознания общества, формированием стратегии правовой активности граждан, стремлением повысить качество правотворческого процесса, создание наиболее эффективной правовой

[1] © Правкина И. Н., 2023.

базы, отвечающей запросам современного общества, а также обеспечения высокого уровня доверия граждан к органам государственной власти.

Правовые установки составляют смысловой каркас правосознания, отражают его качественное своеобразие и представляют собой систему взглядов, интересов, идей, имеющих определенную стратегическую направленность. Занимая центральное место в структуре правосознания, правовые установки характеризуются полифункциональным назначением, проявляющимся, во-первых, в моделировании акта правового поведения и механизме перехода из должного в сущее, а во-вторых, в стимулировании правотворческого процесса, целью которого является приведение действующего права и правовой практики в соответствии с правом действительным, отвечающим потребностям и интересам граждан и находящим свое преломление сквозь призму правовой жизни общества.

Формирование правовых установок происходит под непосредственным воздействием факторов как внутренней, так и внешней среды. Так, например, качественное состояние внешней среды определяет характер правовых установок и дальнейшую модель правового поведения. Как справедливо полагает А. А. Кваша, «эта среда обусловливает механизмы позитивного и негативного влияния на мысли, намерения, чувства, эмоции, поступки индивидов, осваивающих, осмысливающих, анализирующих, обобщающих, критикующих все то многообразие правовой информации, адресуемой каждому субъекту общественных отношений, с которой он постоянно сталкивается и соприкасается в процессе своей жизнедеятельности» [1, с. 4].

Особое место в механизме формирования правовых установок современного российского общества занимает государство, которое в рамках осуществления правовой политики реализует заложенные в ней стратегические ориентиры, направленные на совершенствование системы государственного управления, планирования, безопасности и политико-правового развития. Данные ориентиры находят свою объективацию в документах стратегического характера. Так, реализация российским государством Стратегии национальной безопасности, кроме всего прочего, предполагает защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, которая осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития [3]. Создание эффективного механизма реализации приоритетных направлений данной стратегии, оказало существенное влияние на формирование правовых установок современного российского общества. К таким установкам можно отнести, во-первых, защиту исторической памяти и противодействие фальсификации мировой и отечественной истории, во-вторых, поддержание и укрепление традиционных правовых ценностей, в-третьих, нивелирование в обществе чуждых идей, взглядов и теорий, деструктивно воздействующих на массовое сознание российского общества и не свойственных его духовно-нравственным ориентирам.

Кроме того, происходящие на международной арене негативные изменения и успешные попытки российского государства противостоять разрушительной правовой политики гегемонии Соединенных Штатов Америки в мировом пространстве

скорректировали стратегический курс государственно-правового развития. Как верно полагает Р. А. Ромашов, «национальная правовая культура современной России представляет собой сложную систему норм, институтов, общественных отношений. С одной стороны, проявляется стремление государства и общества идентифицировать себя в качестве носителей европейской правовой традиции и страны, ориентированной на общечеловеческие правовые ценности. С другой стороны, в последнее время явственно обозначилась тенденция изоляции России от западного мира, а значит и от западной культуры, что, в свою очередь, обусловливает все большую степень закрытости российского правового пространства от влияния международного и европейского права» [2, с. 51]. Таким образом, обострение международной ситуации, в свою очередь, оказало существенное влияние на формирование правовых установок российского общества и обусловило укрепление национальной идеи и изменение политико-правовой идеологии. Так, например, патриотизм является одной из базовых установок современного общества, выражающийся в преданности Отечеству, стремлении защищать Родину от внешних угроз, а также посягательств, дестабилизирующих нормальное функционирование всех звеньев государственно-правовой системы, обеспечивая ее дальнейшее развитие.

Ведя речь о внутренней среде, следует отметить, что, несмотря на динамические процессы развития самого общества, его права и правосознания, правосознание и правовая культура российского общества по-прежнему сохраняют свое архетипическое своеобразие. В связи с этим для российского общества основными архетипами правосознания являются служение, порядок, покорность, патернализм, коллективность. Данные архетипы правосознания являются смысловым стержнем правовых установок российского общества и находят свое отражение в актах поведенческого характера. Отражение в глубинных слоях правосознания архетипических особенностей обусловило формирование следующих правовых установок российского общества.

Во-первых, сочетание приоритета общественного блага над индивидуальным и автономизация личности. Ценность данной установки заключается, с одной стороны, в консервации культурно-нравственных традиций и ценностей, взаимопониманию между членами общества, а с другой – в стремлении к индивидуализации, свободе, уникальности, реализации в различных сферах общественной жизни, поиске собственного «Я» в праве.

Во-вторых, установка на патернализм по отношению к государственной власти. Данная правовая установка определяется ментальными характеристиками российской правовой культуры и выражается в ожидании со стороны общества государственной поддержки социального благополучия, обеспечение достойного уровня жизни, благополучия, прав и свобод, а также удовлетворения интересов и социально значимых потребностей. Патернализм стремится легитимировать иерархические, покровительственные отношения в обществе.

В-третьих, правовые установки российского общества пронизаны идеей покорности судьбе. Ценность данной установки определяется стойким умением переносить деструктивные обстоятельства общественной жизни, ожиданием и выдержкой при принятии важных решений. Отечественная и мировая история

неоднократно демонстрировали, что русский человек способен вынести порой самые сложные условия существования. Следует отметить, что в контексте данной правовой установки речь идет о смирении, о противостоянии социально-политическим бунтам, выражающимся в отказе от возложенных на общество обязанностей, а не о рабской покорности.

В-четвертых, правовая установка поддержания порядка как качественного состояния правовой жизни современного общества. Порядок является смысловым каркасом всей правовой действительности и индикатором организованности и упорядоченности отношений, возникающих в обществе. Стремление к порядку определяется потребностью в стабилизации и гармонизации всех сегментов правовой жизни общества.

Подведя итоги, следует отметить, что правовая установка представляет собой смысловой каркас правосознания и воплощает базовые идеи, ценности, потребности и интересы современного общества.

Формирование правовых установок носит двойственный и внутренне противоречивый характер. С одной стороны, содержание правовых установок современного российского общества определяется традиционно свойственными данному обществу архетипами правосознания, а с другой, стратегическим курсом проводимой государством правовой политики. При этом деструктивное внешнее воздействие на правосознание общества может привести к формированию негативных правовых установок.

Правовая установка служит связующим звеном между обществом, правом и государством. Формирование позитивных правовых установок обусловливает повышение правовой активности граждан, создание общественного механизма противостояния государственно-властному произволу, реализацию прав и свобод граждан, а также эффективное развитие правового государства и гражданского общества.

Список литературы

1. Кваша А. А. Правовые установки граждан : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Ростов н/Д., 2002. 160 с.

2. Ромашов Р. А. Национальная правовая культура России: традиции, ценности, техника // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 49–52.

3. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

Гарашко А. Ю.[1]*,*
доцент кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ЮРИДИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМЫ ФОРМ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Исследование системы форм современного права неразрывно связано с поисками механизмов сравнения, соотношения и сопоставления проявлений основных способов организации правового содержания – форм официального и неофициального права. Такие поиски позволяют прийти к утверждению целесообразности дифференциации ряда понятий: права и закона, государственно-правовых и общественно-правовых начал, юридических и правовых феноменов.

В данной статье речь идет о соотношении таких понятий, как правовой и юридический нигилизм, дифференцируемых в ракурсе широкого взгляда на право и адекватного динамичным общественным отношениям типа правопонимания. Правовой позитивизм не дает оснований для их сравнения, так как в его рамках эти понятия позиционируются в качестве тождественных и не предполагают возможности сопоставления. Именно поэтому в большинстве современных научных исследовательских работ выделяют только правовой нигилизм, вкладывая в него по сути содержание определяемого нами юридического нигилизма.

Правовой нигилизм следует рассматривать как отрицание права в целом, как способа регулирования общественных отношений, т. е. как отрицание объективной ценности права, не согласованного с существующими реалиями и не способного решать социальные конфликты, в отличие от норм морали, религии и положений иных общественных регуляторов.

Юридический нигилизм – более узкое понятие и представляет собой отрицание или негативное отношение не ко всему праву в целом, а лишь к его отдельным формам, в частности, создаваемым или санкционируемым органами государственной власти. Такая форма нигилизма представляет собой отрицание субъективной ценности права. Между тем иные формы права, удовлетворяющие индивидуальным притязаниям, признаются как целесообразные и даже необходимые.

Данные определения сами по себе не способны дать законченное представление о сущности правового и юридического нигилизма и особенностях их соотношения, в связи с чем эти понятия нуждаются в более подробном сравнительном анализе, проводимом по ряду параметров. Однако следует отметить, что исчерпывающее и идеальное сравнение, с точки зрения методологии, в данном случае невозможно, так как данные понятия качественно отличаются друг от друга и проводимое исследование в большей степени имеет целью демонстрацию не отличия двух видов нигилизма, а скорее целесообразность дифференциации двух его форм.

---

[1] © Гарашко А. Ю., 2023.

1. Причинами юридического нигилизма выступают нелегитимность, неэффективность, нелегальность и непрофессиональность государственной власти, ее очевидная неспособность решать при помощи нормативных правовых актов стоящие перед государством и обществом задачи.

Причинами правового нигилизма выступает вера в способность более успешной нейтрализации общественных конфликтов неправовыми методами и средствами, а также духовный кризис или устойчивая философская позиция, связанная с признанием вторичности права перед более органичными обществу и удаленными от политической жизни, а значит, менее ангажированными социальными ориентирами.

2. Правовой нигилизм – по своему объему более широкое понятие, выражающееся в устойчивом и содержательно обусловленном явлении, меняющемся или исчезающем из правового сознания в крайне редких случаях.

Юридический нигилизм у́же правового нигилизма, формально обусловленнее, подвижнее и гибче. Так, смена политико-правового курса, политического режима, главы государства, правительства и иные факторы способны внушить юридическим нигилистам в целом позитивный настрой в отношении изменяемых или новых нормативных актов государства, снизить или устранить отрицательное отношение индивидов к формальным источникам права.

3. И юридический нигилизм, и правовой нигилизм индивидуализированы, но их индивидуализация касается различных аспектов реализации: если первый связан с реализацией личных потребностей, специфичных конкретных представлений, мыслей, образов о чем-либо отдельном (правильном и неправильном, целесообразном и нецелесообразном, эффективном и неэффективном и др.), то второй – с реализацией представлений о необходимости института права вообще. Однако и правовой, и юридический нигилизм обусловлены особенностями сознания, культуры, интеллекта, многообразием привычек, интересов и притязаний субъектов.

4. Отличаются и механизмы возникновения двух понятий. Так, юридический нигилизм формируется как стихийно, так и целенаправленно и присущ двум категориям лиц. С одной стороны, это маргиналы, не обладающие высоким уровнем правовой культуры и образования и в связи с этим инфантильно нарушающие юридические нормы, с другой стороны – это высокообразованные люди, способные к объективному анализу действующего законодательства, выявлению присущих ему недостатков (пробелов, коллизий и проч.).

Правовой нигилизм – сложное, идейно обусловленное явление, возникающее не стихийно, но как результат глубокого осознания тех или иных социальных проблем, например, вера в достаточный уровень развития человеческой цивилизации, способной справиться с конфликтами за счет менее жестких и более гуманных регуляторов, чем право. Однако часто такая вера связана с недооценкой права, в целом также выступающего социальной ценностью существующего уровня развития цивилизации.

5. Правовой нигилизм пассивнее, менее актуален, но в большей степени социально опаснее юридического нигилизма, он способен стать основой социальных революций и потрясений, фундаментально воздействовать на правовую

жизнь и правосознание человека, кардинально изменить его представления и ценности. Такой нигилизм связан с сознательным нарушением норм права.

Юридический нигилизм активнее, распространеннее, но в то же время менее опасен. Негативен он, в основном, с количественной точки зрения, когда его придерживается значительное число субъектов права, в том числе связанных веяниями актуальных социальных субкультур. Такой нигилизм препятствует эффективной и бесперебойной деятельности органов государственной власти, мешает отправлению правоприменительной функции, снижает уровень законности, но не обусловливает полную невозможность поддержания правопорядка.

6. Юридический нигилизм противопоставлен юридической культуре, критикует и предлагает ее альтернативы (например, криминальную пенитенциарную субкультуру). Такой нигилизм – контрправовое явление.

Правовой нигилизм несопоставим с правовой культурой, так как связан с полным отрицанием любого правового явления. Между тем, культура в целом не становится менее значимой и эффективной без такой разновидности, как правовая культура. Такой нигилизм – антиправовое явление.

7. Дифференциация двух данных понятий возможна не только по объектному, но и по субъектному составу. Так, среди представителей государственной власти более распространен юридический нигилизм, так как именно они по роду своей деятельности непосредственно связаны с содержательным наполнением (созданием и изменением) форм официального (юридического) права. Такое участие затрудняет формирование у них представления о праве как высшей ценности, обусловливающей беспрекословное подчинение.

Правовой нигилизм распространяется среди людей, не имеющих отношения к правовой сфере деятельности и поэтому не знакомых ни с теоретической идеализированной значимостью права в жизни общества, ни с профессионализированным перманентным наблюдением за его нарушением. Такое отдаленное знакомство с правом обусловливает его вторичность по сравнению с более близкими социальными регуляторами, например, нормами морали.

8. Юридический нигилизм имеет множество форм (юридический негативизм, юридическую критику, правонарушение, злоупотребление правом, коррупцию и др.).

Правовой нигилизм не имеет форм и связан с легитимацией неправовых способов и методов устранения социальных противоречий.

9. Юридический нигилизм не всегда влечет исключительно негативный для общества и государства результат, выступая в ряде случаев индикатором социальной легитимности, критерием соответствия воле народа и показателем эффективности материального воплощения в реальной жизни идеальных норм права.

Правовой нигилизм в данном аспекте нельзя оценивать по тем же критериям, что и юридический, так как он выступает качественно отличным явлением. Между тем его наличие по результатам следует характеризовать скорее как негативное, так как право в целом, как форма общественного сознания и показатель уровня развития цивилизации, выступает несомненной ценностью общества, и критически относиться можно лишь к отдельным формам ее проявления, выражения или закрепления содержания.

10. Коренным образом отличаются и способы борьбы и (или) преодоления правового и юридического нигилизма. При этом юридический нигилизм нуждается лишь в формах преодоления, так как полностью нейтрализовать его невозможно: всегда будут субъекты, в той или иной степени недовольные существующим положением нормативных правовых актов. Только отсутствие таких актов вообще может выступать надежным залогом отсутствия их критики.

Правовой нигилизм же выступает следствием отсутствия мероприятий и действий по его устранению, так как отрицание целесообразности какого-либо явления нельзя преодолеть частично, но можно только полностью устранить.

Проведенный анализ объективно не является исчерпывающим, что связано как со сложностью и противоречивостью рассматриваемых понятий, так и с требованиями юридической техники к оформлению данного исследования.

Однако следует подытожить, что разделяемый нами более широкий взгляд на природу и сущность права как явления неоднозначного и более сложного, чем только совокупность норм поведения, установленных государством, обусловливает необходимость более тщательного анализа, связанного с объективной невозможностью отождествления всего правового и юридического в жизни человека, в том числе и тогда, когда речь идет о соотношении юридического и правового нигилизма. Кроме того, одним из показателей целесообразности их дифференциации выступает гипотеза о плюрализме форм существования и организации содержания современного права.

Феднева Н. Л.[1]*,*
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ПРАВА В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И. А. ИЛЬИНА

Жизненный путь и творческие искания Ивана Александровича Ильина (1883–1954) дают пример того, как на понимание права накладывают отпечаток особенности реализации публичной власти, присущие времени, в котором живет мыслитель, а также современные ему формы правления и политические режимы, конкретные исторические, общественные и личные ожидания.

Творчество И. А. Ильина в сфере философии права, пришедшееся на эпоху великих потрясений в период между двумя мировыми войнами и ставшее объектом внимания научной общественности в России в постсоветский период, до сих пор не получило однозначной оценки, несмотря на то, что идеи мыслителя анализировались в монографиях и статьях современных отечественных специалистов разных отраслей гуманитарного знания, в том числе правоведов [1; 2; 6; 7; 8].

Так, исследователь философии права С. Л. Чижков в статье, посвященной анализу *правовых* взглядов Ильина, оценивает их как эклектичные, прошедшие трансформацию от либерализма к этатизму. При этом автор делает акцент на публицистических работах Ильина 30-х гг., имевших нарочито агитационно-пропагандистскую форму, в которых проявилось его увлечение идеями корпоративного солидаризма и фашизма, и не уделяет должного внимания правопониманию Ильина, нашедшему отражение как в ранних, так и в более поздних работах, в том числе написанных после Второй мировой войны, когда философ обращается к интуитивистской парадигме, пытаясь объединить религиозно-нравственные и правовые подходы [8]. Можно согласиться с Чижковым, что под влиянием несостоятельности правовой идеи либерализма, проявившейся в крахе попыток создания буржуазно-демократической государственности в России и Германии, его правопонимание претерпело изменения в сторону усиления, условно говоря, авторитаристского подхода. Однако представляется, что предложенная Чижковым констатация итогов развития взглядов Ильина как этатистских не отражает сущности пройденной им эволюции.

Более глубокую оценку результатов процесса развития взглядов И. А. Ильина дает профессор Л. Золкин, отмечающий, что Ильин поставил задачу «создать теорию права на основе синтеза идеи духовной природы права, раскрытой Гегелем в спекулятивно-метафизической плоскости, с идеей личности и с идеей обновленной юридической науки. Ильину остались чужды как идеи радикального этатизма, свойственные Гегелю, так и идеи либерального индивидуализма» [6, с. 185].

Формирование правопонимания И. А. Ильина представляет собой нелинейный процесс, протекавший на протяжении всей его творческой жизни. Итоговый труд автора «О сущности правосознания», над которым он работал, начиная

[1] © Феднева Н. Л., 2023.

с 20-х гг. прошлого века и оставил незаконченным, вышел посмертно, в технической редакции его единомышленников, что не позволяет констатировать, что правопонимание мыслителя как система взглядов сложилась окончательно и изменению не подлежит. Тот факт, что Ильин не поставил точку в своей работе, представляется свидетельством неприятия им даже намека на догматизм при рассмотрении проблемы права и правосознания.

Некоторые положения, которые автор раскрывает в работе «О сущности правосознания» как уже сложившиеся, были впервые сформулированы им в ранней научной статье – «Понятия права и силы» (1910) [3]. Ильин не случайно выбирает объектом изучения понятия права и силы. Он сосредоточивает свое внимание на их соотношении, возможности противопоставления, рассматривая их как формы бытия, на рубеже XIX–XX вв. вступившие в напряженные политические и национальные конфликты в индустриально развитых странах.

В «Понятиях права и силы» нашло отражение осмысление новых методологических подходов, предпринимавшихся различными философскими, социологическими и правоведческими школами в процессе разграничения сфер наук о человеке и обществе, в ходе которого уточнялся объект, предмет и методы исследования. На тот момент в научном сообществе довольно широко распространилась гносеологическая концепция, предложенная представителями баденской школы неокантианства В. Виндельбандом и Г. Риккертом, согласно которой методы получения знания подразделялись на идиографические (индивидуализирующие, от греч. idios – особенный, своеобразный и grapho – пишу) и номотетические (генерализирующие, от греч. nomothetike – законодательное искусство). Идиографический метод, по Виндельбанду, применим к наукам о культуре, в частности, к истории, которая индивидуализирует и устанавливает «отношение к ценности». Идиографический метод выстраивает понятия «реального ряда», существующие в конкретных формах времени и пространства (которые И. Кант считал заданными сознанию априорно). Номотетический метод характерен для естествознания; он состоит в обобщении и установлении законов природы; в его основе лежит абстрагирование, «генерализирующее образование понятий», когда из многообразия данных выбираются лишь повторяющиеся моменты, подпадающие под категорию всеобщего.

Применительно к анализу понятия государства идеи Виндельбанда и Риккерта наиболее последовательно попытался применить Г. Еллинек, который сформулировал идею множественности способов познания государства и множественности теорий о государстве. Ильин, следуя за Еллинеком, а также осмыслив написанное П. Лабандом, Э. Ласком, М. Р. Вебером, Л. Гумпловичем, П. И. Новгородцевым, Н. Н. Алексеевым, Б. А. Кистяковским, Г. Ф. Шершеневичем, пришел к идее необходимости методологического плюрализма применительно к такому понятию, как право.

Он отмечает, что «право само по себе есть некоторое в высшей степени сложное и многостороннее образование, обладающее целым рядом сторон и форм «бытия»: *«Если общее изучение опускает хотя бы одну из этих сторон, то оно не полно, если изучение одной из них бессознательно сливается с другой, то возникает опасность методологических смешений, могущих иногда прямо обесценить*

все исследование (курсив наш. – *Н. Ф.*). Нет единого универсального и исключительного способа изучения права… Способов изучения права много; каждый из них в отдельности ценен, необходим и незаменим. Вера в спасительный монизм падает и уступает место принципиальному признанию *методологического плюрализма*» [3, с. 3–4].

Руководствуясь гносеологическими установками Виндельбанда и Риккерта, Ильин проводит анализ понятий права и силы через их отнесение к определенным методологическим рядам. Так, понятие силы всегда реально; сила есть способность реального к действию, следовательно, стоит в реальном ряду. Оно подлежит рассмотрению науками идиографического ряда – социологией, психологией, историей.

Понятие же права в объективном смысле рассматривается им как система правовых норм и в субъективном смысле как система правовых полномочий личности, т. е. субъекта, которые, в свою очередь, устанавливаются нормами объективного права. Суть права, таким образом, сводится к правовой норме. А правовая норма есть «суждение, устанавливающее известный порядок как должный», все писаное право есть подтверждение тому, что нормы есть суждения, вся догматическая разработка права есть рассмотрение норм-суждений [3, с. 14]. Таким образом, право как система норм и система суждений и умозаключений содержит в себе законы логики, абстрактного мышления, следовательно, стоит вне ряда реальных понятий, вне времени и бытия.

Казалось бы, должен последовать вывод автора о том, что право необходимо рассматривать в номотетическом ряду, из чего следовало бы, согласно классификации наук Виндельбанда, что право относится к законам природы. Однако Ильин не делает такого вывода[1]. Он предлагает ввести общий термин *юридического* рассмотрения права, объединив нормативный и логический подходы. Юридический или формально-методологический подход мыслится Ильиным как сознательно созданная противоположность материально-предметному подходу, отнюдь не заменяющая его, а сосуществующая с ним, как сосуществуют, не отменяя друг друга, юриспруденция, с одной стороны, и история, социология и психология, с другой.

Если рассматривать право с точки зрения такого, юридического подхода, продолжает он, то окажется, что понятия права и силы стоят в различных методологических рядах: понятие права не стоит в ряду реальном, а понятие силы – стоит; мыслить право как силу значит мыслить его как реальное, а оно не терпит онтологии. «Право как норма и суждение и право как сила – суть понятия, лежащие в методологически индифферентных рядах. Поэтому все конструкции правовых понятий, которые… вносят в юридические определения момент силы, – сливают

[1] В своей работе «О сущности правосознания» Ильин, сопоставляя право и законы природы, отмечает, что право не имеет той ненарушимой силы, которую имеют законы природы. Однако право имеет свой предмет, а у предмета есть объективный, заданный адекватному уразумению смысл, познаваемый мыслью. Таким образом, право объективно, как законы природы, но чтобы понять это, человеку необходимо выносить в душе особый опыт как «непосредственное, подлинное и отчетливое испытание чего-то неосязаемого, как имеющего объективное значение» [4, с. 171–173].

два методологически индифферентных ряда и… должны быть признаны неюридическими или критически пересмотрены» [3, с. 18–19].

Далее он рассматривает, как понятия права применяются исследователями в реальных методологических рядах – психологическом, социологическом, политическом.

В психологическом ряду право анализируется психологами как переживание правовой нормы, или право, введенное во временной поток индивидуального сознания. Но понятие «переживание правовой нормы» предполагает ее первичность, т. е. представление о том, что она уже кем-то, когда-то, как-то введена. Об этом говорит и Л. И. Петражицкий, по мнению Ильина, «самый тонкий, оригинальный и последовательный из психологов-правоведов» [3, с. 19].

Социолог-правовед имеет дело с правом в двух отношениях. Во-первых, право изучается им как явление, определяющее взаимодействия индивида, переживающего правовое отношение, с другими индивидами; это изучение предполагает, что индивиды имеют готовую норму, по поводу которой они взаимодействуют. Во-вторых, право изучается им как правоприменение, т. е. как фактическое право в составе реальных отношений; оно переживается неопределенной совокупностью психик не только как норма, но и как фактически реализующаяся схема, как выведенный из нормы строй полномочий и обязанностей, с сознанием определенной санкции; понятие, содержание, формальное значение нормы и здесь предполагаются известными.

И политическое рассмотрение права является рассмотрением реальным, временным. Право выступает в нем как явление; в основе его также лежит понятие нормы.

Подводя итог рассмотрению понятия права в реальных рядах, Ильин делает вывод о том, что «*юридическое определение права есть логический prius*[1] *психологического, социологического, исторического и политического определения»* [4, с. 20].

Однако в дальнейшем своем творчестве Ильин не пошел по пути логического рассмотрения правовых норм, избранному неопозитивистами. В своей диссертации «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918) он обратился к философии, по его словам, «истинного и последовательного интуитивиста» [5, с. 59] Г. В. Ф. Гегеля. Под влиянием гегелевского метода Ильин воспринял объективность права не только как внешнюю заданность норм, выраженных в логических суждениях и рассудочных абстракциях, но и *как предмет спекулятивного (мысленного) созерцания, в котором участвуют и мышление, и воля, и душа*.

При этом ему не удалось избежать указанных им самим в ранней работе недостатков правопонимания. Конкретные события (революция в России, воспринятая как крах государственности, слабость парламентских демократий и нарушения законности в европейских странах, а также широко анонсированное руководством фашистских движений программное требование укрепления государства на основе единения народа) воздействовали на его понимание права и заставляли отходить от обоснованных ранее выводов.

---

[1] От лат. prius – прежде, сначала; *зд.* – предшественник, первооснова.

В 20–30-е гг. он утратил тот нормативный абстрактно-логический подход к правопониманию, который сам определял как юридический. В работе «О сопротивлении злу силою» (1925) Ильин отбрасывает юридическую составляющую права как объективно существующую систему норм и рассматривает право в реальном ряду как силу. Он оправдывает насилие как ответ на насилие противника. Его работы приобретают острую полемическую направленность в ущерб научной аргументации, им руководит ненависть к советской власти, к Коммунистическому Интернационалу, в котором он видит орудие завоевания мира. Отказ от рассмотрения юридической составляющей права (характерный и для советской правовой доктрины того времени, добавим, справедливости ради) он оправдывает ссылками на политическую целесообразность.

Налицо та самая ситуация ложного правопонимания в индивидуальном сознании самого Ильина, о которой он ранее предупреждал, говоря о том, что смешение реального и абстрактного рядов рассмотрения права приводит к извращению самого понятия. Иначе как следствием понимания права, исключавшего формально-юридический подход, нельзя объяснить сотрудничество Ильина с рейхсминистерством пропаганды фашистской Германии в рамках «Российского научного института» в 1933–1934 гг., сотрудничество, ставшее позорным эпизодом его биографии.

В 1938 г. он покидает Берлин и переселяется в Швейцарию. Последующие годы его жизни отмечены непрерывным самоанализом и поиском истины, нашедшими отражение в работе «О сущности правосознания» [4]. В ней Ильин возвращается к юридическому аспекту правопонимания, стремясь переосмыслить его как prius (первооснову), вводит понятие «нормальное правосознание», понимая под нормой единство формально-юридического и естественно-правового измерения.

Формально-логическая составляющая включает знание позитивного закона (законосознание). Естественно-правовое измерение предполагает наличие «естественного чувства права и правоты», «особую духовную настроенность инстинкта», «особого рода инстинктивное правочувствие», которые присущи каждой личности хотя бы в смутной, неопределенной форме. Присутствие в душах людей этой потребности в справедливости Ильин относит к тайне творения и замыслу Бога о человеческом обществе.

Если человек переживает право как подчинение чужой воле, он утрачивает духовную свободу и уважение к себе. Правосознание, основанное на признании авторитета силы, будет правосознанием раба. Оно чуждо идее права – таким остается его кредо [4, с. 184–186].

Ильин отдает должное необходимости изучать, анализировать и пропагандировать позитивное право, стремиться к его очищению от всего наносного, ошибочного, продиктованного корыстным интересом, к его совершенствованию в соответствии с естественно-правовым идеалом. Задача положительного права, реализованного в принятых законах, считает он, состоит в том, чтобы создать в душе людей мотивы для лучшего поведения. Он констатирует наличие принудительного характера положительного права. В отличие от морали и религии, которым помогают искусства и науки, положительное право действует сравнительно грубо, обращаясь к идее социально-организованного внешнего авторитета.

«Тому, кто не испытывает зовы духа и силу добра в самостоятельном, внутреннем опыте и кто сам не умеет находить естественно-правовые пределы для своих притязаний, приходится узнавать об этих пределах в порядке социально-гетерономного[1] разграничения» [4, с. 202]. Примечательно, что в этой работе Ильин избегает употреблять слова «сила», «принуждение», прибегая к синонимам с нейтральной коннотацией. Коллективное установление положительного права придает ему характер гетерономного (идущего извне) правила, продолжает он. Те, кто не признает его, встречаются с организованным *внешним авторитетом,* предписывающим, позволяющим, воспрещающим различные внешние поступки и устанавливающим санкции. Признавая с указанными оговорками принудительность позитивного права, Ильин не устает подчеркивать, что «оно по природе своей *сохраняет в себе основное ядро естественного права,* для служения которому оно призвано в жизнь. Положительное право не может не выражать природы той духовной среды, которая создает его» [4, с. 201].

Положительное право возникает вследствие недостатка духовного самоуправления в душах людей; оно создается для того, чтобы воспитать его, помочь ему, упрочить его, продолжает свою мысль философ. Гетерономное регулирование как функция позитивного права допускается Ильиным как средство воспитания души к верному самоуправлению. Таким образом, задача позитивного права – реализовать способность людей к внутреннему самоуправлению [4, с. 204–205].

По мере решения этой задачи положительное право совершенствуется и приближается к своему первоистоку – естественному праву, оно способствует развитию и упрочению тех задатков естественного правосознания, которые изначально присутствовали в душах людей. Естественное правосознание, которое возникает у каждой отдельной личности и в обществе в целом, вытесняя положительное правосознание, становится реальной силой.

Правосознание, подчеркивал Ильин, является одной из великих и необходимых форм человеческой жизни; нормальное правосознание есть воля к праву, проистекающая из воли к духу [4, с. 234].

Список литературы

1. Евлампиев И. И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб. : Наука, 1998. 509 с.

2. Иванова А. А. Русская классическая философия: от Ф. М. Достоевского к И. А. Ильину. М. : Диалог-МГУ, 1999. 109 с.

3. Ильин И. А. Понятия права и силы. Опыт методологического анализа // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. 1993. С. 5–44.

4. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. 1993. С. 149–414.

5. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека : в 2 т. СПб. : Наука, 1994.

[1] «Гетерономное» – *зд.* идущее извне, внесенное насильственно.

6. Золкин А. Л. Эволюция философских воззрений И. А. Ильина и проблема методологии теории права // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 183–186.

7. Рюмин С. Е. Проблема соотношения морали и права в философии И. А. Ильина : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.05. М., 2009. 20 с.

8. Чижков С. Л. От либерализма к этатизму. Трансформация идеи правосознания у Ивана Ильина // Ориентиры. 2013. Вып. 8. С. 91–102.

Путинцев А. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук

ДОКУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Предварительно необходимо сделать несколько замечаний методологического характера. Во-первых, технология применительно к социогуманитарным наукам является объяснительной метафорой «инженерного» происхождения. Технология представляет собой принципиальное описание пригодного к массовому тиражированию процесса управляемого волевого воздействия на определенный объект с использованием определенных инструментов и ресурсов, применяемых определенным способом с целью достижения конкретного предсказуемого и желаемого результата. Возможны, конечно, и индивидуальные, адресные технологические решения, тиражирование которых в той или иной степени затруднено, в этом случае имеет смысл говорить об уникальной технологии. Само правовое регулирование может быть рассмотрено как одна из технологий социального регулирования, поскольку предполагает воздействие с использованием средств правового регулирования на социально значимое поведение людей с целью приведения его в соответствие с заданными в содержании правовых норм образцами. Однако возможно рассматривать в качестве технологических и более узконаправленные процессы, в частности, в сфере правосознания.

Во-вторых, правосознание, как и большая часть входящих в объект исследования социогуманитарных наук феноменов, представляет собой не только предмет теоретического изучения, но и объект воздействия. Как с прикладной, так и с теоретической точки зрения правомерна постановка вопроса о пределах и возможности трансформации правосознания, а с учетом сказанного выше, о технологической стороне этого процесса, об объекте, пределах и особенностях технологий трансформации правосознания. Учитывая роль правосознания в схемах, объясняющих функционирование правового регулирования и, шире, государственного управления, вполне логичен интерес регулятора (государства) к расширению сферы своего влияния не только на поведение, но и на правосознание, закреплению своей регуляторной монополии и увеличению арсенала доступных ему инструментов. Также вопрос актуален с чисто научной точки зрения, с позиций социологического осмысления возможности управлением общественным мнением и другими смежными явлениями. Однако, несмотря на правомерность постановки вопроса, можно привести и аргументы против, наиболее существенный из которых – это неопределенность объекта применения технологии.

Правосознание – это не только реально существующий объект, но и наше представление о нем как о правосознании. Даже если принять в качестве допущения, что правосознание существует как некая онтологическая реальность,

---

[1] © Путинцев А. В., 2023.

придется согласиться, что объект воздействия технологии трансформации правосознания крайне размыт и трудно отличим от объекта технологий правового регулирования. С точки зрения теории права аксиомой выглядит утверждение, что правовое регулирование направлено на поведение людей. Также логично, что такое влияние невозможно без влияния на сознание, поскольку поведение по определению представляет собой деятельность, опосредованную волей.

Процесс, который влияет на поведение людей, влияет и на правосознание, первое невозможно без второго, в этом смысле логично, что правосознание включено в классическую интерпретацию механизма правового регулирования в качестве своеобразного сквозного элемента [3, с. 172–174]. Однако данный аргумент можно «вывернуть наизнанку» и разграничить по критерию направленности технологию влияния на правосознание (иногда в теории государства и права этот процесс называют правовым воздействием [5]) и на поведение людей, где воздействие на правосознание является лишь одним из технологических этапов. Фокус внимания при таком подходе будет направлен не на отдаленные последствия (поведение), а на правовое сознание, т. е. на ментальные структуры. Это воздействие может иметь эффектом трансформацию поведения субъектов права, а может и не иметь либо иметь какие-либо другие эффекты, которые видятся бенефициару технологии полезными. При этом для технологии влияния на поведение правосознание может оставаться своего рода «черным ящиком» с неясным механизмом функционирования, при этом технология может работать и давать результат. Для технологии влияния на правовое сознание такое положение нельзя признать удовлетворительным, она требует детального объяснения механизма влияния на само правосознание.

Наконец, в-третьих, еще одно замечание необходимо сделать с учетом тесной взаимосвязи различных видов и форм общественного сознания. Правосознание – это выделенная условно в познавательных целях часть сознания вообще, которое в реальности не фрагментировано. В указанном ракурсе политическое и правовое сознание смыкаются, что, с одной стороны, открывает перспективы влияния на первое через второе и наоборот, а с другой, существенно усложняет разработку технологии влияния именно на правовой компонент.

Также методологически необходимой является рефлексия о том, рассматриваем ли мы технологию трансформации массового или индивидуального правосознания. В настоящей статье, учитывая их концептуальную направленность, этим различием мы пренебрегли как несущественным, однако при более детализированном подходе оно будет иметь значение.

Разработка технологий, в том числе юридических, возможна, когда одновременно есть объект воздействия, осознается необходимость влияния на него и имеются в наличии подходящие средства. Существование объекта технологии трансформации правосознания было обосновано выше, обоснование необходимости влияния на правосознание потребует существенного увеличения объема публикации. Предлагаем сконцентрироваться на технологических возможностях средства, которое мы рассматриваем как потенциально центральный элемент технологии трансформации правосознания.

Речь идет о документах стратегического планирования. С точки зрения Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»,

документ стратегического планирования – это документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая (одобряемая) органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными участниками стратегического планирования п. 10 ст. 3 [1]. В данные документы входят правоположения декларативного характер (применительно к доктринам), что позволяет рассматривать их содержание как кристаллизованное нормативное правосознание [4, с. 9].

Документы стратегического планирования довольно многообразны, поэтому мы используем метод «case study» и рассмотрим важнейший акт стратегического планирования в сфере национальной безопасности – действующую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) [2]. Нас будут интересовать возможные механизмы и пути влияния Стратегии на правосознание и возможные приемы, которые были осознанно или интуитивно использованы регулятором.

Наиболее очевидным механизмом воздействия на правосознание видится надстройка над уже созданными в процессе правового регулирования конструкциями путем подключения официальных взглядов-интерпретаций.

К этому способу стоит отнести установление ценностей как таковых, либо уточнение их приоритетности (рейтинга), либо создание дополнительных смыслов или контекстов. Проиллюстрируем сказанное примерами.

Во-первых, именно в подп. 8 п. 26 Стратегии нашли свое закрепление традиционные ценности как объект государственной защиты.

Во-вторых, уточнено содержание категории «государство» через обозначение его функционала. Так, если согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации обязанностью государства является защита и признание прав и свобод человека, в п. 41 Стратегии государство рассматривается как гарант безопасности личности и прав собственности, что не одно и то же. Возникает вопрос о конкуренции или взаимодополнении этих формулировок. С точки зрения конституционного права он решается однозначно в пользу взаимодополнения, с точки зрения правосознания в любом случае создает новые смыслы (п. 41), усиливая ту сторону государства, которая позволяет ему на основании ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации во имя обеспечения безопасности ограничивать права и свободы граждан.

Сами же права и свободы, являющиеся безусловным приоритетом с точки зрения Конституции Российской Федерации, помещены в единый контекст с другими традиционными ценностями (п. 91), отраженными в конституционных новеллах 2020 г. либо впервые упомянутых в Стратегии, что, как минимум требует осмысления на уровне научного и массового правосознания, а, следовательно, влияет на него.

Также интересен пример увязки в п. 22 российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотического воспитания граждан с дальнейшим развитием демократического устройства. В большинстве теорий демократия не связана напрямую с перечисленными предпосылками, однако Стратегия, официально констатируя такую связь, влияет на

восприятие категории «демократия» правосознанием, дополняя ее общечеловеческое содержание «суверенным» компонентом.

В Стратегии можно обнаружить и более локальное ценностное окрашивание сравнительно нейтральных юридических конструкций, в основном конституционно-правовых. Так, с точки зрения п. 17 Стратегии общепризнанные нормы и принципы международного права находятся в состоянии расшатывания, международно-правовые институты ослабляются и разрушаются, система договоров и соглашений в области контроля над вооружениями демонтируется. Такое международное право уже не выглядит бесспорно необходимой частью российской правовой системы, как это можно вывести из ст. 15 Конституции Российской Федерации, что легитимирует различные оговорки и иные механизмы защиты правового суверенитета. Через Стратегию в юриспруденцию вводится понятие «политически ангажированное решение иностранных и межгосударственных судов», от которого нужно защищать российских граждан (подп. 23 п. 47). Для сравнения, п. «б» ч. 5.1 ст. 125 Конституции Российской Федерации более сдержанно говорит о противоречиях решений международных и межгосударственных судов публичному правопорядку и Конституции Российской Федерации, оставаясь в рамках чисто юридических нейтральных категорий.

Есть и конструкции-надстройки над правом на свободу собраний и публичных мероприятий. В частности, Стратегия проводит очень четкую грань, которую сложно вывести напрямую из федерального законодательства о митингах, шествиях и пикетированиях, между общественно-политическими мероприятиями, безопасность которых нужно защищать (подп. 2 п. 47), и инспирированным из-за рубежа протестным движением и поддержкой маргинальных групп (п. 20), которые приводят к незаконным публичным акциям (п. 44) и даже «цветным революциям» (подп. 1 п. 47).

Давно вошедшие в политический лексикон в качестве своеобразных штампов, будучи закрепленными в документе стратегического планирования, утвержденном Указом Президента Российской Федерации, эти конструкции юридизируются и легализуются, официально доводятся до сведения правотворцев, правореализаторов и правоприменителей в качестве императива или рекомендации.

Менее очевидными приемами являются констатация консенсуса и использование концепта самоисполняющегося пророчества. Суть последнего в том, что говорение о чем-либо как о действительном предположительно способно привести к созданию нужного тренда или дискурса (п. 45 о росте потребностей общества в реформах в ряде отраслей).

Отмеченные выше приемы оказывают влияние на правосознание различных субъектов права. На уровне правотворчества сформулированные в Стратегии установки задают параметры конкретизации права в законах и подзаконных актах; на уровне правоприменения ориентируют на принятие тех или иных решений и в своем пределе способны влиять на формирование убеждения судей; для правореализаторов дают сигналы к повышению правовой активности.

Резюмируя краткий обзор возможностей документов стратегического планирования как основы технологии влияния на правосознание, необходимо отметить, что, несмотря на доказанный выше потенциал, он не может быть раскрыт

в полной мере без описания и совершенствования механизмов и практик продвижения содержания актов стратегического планирования в живой социальной среде и мониторинга эффективности реализации технологии, что требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841.

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271.

3. Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. М. : Статут, 2010. 781 с.

4. Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2012. 31 с.

5. Щербакова Е. К. О проблеме соотношения правового воздействия и правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 74–82.

Ситников К. А.[1]*,*
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Воронежского института МВД России

К ВОПРОСУ О ПРАВОСОЗНАНИИ УРЯДНИКОВ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СТРАЖИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Уровень общественных притязаний, направленных к лицам, осуществляющим охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, всегда был и остается традиционно высоким. Обусловливается это во многом тем, что именно от этой социально-профессиональной группы во многом зависит состояние законности и правопорядка [1].

В свою очередь, результаты анализа опыта функционирования институтов полицейской системы в различные периоды развития отечественной государственности могут лечь в основу дальнейшей оптимизации деятельности полиции современной России [2]. В связи с этим значительный интерес представляет правосознание чинов полиции, состояние которого непосредственно влияло на применение права в стране [3–4].

Одним из наиболее многочисленных звеньев полицейской системы Российской империи являлись урядники. Начало функционированию данного института положило Временное положение о полицейских урядниках, подписанное 9 июня 1878 г. Александром II. Согласно Временному положению учреждение новых должностных лиц в 46 губерниях Российской империи диктовалось необходимостью «исполнить существовавший в организации уездной полиции недостаток низших исполнительных чинов, действующих постоянно в местах и находящихся в ближайшем соприкосновении с населением, но от сего независимых» [5]. В ходе реформы 1903 г. урядники вошли в состав уездной полицейской стражи [6].

По нашему мнению, одним из уникальных документов, который можно признать валидным предметом исследования, направленного на выявление особенностей правосознания урядников, является «Прошение от всех полицейских урядников губерний Черниговской, Харьковской, Полтавской, Московской, Воронежской и др.» [7; 8] от марта 1905 г. Во многом эта пригодность обуславливается и географической детерминантой: документ выражал представления чинов из различных регионов европейской части Российской империи о текущем и желаемом организационно-правовом положении правоохранительного института.

Отметим, что время подготовки и направления Прошения пришлось на период всплеска социального недовольства, нашедшего свое выражение в Первой русской революции.

Принадлежность лица к определенной социальной группе (или слою) обуславливает внесение им в свою деятельность ценностных установок указанной группы [9]. В свою очередь статистические данные, полученные в ходе изучения

[1] © Ситников К. А., 2023.

архивных документов одного из наиболее типичных регионов – Воронежской губернии, свидетельствуют о том, что среди полицейских урядников превалировали выходцы из крестьянской среды [10].

Большинство исследователей сходится во мнении, что основу крестьянского правосознания определяла его многовековая социальная практика, особенности экономического уклада. При этом, как отмечают М. Д. Карпачев и Т. В. Панякина, бывшие общинники не обладали даже элементарными представлениями о законности и собственных гражданских правах [3; 11].

Вместе с тем подобное утверждение в отношении полицейских урядников как носителей профессионального правосознания было бы во многом несправедливым. Вряд ли возможно утверждать, что рассматриваемые нижние чины уездной полиции подобно остальным крестьянам отождествляли бы законность с волюнтаризмом руководства, сопряженным со злоупотреблением и превышением должностных полномочий, о чем ярко свидетельствует указанное прошение: «Просить же и исправников мы больше не желаем, ибо все наши просьбы остаются без внимания, и большинство из урядников служит чуть ли не лакеями у Становых Приставов или Исправников, попихивают нашим братом по своему произволу, где же закон, правда и человеколюбие!» [7]

Также в Прошении отмечается постоянный рост возлагаемых обязанностей и предъявляемых требований, сопровождавшийся уменьшением прав рассматриваемой категории служащих. Урядники заявляют, что в случае отказа от выполнения противоправных требований они без каких-либо реальных на то оснований подвергались аресту или увольнению: «Разве это законные требования начальства?» [7]

Накопленное негодование от отмеченных «глупых» требований, незаслуженных выговоров, публичных замечаний и грубого отношения привело к тому, что у многих служащих стали возникать мысли о мести огнестрельным или холодным оружием. Однако, отмечается в документе, подобный способ восстановления справедливости оставался для урядников недопустимым, поскольку они с учетом «изъятия» крепостного права надеялись на восстановление своего положения именно законными способами [7].

Одним из факторов, объясняющих такое существенное отличие правосознания урядников от остальных крестьян, стало зарождение и последующее развитие ведомственной системы профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции в конце XIX – начале XX в.: экзаменационные комиссии, урядницкие школы, школы полицейской стражи и т. п.

В связи с этим становятся очевидными причины еще одной характерной черты правосознания полицейских урядников – отождествления права и закона. Анализ учебной документации подобных образовательных учреждений позволяет нам с полной уверенностью говорить о существенном методическом влиянии юридического позитивизма на специфику курсов подготовки нижних чинов уездной полиции. Особое место в учебном цикле занимали дисциплины «законоведения» и «общих обязанностей полиции».

В связи с этим главенствующую роль в системе нормативных ценностей урядников занимал закон. Подобный подход, по нашему мнению, наиболее рационален с учетом конкретно-исторических особенностей развития государства

и общества в исследуемый период [12]. Примечательно, что авторы в Прошении взывали не только к формально закрепленным нормам, но и к правде, а также человеколюбию.

Особенно характерным для правосознания российского подданного было представление о «добром царе», воплощавшем в обществе «правду», что, по мнению ряда ученых, сыграло выдающуюся роль в становлении и развитии российской государственности [13–15]. Так, урядники и в рассматриваемом документе указывали, что «горячо любимому Батюшке Царю приходится испытывать многое и заботиться обо всех» [7]. При этом недовольство правовыми основами деятельности и фактическим положением служащих не проецируется с непосредственного руководства на суверена и все государство. Последние, в свою очередь, в сознании авторов документа отождествляются, представляют собой умозрительное неразрывное целое: все проблемы обусловливаются не сложившейся государственно-правовой системой, самодержавным строем, личностью монарха, а деятельностью становых приставов и исправников.

Как отмечал русский философ и один из теоретиков монархического правосознания И. А. Ильин, патриотизм духовно прав и свят и духовно необходим человеку как для самого правосознания, так и для государственного строительства [16].

Анализ Прошения позволяет прийти к выводу о соответствующем настрое и в среде полицейских урядников в начале XX в., особое внимание уделяется служебному долгу и присяге: «Мы всегда исполняем и обязаны исполнять свои обязанности честно, без корыстных целей (помня долг присяги). Всегда днем и ночью отзывались на требования населения и шли безропотно усмирять повсюду происходящие смуты и беспорядки» [7]. Нижние чины подчеркивали, что многие из них участвовали в войнах, а потому согласны встать на защиту императора и Отечества. При этом возможность подобного поведения, сопряженного с риском смерти, со стороны дворянства и иных сословий им представлялась маловероятной.

В качестве одной из актуальных для служебной деятельности проблем составителями Прошения виделось негативное отношение к ним со стороны общественности, а точнее крестьянской среды [4]: «Приобретаем себе все больше и больше врагов, от которых зависят наши жизни» [7].

Несмотря на все вышесказанное, а также на объективно недостаточное материальное обеспечение (низкий уровень денежного содержания, отсутствие пенсионного обеспечения, социальных гарантий семьям служащих и т. д.), отсутствие возможности напрямую освещать свои проблемы в печати, урядники не считали всеобщую забастовку допустимым способом разрешения коллективного трудового спора. Для них такое поведение было равнозначно пособничеству революционной деятельности: вредоносной пропаганде и смуте [7].

Все свои предложения по совершенствованию правовых основ уездной полиции ее нижние чины обосновывали соображениями законности, рациональности, борьбы с произволами и поддержанием престижа правоохранительной службы.

В Прошении были сформулированы шесть конкретных требований:

1. Изменить «давно устарелый для Полиции урядный закон, предоставив более прав по службе», в частности, изъять от «назойливости, глупых требований» становых приставов.

2. Сменить название должности на более подходящее по содержанию службы, например, «полицейский надзиратель такой-то волости». Данная мера не только способствовала избавлению от негативного жаргонизма «курятник», но и способствовала бы большей стройности правоохранительной системы, поскольку аналогичные должности были в городской полиции.

3. Заменить налагаемые исправниками дисциплинарные аресты на домашние аресты или штрафы, «ибо были такие случаи, что арестовывали урядника на 5 дней, узнавши все население прямо-таки не даст проходу, говоря „ты мол – уже сидел в тюрьме”».

4. Провести замену формы урядникам, обеспечив их визуальное отличие от иных категорий полицейских служителей.

5. Увеличить суммы денежного содержания, выделявшиеся «по усмотрению губернаторов», поскольку сложившееся материальное состояние было таковым, что урядника нередко видели «в дырявых сапогах и на плохой лошаденке».

6. Учредить при уездных полицейских управлениях кассы пенсий, подобно учительским, предоставив право урядникам воспитывать своих детей в училищах за счет казны, а также учредив пенсию женам урядников или детям, если урядник будет убит или изувечен при исполнении служебных обязанностей [7].

Примечательно, что некоторые из перечисленных положений нашли свое отражение в дальнейшем в ходе последующих реформ полицейской стражи, а также в законодательных актах, регламентировавших организационно-правовые основы отечественной милиции/полиции.

Таким образом, проанализировав «Прошение от всех полицейских урядников Черниговской, Харьковской, Полтавской, Московской, Воронежской и др.», мы можем прийти к выводу о том, что протестные настроения в исследуемый период охватили даже одну из наиболее лояльных по отношению к сложившемуся режиму социально-профессиональных групп. Правосознание указанной категории нижних чинов уездной полиции имеет значимые отличия от крестьянского, характеризуясь следующими признаками: уважение к закону, игравшему значимую роль в системе ценностей; отождествление императора с государством, а также представление о нем как о «заботливом спасителе»; чувство долга, верность присяге; рассмотрение забастовки и незаконных способов выражения недовольства как предательства, пособничества «смуте».

Список литературы

1. Пересадина О. В. Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания (на примере правосознания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Екатеринбург, 2017. 22 с.

2. Алафьев М. К., Зверев В. О., Алафьев К. М. Институт полицейских урядников: кадровый состав, функции, профессиональная подготовка // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 3 (82). С. 352–359.

3. Панякина Т. В. Особенности крестьянского правосознания в начале XX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-2. С. 21–23.

4. Ситников К. А. Отношение к представителям сельской полиции в правосознании крестьянства Центрального Черноземья в начале XX в. // Правовая культура и правовая идеология российского общества : сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 312–316.

5. Высочайше утвержденный проект Временного Положения о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по общему учреждению управляемых : положение Комитета Министров, Высочайше утвержденное 9 июня 1878 г., объявленное Сенату, за Министра внутренних дел, Товарищем Министра 14 июня // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 53. Ч. 1. № 58610. С. 398–400.

6. Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи : высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 5 мая 1903 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 23. Ч. 1. № 22906. С. 477–481.

7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. 2-е делопр. 1900. Оп. 57. Д. 17. Ч. 34 Б. Л. 395–396 об.

8. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX –начале XX в. : монография / [А. П. Нахимов и др.]. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2018. 685 с.

9. Погребная Ю. К. Правосознание современного российского общества (вопросы теории и методологии исследования) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2011. 27 с.

10. Ситников К. А. Социальный портрет урядника уездной полицейской стражи юго-западных уездов Воронежской губернии в 1915 г. // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 9–21.

11. Карпачев М. Д. О правосознании крестьян Воронежской губернии в начале XX в. / под ред. Н. В. Бутусовой, Й. Ананиев // Человек в глобальном мире : материалы Международной научной конференции. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2015. С. 393–397.

12. Ситников К. А. Методическое влияние юридического позитивизма на формирование программ обучения полицейской стражи Российской империи (на примере Воронежской губернии в 1909–1917 гг.) // Проблемы правопонимания: история и современность : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 172–176.

13. Демичев А. А. Монархическое сознание российских подданных XVIII – первой половины XIX в. (по материалам исторических анекдотов). Статья 1 // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1. № 1 (19). С. 115–126.

14. Медушевская Н. Ф. Принципы российской государственности // Платон. 2013. № 4. С. 28–29.

15. Баргилевич О. А. Духовная основа правосознания в работах И. А. Ильина // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 3 (20). С. 7–16.

16. Ильин И. А. Собрание сочинений. Доп. Т. 15 : Справедливость или равенство? : публицистика, 1918–1947 гг. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 574 с.

Шингарева Н. В.[1]*,*
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Любые реформы, проводимые в обществе и государстве, оказывают непосредственное влияние на формирование общественного правосознания. Одной из причин данного явления является неразрывная взаимосвязь между проводимыми властью преобразованиями и их морально-нравственным основанием. Залогом успешных реформ выступает эволюция общественного сознания, которое перестраивается гораздо медленнее и может выступить препятствием на пути преобразовательной деятельности. Л. И. Петражицикий отмечал, что культурно-психическая способность масс к правовым переживаниям может ограничивать законодателя [2]. На рубеже XX–XXI в. Российское государство переживало социально-экономические, государственные и правовые реформы, которые не могли не найти отражения в общественном правосознании, потому что «переходное состояние государственно-правовой действительности – это всегда сложное, нередко болезное состояние государства, права, иных государственно-правовых явлений, наконец, самого общества, связанное с критической оценкой своего прошлого и с мучительным выбором своего «единственно правильного пути» развития в ближайшем и отдаленном будущем» [1]. На протяжении ряда веков российское общество и государство не единожды оказывалась на развилках исторического пути и одна из подобных ситуаций относится к времени проведения реформ Александра II.

Влияние реформ на общественное сознание отмечали многие дореволюционные правоведы, либо критикуя излишнее рвение властей, либо, напротив, обвиняя их в консерватизме и медлительности. К. Н. Ярош писал, что «излишняя склонность правительства к реформам разгорячает пульс народной жизни и взбивает воображение: никто уже не доволен существующим и все лихорадочно живут надеждами и предположениями, все озабочены тем, что будет, и обнаруживают нерадивость тому, что есть, и требует постоянного, настойчивого труда и внимания» [2].

Из всех реформ второй половины XIX в. наибольшее влияние на общественное правосознание оказала судебная реформа 1864 г. Принципы и институты, введенные судебной реформой, шли в разрез с существующим строем. Несмотря на проведенную либерализацию, Российское государство продолжало оставаться абсолютной монархией с сословным строем и с ограниченным представительством населения в органах местного самоуправления [3].

Влиятельный консервативный журналист М. Н. Катков, оценивая практику применения законоположений Судебных уставов 1864 г., писал, что ярко проявилось «несоответствие между отдельным узаконением и общими основаниями

[1] © Шингарева Н. В., 2023.

государственного права России» [2]. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев подчеркивал, что «такой суд не может быть опорою государства». Министр юстиции Н. В. Муравьев считал принципы и институты судебной реформы не соответствовавшими «особенностям государственного и общественного быта» – «одежда не по мерке» [2].

Но именно благодаря судебной реформе и функционированию новых судебных инстанций начался процесс формирования новых общественных отношений и трансформации общественного правосознания. В результате судебной реформы в обществе постепенно формируется уважительное отношение к закону как к единственному и справедливому источнику для разрешения конфликтов. Создание адвокатуры позволило всем иметь возможность осуществлять защиту своей личности и имущества в судах. Провозглашенный принцип равенства всех перед законом и судом вселил надежду на формирование действительно бессословного общества. Отказ от инквизиционного судебного процесса означал трактовку задач уголовного судопроизводства с позиций права личности. В совокупности все это выступило в качестве основы для формирования гражданского общества.

Принцип гласности ввел прозрачность в деятельность судов, позволил, за рядом исключений, рассматривать дела в открытом порядке, что вызывало среди населения огромный интерес, бурное обсуждение судебных заседаний, прений сторон, и, как следствие, повысился спрос на юридическую литературу.

Хотя в России юридическая доктрина не выступала в качестве источника права, тем не менее реформа придала новый импульс процессу развития российской юриспруденции. Судьи стали обращать внимание на доктринальные произведения юристов, а судебные уставы рекомендовали судьям в случаях обнаружения в нормативных правовых актах пробелов, противоречий и неясностей базировать свои приговоры на общем смысле закона.

Ученые-правоведы совместно с юристами-практиками стали создавать юридические общества, в рамках которых происходило обсуждение насущных проблем российской юриспруденции как теоретического, так и практического характера.

Несомненно, исходя из вышесказанного, проведенные правительством в 70–80-х гг. мероприятия по корректировке положений судебной реформы, вызвали бурное их обсуждение в средствах массовой информации и общественных кругах. Даже сторонники контрреформ были вынуждены признать, что изменение судебных уставов в сторону ограничения компетенции новых учреждений будет проведено после стабилизации внутриполитической ситуации, а также спада нигилизма.

Таким образом, судебная реформа 1864 г. содействовала правовому просвещению российских подданных, способствовала гуманизации общественных отношений, утверждению в умах населения мысли о верховенстве закона, а также послужила благоприятной основой для формирования гражданского общества.

Список литературы

1. Кожевников В. В., Чередниченко А. Е. О правосознании общества в переходный период развития России: общетеоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 3. С. 5–16.

2. Мезенцева Я. В. Проблемы формирования российского правосознания в трактовке русских юристов второй половины XIX – начала XX в. : историко-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2004. 21 с.

3. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2001. 24 с.

Жеребцова Е. Н.[1]*,*
научный сотрудник отдела изучения
отечественного и зарубежного опыта,
истории уголовно-исполнительной системы,
сравнительного анализа пенитенциарного законодательства
Научно-исследовательского института ФСИН России

РОЛЬ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Повышение уровня правового сознания в разные исторические этапы в России происходило по-разному, к примеру, в годы застоя пропаганда правовых знаний приобретала формальный характер.

Накопленный опыт так или иначе провоцирует развитие качественного воспитания, в том числе и правового, и особая роль в этом плане принадлежит Конституции Российской Федерации, где целенаправленная воспитательная деятельность просматривается наиболее отчетливо [1, с. 506–507].

Правовое сознание тесно связно с правовым воспитанием – процессом воздействия на сознание индивида. Оно необходимо для формирования знаний о потребностях и интересах, запретах и наказаниях, поощрительных нормах и правовых ограничениях, потребностях в обогащении духовной культурой, привычки «быть воспитанным».

«Быть воспитанным» – значит обладать определенными взглядами и убеждениями, нравственными ценностями и установками, на которые могут и должны равняться другие социально активные люди. Поистине культурным и образованным является тот, кто имеет правовые знания и умело применяет их на практике. Но чтобы умело что-то применять, необходимо усвоить те самые знания, приобрести определенное правосознание.

Правовое сознание – это многоцелевая деятельность, предполагающая наличие стратегических, долгосрочных целей на основе научных, плановых и системных принципов [2, с. 271–272].

Практика показывает, что основные составляющие правового воспитания – это плоды советского времени, имеющие выраженный идеологический социалистический аспект. Сформировавшаяся база в этот период позволяет раскрыть правовое воспитание как истинный процесс формирования правосознания и правовой культуры как целого механизма с его неповторимой атмосферой. Это еще и труд государственных и общественных институтов, которые нацелены на законопослушность лиц, с целью формирования гражданского общества [3, с. 113–119].

Правовое воспитание неразрывно связано с правовым обучением, когда формируется теоретическая база научно-правовой идеологии. Без должного образования человек не сможет получить знания и суждения, а значит, и проникнуться уважительным отношением к закону, понять и признать ценность права.

---

[1] © Жеребцова Е. Н., 2023.

Уделяется все большее внимание вопросам закрепления модели общественно-значимого поведения у молодого поколения, которое терпит в настоящее время духовно-нравственный кризис, судя по отношению к институту семьи, нетерпимости и ожесточению, дезинтеграции внутреннего мира. Так, потеря человеком, особенно в молодом возрасте, жизненных ориентиров приводит к его духовной опустошенности, впоследствии человек становится правонарушителем. Молодое поколение как виток будущего, нуждается как никогда в качественном и деструктивном воспитании.

Ввиду этого правовое сознание в воспитании молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) играет ключевую роль в вырабатывании в сознании офицеров нравственных идеалов, понятий о должном и возможном поведении. Мотивация к познанию, положительное отношение к познаваемому содержанию переходит в потребность к постоянному процессу поиска мировоззрений правового характера. Молодой сотрудник, обладая умственным багажом, может использовать теоретические знания на практике с учетом возрастных, профессиональных особенностей, которые так важны ему в процессе перевоспитания других лиц.

Но для выработки нужных качеств необходимо правовоспитательное влияние, которое существует, например, в рамках профессиональной подготовки в УИС.

Правовое сознание оказывает огромную роль в формировании личности офицера, в привитии правильных, профессиональных, ценностных ориентаций, которые положительно сказываются на итоговых результатах их важной повседневной деятельности.

Профессиональное развитие личности сотрудника УИС – процесс, проходящий непрерывно и требующий систематической кропотливой работы не только над профессиональными характеристиками, но и над другими личностными особенностями, которые должны быть присущи специалисту пенитенциарной отрасли. Специфичность непосредственной профессиональной деятельности сотрудников УИС во многом, если не во всем, обусловлена постоянным тесным взаимодействием с осужденными, которые находятся в изоляции и вследствие этого испытывают значительные отрицательные эмоции относительно своего положения и сложившейся ситуации [4, с. 13].

Особое место в общем комплексе значимых для личности ориентаций имеют ориентации профессионально-ценностного характера, которые определяют позицию человека при самооценке реализуемой им профессиональной деятельности и достигнутых при этом результатов.

Если анализировать процесс нравственного и правового воспитания по его содержанию, в нем можно выделить относительно устойчивый характерный компонент, который связан, во-первых, с успешным усвоением определенных общечеловеческих идеалов (среди которых, в частности, признание человеческой жизни как высшей ценности – данная универсальная этическая норма разделяется большинством людей), во-вторых, с успешным закреплением в сознании каждого из сотрудников таких высоких нравственных принципов, как справедливость, гуманизм, понятий чести, долга, а также с формированием

профессионально значимых личных качеств: дисциплинированности, выдержки, чувства коллективизма, храбрости, ответственности и т. д.

Говоря о формировании необходимого уровня компетентности молодого сотрудника УИС, следует учитывать, что особая роль должна быть отведена развитию таких психологических свойств и значимых качеств личности, которые могут внести существенный вклад в обеспечение профессиональной безопасности, что с учетом экстремальных факторов служебной деятельности особенно важно [5, с. 682].

Правовое сознание тесно связано и с проблемами духовности личности в сложившейся структуре профессионального становления молодого сотрудника УИС.

В данном случае понятие духовности личности не ограничивается возможным религиозным аспектом и должно рассматриваться шире, как понятие сложного многокомпонентного явления, которое определяет общую направленность личности и регулирует ее поведение в соответствии с признанными общечеловеческими ценностями и существующими нравственными нормами.

В структуре общей профессиональной компетентности, которой должен обладать сотрудник УИС, проявление духовности заключается в способности эффективного осуществления своей повседневной служебной деятельности на основе общепринятых нравственных ценностей, в стремлении к дальнейшему духовному и высокопрофессиональному саморазвитию, к непрерывному совершенствованию.

Важнейшим значимым проявлением духовности должна выступать совесть, которая обеспечивает эффективную нравственную сопротивляемость личности возможным воздействиям негативных факторов, случаям проявления насилия, пошлости, цинизма и др. Данный постулат признается большинством современных исследователей детерминант духовности [6, с. 28].

Совесть может рассматриваться как эффективный регулятор поведения человека, та грань, которая однозначно определяет либо его духовную направленность, либо бездуховность. Именно в духовности заключен потенциал самоопределения к лучшему [7, с. 182].

Таким образом, духовность способствует обеспечению личностной профессиональной безопасности как на внешнем, так и на внутреннем уровнях. С одной стороны, ее высокий уровень позволяет эффективно противостоять существующим внешним угрозам со стороны криминогенной среды, с другой – регулировать собственные существующие корыстные и эгоистические мотивы, представляющие внутреннюю угрозу для осуществления эффективной профессиональной деятельности.

В целях повышения правового сознания молодых сотрудников УИС должна проводится качественная, системная работа по организации нравственно-патриотического и духовного их воспитания, включая регулярные индивидуально-воспитательные работы с ними, лекции по правовой тематике, обсуждение вопросов служебного этикета, достойного внешнего вида. Посещение музеев и выставок разных жанров позволяет затронуть процессы самоанализа, самовоспитания, что так же благоприятно сказывается на мировоззрении молодого сотрудника УИС.

Признаками развитого правосознания будет являться наличие у молодого сотрудника УИС глубоких юридических знаний, умений, позволяющих воссоздать объективную, неискаженную картину юридически значимой ситуации, преобладание позитивных правовых чувств, настроений, эмоций в восприятии правовой (в том числе пенитенциарной) деятельности, готовность к активной реализации правовых норм на основе внутренней мотивации и ценностных ориентиров. Чтобы добиться должного развития правосознания у рассматриваемой категории, необходима организованная психологическая работа с ними, мотивация, поддержка наставников и руководителей.

Чем выше уровень правосознания у сотрудника УИС, тем легче государству выражать свои предписания, находить отклик в сердцах людей. Таким образом, от уровня правосознания сотрудников государственных органов (в том числе УИС) зависит осуществление государственно-правовой политики в целом.

Список литературы

1. Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие / отв. ред. Р. В. Шагиева. М. : Норма : Инфра-М, 2014. 576 с.

2. Смоленский М. Б. Теория государства и права : учебник. М. : Дашков и К°, Академцентр, 2010. 320 с.

3. Оразалиева А. М. Правовая культура и правовое воспитание (проблема соотношения) : монография / под ред. С. А. Комарова. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт, 2014. 201 с.

4. Лебеденко К. Е. Общая характеристика принципов профессиональной морали сотрудников ОВД // Инновационная наука. 2016. № 12. С. 13–16.

5. Панарин Д. А., Луканин В. В. Опыт духовно-нравственного воспитания курсантов на примере Академии ФСИН России // Человек: преступление и наказание. 2017. № 4. С. 681–684.

6. Профессионально-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: теория и практика : монография / [В. С. Олейников и др.]. СПб., 1998. 181 с.

7. Зарубина Е. В. Профессиональная мораль сотрудников органов внутренних дел: философско-правовые истоки // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 15. С. 180–184.

Иванченко Ю. А.[1]*,*
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Понятие легитимности в правовой литературе имеет свою историю и несколько значений. Термин «легитимность власти» впервые был использован в начале XIX в. в европейской философии в контексте постановки вопроса о восстановлении монархического правления и сохранения династического правления династии Бурбонов во Франции в противовес революционному принципу обоснования законности через понятие народного суверенитета. Он первоначально выражал убеждение, что власть, полученная по принципу престолонаследия, является единственно правомерной.

По прошествии времени сформировалась проблематика, основные подходы и решения, представленные в политико-правовых учениях о легитимации государственной власти, сложившиеся в ходе исторического развития зарубежной и отечественной общественной мысли, которые существуют и в настоящее время. Однако множественные противоречия в трактовке и использовании понятия «легитимность» обусловлены тем, что смысл легитимности раскрывается в контексте одной активной схемы без учета связи и культурно-исторического контекста процедур легитимации, что нередко и ведет к взаимоисключающим концепциям легитимности [3, с. 32].

В теории правового позитивизма понятие «легитимность» отождествлялось с его легальностью, законностью. Вопрос о легальности господства трактовался как вопрос о том, согласуется ли оно с существующими законами позитивного права и в особенности с существующей конституцией (к примеру, термин «легитимность» в римском праве употреблялся в регулировании наследственных отношений и означал узаконение незаконных детей).

Рациональный подход выражает господство в силу легальности, в силу признания людьми справедливости рациональных и демократических процедур формирования системы власти. Обязательность легального установления обоснована рационально созданными правилами и сформированными на их основе политическими структурами. Этот подход базируется на соответствии политической власти уже не традиции или актам исключительного исторического персонажа, а рациональному принципу, с помощью которого установлен правовой порядок действующего политического режима. На практике такая легитимность выражается через соответствие происхождения и действий политических властей требованиям демократии. Подобное ее толкование присутствовало в текстах, легших в основание демократии, – от английской Великой хартии вольностей 1215 г. до американской Декларации о независимости 1776 г. и французской Декларации

[1] © Иванченко Ю. А., 2023.

прав человека и гражданина 1789 г. Рациональная легитимность в своем законченном виде присутствует ныне в декларациях и преамбулах почти всех существующих демократических конституций. А с недавних времен такая легитимность санкционирована запретом на пересмотр некоторых правовых текстов (так, например, ст. 79 Основного закона ФРГ запрещает изменение принципиальных положений, заявленных в статьях с 1-й по 20-ю, которые включают фундаментальные права граждан республики [1, с. 134]).

Легитимность государственной власти представляет собой состояние, имеющее различные уровни. При этом уровень легитимности государственной власти определяется эффективностью форм реализации социальных ожиданий и оценок в отношении деятельности государственной власти. Поддержание уровня обоснованности государственной власти невозможно без осуществления в реальности форм легитимации государственной власти, характеризующих способность субъектов коммуникативной системы находить и устанавливать конкретные действия как отвечающие либо не отвечающие определенным критериям. От того, как взаимодействуют органы государственной власти и общество, зависит уровень легитимации государственной власти.

Вместе с тем необходимо понимать, что «чрезмерная рационализация механизмов легитимации власти ошибочна. Во-первых, в каждом обществе соотношение власти и населения специфично в силу фактора политико-исторической традиции. Во-вторых, отношения в социуме не только рациональны, но и иррациональны. По причине этого легитимность власти нетождественна ее эффективности… При этом необходимо иметь в виду, что та или другая форма поведения и сознания может иметь принципиально иной смысл в различных социальных контекстах» [4, с. 12]. В этом проявляется эффект неопределенности в силу всеобъемлемости государственной власти как явления социальной реальности.

В результате в обществе может сформироваться убеждение в принадлежности большей части прав и возможностей государству, а не гражданину. Вероятнее всего это обусловлено цивилизационной спецификой. И. Л. Честнов пишет: «Единство человеческой природы существует лишь как бессодержательная абстракция. Его же социальная сущность задана культурно-историческим контекстом, в который помещен этот человек. Именно цивилизация, к которой он принадлежит, определяет его социальный, правовой статусы, наделяет конкретными правами и обязанностями» [5, с. 80–81]. Правовая специфика отношения общества к государственной власти приводит к тому, что в обществе ценится право на личную неприкосновенность, судебную защиту, но в реальной практике эти права, как правило, реализуются недостаточно. Данные положения, скорее всего, воспринимаются как абстрактные конструкции. Тем более что в отсутствии четких правовых указаний продолжает действовать сложившаяся и отработанная схема отношений и правил.

Несовпадение законотворчества и исполнения его предписаний может быть вызвано тем, что большинство правовых норм являются нетипичными для общества. Их восприятие требует от населения изменения в культуре, в то время как культура склонна к самым медленным изменениям. От этого многие законы воспринимаются обществом не как одинаковые для государства и граждан

общеобязательные правовые предписания. Они скорее представляют собой набор требований, трансформирующихся в зависимости от того, какую политико-правовую позицию занимает тот или иной субъект. Происходит равнение права на некий моральный императив, который служит компенсацией отсутствия чувства присущих им естественных прав и самоценности каждой отдельной личности [2, с. 98].

Таким образом, в современных условиях связывающая деятельность государства роль права усиливается. Право является имманентной формой существования государственной власти независимо от того, каковы сущность и содержание этого права в конкретных исторических условиях. Прослеживается зависимость значимости правовых форм легитимации государственной власти от конкретного культурного и исторического типа государства. Существу легитимирующего действия права соответствует общая закономерность: чем точнее право отражает объективные потребности общественного развития, тем в большей мере право способно оказывать ограничивающее влияние на деятельность государственной власти. Легитимирующее свойство право приобретает за счет способности определять пределы деятельности государственной власти и ее вмешательства в частную жизнь общества.

Список литературы

1. Кермонн Ж.-Л. Легитимность // Полис. 1993. № 5. С. 134–143.

2. Кузнецова С. В. Правовые и символические аспекты легитимации политической власти в России : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. Саратов, 2003. 22 с.

3. Мостовюк М. А. Легитимность государственного насилия : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2006. 27 с.

4. Реутов Е. В. Легитимация региональной власти в Российской Федерации: структура и практики. Белгород : Белгородский государственный университет, 2007. 227 с.

5. Честнов И. Л. Универсальны ли права человека? // Правоведение. 1999. № 1. С. 73–82.

Марченя П. П.[1]*,*
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

РОЛЬ МАССОВОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В РУССКОМ ТРАНЗИТЕ «ИМПЕРИЯ – СМУТА – ИМПЕРИЯ»

Оговорюсь в самом начале: тема, жанр и формат настоящего текста требуют от автора представить свою концептуальную модель переосмысления ключевых для нашей истории событий предельно кратко, а аргументацию и эмпирику оставить за скобками авторской редукции, заменив их апелляцией к своим уже опубликованным трудам. Предваряя возможные упреки в плагиате, избыточном самоцитировании или, наоборот, в его отсутствии и т. п., сразу уточним: в представленных здесь тезисах делается попытка обобщить и упростить выводы более двух сотен публикаций автора о роли имперской идеи и массового сознания (прежде всего, правового) в системных кризисах (смутах и революциях) российской истории, широко представленных в свободном полнотекстовом доступе в сети Интернет (например, в наукометрической системе «Истина» и мн. др.) [3]; отдельные важные составляющие авторской модели уже были предметом специального обсуждения на адресно сосредоточенных именно на этой модели круглых столах [8] и в посвященных ей публикациях внешних, в том числе зарубежных, экспертов [1; 2]; так что обойтись совсем без повторов нереально.

Тем не менее попробую редуцировать самое главное.

1. И теоретическое, и историческое правоведение (как и обществознание в целом) нуждается в концептуальном переосмыслении роли массового правосознания в процессах формирования и преодоления системных кризисов в России. В первую очередь:

а) в генезисе «смутного времени», утрате легитимности властного центра (центров) и эскалации насилия и преступности;

б) в ходе отсева «самозванцев» и исторического (сначала социокультурного, идеологического и психологического, а затем уже собственно политического и правового) выбора массами одной из властных альтернатив;

в) в преодолении смуты, оздоровлении криминологической ситуации и восстановлении цивилизационной идентичности отечественной – имперской – системы взаимодействия власти и масс.

2. Поставленная проблема обладает исключительной актуальностью и значимостью: смуты обрушали всю отечественную государственность «до основания» уже как минимум трижды. Причем дважды только за прошлый век. И сегодня мы наблюдаем один из кульминационных моментов Третьей Великой смуты нашей истории, исход которой зависит во многом от учета уроков такого переосмысления.

---

[1] © Марченя П. П., 2023.

3. Необходимо отказаться от тиражирования мифа о якобы свойственном русскому народу «правовом нигилизме»: наш народ неслучайно построил самое большое в мире государство и веками поддерживает собственное право на колоссальной евразийской территории – русские нигилистичны не к праву, а к попыткам навязать в качестве такового нормы и ценности иной цивилизации. Оценка такого отношения как общенародной девиации находится в сфере не права, а цивилизационной идентичности.

4. Государственное существование российской цивилизации знает две основные формы/стадии, два инварианта истории – *Империя* и *Смута*. Терминологический и методологический инструментарий теории и истории государства и права, продолжающих испытывать генерализующее влияние западоцентризма и якобы универсальных транзитологических схем Европы и США, во многом устарел и нуждается в переосмыслении и обновлении. «Российский транзит» – это «*Империя – Смута – Империя*».

5. «*Империя*» для России – не столько форма режима или территориального устройства, сколько способ организации массового сознания и особая форма единения власти и народа, имеющая свои запасы прочности, защитные механизмы и способы обеспечения цивилизационной идентичности и социокультурной/политико-правовой преемственности. Не «империализм», а *императивы*, включающие историю государства в эсхатологический контекст и дающие этой истории *смысл*, делают *Империю* единственно возможной *формой бытия Российской цивилизации*.

6. «*Смута*» в российской истории государства и права – временная деструктуризация системы взаимодействия власти и масс Империи, вызванная угрозой прерывания исторической преемственности государственных императивов и цивилизационной идентичности (ценностным разрывом правящих элит и масс). «*Смутное время*» – время болезни Империи, отсутствия власти, достойной традиционной сакрализации в массовом сознании (время перебора массами из нескольких альтернатив, включая «самозванцев», той власти, что будет вновь признана как «*своя*»).

7. «*Революция*» в России в таком контексте – это обновление на ином качественном уровне всего комплекса взаимодействия власти и общества, обеспечивающее идеологическую и психологическую адекватность политико-правовой системы массовому правосознанию, архетипам российской цивилизации, реальному контексту отечественной истории, ее Имперской «почве».

8. «*Массы*» (не количественно, а качественно) – это архе социального, исходная матрица общества, глубинная социальная праструктура, обеспечивающая базовый минимум социальной идентичности и выполняющая функции защиты, сохранения и воспроизводства социального целого (это основа цивилизационного иммунитета).

9. Именно *массовое сознание* выступает доминантой истории смут и революций в России.

10. Наиболее активно в структуре массового в подобных ситуациях – *правосознание*, различающее правовое и противоправное – и побуждающее массы действовать в соответствии с этим различением, из пассивного объекта элитарных

манипуляций на время становясь субъектом политической истории, решающим судьбу элит.

11. При нарушении «меры допустимого» массовое правосознание запускается как массовый негативизм (но не «правовой нигилизм»).

12. Однако далее именно массовое правосознание выступает ведущим фактором преодоления смуты и победы в революции той политической силы, которая прошла «естественный отбор» элит массами по архаической схеме «*свой – чужой*» и доказала свое «право на Право».

Эта теоретическая модель, даже в таком чрезвычайно урезанном виде, дает возможность понимания и объяснения в контексте современного россиеведения и формирующегося «смутоведения» [7] главных событий всех переломных эпох истории Российской империи (а Империей в указанном смысле был и Советский Союз, Империей является и нынешняя Российская Федерация) [9].

В частности, изучение массового сознания революционной эпохи [4] позволяет реконструировать конкретно-историческую логику, определившую в 1917 г. сравнительную последовательность и единство глобального общероссийского сдвига: от бессилия оставшейся химерой и фикцией «демократии» Февраля – к победе Октября, идеологически и психологически адекватного массам и массовому сознанию. Становится ясно, как и почему именно большевизм в условиях смутного времени оказался единственной – по сути, безальтернативной – политической силой, способной аккумулировать, канализировать и использовать для своей исторической победы практически все – как конструктивные, так и негативные – установки и проявления массового правосознания, которое и стало решающим фактором революции [6].

Несмотря ни на какие иллюзии и прожекты «демократических» сил, основой политико-правовой культуры самого демоса оставались вековые традиции общинности, авторитарный коллективизм, категорическое отрицание частной собственности на землю, неприятие «правовых ценностей» цивилизационно чуждого либерализма, проявившего полную импотентность в осуществлении власти и права в России.

Приступив к активным «самочинным» действиям по реализации своих чаяний традиционными методами, массы стали все чаще выполнять функции ситуативного «органа власти» (в том числе в сфере «правотворчества» и «правосудия»), на внеюридической основе массового насилия – и как фактора разгула преступности, и как фактора борьбы с ней. По выражению современников, Россия «перешла в вопросах правосудия на положение страны зулусов» [5]. По официальным оценкам аналитиков Временного правительства, движение масс приняло «антигосударственный характер». Экстремистским настроениям масс, разочарованных беспомощностью «демократии» в решении всех важнейших для демоса вопросов, резонировали радикальные лозунги большевиков, созвучные традиционным лозунгам общины. Погромы, охватившие всю «демократическую» Россию и превратившиеся в один «всероссийский погром», привели к тому, что сами массы начали уставать от безвластия.

Ни конституционные демократы, ни социал-демократы меньшевики, ни социалисты-революционеры, мнящие себя выразителями воли и интересов демоса,

не смогли согласовать свое политическое поведение с вырвавшейся на улицы реальной стихией масс. Игнорирование оскорбленного правового чувства масс властными элитами сложившейся после Февраля политико-правовой системы привело к тому, что она до самого Октября работала на самоуничтожение. Либерально-демократические правовые идеологемы оказались внешними по отношению к социокультурным кодам массового правосознания, лозунги и тактика большевиков были направлены на их актуализацию и практическое использование.

В результате большевизм, созвучный всем главным формам народной утопии и представлениям о Правде, сумел восстановить цивилизационную идентичность власти и масс, возродить, казалось, погибшую уже Россию и построить еще более могущественную, чем раньше, Империю, продолжившую историческую судьбу российской цивилизации.

По многим параметрам, Россия сегодня вернулась к решению тех исторических задач, которые решала столетие назад. Хочется верить, что наша власть учтет уроки прошлого и, опираясь на правосознание собственного народа, преодолеет затянувшуюся Смуту.

Список литературы

1. Бабашкин В. В., Буховец О. Г. «Моральная экономика» как концепт и П. П. Марченя как ее исследователь // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (61). С. 11–28. URL: https://izvuz_gn.pnzgu.ru/gn2122 (дата обращения: 10.12.2022).

2. Буховец О. Г. Кумулятивный эффект в науке: «высокая теория» и опыт П. Марчени в изучении массового сознания // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2021. Т. 13. № 1. С. 136–146. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46122005 (дата обращения: 10.12.2022).

3. ИСТИНА [Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных] / МГУ имени М. В. Ломоносова. URL: https://istina.msu.ru/profile/marchenyap/ (дата обращения: 10.12.2022).

4. Марченя П. П. Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. История России. 2009. № 17. С. 212–227. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/92719269/ (дата обращения: 10.12.2022).

5. Марченя П. П. Массовое правосознание и победа большевизма в России. М. : Щит-М, 2005. 206 с. URL: https://istina.msu.ru/publications/book/82060059/ (дата обращения: 10.12.2022).

6. Марченя П. П. Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // История государства и права. 2010. № 19. С. 20–22. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/92646700/ (дата обращения: 10.12.2022).

7. Марченя П. П., Разин С. Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: От империи к смуте, от смуты к..? // Россия и современный мир. 2010. № 4 (69). С. 48–65. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/82059805/ (дата обращения: 10.12.2022).

8. Материалы круглого стола «Крестьянское сознание как фактор системных кризисов в России (XVII–XX вв.)» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. Т. 1. № 10. С. 133–146. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/310399953/ (дата обращения: 10.12.2022).

9. СССР–100: круглый стол научного проекта «Народ и власть» // Гасырлар авазы – Эхо веков (Echo of centuries). 2022. № 4. С. 77–89. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/514558346/ (дата обращения: 10.12.2022).

Мельник Е. В.[1]*,*
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Начальный период существования Советского государства является очень важным для понимания формирования отечественного правосознания. Распад Российской империи и отказ от традиционного для России типа правосознания привели к становлению нового советского правосознания, формировавшегося под мощным влиянием коммунистической идеологии и реалий революционной действительности. В условиях реализации идеи по отмиранию права и государства общество должно было руководствоваться принципами революционной законности и целесообразности. Обращение к главному теоретику своего времени В. И. Ленину позволяет сделать предположение, что в годы становления советской власти применение революционного правосознания прежде всего было связано с отменой царского законодательства, считавшегося анахронизмом, и началом формирования нового советского, только прокладывавшего себе путь. Именно в условиях сложившегося вакуума и было принято такое своеобразное решение. Такое правосознание становилось официальным источником нормотворческой и правоприменительной деятельности [8, с. 4].

Советскими теоретиками права, такими как Г. М. Португалов, П. И. Стучка, М. А. Рейснер, Е. Б. Пашуканис, М. А. Чельцов-Бебутов и др., понятие революционного (социалистического) правосознания постепенно уточнялось и развивалось. Следует отметить, что творцы советской истории понятия революционного и социалистического правосознания отождествляли, исследователи более позднего времени стали эти понятия разводить.

Одним из первых, кто поднял вопрос о революционном правосознании, стал Г. М. Португалов [2, с. 90]. По его мнению, «революционная совесть есть такое состояние, когда, отрешившись от старых мерил познания добра и зла, она мгновенно реагирует на различные проявления человеческой воли, подчиняя ее зарождавшемуся новому укладу права, морали, религии и эстетики, укладу, творимому революционной волей народа. Эта совесть должна быть в абсолютном контакте с другим «ликом» правосудия – с социалистическим правосознанием» [2, с. 90–91].

По мнению М. А. Чельцова-Бебутова, сущность права как системы принудительных норм, обеспечивающей порядок общественных отношений, особое выражение находит именно в уголовно-правовой сфере. П. А. Стучка, отстаивая определение права как системы общественных отношений и касаясь уголовного права, говорит о «чисто вспомогательных мерах для поддержания данного порядка», о правовых нормах, которыми система классового общества охраняется

[1] © Мельник Е. В., 2023.

от нарушений посредством репрессий [7, с. 91]. В таком виде определение права близко по смыслу трактовке Р. Иеринга: «право – обеспечение жизненных условий общества в форме принуждения» [1, с. 180].

Для понимания «социалистического правосознания» следует проанализировать и критически оценить историческую эволюцию становления и развития права дореволюционного. Обращаясь к классикам марксизма, следует напомнить, что «на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют базис элементы надстройки, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения» [9, с. 15].

Вспоминая учение К. Маркса, отметим, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата» [3, с. 14]. Предметом нашего исследования является как раз правосознание периода диктатуры пролетариата.

Социалистическое правосознание можно рассматривать, во-первых, как совокупность требований (принципов), обращаемых к законодателю-социалисту, поскольку речь идет о выработке системы мер против преступности, а также и к судье, поскольку ему вверяется право самостоятельно творить право путем вынесения индивидуальных приговоров.

С более узкой точки зрения можно сказать, что социалистическое правосознание является судебно-процессуальным правилом, установленным законодателем для суда в виде руководства в выборе соответствующей меры воздействия на правонарушителя в рамках уголовного закона [9, с. 21].

Выяснение первой трактовки вызывает интерес с теоретической точки зрения, второй – с практической ввиду наличия в ст. 9 УК РСФСР 1922 г., устанавливающей руководство социалистическим правосознанием при назначении наказания.

С точки зрения советских юристов прежние буржуазные кодексы содержали «универсальные, а не национальные принципы… универсализм этот охватывал все правовые области, в том числе и уголовное право». Что касается русского уголовного права, то, по мнению советских правоведов, оно отличалось «особой архаичностью».

Основные претензии к буржуазным уголовным кодексам сводились к следующему. Кодексы в большей степени были нацелены на защиту имущественных прав, а не личности. Священное право собственности, вещь доминировали над человеком. Посягательство на имущество преследовалось в публичном порядке, а нанесение побоев, легких ран и увечий – по жалобе потерпевшего. Мера наказания при посягательствах на имущество была выше, чем на личность. Недостаточно были защищены блага простых людей, женщин. Предусматривались несправедливые наказания для трудящихся и работодателей (за нарушения договоров и правил наказание для рабочих строже). Существовало «цифровое равенство» имущественных наказаний. Равные штрафы приводят к фактическому материальному неравенству перед судом лиц разного достатка. Буржуазные кодексы по отношению к политическим преступникам проявляли более строгие

репрессии. По мнению советских юристов, это был «классовый характер расправы господствующих слоев с теми, кто открыто посягает на основы их господства», и в целом дореволюционное уголовное право определяется как «режим мести, далекий от идеи права», или «охрана интересов меньшинства». И еще одна претензия – формализм принятия решений.

М. А. Чельцов-Бебутов считает, что «даже освободившись от остатков средневекового порабощения религией, наука уголовного права «во имя нравственного возрождения» преступника освящала физическое и душевное калечение носителя злой воли в одиночных кельях или залах молчания» [9, с. 30]. Отрицая «бездушие» прежнего уголовного права, «проникнутый социалистическим правосознанием зодчий будет строить новое здание уголовного правосудия» [9, с. 31].

Большевики отрицали зависимость уровня преступности от «неурожаев, промышленных кризисов, времен года, алкоголизма, войн и революций». Цифры и наблюдения показали, что преступление – не продукт мифической злой воли, не существующей в мире реальности. Основной причиной преступности, по их мнению, является эксплуатация человека человеком.

Развитие капитализма и связанное с ним расширение процесса пролетаризации масс, обострение классовых противоречий, явления, порождаемые основным противоречием строя – неизбежные хозяйственные кризисы, «резервная армия труда», пауперизм и деклассирование, рост больших городов – неминуемо влекут за собой рост преступности, против которого бессильны репрессивные меры [5, с. 56]. Исходя из сказанного, большевики задаются вопросом о праве на существование самой репрессии. Не должно ли наказание быть немедленно упразднено и заменено рядом мер социально-политических, направленных на самые корни преступности?

Таким образом, обоснование наказания – кардинальный вопрос уголовной политики, при отрицательном решении которого отпадает огромная часть государственного аппарата принуждения. И вот тот идеал, который рисуется большевикам – не возмездие, а попечение!

Обоснование этому дает сама история. Первоначально существовавшая индивидуальная реакция обиженного на обидчика постепенно трансформируется в реакцию коллективную. Далее функция общественной защиты поддерживается религиозными идеями (искупление греха), потом этическими (наказание есть справедливость) и потом юридическими. Пройдя этот путь развития, наказание должно вернуться к тому, чтобы стать мерой социальной, оборонительной, утратив характер жестокости.

Борьба за социализм есть борьба за освобождение всего человечества, а не господство той или иной группы людей. Идеалы социализма – система, гармонично объединяющая начала личности и общества, враждебные в представлении индивидуалистов.

Как идеальным приемом индивидуальной самообороны представляется не причинение вреда нападающему, а лишь воспрепятствование ему начать или продолжать свою вредоносную деятельность, так идеальной формой общественной обороны являются меры, приносящие как можно меньше страданий.

Однако, приближение к этому идеалу требует, во-первых, наличия высокого уровня благосостояния государства, солидарности и родственности морального сознания отдельных индивидов и их группировок, более высокого уровня культуры вообще и правовой в частности, во-вторых, отсутствия внутри и во вне данного общения условий, разрушающих планомерное мирное строительство.

И наоборот, при отсутствии перечисленных условий формы оборонительной реакции коллектива против преступников принимают исключительно репрессивный характер, не меняя сущности наказания и не превращая его в возмездие.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что в переходную эпоху диктатуры пролетариата признается неизбежность принудительных мер – в таких формах, которые называются суровой репрессией.

По мнению вышеупомянутого Р. Иеринга, «история наказания есть история его вымирания». По мнению большевиков, наказание постепенно деградирует, мельчает (от квалифицированной смертной казни к лишению свободы во всех его вариациях), но не умирает, как не умирает преступление.

Можно не соглашаться с радикальными взглядами теоретиков социализма о полном уничтожении преступлений и наказаний, но нельзя отрицать того, что при создании достойных для человека условий жизни можно «иссушить» три великих источника преступности: чрезмерное богатство, крайнюю бедность и праздность.

Социалистическое правосознание указывает средство для достижения этой цели. Большевики не согласны с тем, что наказание – это панацея в борьбе с преступностью. Они считают, что центр тяжести должен быть перенесен на борьбу с причинами преступности, на социальные реформы. Превенция неизмеримо важнее репрессии. Вместо вымирающего наказания должны применяться его эквиваленты: экономические, политические, гражданско-правовые, воспитательные, полицейские меры. Таковы основные тенденции и логика эволюции революционного (социалистического) правосознания на этапе его формирования.

Список литературы

1. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881. 412 с.

2. Люблинский П. И. Рецензия на книгу Г. М. Португалова «Революционная совесть и социалистическое правосознание» // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. С. 90–91.

3. Маркс К. Критика Готской программы. М., 1989. 45 с.

4. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм // Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. 271 с.

5. Раковский Х. Этиология преступности и вырождения. М. : Госиздат, 1927. 94 с.

6. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Ленинград : М. : Госиздат, 1925. 276 с.

7. Стучка П. И. Революционная роль советского права. М., 1934. 116 с.

8. Шаповалов И. А. Формирование правосознания в Советской России в 1917–1920-х гг. (уголовно-правовой аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2005. 24 с.

9. Чельцов-Бебутов М. А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков : Юридическое издательство НКЮ УССР, 1924. 106 с.

Мун В. А.[1]*,*
доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1940-Х ГГ.

15 августа 2022 г. Указом Президента Российской Федерации учреждено звание «Мать-героиня». Такой статус присваивается женщине по достижении ее десятого ребенка возраста одного года при наличии в живых остальных детей или в случае их гибели в оговоренных указом исключениях [11]. К другим действующим мерам, ориентированным на матерей, можно отнести реализацию материнского капитала и расширение возможностей его использования. Подобная государственно-правовая модель, акцентирующая внимание на матерях, не является новшеством. Реформы Советского государства, принятые в 1940-х гг. с целью повышения рождаемости, улучшения демографических показателей посредством стимулирования женщин к деторождению, не позволили добиться ожидаемых результатов. В этой связи обращение к историческому прошлому позволит учесть ошибки, совершенные ранее и создать наиболее эффективную модель государственно-правового регулирования демографических процессов.

Великая Отечественная война унесла миллионы человеческих жизней. Потери населения составили 26–27 млн человек. Повышенная смертность отмечалась как на фронтах, в зонах оккупации, так и в тыловых районах. В 1942–1945 гг. на территории СССР фиксировался отрицательный прирост населения [4]. Последующий голод 1946–1947 гг. охватил довольно обширную территорию России. Послевоенный дефицит продуктов питания, в том числе молочных, ослабленное физическое здоровье населения, повсеместное снижение рождаемости и, как следствие, низкий естественный прирост населения негативно отразились на демографической ситуации в целом. Рождаемость в некоторых регионах РСФСР имела низкий или почти нулевой прирост (например, в Воронежской области – 97,5 %, Владимирской – 101,3 %, Калининской – 98,2 %, Горьковской – 98 % и т. д.) [2, с. 82].

Таким образом, повышение смертности, в том числе младенческой, понижение рождаемости, а впоследствии ухудшение здоровья детей, физическое истощение от голодания стали причиной активизации государственной демографической политики в довоенные годы, а также ориентации на поощрение материнства в послевоенные годы.

Уже в 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был установлен налог на бездетных одиноких и семейных граждан СССР (мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, женщин от 20 до 45 лет), просуществовавший вплоть до распада

[1] © Мун В. А., 2023.

СССР. Освобождались от уплаты налога военнослужащие, их жены, учащиеся мужчины до 25 лет и женщины до 23 лет, пенсионеры, а также лица, которым по состоянию здоровья было противопоказано деторождение. В последнем случае требовалось заключение врачебной комиссии [12]. Прекращение уплаты налога допускалось лишь в случае рождения детей у граждан, выплачивающих данный налог. Подобная мера была вызвана увеличением количества детей-сирот, достижением волны беспризорности угрожающих масштабов, а также необходимостью социального обеспечения матерей-одиночек, многодетных семей и беременных женщин.

В 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были приняты меры по расширению мероприятий государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям. С целью поощрения многодетности предусматривалась выплата ежемесячного пособия, при назначении которого учитывались дети, погибшие или без вести пропавшие на фронтах Отечественной войны. Одиноким матерям выплачивалось дополнительное государственное пособие, которое сохранялось за ней даже в случае дальнейшего вступления в брак [13].

Предусматривался отдельный вид льгот для работавших беременных женщин и матерей. Так, руководители предприятий и учреждений были обязаны дополнительно выдавать им продукты из подсобных хозяйств, беременным женщинам предоставлялся очередной отпуск. На предприятиях, массово применяющих женских труд, в обязательном порядке организовывались детские ясли, детские сады, комнаты для кормления грудью, комнаты личной гигиены женщин. Подобные детские учреждения строились из расчета полного охвата нуждающихся в обслуживании детей работниц. Работающих женщин освобождали от оплаты детских садов и яслей в зависимости от количества детей.

Указ 1944 г. предусматривал и награждение матерей, родивших пять и шесть детей, «Медалью материнства», семь – девять детей – орденом «Материнская слава», десять и более детей – званием «Мать-героиня».

Стоит отметить, что рассматриваемая фискальная мера в военный и послевоенный периоды хоть и признается в «советской историографии необходимой мерой», однако материальная помощь, оказываемая в целом государством, сыграла незначительную роль и была минимальной [2]. Это объясняется тем, что «материальные затраты на содержание детей постоянно росли… Ежемесячные расходы на воспитание одного ребенка на рубеже 1940–1950-х г. составляли приблизительно 50 % от среднемесячной зарплаты женщины». Даже в полной семье содержание второго ребенка было материально сложным [4].

Другим направлением государственной политики было сокращение младенческой смертности. Отдельного внимания заслуживает медицинская составляющая трагических последствий голода – заболеваемость и смертность. Согласно рассекреченным документам отдела демографии ЦСУ СССР, «по сравнению с 1946 г. в СССР в 1947 г. общее число умерших выросло на 813 810 человек, или на 30,9 %, в том числе в РСФСР – на 402 880 человек, или на 38,1 %. Число умерших детей в период послевоенного голода возросло в СССР на 345 374 человека (60,4 %), а в РСФСР – на 199 677 человек (58,6 %)». В период с 1946 г. по 1948 г. детский контингент формировал более трети общей смертности населения [1]. Как отмечает В. Б. Жиромская, «с мая 1941 г. по май 1942 г. показатели смертности

выросли в 1,7 раза. И в городах, и в селах смертность поражала прежде всего детей от 0 до 4-х лет» [3].

Наиболее важными задачами военного и послевоенного времени стала борьба с детскими инфекциями, ведущими к детской смертности. В 1940-х гг. был принят ряд законодательных актов, направленных на сохранение жизни детей во время эвакуации их в тыл [8], организацию централизованной борьбы с эпидемиями и детскими инфекционными заболеваниями [7], оказание медицинской помощи матерям и детям в родовспомогательных учреждениях и расширение сети родильных домов, восстановление педиатрической службы, обеспечение детей здоровым, рациональным питанием [6], оказание помощи детям, оставшимся без попечения родителей [9] и др.

Указанные мероприятия, направленные на охрану здоровья матерей и детей были направлены на решение наиболее острых проблем, в которых центральное место занимало сохранение жизни детей. Таким образом, с одной стороны женщин призывали к деторождению, создавались условия и претворялись в жизнь мероприятия по оказанию помощи им в воспитании детей. Государство даже брало на себя заботу о сохранении жизни и здоровья ребенка в случае отказа матери. С другой стороны, женщин призывали к выполнению государственных планов и вовлекали в хозяйственное производство страны.

Представляется обоснованным утверждение о том, что «авторы законов 1940-х гг., призывая женщин к деторождению, не спешили снимать с женщин рабочую нагрузку: рук в послевоенное время тоже отчаянно не хватало, особенно в деревнях» [10]. Таким образом, подобная государственная политика на фоне тягот послевоенных лет, диспропорции полов в семье, отсутствия необходимых продуктов и помощи в быту ставили советских женщин в тяжелые условия.

В целом эффективность государственно-правового регулирования демографических процессов Советского государства 1940-х гг., ориентированного на решение демографических проблем посредством административных директив, вызывает споры. Так, криминализация абортов в 1936 г., последующее ужесточение мер в отношении женщин, совершивших аборты в 1940-х гг., уголовное преследование врачей, причастных к совершению абортов, увеличение практики подделки медицинских заключений, дающих право на искусственное прерывание беременности, а также негативные последствия для здоровья женщин ввиду производства самоабортов, криминальных абортов и др. – очевидные негативные последствия подобных административных решений.

В заключение хотелось бы отметить, что формирование концепции, активно призывающей к деторождению, может иметь обратную реакцию. Так, в настоящее время в России стремительно развивается движение «чайлдфри», призывающее к осознанной бездетности, и идеология «чайлдхейт», выражающее неприязнь к детям и материнству. Представляется, что подобные концепции являются ответом современной молодежи на попытку рассмотрения женщин исключительно в качестве инструмента демографической политики страны. Глубокое осмысление исторического опыта позволит глубже понять совершенные ошибки, а последующая работа над ними может быть основой для создания эффективной современной модели государственно-правового регулирования демографических процессов.

Список литературы

1. Альбицкий В. Ю., Баранов А. А., Шер С. А. Голод 1946–1947 гг.: причины, последствия, проблемы охраны здоровья детей // Вопросы современной педиатрии. 2021. № 4 (20). С. 264–270.

2. Грошев С. Н. Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР. К вопросу о правах мужчин // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 68–71.

3. Жиромская В. Б. От военных потерь к консенсуальному браку: особенности демографического развития России в XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 3. С. 5–20.

4. Жиромская В. Б. Проблемы демографического развития России в XX в. // Труды Института российской истории. 2010. Вып. 9. С. 285–310.

5. Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в. : историко-демографические очерки. М. : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2018. 221 с.

6. Из приказа Наркомздрава СССР о повышении качества работы детских поликлиник, детских отделений и педиатрических кабинетов общих поликлиник и улучшении медико-санитарного обслуживания детей школьного и дошкольного возраста, 3 ноября 1943 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 459. Л. 195–199.

7. Приказ Наркомздрава СССР о мерах по предупреждению вспышек эпидемических заболеваний, 17 января 1942 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 424. Л. 48.

8. Приказ Наркомздрава СССР об улучшении медико-санитарного обслуживания эвакуированных детей в Рязанской, Тульской и Ярославской областях, 26 августа 1941 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 383. Л. 21, 22.

9. Приказ Наркомздрава СССР об устройстве детей, оставшихся без родителей, 27 января 1942 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 424. Л. 75.

10. Россман Э. Мобилизуя одиноких матерей: демографическая политика в послевоенном СССР // Демографическое обозрение. 2022. № 2 (9). С. 119–122.

11. Указ Президента Российской Федерации от 15 августа 2022 г. № 558 «О некоторых вопросах совершенствования государственной наградной системы Российской Федерации» (вместе с Положением о звании «Мать-героиня») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http:// publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208150021.

12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 42.

13. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания „Мать-героиня” и учреждении ордена „Материнская слава”» и медали „Медаль материнства”» (по состоянию на 07.05.1986, с изм. и доп.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. Ст. 37.

Сучкова М. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Отмена крепостного права, предоставив российскому крестьянству личную свободу, превратила его в субъекта гражданских и политических отношений. Однако в ходе реформы были сохранены многие остатки феодально-крепостнических отношений, в частности, наличие юридической свободы у крестьян не влияло на сохранившуюся экономическую зависимость от помещиков. Нерешенность многих вопросов аграрной реформы привели к социальной напряженности в деревне, которая прорывалась в виде массовых волнений и бунтов. Ухудшение морального климата в деревне представляло огромную опасность для развития российского общества и государства, что ярко проявилось в грядущих революциях, когда многомилионное русское крестьянство не поддержало существующего строя. Крестьянская община рассматривалась властями как стабилизирующий компонент для поступательного развития государства. Правительство надеялось, что крестьянская община оградит своих членов от революционных настроений, имевших место в городской среде. Власть делала ставку на сохраненные институты общинного самоуправления, которые функционировали и регулировали отношения вне правового поля, используя обычаи и традиции. Такие органы крестьянского самоуправления, как сельский сход, сельский и волостной староста продолжали вершить правосудие, разрешая локальные конфликты, например, неисполнение мирских повинностей. Отличие этих квазисудебных органов от коронного правосудия состояло в том, что они способствовали лишь примирению сторон, если дело касалось спора между членами общины [5].

После отмены крепостного права стало меняться и крестьянское правосознание. Естественно, на формирование крестьянского правосознания влияли сложившиеся веками стереотипные воззрения. Также надо отметить, что абсолютное большинство крестьян были малограмотными и не имели представления о таких понятиях, как законность, гражданские права и т. п. Для крестьян ориентиром являлась воля начальства, которой они руководствовались и были твердо убеждены в том, что за благорасположение властей можно и нужно платить [1].

Общая малограмотность крестьянства приводила к непониманию ими законов, что нашло отражение в произведениях русской литературы. Достаточно вспомнить рассказ А. П. Чехова «Злоумышленник», главный герой которого, крестьянин Денис Григорьев, не осознает причинно-следственных связей между крушением поезда и откручиванием гаек на рельсах, считает, что судят его неправильно. Его убеждение было основано именно на подходах обычного права, которое отличалось субъективизмом. В отличие от классического римского

[1] © Сучкова М. В., 2023.

права, лежащего в основе российской правовой системы и базирующегося на твердо установленных нормах, обычное право решало дело «глядя по человеку» и «чтобы никому обидно не было».

Однако развитие капиталистических отношений в деревне способствовало падению авторитета обычного права и возрастанию влияния официального закона. При этом формирование гражданского общества не происходило, и все вместе взятое привело к общей неустойчивости социального поведения крестьянства. Прежние социальные регуляторы начали терять свою ценность. Старые доказательственные институты (например, божба), используемые в практике волостных судов, стали давать сбои: появлялись случаи ложной божбы, в результате чего истец отказывался от взыскания через суд неуплаченного долга, когда ответчик нагло лгал, побожившись, что деньги им уже выплачены.

В конце XIX в. во внутренней политике государства главенствующее положение стала занимать политика индустриализации. Министр финансов С. Ю. Витте определил ближайшие направления развития Российского государства схожие с политикой Петра I: догнать более развитые страны Европы. Также перед Россией стояла задача по закреплению на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Источниками индустриализации явились иностранные капиталовложения, протекционистская политика, введение винной монополии и увеличение косвенных налогов, которые легли бременем на российское крестьянство. Политика С. Ю. Витте обострила и без того тяжелую ситуацию в деревне. Порожденное реформой 1861 г. крестьянское малоземелье, аграрное перенаселение в центральных губерниях и сохранение полуфеодальных методов эксплуатации крестьянства влияло на формирование у крестьян негативного, фактически нигилистического отношения к власти. Разрушение институтов обычного права не сопровождалось формированием гражданского общества, так как для формирования гражданских правоотношений в русской деревне не было ни экономических, ни политических, ни социальных, ни культурных условий.

Существенное влияние на формирование крестьянского правосознания оказывали земства. Земства, помимо решения множества сложных экономических задач, в соответствии с идей общественного самоуправления, стали решать социальные проблемы, «вкладывать» в человека, тем самым заложив основы социальных приоритетов в работе общественных органов самоуправления. Передовые земские деятели помогали крестьянам осознать их права, помогали в их защите.

В начале XX в. столыпинская аграрная реформа должна была создать благоприятные условия для развития сельского хозяйства, однако многие депутаты Государственной думы говорили о том, что реформа противоречит крестьянскому правосознанию, и выступали против нее. И действительно, нововведения воспринимались общиной крайне болезненно. Начавшийся распад общины сопровождался ростом конфликтов в крестьянской среде.

Столыпинская реформа, объявлявшая о частной собственности крестьян, считалась, по мнению большинства, противоречащей правосознанию народа, и именно поэтому в Думе большинство выступило против нее. Земский деятель кадет А. И. Шингарев ссылался на крестьянские письма, в которых крестьяне называют указы 9 ноября 1906 г. чужеземным игом. О правосознании крестьян,

как о главном аргументе против столыпинских реформ Ю. А. Олсуфьев говорил: «переход от принципа трудового семейного сообщества к принципу личной полной неограниченной собственности идет вразрез с общим крестьянским правосознанием».

Таким образом, во второй половине XIX в. шел процесс трансформации крестьянского правосознания, решающее влияние на правовые взгляды крестьян продолжала оказывать община. Надо отметить, что большинство крестьян не было знакомо с нормами действующего права. Однако реформы 60–70-х гг. создали благодатную почву для приобщения российского крестьянства к официальной правовой системе. Став лично свободными и приобретя ряд гражданских прав, крестьяне получили возможность руководствоваться не обычаями, а формальными законами. Этому способствовало отходничество, участие крестьян в качестве членов судов присяжных, возможность обращения в общие судебные установления.

Список литературы

1. Астырев Н. М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886. 299 с.

2. Котляров С. Б. Правосознание крестьян Симбирской губернии накануне столыпинских аграрных реформ // Мудрый юрист. URL: https://wise-lawyer.ru/poleznoe/76630-pravosoznanie-krestyan-simbirskoj-gubernii-nakanune-stolypinskikh-agrarnykh.

3. Тараканова Н. Г. Противоречия крестьянской волостной юстиции в России второй половины XIX – начала XX в. // Мудрый юрист. URL: https://wise-lawyer.ru/poleznoe/51588-protivorechiya-krestyanskoj-volostnoj-yusticii-rossii-vtoroj-poloviny.

4. Лынева А. Д., Шебнева В. О. Крестьянское правосознание в конце XIX – начале XX в.: особенности формирования и трансформации // Актуальные проблемы права : материалы IV Международной научной конференции. М. : Буки-Веди, 2015. С. 17–20.

Порватова Л. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Куксов В. А.[2]*,*
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ ОВД В XXI В.

Органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) выполняют широкий спектр функций по охране и защите правопорядка, восстановлению нарушенных общественных и личностных прав, жизнь, здоровье и имущество граждан. Однако необходимо отметить существующую открытость ОВД перед обществом в сравнении с зародившимися полицейскими службами XIX в. [5]. Генезису были подвержены экономические и социальные факторы службы в ОВД, появляется необходимость получения обратной связи от общества и его представителей, так же критически важной становится задача увеличения имиджа и значимости морального облика сотрудника ОВД, что ставит перед его подразделениями новые задачи [3].

Сегодня в научном сообществе не сложилось единого мнения в отношении понятия правовой культуры. Несомненно, правовая культура тесно связана с правосознанием, однако ошибочно будет их отождествлять [6].

Профессиональная культура, она же правовая культура, является собирательным понятием, включающим в свою структуру нравственные убеждения, ценностные ориентации, знания, умения и навыки, но главное – морально-психологические качества в виде мотивированности к качеству выполняемой работы, критичность к происходящему и себе.

Правовая культура сотрудников ОВД на сегодняшний день складывается из трех взаимосвязанных компонентов:

– коммуникационного,
– эмпатического,
– деонтологического.

Нельзя забывать о специфике служебной реалии и нагрузки на сотрудников ОВД, при этом, создавая концептуальную модель представленных компонентов необходимо обратиться к такому фактору, как правосознание.

Профессор Т. Н. Радько в своих трудах под правосознанием понимал форму сознания социума, которая формирует систему правоориентированных взглядов, понятий, идей и чувств, основывающихся на знании правовых явлений, которая

[1] © Порватова Л. В., 2023.
[2] © Куксов В. А., 2023.

выражает их собственную оценку [8, с. 626]. Несомненно, правосознание является отражением внутренней стороны жизни социума. Повышая уровень правосознания в обществе, мы минимизируем детерминанты преступности, что особенно важно для внутренней политики государства.

Сотрудникам ОВД необходимо в большей степени обратить внимание на повышение уровня правосознания – желательно еще на этапе обучения в высших учебных заведениях Министерства внутренних дел.

П. П. Баранов в своих трудах относил образование правосознания и правовой культуры сотрудников ОВД к коллективному [2]. Стоит отметить возникшую на рубеже XIX–XX вв. проблему деформации правосознания и правовой культуры, что в первую очередь было вызвано кризисом правового государства, который было возможно решить лишь за счет проведения ряда социальных реформ [7]. Анализируя факторы, влекущие за собой деформацию правосознания и правовой культуры, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Продолжительная профессиональная деятельность сотрудника ОВД, в том числе на этапе обучения, без должного правовоспитательного обучения влечет за собой негативную деформацию личности, что непременно отражается в противоречивом взаимодействии с гражданами, а также с коллегами.

2. Негативная профессиональная деформация вызвана реакцией сотрудника на внешние факторы осуществления им его деятельности.

3. Деформация чувства морального и правового долга сотрудника ОВД аналогично воздействует на правовые и социальные институты, с которыми связан сотрудник, а также на окружающих его коллег, распространяя представленное негативное явление.

При рассмотрении правосознания и правовой культуры сотрудника ОВД необходимо обратиться к педагогической стороне, т. к. формирование должного правосознания и правовой культуры необходимо осуществлять систематически, начиная с воспитания и обучения личного состава в образовательных организациях ОВД России. Получения ведомственного образования можно рассматривать как процесс трансформации правосознания и правовой культуры. Обучаясь, субъект указанного процесса погружается в учебно-служебную среду, способствующую привитию сотруднику традиций, моральных и нравственных ценностей, правил поведения в быту и на службе, что значительно влияет на правовую идеологию.

Понятия морали и морального выбора относятся к категории правовой морали. Под правовой моралью следует понимать определенные нормы, принципы, психологические качества личности, которые позволяют обеспечить реализацию прав человека в профессиональной юридической среде и профессиональное общение юристов различной специализации. Поскольку сотрудники ОВД являются специалистами в определенной юридической области, то понятие правовой морали не обошло их стороной и стало общеобязательным правилом поведения.

Относительно недавно принятый Кодекс профессиональной этики и служебного поведения сотрудников ОВД имеет пять глав. Каждая глава регулирует важную конкретную область в деятельности сотрудников ОВД, начиная от общих

положений и заканчивая правилами ношения форменной одежды, отношения как к вышестоящим, так и к нижестоящим лицам [1].

Сегодня каждому действующему сотруднику ОВД, а также лицам, проходящим обучение в образовательных учреждениях ОВД, следует помнить, что они офицеры, или будущие офицеры.

В начале XX в. был издана книга «Совѣты молодому Офицеру» (или, как принято ее называть сегодня, «Кодекс чести русского Офицера»), содержащая наставления для сотрудников, только недавно ставших офицерами [4]. Положения представленного Кодекса остаются актуальными и сегодня, однако для простоты восприятия, мы предлагаем другим исследователям актуализировать существующие в современной реалии труды и кодифицировать их для всех лиц, возложивших на себя обязанность и долг защищать правопорядок.

Список литературы

1. Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // URL: https://мвд.рф/upload/site121/folder_page/018/338/548/new/Prikaz_MVD_Rossii_ot_26_iyunya_2020_g_N_460_Kodeksa_etiki_i_sluzhebnogo_povedeniya_sotrudnikov_OVD.pdf.

2. Баранов П. П. Формирование правосознания сотрудников органов внутренних дел в условиях демократизации советского общества // Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 63–73.

3. Деккерт Д. В. Правосознание и его место в структуре профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5. № 1. С. 12–16.

4. Кодекс чести русского офицера / сост. В. Кульчицкий, В. Дурасов. М. : АСТ, 2017. 224 с.

5. Куксов В. А. Участковый уполномоченный в истории России: историко-правовой аспект // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : материалы VI Межвузовской студенческой научной конференции. М. : Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 208–211.

6. Мантузова Д. В., Торохова С. И., Артамонова В. В. Правосознание и правовая культура: сущностные характеристики и проблемы формирования // Теория и практика общественного развития. 2022. № 8 (174). С. 86–91.

7. Сисакьян А. К. О деформации и дефектах правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 2. С. 107–112.

8. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : Проспект, 2010. 744 с.

Якутин А. В.[1],
начальник цикла – преподаватель
Центра профессиональной подготовки
УМВД России по Смоленской области,
кандидат исторических наук, доцент

Якутина О. Л.[2],
доцент кафедры
естественнонаучных и гуманитарных дисциплин
Смоленского филиала
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
кандидат филологических наук

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

С момента распада в 1991 г. Союза Советских Социалистических Республик произошли глобальные изменения политического, идеологического и правового миропорядка. Уничтожение СССР привело к геополитическим преобразованиям в международной политике, в частности, к появлению однополярного мира во главе с США и их союзниками по НАТО. За истекший период времени политическая карта мира существенно трансформировалась – появились новые государства на постсоветском пространстве, масштабные политические события потрясли бывшую Югославию, Молдавию, Украину и некоторые другие государства. На бывшие социалистические государства и дружественные СССР страны на протяжении более трех десятилетий оказывается массированное давление военно-политическим блоком НАТО с целью создания своеобразного санитарного кордона на границах с Российской Федерацией.

За три последних десятилетия наша страна претерпела коренные преобразования во всех сферах своего развития – экономическом, политическом, общественном. За это время ушли в прошлое социалистические ценности, нарушены экономические связи, существовавшие в странах социалистического лагеря, под сомнение поставлен и статус России как великой державы. Крушение существовавшего во времена СССР двухполюсного мира породило надежду на формирование многополюсного мироустройства, однако этого не произошло, и образовался однополярный мир во главе с США и их союзниками по НАТО, стремящимися навязать свои условия всему мировому сообществу.

В целях переориентации населения постсоветских стран с социалистических на иные, «демократические» ценности политическими кругами стран Запада были предприняты самые разнообразные методики переформатирования сознания разных возрастных поколений граждан этих государств. Так, в сфере экономики ставка была сделана на культивирование частнособственнических рыночных идеалов, возведенных в абсолютное благо для общества. В сфере исторического

[1] © Якутин А. В., 2023.
[2] © Якутина О. Л., 2023.

опыта западными «режиссерами» упор был сделан на очернение советского прошлого как исторической ошибки в жизни новых суверенных государств. Еще одним разрушительным фактором стало муссирование националистических чувств отдельных народностей с целью вбить клин в существовавшую во время Советского Союза межнациональную дружбу.

Нельзя не отметить, что у западных стран был опыт массированного идеологического воздействия на население, проживающее на территории СССР. В этом вопросе следует обратиться к событиям Великой Отечественной войны и тем мероприятиям нацистских захватчиков, которые осуществлялись в оккупированных районах нашей страны.

Методам и формам идеологического воздействия гитлеровские захватчики придавали большое значение, так как их реализация являлась залогом успешной эксплуатации населения покоренных территорий.

Гитлер писал в «Mein Kampf»: «При помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить как рай». Директива начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии по вопросам пропаганды в период нападения на Советский Союз от 6 июня 1941 г. гласила: «…необходимо подчеркивать, что германские вооруженные силы пришли в страну не как враг, что они, напротив, стремятся избавить людей от советской тирании… пропаганда должна вообще способствовать распадению Советского Союза на отдельные государства».

В своей пропагандистской работе среди населения оккупированных районов СССР нацисты всячески старались опорочить советский государственный и общественный строй, идеи и практику коммунистической партии и Советского правительства. Делалось это на фоне восхваления всего, что связано с Германией, ее строем, организацией хозяйства, наукой, культурой, бытом и т. п. Оккупанты демагогически заявляли, что они выступают только против большевиков, но не против советских людей. Нацистские стратеги хорошо понимали, что оружием, провокациями и тому подобными методами не так легко будет справиться с советским народом. Поэтому они старались искоренить все, что напоминало о советских порядках. На оккупированной территории уничтожались советская политическая литература, портреты руководителей партии и правительства, переименовывались улицы и даже уничтожались здания, являющиеся «символом господства большевиков».

Гитлеровская пропаганда на оккупированной территории СССР велась как в устной, так и в письменной форме, посредством издаваемых газет и журналов для всех социальных групп населения. Преподносимая нацистами информация тщательно отбиралась, отличалась тенденциозностью и была призвана освещать успехи германской армии и дискредитировать противников III Рейха. Во всех без исключения оккупационных изданиях превозносился германский образ жизни, содержалась клевета на советскую власть, воспевались «грандиозные успехи» германских войск на всех фронтах Второй мировой войны.

Несомненно, что опыт нацистов на оккупированных территориях СССР в послевоенное время был тщательно изучен, усовершенствован и практически внедрен в практику в период распада Советского Союза. В качестве иллюстрации

успешного применения западных методик воздействия на общественное сознание на постсоветском пространстве служат последовательные события по взращиванию национализма и героизации нацистских пособников Бандеры, Шухевича и других подобных персонажей на Украине. Страны коллективного Запада выделяли и продолжают выделять огромные денежные средства, направляя их на финансирование подрывной идеологической деятельности внутри бывших советских республик. Так, отдельные официальные лица США (в частности, помощник государственного секретаря Госдепартамента США В. Нуланд) заявляют в своих выступлениях, что на осуществление плана президента Барака Обамы и коллективного Запада по Украине тратятся миллиарды долларов.

Проводимая на протяжении трех десятилетий на Украине подрывная кампания по разделению братских народов оказалась для идеологов западного мира успешной. Результаты работы по созданию из России новой «Империи Зла» сейчас обнажились в полной мере. События, происходящие в настоящее время на территории Украины, обнажили истинную сущность западных ценностей в отношении стран и народов, не входящих в «Золотой миллиард».

События, последовавшие с начала проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины, обнажили истинную сущность западных ценностей в отношении стран, проявляющих самостоятельность в проведении своей внутренней и внешней политики. Страны коллективного запада продемонстрировали полное пренебрежение правовыми нормами, поставив под сомнение экономические права юридических и физических лиц из России, владеющих собственностью за пределами Российской Федерации. США и их партнерами по НАТО поощряется попирание основных прав граждан, проживающих на территории Луганской, Донецкой, Запорожской и Херсонской областей, вошедших в состав Российской Федерации на основании проведенных референдумов.

В этой связи как никогда встает вопрос о целесообразности следования правовым предписаниям, установившимися в западном мире, и необходимости развития своей собственной правовой системы и примата национальных правовых норм. Кроме того, возникает вопрос и о целесообразности членства нашей страны в международных организациях – ОБСЕ, ВТО, Международном олимпийском комитете и др.

Крайне важной задачей современной России является разработка и внедрение в жизнь ясной и понятной идеологической доктрины, способной выступить противовесом западной пропаганде.

Список литературы

1. Загорулько М. М., Юденков А. Ф. Крах плана Ольденбург. О срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР. М. : Экономика, 1980. 375 с.

2. Казаникова А. А., Чукарина Н. Л. Неформальные молодежные движения в СССР в период перестройки // Юный ученый. 2016. № 2 (5). С. 44–47.

3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2005. 832 с.

4. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М. : Норма, 2017. 384 с.

5. Так это было. Смоленский комсомол 70–80-х годов в воспоминаниях современников / [С. А. Новиков и др.]. Смоленск : Русич, 2004. 164 с.

6. Окороков А. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М. : Русский путь, 2007. 288 с.

7. Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне «Третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания / пер. с нем и сост. Г. Я. Рудой. Смоленск : Русич, 2000. 640 с.

8. Правкин И. В. Правоохранительная политика современного Российского государства // Исторический материализм и диалектика в теоретико-правовых и историко-правовых исследованиях : сборник статей конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 119–123.

9. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М. : Воениздат, 1991. 651 с.

Васечко А. А.[1]*,*
заместитель начальника кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТРАДИЦИОННЫЕ ИДЕИ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Проблемам духовной безопасности России сегодня уделяется все больше внимания. Вопросы безопасности, как правило, остро встают в кризисные периоды развития государства. Наиболее остро этот вопрос для России встал в период культурно-цивилизационного упадка в 90-е гг. XX в. после распада СССР. В то время наибольшую угрозу национальной безопасности страны представляли внутренние процессы, происходящие в российском обществе; их подробный анализ приводится в ряде научно-исследовательских работ. Рост алкоголизма и наркомании, беспризорности, демографический кризис, увеличение количества общественных организаций деструктивной направленности, разрушающее действие которых направлено на традиционные социальные и культурные институты, деформация традиционных культурных представлений, формирование радикальных взглядов, отвергающих институт государства и приводящих к террористической деятельности или угрозе собственной жизни [1, с. 48] – все это явилось следствием внутреннего кризиса не только в политической, экономической, но духовной сферах российского общества. Несмотря на подобные угрозы России, тем не менее со временем удалось укрепить свои позиции как на внутреннем, так и на международном уровне.

Однако в последнее десятилетие Россия вновь столкнулась с внешними угрозами нового характера, имеющими объектом своего воздействия прежде всего духовное и культурное единство страны. Первостепенными угрозами в этом плане можно назвать негативные последствия процессов глобализации, либерализации и вестернизации, информатизации, активно усилившихся к концу XX – началу XXI в., экстремистской деятельности. Во многом эти угрозы являются следствием демократического курса, принятого Россией после распада СССР, однако последствия, вызванные этими угрозами, остаются малоизученными. В современном мире ряд стран пытаются игнорировать культурно-историческую специфику развития других государств, что является духовной основой каждой нации. Зачастую это приводит к навязыванию народам чуждых духовных культурных ценностей. Метаморфозы, вызванные этими угрозами, влияют на национальное самосознание и самоидентичность. Объектом посягательства в этом случае становится самое ценное, что есть у любого народа, – история, духовные начала, лежащие в основе его единства и развития – духовный суверенитет, который является важнейшей частью цивилизационного суверенитета в целом [2, с. 137]. Таким образом, сохранение духовного суверенитета является сложной комплексной задачей, требующей усилий как государства, так и всего российского общества.

---

[1] © Васечко А. А., 2023.

Понятие безопасности сегодня предполагает не только материальное измерение, но и духовное. Однако, несмотря на актуальность проблемы духовной безопасности, исследователи до сих пор находятся на этапе выработки универсального определения термина «духовная безопасность». В настоящее время в качестве ответа на этот социальный запрос появляется все больше публикаций, посвященных исследованию духовной и культурной безопасности. В попытках выработать определение в своем большинстве авторы традиционно отталкиваются от понятий «национальная безопасность» как родового понятия и «духовность» [3, с. 130]. Так, одно из первых определений национальной безопасности, сформулированное еще в 90-х гг. XX в., подразумевало такое сочетание внутренних и внешних обстоятельств, воздействующих на жизнь государства, при котором отсутствуют угрозы критического характера и в то же время сохраняется полноценная способность государства адекватно реагировать на эти угрозы, коль скоро они возникнут [4, с. 70]. В более поздних научных исследованиях под безопасностью в самом широком смысле понимается системное образование, характеризующееся стремлением к поддержанию устойчивости и стабильности [5, с. 239]. На сегодняшний момент понятие «национальной безопасности Российской Федерации» зафиксировано в российском законодательстве как состояние защищенности интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойное качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [6].

В данной статье считаю важным, обратиться к пониманию феномена духовной безопасности через призму права, в частности, на уровне правосознания. Право, являясь одним из основных регуляторов общественных отношений, в то же время становится гарантом духовной безопасности нации и средством защиты ее духовных ценностей. Исходя из узкого понимания права как системы общеобязательных формально-определенных правил поведения, принятых в установленном порядке и гарантированных государством, направленных на регулирование общественных отношений, отождествляя право с законом, можно говорить о праве как о механизме государственной защиты и обеспечения безопасности. Вопросы современной духовной и культурной безопасности поднимаются на государственном уровне, что также свидетельствует о серьезном характере проблемы.

Так за последние пару лет был принят ряд нормативно-правовых документов стратегического характера, направленных на обеспечение национальной и духовной безопасности России, в частности, Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которые законодательно закрепляют перечень важнейших понятий в этой сфере – «национальная безопасность Российской Федерации», «национальные интересы Российской Федерации», «угроза национальной безопасности», «традиционные

ценности» и др. Под традиционными ценностями, согласно п. 4 «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [7]. При этом к таким традиционным ценностям относятся жизнь, достоинства, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

В широком смысле право предстает как феномен, охватывающий абсолютно все правовые явления. Современный интегративный подход к праву признает его многоуровневым, многосторонним и сложным явлением, отдельные стороны которого составляют предмет исследования не только юриспруденции, но и культурологии, аксиологии, философии, социологии, этики, психологии, что позволяет наиболее полно отразить его сущность. Являясь многоуровневым универсумом, право выступает как специфическая форма опредмечивания духовно-нравственной самобытности народа [8, с. 38]. Это «опредмечивание» осуществляется, в первую очередь, посредством правовой культуры и правового сознания.

Нельзя отрицать того факта, что правосознание является уникальным феноменом, обладающим всеми признаками сознания и отражающим объективную реальность через призму сознания каждого конкретного индивида; оно образует единство объективного и субъективного; объективной реальности и субъективного восприятия. Правосознание, представляющее собой вид общественного сознания, содержанием которого являются идеи, убеждения и взгляды относительно права, также можно отнести к праву в широком смысле слова. Традиционно в структуре правосознания выделяют два компонента: рациональный (правовую идеологию), психологический (правовую психологию). При этом предполагается некое диалектическое единство этих понятий: «нет идеологии, которая обнаруживала бы себя только в теориях и пренебрегала бы потребностями, эмоциями, также нет и правовой психологии, которая исключала бы идеи, принципы и др.» [9, с. 27].

Идеологическая и эмоциональная составляющие российского правосознания приводят нас к анализу духа и феномена русского права через призму философии и истории. Историческое и культурное развитие России отражались на развитии философии, поэтому философские идеи отечественных мыслителей зачастую не укладывались в традиционные схемы и шаблоны, принятые на Западе.

На путях поисках истины в русской философии, в отличие от европейской, не получили широкого распространения ни абстрактно-теоретические модели, ни рационализм, ни индивидуализм. Русский мыслитель всегда ищет «правду», под которой подразумевается не только истина как достоверное отражение действительности, но

и нравственные основания жизни. Идея правды – это тайный смысл национальной русской философии.

Характерной чертой русского сознания является идея служения, которая берет свое начало в русской православной традиции, в русской религиозности. Идея религиозности пронизывает всю историю русского народа. Для русского человека главным становится спасение души и сохранение чистоты помыслов, а духовность он понимает как уподобление Богу.

Наряду с религиозностью идея моральности в русском сознании также имеет свою специфику. В России человек всегда живет с оглядкой на общество и готов смиренно подчинять свои личные интересы интересам общества. Такая идея жертвенности означает, что интерес каждого конкретного человека незначителен перед общественным интересом.

Философские идеи, высказанные отечественными мыслителями, оказали влияние на формирование самобытного русского сознания, которое и в настоящее время определяет отношение российского гражданина к наиболее актуальным проблемам современной российской жизни, в том числе и к правовым. По сути эти идеи и определяют основу традиционных ценностей российской действительности. Являясь основой российского правосознания, они становятся, с одной стороны, объектом угрожающего воздействия идей, чуждых русскому сознанию. Именно они, представляя неотъемлемую часть российского исторического и духовного наследия, укрепляя суверенитет и обеспечивая единство России, в первую очередь, требуют защиты, в том числе и на государственном уровне.

С другой стороны, за поиском средств защиты далеко ходить не стоит. Таковыми являются сами эти идеи: их накопление и осмысление позволяет своевременно и эффективно реагировать на возникающие новые вызовы и угрозы. В этой связи правосознание может восприниматься как эффективное орудие воздействия на социальную реальность и ее преобразование.

Список литературы

1. Борисов С. Н., Дмитраков А. М. Духовная безопасность и проблемы безопасности в современном мире // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 2. С. 48–55.

2. Васечко А. А. Историческое сознание как необходимое условие сохранения национальной идентичности России // Идеологическое координаты России: философские, исторические и государственно-правовые вопросы : сборник материалов Всероссийской научной конференции. М., 2021. С. 137–140.

3. Чернова И. Б. О сущности духовной безопасности // Власть. 2013. № 9. С. 130–133.

4. Прохоренко И. Л. Национальная безопасность и баланс сил // Баланс сил в мировой политике : теория и практика : сборник. М., 1993. С. 66–90.

5. Перцева У. С. Угрозы духовной безопасности современного глобального общества // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/103599/1/978-5-8295-0768-8_2021_48.pdf.

6. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271.

7. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906.

8. Сугрей Л. А., Варакин А. С. К вопросу о традиционности русского правосознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 37–43.

9. Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения личности : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2005. 22 с.

Яцкова А. П.[1]**,**
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ ДЕЛЕГИТИМАЦИИ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В МАССОВОМ ПРАВОСОЗНАНИИ В ПЕРИОД ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX В.

Россия вступила в XX в., так и не решив своей основной проблемы – проблемы коренного обновления государственного строя. Все попытки на протяжении XVIII–XIX вв. ограничить власть монарха потерпели крах. Сложность состояла в том, что ни одна из периодически предлагавшихся реформ не была проведена полностью и последовательно, и следующее поколение реформаторов получало в наследство незавершенные реформы, что в свою очередь тормозило их собственные преобразования. Все это в полной мере проявилось в начале XX в.: реформы 60–70-х гг. XIX в. не только не были завершены, более того, они до некоторой степени были повернуты вспять контрреформами 80–90-х гг. XIX в.

Как правильно отмечает В. В. Шелохаев в своей работе «Либеральная модель переустройства России», в начале XX в. Россия переживала «системный кризис, где власть и стоящие за ней силы, вынужденные идти на реформы, стремятся сохранить (удержать) за собой максимум властных функций и собственности» [2, с. 14]. К сожалению, режим, 40 лет назад упустив возможность мирной трансформации, решился на этот шаг в условиях крайней нестабильности, когда в процесс были втянуты не только слои интеллигенции, разработавшие различные модели политического преобразования России, но и широкие народные массы, склонявшиеся к насильственному давлению на власть.

В начале XX в. в России присутствовал целый спектр противоречий и конфликтов: социальных, экономических, политических и правовых. Реформы 60–70-х гг. XIX в., которые ввели в государственный строй России некоторые элементы правовой государственности, а также активно проводимая с 80-х гг. XIX в. правительственная политика индустриализации выдвинули на политическую арену новые социальные силы. Промышленная и финансовая буржуазия заняла ведущие позиции в экономике страны, к ней примкнула либерально настроенная часть дворянства, также включившаяся в рыночную экономику. Выросший за время промышленной революции рабочий класс стал осознавать свои интересы и требовать защиты своих прав. Таким образом, на рубеже веков в России произошли существенные социальные сдвиги, которые вели к перегруппировке социально-классовых сил и их новой политической расстановке. Однако эти новые силы не имели действенных рычагов воздействия на власть, которая

[1] © Яцкова А. П., 2023.

продолжала большей частью опираться на земельную аристократию и высшую бюрократию. Требования о создании представительного учреждения были отмечены еще в начале правления последнего российского императора. В результате острейшие социально-экономические и общественно-политические проблемы, не решенные конституционном путем, не исчезают, а накапливаются в обществе и прорываются в революционных вспышках.

Правительство боялось проведения радикальных перемен в государственном устройстве и, упустив возможность мирной трансформации, начало политику реформ в условиях русско-японской войны и первой русской революции. Преобразования затронули не все структурные элементы Российского государства. Реформированию подверглись форма правления и государственный режим, которые стали сочетать элементы конституционной системы и традиционных институтов дореформенной монархии. Сильное давление на конституционные учреждения оказывала монархическая власть, использующая методы авторитарного управления благодаря закрепленному перевесу исполнительной власти и главы государства над законодательной властью в управлении государством. Конституционные обычаи и парламентские прецеденты находились на стадии формирования и не могли изменить реальный механизм осуществления власти в пользу большего участия представительных учреждений.

По отношению к промышленному развитию государство вело прогрессивную политику, однако аграрный вопрос решался сугубо на реакционной основе: прежде всего защищались привилегии помещиков и сохранялся полукрепостнический характер хозяйства. Кризис, наступивший в конце XIX в. в сельском хозяйстве, зримо проявлялся в участившихся недородах и неурожаях, приводивших к массовым беспорядкам в деревне [1, с. 245–247].

Требовал своего разрешения и национальный вопрос. На Западе возникли национально единые государства, в которых национальное неравноправие играло незначительную роль. Колониальная экспансия этих стран приняла внеевропейский характер и национальные противоречия были вынесены за пределы государственных границ. В России в XV–XVII вв. складывается многонациональное государство, и таким образом национальный вопрос становится неразрывной частью внутренних противоречий, тесно переплетается с социальными и приводит к существованию правового неравенства по национальному признаку.

Наконец, самым архаичным пережитком являлось самодержавие. Таким образом, к началу XX в. в российском обществе достаточно четко выявились насущные проблемы, требовавшие первоочередного решения, и неспособность власти решить их цивилизованным путем с помощью согласования интересов различных социальных групп, попытка применить силовые методы привели к революции 1905–1907 гг., что способствовало делегитимации монархической власти в глазах большей части населения.

Попытки самодержавной власти урегулировать ситуацию без радикальных реформ не увенчались успехом. А. А. Кизеветтер считал, что правительственная политика начала XX в. не принесла успокоения: «Все меры, направленные против освободительного движения, только подрывали авторитет власти. Решительный удар этому авторитету был нанесен русско-японской войной» [3]. Убийство

министра внутренних дел В. К. Плеве поставило перед властью задачу выбора нового политического курса, который бы помог самодержавию сохранить свое безраздельное господство в политической жизни страны. Законодательство о Государственной думе от 6 августа 1905 г. не удовлетворило широкие круги общественности, последующие изменения, внесенные под давлением революции, привели к созданию ограниченной монархии. Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. зафиксировали возникновение в России дуалистической монархии, исходя из характера организации законодательной власти, взаимоотношений монарха, правительства и законодательных палат. Государственный переворот 3 июня 1907 г. показал, что продолжить путь демократического конституционного развития страны вполне возможно, но для этого нужно осуществить рабочее взаимодействие между органами исполнительной и законодательной власти. Силы, представленные в парламенте, не пошли на принципиальное соглашение с правительством для реализации возможных в тех условиях положений политической программы. Правительство же, применив силовые методы и издав новый избирательный закон, изменило таким образом социальный состав Думы и получило «карманную» Думу, с которой было удобно работать. Но III Дума не отражала ни действительной расстановки общественных сил в стране, ни истинных интересов населения. Конституционный путь решения насущных проблем был заблокирован, что в дальнейшем привело к новой революционной ситуации [4].

Список литературы

1. История государства и права России : учебник / [С. Г. Кара-Мурза и др.] ; под ред. С. А. Чибиряева. М., 1998. 524 с.

2. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. 277 с.

3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. 28. Полутом 4 доп.: Россия. СПб., 1907.

4. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2001. 24 с.

Тумин А. Ю.[1]*,*
старший преподаватель кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПАТРИОТИЗМА

В настоящее время одной из острых проблем является высокий уровень преступности, в связи с чем высокую степень актуальности приобретает вопрос о том, каким образом можно создать условия для повышения уровня правопорядка. Одним из ключевых аспектов достижения правового характера отношений является то, каким образом члены общества относятся к праву, насколько они склонны к следованию правовым нормам и насколько ориентированы на то, чтобы отстаивать собственные законные права. Правосознание представляет собой не менее значимый фактор выстраивания правовых отношений, нежели правоохранительная и судебная системы, и потому большое значение приобретает создание условий для развития правосознания в гражданской среде.

Постановка вопроса о необходимости формирования развитого правосознания в гражданской среде предполагает обращение к проблеме условий и факторов его развития, что обращает нас к вопросу о том, что такое правосознание и каковы основные его элементы. Выяснение структуры правосознания позволяет сделать следующий шаг в исследовании, связанный с определением динамических факторов его формирования.

К числу основных элементов правосознания относятся:

– знание существующих нормативно-правовых актов;

– понимание собственных прав и прав других граждан;

– способность к определению правового статуса конкретных действий и явлений;

– наличие ценностного отношения к сфере права (осознание необходимости и приоритетности соблюдения правопорядка).

Анализ условий формирования правосознания предполагает, соответственно, выяснение того, каким образом у членов общества появляется, с одной стороны, знание существующей нормативно-правовой базы, с другой – способность применять на практике данное знание, с третьей – понимание значимости и необходимости правового порядка.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что имеет место два рода факторов формирования правосознания:

– институциональные;

– культурно-мировоззренческие.

Рассмотрим их по порядку. Формирование правосознания традиционно изучается в социологии в контексте анализа принципов и механизмов социализации, ввиду чего во главу угла ставится вопрос об институциональных факторах правосознания – тех социальных механизмах, основанных на стимулах и санкциях,

---

[1] © Тумин А. Ю., 2023.

в рамках которых производится формирование социально-приемлемого модуса поведения членов общества. В частности, многие исследователи обращают внимание на значимость образования и семьи как институтов, на уровне которых закладываются основы понимания правовых отношений [3, с. 56–57] и одновременно с этим производится первичное привитие дисциплины и склонности к следованию правилам. При этом исследователи обращают внимание на значимость такого аспекта, как эффективность правовых институтов в формировании склонности членов общества к следованию нормативным установлениям. Это связывается с тем, что эффективное функционирование правовой системы определяет повышенную вероятность наказания членов общества, совершивших преступление. В этом контексте принцип неотвратимости наказания рассматривается как один из важнейших аспектов правового поведения и, в частности, признания правового порядка [1, с. 132–133].

В рамках структурно-функционального подхода Р. Мертон обращает внимание на то, что правовое поведение членов общества напрямую связано с состоянием основных общественных институтов, в частности, с тем, насколько доступна реализация основных потребностей субъекта [2, с. 216]. По сути, структурно-функционалистский подход уже предполагает момент объединения культурно-мировоззренческих и институциональных факторов правосознания, что, в целом, закономерно с учетом того, что правосознание – это элемент мировоззрения социального субъекта, определяющий характер его правового поведения. Вместе с тем, стоит обратить внимание на то, что правосознание, будучи неоднородным по своей структуре, включает в себя элементы, имеющие первостепенный характер и элементы, действенность которых не определяется в полной мере их внутренним содержанием. Остановимся на данном аспекте более подробно.

Знание законов признается одним из базовых аспектов правосознания в силу того, что вне владения нормативно-правовой базой проблематично, например, зарегистрировать момент нарушения собственных прав или перехода к деятельности, запрещенной законом. Вместе с тем следует отметить, что знание законов еще не гарантирует правового характера поведения человека в силу того, что он может осуществлять осознанное нарушение закона при условии, если с точки зрения его мировоззрения подобного рода поведение оценивается как приемлемое. Если рассматривать вопрос о том, что имеет преобладающее значение в следовании нормам права – высокий уровень правовой грамотности, или же развитые правовые ценности, – следует отметить, что именно ценностный аспект в конечном итоге имеет определяющее значение. Здесь уместны два примера. Первый пример – это представитель криминального сообщества, хорошо разбирающийся в уголовном праве и при этом свободно допускающий нарушение закона. При условии, что нарушение закона будет соответствовать его целям и интересам, он может осуществить правонарушение. В свою очередь человек, стремящийся к соблюдению правового поведения, при условии, что ему неизвестны конкретные нормы права, может уточнить их содержание и, соответственно, остаться в рамках законопослушного поведения.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что ценностный аспект правосознания имеет определяющее значение – именно он в конечном итоге

определяет то, реализует социальный субъект в своем поведении нормы права или же проявляет склонность к нарушению закона. Если соблюдение законности входит в число социальных приоритетов личности, человек будет действовать в рамках закона, и напротив, если нормативное поведение не является для человека чем-то значимым, он будет в каждой конкретной ситуации руководствоваться собственными интересами. И с учетом того, что механизмы контроля правопорядка не тотальны, в общественной практике при условии отсутствия в сознании членов общества ценностей права сохранится момент активного нарушения правовых норм. Таким образом, основой правосознания является наличие развитых правовых ценностей.

Один из доминирующих в исследовательской среде подходов к пониманию специфики правовых ценностей связан с тем, что они рассматриваются в контексте морали, т. е. предполагается наличие морального обоснования права на уровне мировоззрения конкретных членов общества. Данный подход, по сути созвучный с естественно-правовой установкой, предполагает, что этическая составляющая мировоззрения человека определяет в том числе и характер его правового поведения. Однако если рассматривать идею этического обоснования права, становится очевидно, что развитые этические представления не обосновывают право в целом, они всегда направлены на формирование отношения к конкретному закону, который либо соответствует внутреннему моральному кодексу человека, либо нет. Соответственно человек может выборочно следовать тем законам, которые, по его мнению, являются морально-обоснованными, и при этом допускать отдельные правонарушения. В этом контексте актуализируется вопрос о том, какая мировоззренческая установка может способствовать формированию ценностного восприятия права как такового? Для ответа на данный вопрос целесообразно обратить внимание на то, что право представляет собой государственный институт, и одним из важнейших аспектов формирования отношения к праву является то, какая форма политического сознания имеет место в гражданской среде. Неслучайно идеологи естественно-правовой теории одновременно являются выдающимися исследователями политических теорий.

Взаимосвязь гражданского и правового сознания – это тот аспект, который нередко упускается из виду, однако основы представлений о праве (в том числе отношения к нему) тесно связаны с представлениями социального субъекта о своем месте в социально-политической системе. И в этом контексте как осмысление личных прав, так и осознание личной ответственности за соблюдение норм права находится в тесной зависимости от того, какую форму гражданского самосознания реализует человек.

В правовой теории обоснование всей системы права как необходимого к исполнению закона осуществляется именно через государство, через признание значимости политической воли руководства страны, устанавливающего законы. И если рассматривать в данном контексте область социального сознания, становится понятно, что осмысление связи между государством и правом порождает тесную связь между характером гражданского самосознания и характером правосознания.

Поддержание стабильности общества и его защищенности входит в область важнейших интересов государства, и базовым аспектом стабильности общественных

отношений является именно обеспечение правопорядка. Соответственно признание значимости интересов Родины является важнейшим мировоззренческим основанием конструктивного ценностного восприятия права. По этой причине развитие патриотизма представляет собой одно из значимых условий развития правосознания в гражданской среде. И напротив, подрыв гражданского самосознания может выступить в качестве одной из серьезных причин интенсификации деструктивных процессов в правовой сфере.

Подведем итог. Для достижения стабильности современного общества необходимо, чтобы в нем установился правопорядок, в связи с чем приобретает высокую актуальность повышение уровня правосознания членов общества. При этом ключевым его аспектом является отношение к праву, характер его ценностного восприятия. По этой причине одним из неявных, однако чрезвычайно весомых факторов развития правосознания является то, насколько в гражданской среде развиты патриотические установки, поскольку от того, каким образом в гражданской среде относятся к государству и его интересам, в значительной мере варьируется склонность членов общества содействовать эффективности государственных институтов, одним из которых и является право.

Список литературы

1. Игнатенкова К. Е. Неотвратимость наказания как условие его эффективности // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2. С. 131–133.

2. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 212–223.

3. Юнусов С. А., Жеребцова Е. Н. Образование как источник правосознания // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 3 (69). С. 55–60.

Левкина Е. С.[1]*,*
преподаватель кафедры
гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В современных условиях, когда выдвигаются различные концепции политического устройства общества, очень важно знать истоки формирования и развития идей российского конституционализма. В связи с этим очень полезным могло бы оказаться изучение формирования конституционного правосознания в российском обществе во второй половине XIX в. В предшествующий изучаемому период был высказан и выдвинут ряд концепций и проектов по установлению конституционного правления в России. Однако в XVIII в. большинство выдвигаемых проектов были несвоевременными. Перед Российским государством стояли иные задачи: «реконструкция экономики и создание в краткие строки военно-промышленного комплекса страны как основы политической и экономической независимости, развитие науки и образования» [1]. И лишь к началу XIX в., когда «большой скачок» был завершен, в обществе и во властных кругах появились соображения о возможной частичной либерализации существующего режима. Однако в первой половине XIX в. для установления конституционного правления в России не существовало необходимых социально-экономических предпосылок. Б. Н. Чичерин писал: «О перемене образа правления никто в это время не думал. Все понимали, что при крепостном праве и при вековом принижении общества – это дело несбыточное. Одно, чего мы жаждали… это свободы умственной и гражданской» [2].

Новый всплеск интереса к конституционному вопросу пришелся на период правления Александра II. Либеральные слои общества, наряду с осуществленными реформами стали настаивать на установлении ограниченной монархии, предлагая в качестве образца западноевропейские модели либо апеллируя к образцам народоправства, существовавшим в истории России.

Отдельные представители бюрократической элиты Российского государства допускали возможность проведения модернизации государственного строя, основываясь на каждодневной практике государственного администрирования, которая демонстрировала, что предпринимаемые репрессивные меры не всегда были успешными.

В 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев предложил реорганизовать Государственный совет путем включения в его состав выборных представителей от губерний, тем самым увязав введение органов местного самоуправления с установлением ограниченного представительства в высшем совещательном органе государства. Предложенный проект не содержал кардинально меняющих существующий режим правления положений и даже уступал проектам XVIII в. по радикальности требований. Его можно расценить как связующее звено между

[1] © Левкина Е. С., 2023.

проектами начала XIX в. и второй половины XIX в. Прослеживается определенное сходство между государственной концепцией М. М. Сперанского и его планов в отношении роли Государственного Совета в системе монархического правления, а также моделью монархического конституционализма, которая была выдвинута в Уставной грамоте Российской империи.

Активную роль в формировании конституционного правосознания играли дворянские собрания. В. П. Мещерский пишет: «как в Петербурге, так и в Москве стали обнаруживаться известные брожения умов в известных дворянских кружках, направленные к тому, чтобы от местного или губернского земства перейти к земству центральному» [1].

В 60-х гг. попытки создать из Государственного совета центральный орган народного представительства предпринимались не раз. Великий князь Константин Николаевич Романов представил Александру II Записку по созданию общероссийского представительства при Государственном совете. Общероссийское представительство предполагалось создать в виде двух депутатских собраний при Государственном совете – дворянского и земского. Депутатские собрания становились как бы низшими палатами Государственного совета, заседающими периодически. Предложенный концепт не выходил за рамки реформаторских охранительных тенденции.

Во всех предложенных проектах 60-х гг. монарх сохранял всю полноту власти, не было поколеблено верховенство сановной элиты, конструируемые органы народного представительства в вопросах формирования и компетенции были полностью подчинены верховной власти.

В целом авторы проектов, провозглашая незыблемость абсолютной монархии, утверждали, что предложенные меры помогут вывести существующий режим из состояния изоляции, обещали заручиться поддержкой народных масс в борьбе с революционным движением, успешно решить национальный вопрос, путем повышения качества законов провести эволюционную модернизацию страны [3].

Катализатором конституционного вопроса явились итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Разработка и дарование Болгарии Тырновской конституции (в свое время, в 1815 г., Польша получила Конституционную хартию) обострило конституционный вопрос в России. Внутри страны тоже было неспокойно: война с Османской империей потребовала от России больших материальных и людских затрат, получил широкое распространение нигилизм, активизировались террористические общества. С оглядкой на сложившуюся ситуацию власть предержащие попытались рационализировать режим, привлечь к обсуждению вопросов государственной политики ограниченное количество представителей от населения с целью создания социальной опоры для борьбы с нараставшей революционной волной. В очередной раз речь шла о реформировании Государственного совета. Инициатором перемен выступил государственный секретарь Е. А. Перетц, который в 1880 г. предложил как вспомогательный элемент присоединить к Совету совещательное собрание представителей, избранных губернскими земскими собраниями и городскими думами. Фактически подобную же конструкцию предложил через несколько месяцев министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов.

Претворение в жизнь данных проектов должно было способствовать модернизации режима, проведенной без социального конфликта. Создатели проектов не предполагали ограничения абсолютной и самодержавной власти монарха, но допускали эвентуальность обсуждения конституционных преобразований впоследствии.

После убийства Александра II была предпринята последняя попытка ввести ограничительные начала в русское государственное устройство. В 1883 г. министр внутренних дел Н. П. Игнатьев предложил провести акт коронации Александра Ш «земским собором», в состав которого предлагал включить представителей от Русской Православной церкви, бюрократический патрициат, а также «высших избранников дворянства и городов и нарочито выборных от земли». Из состава «земского собора» предполагалось избрание нескольких десятков человек, участвующих в разработке законопроектов, которые потом будут представлены в Государственный совет. В итоге, как объяснил идею своего проекта Н. П. Игнатьев, «сложилась бы без потрясения устоев русская самобытная конституция, которой позавидовали бы в Европе и которая заставила бы умолкнуть наших псевдолибералов и нигилистов».

Таким образом, во второй половине XIX в. идея введения ограниченной монархии получила широкое распространение в российском обществе и во властных кругах. Отсутствие реализации проектов связано с объективными причинами: проведение конституционной реформы в условиях роста нигилистических и революционных отношений неминуемо привело бы к разрушению общественных и государственных институтов, политическому хаосу.

Список литературы

1. Леонтович В. В. История либерализма в России, 1762–1914. М., 1995. 444 с.
2. Чичерин Б. Н. Литературное движение в начале нового царствования. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М. : М. и С. Сабашниковы, 1929. 83 с.
3. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2001. 24 с.

Хабарин О. М.[1]*,*
преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

К началу XVIII в. в России в условиях активного развития внешней политики и проведения масштабных государственных реформ, эффективности и жизнеспособности которых напрямую угрожали бесконтрольность и должностная преступность всего чиновничьего аппарата, формирование антикоррупционного правосознания стало важной задачей абсолютизма, не только вполне осознанной монархом, но и возведенной им в ранг национальных приоритетов. Одной из первых действенных мер на пути решения данной проблемы стало учреждение 2 марта 1711 г. института фискалов, в лице которого, по точному выражению Н. В. Муравьева, в нашей стране «впервые появилась сила, громко, словом и делом призывавшая к законности должностных действий и требования порядка в учреждениях» [5, с. 265].

В процессе анализа особенностей правовой политики Петра I, его многообразной реформаторской деятельности, многочисленных нововведений, связанных с попытками изменить традиционный уклад жизни на европейский, становится понятно, что реализация этих преобразований требовала полной и беспрекословной исполнительности административного аппарата страны. Однако оказалось, что весь государственный аппарат был настолько пропитан бюрократией, коррупцией и взяточничеством, что кардинально новый политический курс, взятый монархом, не мог быть исполнен не только в полной мере, но порой и в принципе. Поэтому введение в состав государственного аппарата специального тайного органа (позаимствованного из системы административного права европейских государств), осуществляющего надзор и контроль за исполнительностью чиновников, было фактически необходимой и одновременно чрезвычайной мерой.

Сегодня очевидно, что, будучи перегруженным разнообразными функциями от тайного политического сыска и финансового контроля до полиции и аудита и не имея при этом четкой законодательной базы для собственной деятельности, институт фискалов подвергался непрерывной перестройке и переподчинению, что не способствовало стабилизации его деятельности и вылилось в ряд негативных моментов в юридическом обеспечении ведомства негласного контроля, не позволивших ему оправдать в полной мере свое предназначение. Тем не менее именно фискалитет стал первым осознанным опытом формирования антикоррупционного правосознания в истории российского государства и права, причем во многом успешным.

Получив полномочия «…над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправый суд, також в зборе казны и протчего» [6], фискал должен был

[1] © Хабарин О. М., 2023.

осуществлять негласный (тайный) надзор над всем административным аппаратом. В дальнейшем к ведению фискалов было отнесено «взыскание всех безгласных дел», а именно: нарушение царских указов, взятки и кражи казны и «дела народныя, за которых нет челобитника». Основным принципом работы фискала стала глубокая тайна. Он был обязан не только проведывать и доносить, но и «при суде обличать». Важной особенностью в деятельности фискалитета являлось то, что фискалам вменялось в обязанность выслеживание преступника, но остановить или предотвратить своими силами очевидное нарушение полномочий не давалось. Обвинительная их работа сводилась к сбору и подаче улик до розыска и в процессе розыска, проводимого судьями или особыми следователями [9, с. 104]. Руководящим началом деятельности фискалов выставляется соблюдение законности и беспристрастия: «когда еще кто по делу осужден не будет, никого повреждать, и в подозрение ни словесно, ни письменно приводить, но по закону и правам, чин свой содержать» [7].

Руководствуясь в своей деятельности методами тайного и явного надзора и контроля, фискалы разбирали не только дела, касавшиеся охраны интересов казны, составлявшие 59 % всех обвинений, но и гражданские дела, в состав которых входили должностные (20 % всех обвинений) и уголовные преступления, уклонение от службы в армии. Политические и частные вопросы занимали незначительное место в работе фискалов.

Возглавлять институт фискалов должен был обер-фискал, для чего предполагалось выбрать человека «умного и доброго (из какого чина ни есть)». Ему подчинялись несколько провинциал-фискалов, а последним – несколько нижних фискалов, «которые во всем имеют такую же силу и свободность, как и обер-фискал, кроме одного, что вышнего судью или генерального штаба на суд обер-фискала позвать не могут» [6].

Говоря об общей численности фискалов в России, историк В. О. Ключевский отмечал, что их численность могла достигать пятисот человек [4, с. 152]. Такого же мнения придерживались отечественный исследователь Н. П. Ерошкин [2, с. 93] и профессор Лондонского университета М. С. Андерсон [1, с. 224].

Необходимо отметить, что фискалы постоянно встречали открытое или латентное сопротивление государственной элиты, в то время как податные сословия воспринимали фискалов как защитников от произвола местных властей. Несмотря на свою немногочисленность, фискальская служба развернула активную работу, результатом которой стало возбуждение множества уголовных дел. Был раскрыт ряд крупных преступлений представителей царской администрации, само существование данной должности сеяло страх среди казнокрадов и взяточников. Результатами деятельности фискалитета явились многочисленные разоблачения государственных чиновников, в числе которых был богатый солепромышленник Г. Строганов, князь Волконский, сибирский губернатор князь М. П. Гагарин. За различные преступления, как отмечает исследователь Е. П. Карнович, «погибли состояния многих русских богачей: кн. Хованского, кн. Голицына, князей Мышецких, кн. Кольцова-Масальского, князей Сибирских, Кикина, Лопухина, барона Шафирова, графа Толстого, графа Девиера, кн. Меншикова, князей Долгоруковых, графа Лестока и др.» [3, с. 455]. В то же время получение

от фискальской службы значительного объема информации об упадке законности в стране побудило Петра I предпринять ряд экстраординарных мер уголовно-правового и уголовно-процессуального характера, направленных на противодействие взяточничеству и казнокрадству [8, с. 304].

С учреждением в 1722 г. прокуратуры в Российской империи появилась новая форма государственного контроля – контроль фискальско-прокурорский. Прокуратура и фискалитет дополняли друг друга, способствуя повышению эффективности надзора. Так, институт фискалов базировался на территориальном принципе, в то время как прокуроры располагались в различных учреждениях, основываясь на ведомственном принципе, что усиливало их позиции как контролирующей структуры. Если фискалы вникали в делопроизводственную документацию различных ведомств время от времени, то прокуроры состояли при этих ведомствах, контролируя всю их деятельность. Имея общую сферу деятельности – надзор за соблюдением законности, фискалитет и прокуратура имели ряд принципиальных различий. В целом, если фискал осуществлял расследование уже совершенного преступления, был заинтересован в нем, дабы предоставить суду улики и получить вознаграждение, то прокурорский надзор носил упреждающий характер, прокурор должен был не дать совершиться тому или иному противоправному действию.

Список литературы

1. Андерсон М. С. Петр Великий. Ростов н/Д., 1997. 352 с.
2. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.
3. Карнович Е. П. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. М., 1995. 704 с.
4. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. М., 1989. 399 с.
5. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. М., 1889. 552 с.
6. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 4. № 2331. СПб., 1830.
7. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 5. № 3479. СПб., 1830.
8. Серов Д. О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в. : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Екатеринбург, 2010. 49 с.
9. Шестаков С. Е. О фискалах на Москве и в губерниях (первая треть XVIII в.). СПб., 2011. 110 с.

Ярош А. В.[1]*,*
аналитик Центра крови имени О.К. Гаврилова
Департамента здравоохранения г. Москвы,
кандидат юридических наук

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ

Зарождение института суррогатного материнства на территории Российской Федерации берет свое начало с принятием Семейного кодекса Российской Федерации [2], который начал действовать 1 марта 1996 г.

Положения ч. 4 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации больше устанавливают приоритетную норму права суррогатной матери перед потенциальными родителями, выраженную в предоставление суррогатной матери права давать потенциальным родителям согласие на запись их в качестве родителей рожденного ею ребенка.

Отсутствие на тот период времени надлежащей законодательной базы, позволяющей регулировать отношения, возникающие у субъектов права при реализации программы суррогатного материнства, привело, к тому, что институт суррогатного материнства просто плыл по течению, в связи с чем стал не только объектом для проводимых юристами исследований, но и оказался весьма привлекателен для преступных сообществ.

Спустя шесть лет Министерство здравоохранения Российской Федерации приказом от 26 февраля 2003 г. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» [6] (документ утратил силу)[2] вводит правовые положения относительно проведения самой программы суррогатного материнства, в которых прописываются требования, предъявляемые к суррогатной матери.

При этом на законодательном уровне определение понятия «суррогатное материнство» появилось только с принятием Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5] (далее – Закон об основах охраны здоровья).

Так, согласно ч. 9 ст. 55 Закона об основах охраны здоровья суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения,

---

[1] © Ярош А. В., 2023.

[2] Данный документ был признан утратившим силу с 21 апреля 2013 г. в связи с принятием приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению», который был признан утратившим силу с 1 января 2021 г. в связи с изданием постановления Правительства Российской Федерации от 17 июня 2020 г. № 868. На сегодняшний день действует Порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению, утв. приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 803н.

либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.

Таким образом, мы видим, что ключевым инструментом, регулирующим правоотношения, возникающие между потенциальной суррогатной матерью и потенциальными родителями, выступает заключенный договор. При этом положения этого договора действующим законодательством не установлены, что дает право сторонам договора определять их самостоятельно.

Также в ч. 10 ст. 55 Закона об основах охраны здоровья закреплены условия, при которых женщина может быть суррогатной матерью:

– должна быть в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет;

– должна иметь не менее одного здорового собственного ребенка;

– должна иметь медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья;

– должна иметь письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательств;

– должна иметь письменное согласие супруга потенциальной суррогатной матери (для женщин, состоящих в браке, зарегистрированном в установленном порядке).

Более детальные требования, предъявляемые к потенциальной суррогатной матери, прописаны в Порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению, утвержденного приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 803н [9].

На сегодняшний день институт суррогатного материнства нуждается в дополнительном законодательном регулировании, на что не раз обращало внимание научное сообщество.

Так, например, в своей монографии Т. Е. Борисова отмечает, что «в России с точки зрения медицины метод суррогатного материнства уже достаточно разработан. Однако действующее правовое регулирование отношений в данной сфере не в полной мере отвечает потребностям практики» [14]. Е. Е. Богданова и Д. А. Белова, анализируя законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования вопросов суррогатного материнства» справедливо отмечают, что «действующее законодательство в сфере вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства, нуждается в совершенствовании» [12, с. 74].

Об отсутствии надлежащего правового регулирования также говорили и другие ученые в разные периоды развития законодательной базы, регулирующий вопросы суррогатного материнства [10, с. 3; 11, с. 7; 15, с. 4; 16; 17, с. 4].

При этом наблюдается и положительная динамика развития законодательства, регулирующего реализацию программы «суррогатного материнства». Вместе с тем стоит отметить, что толчком к законодательному развитию суррогатного материнства послужила ситуация, которая возникла в период пандемии COVID-19 и была связана с нахождением на территории Российской Федерации младенцев, рожденных суррогатными матерями, не имеющих необходимого присмотра и ухода по причине, в том числе, смерти родителей в результате

эпидемии. В отдельных случаях наблюдались и признаки торговли детьми данной категории [20].

Одобренный 13 декабря 2022 г. Советом Федерации проект федерального закона № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [19] является комплексным документом и направлен на внесение изменений в Семейный кодекс Российской Федерации [2], Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [3], Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [4], Закон об основах охраны здоровья с целью защитить такую наиболее уязвимую социальную категорию населения, как дети. Ключевым звеном принимаемых изменений является запрет использования иностранными гражданами программ суррогатного материнства на территории Российской Федерации.

Таким образом, мы видим, что законодатель пусть и медленно, но старается развивать законодательную базу, направленную на регулирование отношений, возникающих при реализации программы суррогатного материнства.

Учитывая, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России (ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации [1]), автором предлагается обратить внимание на правосознание суррогатной матери, поскольку от ее дальнейших действий при реализации программы суррогатного материнства зависит исход рождения ребенка (детей).

В большинстве случаев женщины идут на программу суррогатного материнства исключительно для решения своих финансовых вопросов, кому-то, например, необходимо решить жилищный вопрос, кому-то выплатить долги за счет полученного гонорара и т. д. [18].

Многие кандидатки в суррогатные матери, заключая с потенциальными родителями договор по вынашиванию и рождению ребенка (детей), не задумываются над его содержанием и не представляют себе, насколько важным этапом в жизни потенциальных родителей является реализация данного договора. Поскольку цена малейшей ошибки суррогатной матери может привести к утрате эмбриона (иногда он бывает в единственном экземпляре и получить новый не представляется возможным), а также к потере финансовых средств потенциальных родителей, не говоря уже о времени.

Безусловно, перед взятием в программу потенциальную суррогатную мать тщательно обследуют с целью снижения дальнейших рисков осложнения у нее и ребенка (детей).

Вместе с тем потенциальная суррогатная мать, участвуя в программе, должна осознавать смысл своих юридических обязанностей, понимать меру своей правовой ответственности за дальнейшие действия.

При этом на практике встречаются случаи, когда суррогатные матери, не задумываясь о юридической ответственности, пытаются еще и обмануть потенциальных родителей, несмотря на то что для супругов этот проект – может быть, единственный шанс стать генетическими родителями рожденного ребенка (детей).

Так, например, на практике суррогатная мать «опасаясь, что в результате переноса эмбрионов беременность не наступит (что нередко бывает) и она не сможет получить своего гонорара, решила для верности забеременеть естественным путем. К счастью, этот факт был выявлен еще до переноса эмбриона, так что супруги не потеряли свой биологический материал (эмбрион)» [13].

Потенциальная суррогатная мать, подписывая договор с потенциальными родителями, должна понимать, что ее организм – это не только «сосуд», в который поместят эмбрион для дальнейшего развития. С первых же дней подготовки к программе суррогатная мать должна понимать, *какую* социальную задачу она выполняет – не только для потенциальных родителей, но и для государства в целом. Ведь несоблюдение суррогатной матерью возложенных на нее обязанностей в рамках программы может привести к рождению ребенка с отклонениями в здоровье, что впоследствии может лечь дополнительным бременем на государство.

Следовательно, в рождении суррогатной матерью здорового ребенка (детей) заинтересованы не только потенциальные родители, но и само государство. Учитывая, что дети – это уязвимая категория, которая нуждается в безопасности и социальной поддержке государством, понятно, что весьма целесообразно на государственном уровне рассмотреть вопрос о государственных мероприятий, направленных на формирование правосознания потенциальных суррогатных матерей. Эти мероприятия должны заинтересовать суррогатных матерей в рождении здоровых детей не только и не столько ради получения гонорара. Развитие правосознания потенциальной суррогатной матери как раз и позволит создать возможность достижения гармонии между ее желанием заработать и желанием родить здорового ребенка (детей). Безусловно, женщины, желающие стать суррогатными матерями, должны понимать, что это большой труд и большая правовая ответственность, при этом они не должны делать этот труд своей профессией, поскольку имеются случаи, когда многократные суррогатные роды вредили женскому здоровью.

В заключение скажем, что государственная поддержка программы суррогатного материнства может быть выражена в проведении различных лекций или курсов, в том числе на базе государственных (муниципальных) медицинских организаций соответствующего профиля.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

3. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5340.

4. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

6. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26 февраля 2003 г. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия». URL: https://instryktsiya.ru/instr/24457/index.html.

7. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142595.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июня 2020 г. № 868 «О признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации и об отмене некоторых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 26. Ст. 4099.

9. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474.

10. Алборов С. В. Правовое и индивидуальное регулирование суррогатного материнства : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2019. 29 с.

11. Богданова Е. Е., Белова Д. А. Искусственная репродукция человека: поиск оптимальной модели правового регулирования. М. : Проспект, 2021. 216 с.

12. Богданова Е. Е., Белова Д. А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 66–75.

13. Боннер А. Т. Искусственное оплодотворение: достижения и просчеты современной медицины и человеческие драмы // Закон. 2015. № 8. С. 164–183.

14. Борисова Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики : монография. М. : Проспект, 2012. 144 с.

15. Журавлева С. П. Правовое регулирование договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2011. 27 с.

16. Козловская А. Э. Правовые аспекты суррогатного материнства // Гражданское право. 2006. № 2. С. 27–29.

17. Митрякова Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. Тюмень, 2006. 23 с.

18. Переверзев А. Матка напрокат: как устроена сфера суррогатного материнства в России. URL: https://fedpress.ru/article/315063.

19. Проект федерального закона № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/41630-8.

20. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/41630-8.

Дергунов А. А.[1]*,*
заместитель директора
Балаковского филиала
Саратовской государственной юридической академии

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО И СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО: ПОПЫТКА ОСОЗНАНИЯ РАЗЛИЧИЙ

Преимущественное право – юридический феномен, детерминированный сочетанием двух фундаментальных компонентов нормативной регуляции: права и преимущества.

В этой связи возникает вполне закономерный вопрос о том, какое же именно значение вкладывается в слово «право» в проекции к синтагме «преимущественное право». Так, в соответствующем лингвистическом ряду можно выделить следующие лексемы: право в объективном смысле; субъективное право; преимущественное право.

Право в объективном смысле (объективное право, право в нормативном понимании) определяется исключительно как совокупность общеобязательных формально-определенных юридических норм, издаваемых либо санкционируемых государством, выражающих государственную волю общества и охраняемых от нарушений возможностью применения мер государственного принуждения, являющихся властным регулятором общественных отношений [1, с. 80].

Думается, преимущественное право полностью отвечает указанным характеристикам. В частности, преимущественное право фиксируется в юридических нормах, которые выражаются либо в форме нормативных актов (изданных государством), либо в иных формах права (например, в коллективном договоре как нормативном договоре, и тогда речь идет санкционировании), – подобного рода нормы права общеобязательны и охраняются государством; отражает экономические, социальные, культурные и иные интересы и притязания различных страт населения [1, с. 60–61]. Властно-регулятивная природа преимущественного права подтверждается соответствием последнего доводам А. М. Васильева относительно характеристик категорий права, в частности, выполнения роли юридического средства и государственного масштаба оценки поведения людей [5, с. 92].

Таким образом, преимущественное право – органический компонент права в объективном смысле, необходимый для надлежащей регламентации общественных отношений.

Антиподом права в объективном смысле выступает субъективное право. Последнее представляет собой, как писал Н. И. Матузов, систему наличных прав и свобод субъектов, их конкретные правомочия, вытекающие из нормативных актов или принадлежащие им от рождения и зависящие в известных пределах от их воли и сознания, особенно в процессе использования [11, с. 82].

Надо отметить, что, по мнению многих ученых, в особенности представителей цивилистического направления в юридической науке, преимущественное право предстает как субъективное право [3, с. 51; 12, с. 8; 14, с. 17].

---

[1] © Дергунов А. А., 2023.

Действительно, если принять во внимание, что квинтэссенцией субъективного права является юридически обеспеченная возможность [11, с. 84], то преимущественное право во многом олицетворяет собой нормативно закрепленную возможность получения блага.

В зависимости от содержания возможности, положенной в основу субъективного права, Н. И. Матузов стратифицировал последнее на право-поведение, право-требование, право-притязание, право-пользование [11, с. 84].

Как представляется, в контексте определения того, является ли преимущественное право субъективным правом, будет целесообразным провести сопоставление природы преимущественного права с правомочиями, составляющими содержание субъективного права [11].

Подобного рода попытка, не тождественная полностью с корреляцией поведению, требованию, притязанию, пользованию, была осуществлена Е. А. Глушковой, применительно к гражданским правоотношениям [6, с. 85–86]; при этом вывод исследователя более чем однозначен: «…преимущественные права являются субъективными гражданскими правами» [6, с. 86].

Итак, право-пользование как возможность положительного поведения самого уполномоченного, т. е. право на собственные действия, соответствует преимущественному праву, которое в доминанте своей имеет диспозитивный характер, выступая как нормативно предоставленная возможность.

Вместе с тем из этого положения могут быть исключения, заключающиеся в том, что не всегда преимущественное право, а точнее его реализация, зависит сугубо от воли его потенциального обладателя. Например, ч. 2 ст. 27 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» [16] устанавливает буквально следующее: «Преимущественным правом на назначение на должность судьи военного суда обладает военнослужащий, имеющий воинское звание офицера, а также гражданин, имеющий воинское звание офицера, пребывающий в запасе или находящийся в отставке». Как думается, наличие названного преимущественного права у гражданина, претендующего на назначение на должность судьи военного суда, есть категорический императив, от которого он не вправе отказаться и которое, при соблюдении всех иных квалификационных требований, должно быть реализовано [7, с. 52].

Право-требование, т. е. право на чужие действия, заключающиеся в возможности требовать соответствующего положительного поведения правообязанного лица. В проекции к данному элементу некоторые ученые высказывают определенного рода сомнения. Действительно, конструкция «преимущественная обязанность» не объективирована в законодательстве, представая в качестве умозрительного довода, что подтверждают сами сторонники ее существования [13].

Здесь также надо отметить позицию Л. В. Кузнецовой, считающей, что в некоторых гражданских правоотношениях, преимущественному праву не корреспондирует соответствующая юридическая обязанность [9, с. 48–49]. Характерно, что качестве обязательного примера приводится казус, при котором преимущественному праву не коррелирует обязанность, (ст. 621 ГК РФ «Преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый

срок»). Как представляется, здесь игнорируется обязанность арендодателя заключить договор с субъектом, у которого имеется преимущественное право на такое заключение [4, с. 209–210].

Надо отметить, что в некоторых ситуациях управомоченному лицу – обладателю преимущественного права не только непосредственно противостоит правообязанное лицо, но и один тот же участник правоотношения выступает и как управомоченный, и как правообязанный. Так, в контексте к преимущественному праву стоит привести преимущественное право родителей на обучение и воспитание своих детей (абз. 2 п. 1 ст. 63 СК РФ), коррелирующее с обязанностью родителей воспитывать своих детей и обеспечивать получение ими общего образования (абз. 1 п. 1, п. 2 СК РФ).

Хотелось бы также отметить, что если преимущественное право обозначено законодателем именно как право, то и для него действителен концепт единства прав и обязанностей, согласно которому каждому праву прямо либо косвенно противостоит обязанность, и наоборот. Как думается, уместным примером здесь будет констатация такого феномена, как «приоритетная обязанность» [18].

Право-притязание как возможность прибегнуть к мерам государственного принуждения в случае неисполнения противостоящей стороной своей обязанности напрямую детерминировано самим наличием подобной обязанности. Ее неисполнение обеспечивается правом на обращение за защитой в компетентные государственные органы. Из материалов судебной практики можно привести примеры реагирования государства на нарушения преимущественного права.

Право-пользование, т. е. возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом, более чем подходит для характеристики преимущественного права, априори определяемого как нормативно закрепленная возможность пользоваться каким-либо благом.

Казалось бы, можно сделать вывод о том, что преимущественное право представляет собой специфическую разновидность субъективного права. Однако, и это наша принципиальная позиция, преимущественное право не является субъективным правом. То исключение в первом правом правомочии, обусловленное поразительным многообразием жизни [15], служит детерминантой, подрывающей стройность фаланги доводов об органичной имплементации преимущественного права в конгломерат субъективных прав.

Н. И. Матузов неоднократно и настойчиво подчеркивал, что характерной чертой субъективного права является зависимость от сознания и воли индивида, особенно в плане его использования [11, с. 69, 77, 78, 82]. Приведенный пример о преимущественном праве претендента на должность судьи военного суда далеко не единичен [17] и заставляет сомневаться в том, что преимущественное право основывается исключительно на волевом решении его обладателя. Подобного рода сомнение вызывает вопрос о естественном характере преимущественного права.

Естественное право – это естественные или неотчуждаемые права человека [19, с. 9]; естественное право зачастую определяется как неписанный (божественный, всеобщий) закон [10, с. 65].

Проблема соотношения естественного и позитивного права опять же относится к извечным проблемам юридической науки. Консенсус между ними, как

думается, вполне возможен путем закрепления естественных прав в формы позитивного права [2]. Наглядным примером такого гармоничного сосуществования представляются в большинстве своем нормы гл. 2 Конституции Российской Федерации.

Субъективные права относятся к естественным правам; отрицая обязательную коллизионность последних с позитивным (объективным) правом, надо согласиться с тем, что естественные (а значит, и субъективные) права «не от власти и не от закона, а от природы» и присущи индивиду от рождения, обусловлены его волей и сознанием [11, с. 70].

Помимо последнего аргумента, из которого, как уже говорилось, тоже есть весьма красноречивые исключения, преимущественное право никак не может претендовать на обозначение в качестве естественного, а значит, и субъективного. Оно не принадлежит участнику правоотношений от рождения, а связано с его правоспособностью, т. е. с потенциальной, нормативно предусмотренной возможностью осуществлять данное право. Подобное положение объясняется тем, что если субъективное право носит естественный, природный характер, то преимущественное право появляется только при фиксации в нормах объективного права [7, с. 52].

Если право на преимущества еще можно считать естественным, то преимущественное право – это во многом откроированное право, возникшее вследствие правотворчества государства либо санкционирования им соответствующей правотворческой деятельности.

Резюмируя, можно сказать, что преимущественное право присутствует лишь в нормах, находящих свое отражение в юридически значимых формах. Вне рамок нормативного текста преимущественного права не существует [8, с. 119].

Список литературы

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М. : Право и государство, 2005. 544 с.

2. Байтин М. И. Единство естественного и позитивного права – основа обеспечения прав и свобод человека // Вопросы общей теории государства и права. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2006. С. 135–139.

3. Белов В. А. Основы учения о преимущественных правах // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2001. № 6. С. 37–54.

4. Богданова Е. Е. Преимущественное право на заключение гражданско-правового договора // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 208–211.

5. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юридическая литература, 1976. 264 с.

6. Глушкова Е. А. К вопросу о правовой природе преимущественных гражданских прав как субъективных прав // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7 (56). С. 82–87.

7. Дергунов А. А. Преимущественное право как компонент специального статуса государственных служащих // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 51–54.

8. Дергунов А. А. Преимущественное право как юридический термин и правовое преимущество как правовое понятие: вопросы соотношения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 116–121.

9. Кузнецова Л. В. Преимущественное право: понятие и правовая природа // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 46–54.

10. Мартышин О. В. Метафизические концепции права // Государство и право. 2006. № 2. С. 64–71.

11. Матузов Н. И. О понятиях права в объективном и субъективном смысле // Актуальные проблемы теории права. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2003. 512 с.

12. Пивовар Р. Е. Понятие, виды, осуществление и защита преимущественных прав в гражданском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2007. 34 с.

13. Репьев А. Г., Сенякин И. Н. Законодательная категория «преимущественная обязанность»: теория, законодательство, практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 164–179.

14. Субботин М. В. Преимущественные права в российском гражданском законодательстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2007. 28 с.

15. Суменков С. Ю. Исключения в праве как результат отображения многообразия жизни // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 96–100.

16. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3170.

17. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

18. Хрони Н. Н. «Приоритетная обязанность» по законодательству СССР // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции : в 2 ч. СПб., 2022. С. 1260–1266.

19. Шафиров В. М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2005. 56 с.

Антохина М. Е.[1]*,*
соискатель кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Одна из важнейших общественных задач – воспитание ответственного гражданина. Ее решение связано с формированием правовой культуры, которая играет ключевую роль в совершенствовании системы общественных отношений, а также в формировании мировоззренческой позиции личности, ее ценностных установок. Наиболее острым этот вопрос становится в периоды общественной трансформации, когда устанавливаются новые правила правового взаимодействия. Одним из способов решения поставленной задачи может быть рассмотрение исторического опыта прошлого. Таким примером может послужить Российская империя начала XX в.

Преобразования второй половины XIX в. привели к проблеме формирования личности. Различные слои общества получили права, но правовая безграмотность затрудняла их реализацию на практике. По мнению А. В. Овчинникова, период с середины XIX в. и до начала XX в. являлся «решающим в формировании национального законодательства в области образования. С учетом особенностей исторического развития страны были провозглашены прогрессивные принципы развития государственной системы образования. При этом приоритет отдавался национальным ценностям [9]. Студенчество восприняло реформы Александра II как возможность выразить свои радикальные мнения, что привело к возникновению террористической деятельности. Волна студенческих забастовок и демонстраций прокатилась по стране в период царствования Александра II, а слово «студент» стало синонимом неблагонадежности.

Приход к власти Александра III вновь меняет отношение к высшему образованию. Середина 80-х гг. XIX в. была ознаменована введением Устава 1884 г. в отечественном университетском образовании. Несмотря на негативную оценку современников Устава 1884 г., документ был прямым ответом власти на террористический разгул в стране, в частности, на убийство Александра II. К сожалению, общество не приняло сторону власти. Так, многие выдающиеся юристы того времени составили оппозицию существующему режиму и защищали террористов, представляя их интересы на политических процессах 1870-х – начала 1880-х гг.

Но между тем социальный заказ на высшее образование и подготовку высококлассных специалистов приобретает ключевое значение в Российской империи. Манифест «О незыблемости самодержавия» [8] призывает к «утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ея, Возлюбленным Нашим Родителем». Правительство было убеждено, что именно университеты являются рассадниками нигилистических

[1] © Антохина М. Е., 2023.

отношений. Поэтому Устав 1884 г. можно расценить как необходимую законодательную меру, направленную на ужесточение контроля за студенчеством и нормализации отношений в студенческой среде.

К началу XX в., несмотря на сословно-бюрократические препоны, развитие высшего образование в России достигает своего пика. Согласно статистике, приведенной историком А. Е. Ивановым, в 1897–1898 учебном году в вузах страны обучалось около 32 тыс. студентов, в 1907–1908 учебном году – более 83 тыс., в 1913–1914 учебном году – почти 121 тыс. и в 1917 г. – 135 тыс. студентов [7]. Одновременно со стремлением к образованию росло и количество учебных заведений. По данным того же автора, в 1892 г. в России было 48 вузов, в 1899 г. – 56, в 1917 г. – 65 [6]. Несмотря на принятые ранее нормативные акты, студенческие волнения не прекращаются. В 1899 г. студенты выражают свой протест, используя новую форму – стачку. Газета киевских социал-демократов «Вперед» писала: «Впервые учащаяся молодежь пустила в ход новое орудие борьбы для достижения своих требований – стачку» [1].

Радикальная часть студенчества приходит к мысли, что свои действия необходимо координировать с рабочими. Свидетельством являются резолюции студенческих съездов и прокламации студентов того времени. В конце 1896 – начале 1897 г. в Москве состоялся съезд представителей студенческих организаций Москвы, Казани, Харькова, Киева, Одессы, Томска и Польши, который принял решение оказывать «помощь рабочим стачками» [10].

Отдача в солдаты 183 студентов, участвующих в волнениях в Киеве, послужило толчком ко второй общероссийской забастовке зимой – весной 1901 г. В это время происходили массовые сходки и демонстрации учащихся высших учебных заведений.

Одни из крупнейших манифестаций проходили в Москве. 29 января в актовом зале Московского университета состоялась сходка, участники которой послали к ректору депутатов с требованием освобождения отданных в армию киевских товарищей, отмены «Временных правил»», возвращения университетского устава 1863 г. и права сходок, что являлось чисто академическими требованиями. Но на сходке раздавались голоса о том, что «само по себе студенческое движение было бы эгоистично, если упустить интересы тех людей – рабочих, по спинам которых мы проложили себе путь к экономическому благосостоянию и которым мы, студенты, обязаны своим привилегированным положением, как интеллигенты» [5]. Новая сходка, состоявшаяся 23 февраля, приняла аналогичное решение.

Политические демонстрации с участием студентов происходили и в Петербурге. 19 февраля 1901 г. колонна студентов прошла от Казанского собора по Невскому проспекту, распевая революционные песни. 4 марта произошла новая демонстрация, на этот раз в ней участвовали уже не сотни, а несколько тысяч студентов.

19 февраля 1901 г. в Харькове в ходе студенческой демонстрации полиция и казаки напали на демонстрантов, но на помощь студентам пришли рабочие: «толпа паровозостроительных рабочих (4000 чел.), узнав об избиении студентов, вооружилась дубинами, пошла на казаков и прогнала их» [7]. 11 марта 1901 г.

15 тысяч студентов прошли по Крещатику в Киеве, распевая Марсельезу» и размахивая красными флагами. В этот же день прошли забастовки и волнения в Казани, а затем в Варшаве, Екатеринославе, Юрьеве, Томске, Белостоке и других городах.

Тогда же, в 1901–1902 гг., проходит третья общероссийская студенческая забастовка. Становится очевидным бесплодность академической борьбы. Призыв бороться «уже не за академическую свободу, которая несовместима с деспотизмом, а за свободу политическую» [7] – вот лозунг студентов Московского университета. В начале 1902 г. – вновь волна студенческих сходок, забастовок и демонстраций. Два года усиленной борьбы, и в 1903 г. студенческие волнения идут на убыль. Массовые репрессии обессилили молодежь. Отличительной особенностью волнений 1903 г. стало то, что они уже не связаны с жизнью в стенах университета, а являются политическим откликом на борьбу широких масс против самодержавия. В резолюциях сходок говорилось о необходимости свержения самодержавия, установления 8-часового рабочего дня, свободы стачек, полного уничтожения царской администрации, суда и полиции» [10].

В 1904 г. происходит подъем студенческого движения, вызванный русско-японской войной. Проходящие в университетах сходки приобрели антивоенный характер. В их решениях было не только прекращение войны, но и свержение самодержавия и, как следствие установление демократической республики, введение широких политических свобод. И вновь волна студенческих демонстраций по стране.

15 октября 1904 г. в Москве собралось свыше 200 студентов. Они пришли на Ярославский вокзал проводить мобилизованных товарищей. Один из студентов произнес пламенную речь о борьбе с врагом внутренним – самодержавием, а не с внешним. Раздались крики: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», но на учащихся напали полицейские и носильщики и начали их избивать. Протестуя против этого насилия, 16 октября студенты Московского университета с пением «Марсельезы» и с красным знаменем двинулись по Никольской улице. Но вновь напали городовые, устроившие кровавое побоище [3].

Эти события стали толчком для внушительных антивоенных студенческих демонстраций. Любопытно то, что лишь незначительное количество рабочих принимало участие в демонстрациях, в отличие от прошлого года. Это можно объяснить спадом рабочего движения.

Стоит отметить, что не все студенты разделяли мнения своих товарищей. Патриотический подъем охватил часть студенчества. В Москве, Петербурге, Казани, Харькове, Киеве и Одессе прошли монархические демонстрации в поддержку войны. Во многих учебных заведениях устраивались молебны, составлялись адреса к царю, на сходках принимались решения, одобрявшие действия правительства на Дальнем Востоке.

В Киеве молебен 30 января 1905 г. также закончился потасовкой, потому что после молебна реакционеров студенты-революционеры стали кричать: «Долой самодержавие!» и распевать «Дубинушку».

В начале ноября революционные учащиеся Харьковского университета выпустили прокламацию, в которой говорилось, что необходимо срывать монархические

манифестации, «ничего общего с патриотизмом не имеющие». Такие же воззвания были изданы в Киевском, Юрьевском и Казанском университетах [2].

Из этого можно сделать вывод, что попытки правительства стабилизировать ситуацию в студенческой среде введением реакционных законов и усилением контроля со стороны МВД за наиболее радикальными учащимися высшей школы привело к последствиям, обратным желаемому. Студенты стали одной из составляющих революционных сил в стране.

Список литературы

1. Вперед. Киев. 1899. № 5.
2. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 13. Д. 1358. Л. 1–2.
3. ГАРФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 459/209. Л. 7.
4. ГАРФ. Ф. ДП ОО. Д. 30. Ч. 20. Л. 10.
5. ГАРФ. Ф. ДП ОО. Д. 30. Ч. 124. Т. 8. Л. 56.
6. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. 392 с.
7. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в. Социально-политическая судьба. М., 1999. 414 с.
8. Искра. 1901. Декабрь. № 13.
9. Манифест «О незыблемости самодержавия» // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1881.htm.
10. Овчинников А. В. Культурно-исторический контекст политико-правового процесса в области образования в России // Пространство и время. 2014. № 1 (15). С. 153–160.
11. Спешков С. Ф. Из истории студенческого движения (Коноваловский конфликт). СПб., 1906. 851 с.

Артеменко И. А.[1]*,*
адвокат Адвокатской палаты
Краснодарского края

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ (XV–XVIII ВВ.)

Процесс утверждения самодержавия в XV в. оказывал двойственное влияние на профессиональное правосознание. Созданная Иваном III судебная система (в частности, суд наместников и волостелей) обеспечивал влияние центра и на правовую сферу жизни общества, однако совмещение административных, налоговых, полицейских и судебных функций, система самоснабжения за счет местного населения («кормление»), кратковременное пребывание в должности сдерживали процесс формирования правового профессионального правосознания судей на местах.

Судебная и земская реформы Ивана IV, приведшие к замене наместников и волостелей выборными представителями местного дворянства и посадских людей, способствовали, во-первых, усилению функции права как средства защиты прав местного населения, во-вторых, развитию профессионального правосознания лиц, осуществлявших правосудие. Однако чрезвычайные меры (опричнина), использовавшиеся верховной властью для утверждения самодержавия, реализации представлений монарха, что его власть над подданными безгранична («А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить…» [1, с. 26]), оказывали негативное влияние на развитие профессионального правосознания главы государства, осуществлявшего совместно с Боярской думой законодательные и судебные функции, в целом препятствовали утверждению принципа законности в правоприменительной деятельности.

Первичным источником правосознания монарха, осуществлявшего в том числе судебные полномочия, выступала религия, он понимал право как средство обеспечения религиозных установлений (известно даже высказывание Ивана Грозного стать царем правды), но в процессе осознания интересов самодержавной власти религиозные мировоззрения отходят на второй план. Во внесудебных расправах, которые грозный царь считал грехом и замаливал, проявлялись интересы установления единовластия.

Законодательство и судебная практика в XVII в., содействовавшие усилению самодержавной власти монарха, способствовали формированию этатизма как типа правосознания. Свидетельством его закрепления в отечественном праве является иерархия объектов правоохраны, содержащихся в Соборном Уложении 1649 г. Государство наряду с православной верой находится на вершине этой иерархии. Судебная практика реализовала концепцию доминирования интересов государства над интересами населения. Причем в период сословно-представительной монархии в России этатистские воззрения наполнялись новым содержанием – монарх, избранный Земским Собором, отождествлялся с государством. Деяния, направленные против жизни, чести и здоровья царя, закон и суд рассматривали как направленные против государства.

---

[1] © Артеменко И. А., 2023.

Судебная практика второй половины XVII в. и в профессиональном, и в обыденном правосознании способствовали закреплению представления, что жизнь и имущество не только обвиняемого в измене, но и его родственников находятся в полной власти главы государства. Законодательное закрепление дискреционной судебной власти монарха («как укажет государь») придавала его усмотрению при решении конкретного уголовного дела силу закона и тем самым затрудняло реализацию когнитивной функции правосознания судей.

В период сословно-представительной монархии на профессиональное правосознание стали воздействовать (в том числе, и посредством судебной практики) две тенденции, непосредственным образом способствовавшие дальнейшему усилению самодержавной власти главы государства. Первая из них заключалась в законодательном закреплении возрастающей единоличной власти главы государства – царя (особа монарха священна и неприкосновенна). Вторая тенденция состояла в ограничении законом произвола царя в отношении представителей элиты, обвиненных в измене. Чинившиеся ранее бессудные расправы над боярами и дворянами Иван IV обосновывал ссылками на традиции налагать опалы по своему усмотрению. «До сих пор русские властители, – утверждал он, – ни перед кем не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились ними ни перед кем» [1, с. 35]. Судебное дело боярина Шеина и другие аналогичные дела первой трети XVII в. указывали на стремление верховной власти использовать суд для устранения подлинных или мнимых ее противников. Анализ судебных дел позволяет утверждать, что судебная практика сыграла важную роль в формировании признаков измены как преступного деяния, в обеспечении их законодательного закрепления в Соборном Уложении 1649 г. Данным законодательным актом было подтверждено право монарха применять смертную казнь к представителям высшего сословия – боярства и дворянства, но только после судебного разбирательства.

В XVII в. отсутствие специального юридического образования, низкая профессиональная подготовка судей, совмещение полномочий управления и суда сдерживали развитие профессионального правосознания. И законодатель (монарх), и лица, осуществлявшие функции суда, лишь осмысливали и юридически оформляли признаки и составы преступлений. При отсутствии юридически оформленного понимания уголовной противоправности наказуемыми признавались всевозможные деяния, заслуживающие отрицательной оценки, а не запрещенные законом.

Регулярное государство (абсолютная монархия), созданное Петром I, и прежде всего государственная служба, нуждалось в правовой защите, что в свою очередь вызывало необходимость совершенствования понятийного аппарата, повышения уровня профессионального правосознания как законодателя, так и правоприменителя.

Начавшееся в XVIII в. становление системы образования, в том числе юридического, модернизация страны, сближение с Западом стимулировали эти процессы. Воинский Устав 1716 г. положил начало новому этапу эволюции профессионального правосознания в России. Воля монарха, выраженная в законе, постепенно утверждается в качестве доминанты ценностно-правовой ориентации

судей. Этому способствовала рецепция европейских правовых институтов и понятий.

Восприятие российским правом понятия преступления было обусловлено, во-первых, тем, что использовавшиеся понятия не охватывали все уголовные деяния, направленные против реорганизованного государства, и в первую очередь – государственной службы, между тем их виды и количество неуклонно росли. В частности, понятие «лихоимство», производное от понятия «лихое дело», обозначало лишь отдельные составы государственных преступлений, связанных со злоупотреблениями властью.

Во-вторых, начатая Петром I деперсонификация государства «сражайтесь не за Петра, а за отечество», признание его наряду с носителем верховной власти самостоятельным объектом правоохраны потребовало дальнейшей разработки целого ряда новых видов уголовно-наказуемых деяний. Кроме того, потребовало переосмысления известных ранее составов преступлений (например, измены), более глубокого понимания их правовой природы и социальной сущности.

Судебная практика и в первую очередь военные суды должны были способствовать единообразному пониманию преступления как деяния, нарушающего волю монарха и тем самым наносящего тяжкий вред государству.

Единство судебной практики обеспечивало толкование законодателем отдельных статей законов, специально созданная прокуратура, Сенат, постепенно институализировавшийся в высший судебный орган.

Начавшееся в XVIII в. сближение с Западом сформировало предпосылки для восприятия законодателем и учеными-юристами доктрины естественного права.

Во второй половине в XVIII в. этатизм, окончательно утвердившийся при Петре I в законодательстве и в судебной практике, был в определенной мере скорректирован в отношении дворянства. Манифест Петра III «О вольности дворянства», Наказ Екатерины II комиссии о составлении проекта Нового Уложения, ее Жалованная грамота дворянству явились правовой основой создания сословных судов, отказа от принципа, закрепленного Соборным Уложением 1649 г. о едином суде и расправе. Судебная практика второй половины XVIII в. сформировала в ценностно-правовой ориентации судей принцип незыблемости сословного характера прав, предоставленных подданным, и тем самым, использовала теорию естественного права для усиления и укрепления сословной структуры общества. Доктрина естественного права способствовала разграничению преступлению и проступка по их тяжести, стимулировала создание дворянского суда и освобождение дворян от телесных наказаний.

Список литературы

1. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Ленинград : Наука, 1979. 472 с.

2. Соборное уложение 1649 г. // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm.

3. Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», изданный 18 февраля 1762 г. Петром III. URL: https://diletant.media/articles/36127847.

4. Наказ Екатерины II комиссии о составлении проекта Нового Уложения. URL: http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/document_news/1sc-PZNBbgt.pdf.

5. Грамота Екатерины II на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 21 апреля 1785 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv_gram.htm.

Тонков Д. Е.[1],
помощник адвоката адвокатской фирмы
«ТонковЪ и Партнеры» (филиал ННО «ЛОКА»)

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАДИКАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА ДЛЯ РОССИИ

Для отечественной юриспруденции подходы радикального правового реализма в виде американского и скандинавского реалистических движений середины XX в., основными сторонниками которых являлись Карл Ллевеллин, Джером Фрэнк, Волтер Кук, Герман Олифант, Андерхил Мур, Феликс Коэн, Аксель Хэгерстрем, Вильгельм Лундштедт, Карл Оливекрона, Альф Росс и др. [1], представляются перспективными для поиска консенсуса при перманентном переосмыслении собственных подходов к пониманию права, что продуктивно возможно лишь на базе изучения всех достижений мировой философско-правовой мысли. Правовой реализм в его американском и скандинавском вариантах способствует развитию социологии права в России, понимаемой как междисциплинарное направление, объединяющее в себе «познавательные ресурсы юриспруденции как системы наук о социальной природе права и общей социологии как науки о закономерностях формирования, развития и функционирования общества» [2, с. 46–47]. Один из главных выводов из истории радикального правового реализма, применимый и для российской юриспруденции, заключается в том, что при несомненной пользе междисциплинарного научного обмена необходимо критически относиться к возможным методологическим и категориальным заимствованиям, которые могут приводить к теоретическим и практическим затруднениям, особенно в ситуации, когда осуществляющие исследования субъекты (как многие американские и скандинавские правовые реалисты) являются «просвещенными любителями» [3, p. 387] в смежных с юриспруденцией дисциплинах, например, социологии, психологии, антропологии, экономике и др.

Кроме того, опыт правового реализма полезен для совершенствования судебной системы, что является важнейшим фактором успешного социально-экономического и политико-правового развития страны [4, с. 107]. Особый интерес в этом плане представляет подход правовых реалистов к решению проблемы судебного (судейского) усмотрения, которая связана с основами права и существует не только в семье общего права, где судья исторически занимает более независимую роль по сравнению с судьями романо-германской, социалистической, религиозной и традиционной правовых семей [5, с. 39–48]. В настоящее время в России наличие судейского усмотрения, особенно в «трудных» делах, не вызывает сомнений, но встает вопрос о его границах или о так называемом «судейском активизме» и «судейском самоограничении»: «толкование правовой нормы всегда оставляет некоторое место для судейского усмотрения», но оно не может носить произвольного характера [6, с. 352].

Трактовка американского и скандинавского правового реализма как «социопсихологического» типа позитивистского правопонимания [1, с. 150] предопределяет

[1] © Тонков Д. Е., 2023.

интеллектуальную связь правового реализма с социологическими и психологическими подходами к праву в российской науке. «Эмпирическая научность» правового реализма явно коррелирует с социологией права, которая в России «исторически сформировалась как составная часть юридической науки и с самого начала была направлена как на приращение эмпирического знания о праве, так и на более углубленное осмысление понятия права. Из среды русских юристов вышла целая плеяда социологов с мировым именем: П. А. Сорокин, М. М. Ковалевский, Л. И. Петражицкий, Г. Д. Гурвич, Н. С. Тимашев и др.» [4, с. 99]. Более того, некоторые психологические теории представителей российской науки XX в. в настоящее время исследуются именно с реалистических позиций [7, с. 193–362]: в частности, растет число исследований, связывающих идеи психологической теории Л. И. Петражицкого и его сторонников (особенно М. Лазерсона и Е. Ланде) с позициями представителей, в основном, скандинавского правового реализма [1, с. 165].

Тем не менее до настоящего момента в России наблюдается недостаток масштабных юридико-социологических исследований, а интерес российских юристов к социологии права ограничивается главным образом изучением трудов классиков социологической мысли [4, с. 106]. Напротив, в США и странах Скандинавии уже в середине XX в. наблюдалась определенная система подобных исследований (с признанием лежащего в основе исследования, например, поведения судей в США, «реалистического» понимания права) [8]. Соответственно изучение американского и скандинавского направлений правового реализма, стремящихся увеличить «эмпирическую научность» юриспруденции, способствует развитию социологии права в России в ее современный период и дает стимул дальнейшим отечественным юридико-социологическим исследованиям в сфере правосудия.

В последние годы в отечественной юриспруденции серия масштабных эмпирических социологических исследований российской судебной системы и факторов, влияющих на вынесение судебных решений, проведена, в частности, Институтом проблем правоприменения в составе Европейского университета в Санкт-Петербурге [1, с. 166]. В них, среди прочего, обосновывается необходимость для судебной профессии, с одной стороны, общей внутренней ценностной мотивации (служения обществу и принятия этических обязательств) и, с другой стороны, эмоциональной нейтральности (непредвзятости) в конкретном деле [9, с. 9]. Результаты исследований показывают, что своей «главной миссией» российские судьи видят «обеспечение законности» (56,1 % респондентов), а не, например, «защиту прав граждан» (26,0 %), «обеспечение справедливости» (12,6 %), «защиту государственных интересов» (0,8 %) или «борьбу с правонарушениями» (0,5 %). Также было выявлено:

– судьи, специализирующиеся на уголовных делах, цель обеспечения справедливости ставят выше, чем защиту прав граждан;

– мужчины в два раза чаще женщин выбирали вариант «обеспечение справедливости» [9, с. 163–164].

Указанные исследования демонстрируют наличие существенных резервов совершенствования правосознания судей и повышения качества российского

судебного процесса. Очевидно, что для работы в этом направлении должны быть востребованы теоретические и практические наработки радикального правового реализма, которые до сих пор могут предложить новые идеи в том числе для обучения юридической профессии [7, с. 37–48].

Несомненное значение для современной России имеют исследования правовых реалистов в области участия лиц без юридического образования в судебном процессе. В частности, отечественная судебная система в схожий с расцветом американского и скандинавского правового реализма период XX в. имела опыт создания народных судов и широкого вовлечения рядовых граждан в отправление правосудия. Исследователями отмечается, что «суд народа мог позволить себе руководствоваться собственным усмотрением, а не нюансами законов и решений вышестоящих инстанций» [9, с. 15]. В условиях отсутствия устойчивых ценностных ориентиров у современных присяжных заседателей [10] и наблюдаемой в последнее время в России тенденцией к увеличению роли присяжных заседателей в судебном процессе, представляется целесообразным использовать наработки правовых реалистов в данной области. Среди прочего требуют дальнейших фундаментальных исследований причины низкого уровня оправдательных приговоров в российской судебной системе. В настоящий момент подобными причинами принято обозначать следующие:

– качественная работа правоохранительных органов;

– специфика российского уголовного процесса, при котором невиновные лица не доходят до стадии судебного разбирательства;

– риски отмены приговора вышестоящей инстанцией;

– обратная зависимость соотношения в судебной системе лиц с юридическим образованием и оправдательных приговоров; и др. [1, с. 167–168].

Следует отметить, что достижения американских и скандинавских правовых реалистов в бихевиористических исследованиях могут быть использованы не только в современности, когда технологические новации XXI в. «создали ситуацию сбора и хранения в автоматическом режиме огромных массивов данных («большие данные», или *«Big Data»*), радикальным образом меняя ситуацию в исследованиях человеческого поведения» [11, с. 49], но и в будущем, когда использование «больших данных» в юриспруденции, как и во всех сферах деятельности человека, значительно увеличится. Более того, в настоящий момент становится более насущным вопрос о применении искусственного интеллекта в отправлении правосудия (так называемые программы «предсказанного правосудия») [12], что также вовлекает социопсихологическую проблематику в юриспруденцию и подчеркивает необходимость тщательного изучения процесса вынесения судебного решения, чему в работах американских и скандинавских правовых реалистов уделено специальное внимание.

Список литературы

1. Тонков Д. Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М. : Юрлитинформ, 2021. 232 с.

2. Савенков А. Н., Жуков В. И. Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М. : Институт государства и права РАН, 2018. 408 с.

3. Twining W. Karl Llewellyn and the Realist Movement. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2012, XXXII, 632 p.

4. Лапаева В. В. Социология права в России: послесталинский, перестроечный и постсоциалистический периоды // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 98–112.

5. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1988. 496 с.

6. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М. : Норма, 1999. 376 с.

7. Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб. : Алетейя, 2022. 464 с.

8. Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М. : Наука, 1971. 374 с.

9. Российские судьи: социологическое исследование профессии : монография / [В. Волков и др.] ; под ред. В. Волкова. М. : Норма, 2015. 272 с.

10. Ефремова Н. Н. Судебные реформы в России: преемственность и обновление // Государство и право. 1996. № 11. С. 85–91.

11. Скугаревский Д. А., Титаев К. Д. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 48–58.

12. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79–87.

Вставский В. В.[1]*,*
адъюнкт Омской академии МВД России

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

На современном этапе государственно-правового развития оценка тех или иных юридических явлений не остается без внимания общества и отдельно взятого индивида. Общее состояние отношения людей к праву позволяет говорить о формировании правосознания. В теории государства и права под правосознанием принято понимать совокупность идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, в которых выражается отношение к праву, правовым явлениям, в том числе к действующему и желаемому праву, к деятельности юридических органов и учреждений, а также к действиям и поступкам, совершаемым в правовой сфере [1, с. 344]. Правосознание выступает не просто в роли внутреннего личностного регулятора правового поведения, но и распространяется на взаимоотношения с другими индивидами. Ежедневно, контактируя друг с другом в различных сферах, у людей возникают вопросы, разрешение которых не всегда регламентировано буквой закона. Если в сознании граждан отражаются проблемы в разных областях жизни человека и противоречия, которые существуют в законодательстве, тогда осознание этих пробелов и проблем, которые существуют в обществе, могут инициировать необходимость разработки правовых норм, которые будут эти проблемы решать. Это позволяет говорить о правосознании как о движущей силе образования права.

Выявлением факторов правообразования, в первую очередь, как явления социального, занимались видные мыслители России второй половины XIX – начала XX в., в тот момент, когда наука юриспруденции испытывала мощнейший подъем. С. А. Муромцев, например, был обеспокоен тем фактом, что в народном сознании сложилось ложное представление о правовом порядке как о консервативном образовании, которое не потерпит отступлений или изменений. «Будучи воспитаны в известных отношениях, привыкнув с самого детства видеть в нем нечто необходимое, неизбежное, существующее уже раньше них, люди не спрашивают, почему он существует. Он нужен, потому что существует, и существует, потому что нужен» [3, с. 532]. Многофакторный подход к праву, политика, экономика и культура, все эти и другие области с развитием человечества и с учетом закономерностей исторического процесса претерпевают определенные изменения, в результате чего появляется необходимость регулировать эти общественные отношения. А когда в правосознании человека происходит рефлексия по этому поводу, тогда может встать вопрос о создании новых норм права. Поэтому процесс складывания норм не мыслим в отдельности от правосознания людей. Обращаясь к вопросу о роли общественного сознания, в том числе правосознания, С. А. Муромцев убежден, что оно «прокладывает таким путем в область законодательства и правосудия путь тем новым началам жизни, которые намечаются

[1] © Вставский В. В., 2023.

им как основы будущего, в данный момент идеального склада отношений» [3, с. 539]. Появление новых норм связано с тем, что создатели теорий, концепций права, а не граждане понимают пробелы, появляющиеся в законах, и инициируют необходимость создания новых норм. Так в трудах ученого мы находим вид правосознания, названный сегодня научным.

Большой интерес в связи с рассматриваемой нами проблемой представляет концепция правосознания, предложенная Б. А. Кистяковским. Он не просто говорит о том, что «интеллигенция» не способна составить мнение о праве и выразить его в более-менее удобоваримой форме, поскольку не ценит его, что в немалой степени способствует возникновению проблем с образованием права, но и занимается поиском причин этого факта и способов его устранения. Автор признает научную форму правосознания и считает ее необходимым фактором в развитии правового поля. Главной причиной его отсутствия он считает пренебрежительное и потребительское отношение к праву со стороны «интеллигенции». Она «состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития» [3, с. 359]. Людям, стоящим у власти и создающим законы, необходимо, по мнению автора, заниматься юридической наукой, посредством которой они смогли бы вовремя рефлексировать на потребность в образовании права, а именно «правосознание нашей интеллигенции могло бы развиваться в связи с разработкой правовых идей в литературе» [3, с. 360].

Еще одной причиной «притупленности» правосознания Б. А. Кистяковский называет «отсутствие какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа» [3, с. 362]. Упорядоченность взаимоотношений людей возможна только с осознанием необходимости изменения существующих норм. Важным институтом, который должен быть создан в государстве во избежание данной проблемы и для трансляции законодателю отношения к праву народа, а также существующих проблем разного характера в повседневных взаимоотношениях людей, Б. А. Кистяковский признавал народное представительство, благодаря которому «вся деятельность современного государства регулируется правовыми нормами и подчиняется народному правосознанию» [2, с. 534]. Действительно, в многомиллионной стране невозможно учесть отношение каждого человека, в связи с чем объясняется необходимость в выборе народного представительства для выражения воли и мнения народа.

Таким образом, рассмотрев труды мыслителей России второй половины XIX – начала XX в., мы можем сделать вывод, что правосознание признается фактором правообразования. Ключевая роль отводится научному правосознанию, поскольку люди, занимающиеся наукой, способны корректно передать обществу нужные установки для формирования уже обыденного отношения к праву, что в целом является серьезным подспорьем в процессе складывания и закрепления

норм. В представлении ученых правосознание выступает регулятором общественных норм, более того – оно предшествует созданию и закреплению норм, устремляясь в будущее.

Список литературы

1. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. М., 2010. 510 с.
2. Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское). URL: http://kursach.com/biblio/0010017/000.htm.
3. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1998. 798 с.
4. Муромцев С. А. Право и справедливость. URL: ttps://lib.sale/politicheskoy-myisli-istoriya/muromtsev-pravo-spravedlivost-71530.html.

Хвостова А. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОГРАНИЧЕНИЕ КАК ИДЕЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

В общей теории права ограничение, как правило, изучается в качестве момента правовой реальности. Действительно, в процессе правового регулирования посредством ограничений оказывается коррекционное и мотивационное, положительное или отрицательное воздействие на процесс удовлетворения интересов личности, общества или государства. Однако важно принимать во внимание то, что такое воздействие становится возможным постольку, поскольку ограничение выступает также идеей правосознания, в значительной мере влияющей на восприятие человеком действующего права, оказывающей воздействие на выстраивание им отношений с другими людьми, определяющей мотивы и содержание правозначимого поведения.

Значимость идеи ограничения для правосознания обусловлена способностью последнего мыслить рационально, благодаря которой человек может разграничивать правовое и неправовое, различать право как свое и чужое, понимать неизбежность сокращения степени свободы индивида в условиях погруженности его в правовую реальность, а также соразмерять свои действия (бездействия) с установленными правом требованиями. Стоит отметить, что без подобного осмысления права последнее выступает как исключительно силовой регулятор, что непосредственно отражается на эффективности его действия. Однако действенность права не может обеспечиваться исключительно силой, а правовая жизнь не может представлять собой исключительно принудительный процесс.

Суть идеи ограничения в праве выражается в тезисе о том, что свобода не может быть абсолютной, поэтому для упорядочения ее реализации правом устанавливается определенная мера. Нельзя не согласиться с мнением о том, что «ничем не ограниченная свобода одного становится несвободой для другого» [8, с. 299]. Поэтому право ограничивает произвольное пользование свободой, запрещая при этом деятельность, нарушающую свободу других и противоречащую всеобщей свободе [9, с. 37]. Таким образом, идея ограничения правосознанием увязывается с мыслью об организации и поддержании порядка посредством установления для каждого из участников отношений меры допустимой для него свободы. В этой связи можно утверждать, что рассматриваемая идея непосредственно связана с идеями меры, свободы и порядка.

Однако не совсем верно было бы сводить идею ограничения к мысли о существовании границ свободы действующих в правовом поле лиц. В содержании идеи ограничения, помимо моментов, связанных с установлением пределов свободы, находят отражение представления о связи установления таких пределов с упорядочением общественных отношений [6, с. 238], нормальным функционированием общества и государства [2], обеспечением всеобщего блага, нормальным развитием и функционированием общества и государства [7].

---

[1] © Хвостова А. В., 2023.

Необходимо отметить, что, несмотря на универсальность идеи ограничения, ее имманентность правовому сознанию, она по-разному интерпретируется носителями правосознания различных типов ввиду того, что для них одни и те же моменты в содержании названной идеи имеют разную значимость.

В доктринальном правосознании в содержании идеи ограничения на первый план выступает то, что непосредственно связано со свободой и ее границами. В профессиональном правосознании установление ограничения воспринимается прежде всего как необходимое условие порядка. В фокусе внимания носителей массово-обыденного правосознания оказываются вопросы, связанные со справедливостью ограничений. Осознание последней основано на убежденности носителей обыденного правосознания в том, что свобода ограничивается в разумных и равных для всех пределах. Как верно отмечает В. М. Шафиров, «правовые ограничения объективно необходимы в разумных пределах» [11, с. 103]. Для профессионального сознания значимость приобретает тот аспект идеи правового ограничения, который связан с положительным отношением к ограничениям и практике их применения, осознанием их необходимости и полезности. Поскольку принцип формального равенства является центральным для доктринального правосознания [5, с. 26], то ключевую роль в осмыслении ограничений носителями такого правосознания играет мысль о равной для всех мере свободы.

Рассматривая ограничение как идею правосознания, необходимо уяснить характер связи идеи ограничения с идеями меры, свободы и порядка.

Идея меры значима там, где стоит задача определить рамки свободы участников правоотношений, поскольку свобода в правовом ее понимании немыслима в условиях хаоса. Реализация свободы при ее абсолютном характере приводит к беспорядку и многочисленным нарушениям свободы других лиц. Поэтому только посредством установления ограничения можно определить границы реализации свободы каждого и ту грань, где заканчивается свобода одного субъекта и начинается свобода другого. Придание действиям, связанным с реализацией свободы, организованности путем установления ограничений выступает условием порядка, отражающего качественное состояние общества и его правовой системы. Однако ограничения в данном случае не подразумевают, что в рамках правового поля субъекту доступен лишь один возможный вариант поведения, который и будет считаться реализацией свободы. Несмотря на установление для их поведения границ, субъекты права могут выбирать любые из возможных способов и средств реализации своей свободы, при условии, что они согласуются с предписываемыми правом моделями поведения. Отсутствие ограничений со стороны права само по себе свидетельствует не о наличии у человека множества вариантов и возможностей реализации свободы, а об отсутствии порядка – фактической неурегулированности социальных связей (которая может среди прочего привести к тому, что свобода субъекта окажется ущемленной ничем не сдерживаемыми посягательствами на нее со стороны других лиц).

Характеризуя ограничение как идею правосознания, необходимо отметить, что она выступает одной из базовых и универсальных для правового сознания идей, выражая природу права и проявляясь в каждом конкретном правовом явлении, процессе, акте или действии. Субъективное восприятие права людьми

невозможно без мысли об ограничении их свободы и поведения, потому как ограничение выступает неотъемлемым атрибутом права.

Помимо этого, ограничение как идея правосознания носит программный характер, поскольку включена в систему основных практических установок субъектов права. Действуя в правовом поле, субъект, как правило, не только принимает, но и осознает границы и условия, в рамках которых происходит реализация его интересов, а также берет на себя ответственность за выбор того правового инструментария, с помощью которого осуществляется реализация этих интересов. Стоит согласиться с мнением Г. М. Лановой, которая утверждает, что «в условиях действующего права свобода выражается в возможности сделать осознанный добровольный выбор в пользу предписываемого или разрешенного либо выбрать из предоставленных правом возможностей, оставаясь при этом в рамках дозволенного» [3, с. 55].

Рассматривая ограничение как идею правосознания, следует также отметить, что непосредственной формой освоения правовой действительности субъектами права являются притязания, которые связаны с ценностным компонентом правосознания правового существа. Как верно отмечает в своем диссертационном исследовании И. И. Мазуров, правопритязание предстает как «особый механизм, объективирующий содержание правосознания в реальных правоотношениях» [4, с. 12].

Можно предположить, что на уровне правосознания идея ограничения приобретает большое значение для формирования у субъектов права так называемой внутренней свободы, которая необходима для сознательного выбора того или иного варианта поведения и принятия человеком на себя ответственности за свои поступки. Внешняя свобода проявляется в непосредственной реализации субъектами права своих интересов, в осуществляемой ими деятельности. Переход внутренней свободы во внешнюю осуществляется через правопритязание, а именно через превращение притязания в право. Здесь важно иметь в виду, что притязание реализуется только при условии самоограничения, а последнее становится возможным именно в силу осознания человеком неизбежности ограничений в праве и его способности и готовности сообразовываться с установленными правом требованиями.

По справедливому замечанию В. Л. Карташова, в границах правосознания ограничение предстает как разнообразные субъективные детерминанты, которые должны быть выражены во внешних активных или пассивных, конклюдентных или иных деяниях человека [1, с. 177]. Таким образом, со значимостью идеи ограничения для правового сознания связано не только осознание необходимости ограничений в праве и добровольного подчинения им, но и надлежащая реализация субъектами права своих интересов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что идея ограничения имеет специфическое содержание, в правосознании ограничение предстает:

– как *зависимость свободы одного субъекта прав от свободы других.* Ограниченность свободы связана с тем, что свобода не может быть безграничной, поскольку в таком случае она перерастает в произвол, сопряженный с причинением вреда другим, т. е. нарушением их свободы;

– *инструмент упорядочения.* Ограничение ассоциируется с процессом упорядочения реализации свободы, а также общественных отношений в целом, при этом подразумевается, что упорядочение является условием нормального развития и функционирования общества и государства;

– *средство достижения справедливости.* В этом ключе ограничения воспринимаются как средства для наилучшего обеспечения справедливости в праве, которые, как верно отмечает И. М. Шапиро, призваны наиболее полно и эффективно удовлетворять интересы общества [10, с. 188]. Ограничение предполагает изменение масштаба свободы, но только в разумных пределах.

На основании вышесказанного можно констатировать, что идея ограничения выступает в качестве базовой идеи правосознания, непосредственно связанной с идеями меры, свободы и порядка. Ее значимость для правосознания обусловлена способностью последнего к рациональному осмыслению права. Идея ограничения отличается программным характером, так как она включена в систему основных практических установок субъектов права. Осознание неизбежности ограничения в праве лежит в основе внутреннего побуждения к самоограничению, которое в последующем обнаруживается в тех реальных отношениях, в какие субъект вступает для реализации своих притязаний.

Для наиболее полного понимания сущности ограничения как идеи правового сознания целесообразным представляется дальнейшее ее изучение в контексте связи с другими значимыми для субъекта права идеями. Уяснение характера связи, существующей между идеей ограничения и ограничением как средством правового регулирования требует рассмотрения проблем внутренней свободы и механизма формирования правомерного поведения субъектов права.

Список литературы

1. Карташов В. Л. Ограничения в праве и правовой системе общества: методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 175–179.

2. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / под ред. Б. А. Страшун. Т. 1–2. М., 1995.

3. Лановая Г. М. Идея свободы в правовой культуре современного российского общества // Правовая культура и правовая идеология российского общества : сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 57–62.

4. Мазуров И. И. Природа и содержание правопритязаний : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. 31 с.

5. Малахов В. П., Маилян С. С., Сигалов К. Е. Доктринальное правосознание: характерные признаки и выявление изменений // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 21–27.

6. Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.

7. Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник. М. : Проспект, 2010. 744 с.

8. Строганова Н. И. Свобода человека: философская и правовая категория // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 297–301.

9. Чашников В. А. Право как мера ограничения свободы // Образование и право. 2014. № 1–2. С. 203–204.

10. Шапиро И. М. Юридическое равенство, ограничения, льготы и привилегии в правовом регулировании // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 187–196.

11. Шафиров В. М. Проблема свободы и ограничений в праве: дискуссионные вопросы // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 98–103.

Самойлюк М. С.[1]*,*
преподаватель-методист отделения
планирования и контроля качества учебного процесса учебного отдела
Всероссийского института повышения квалификации
сотрудников МВД России

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ

Всестороннее изучение вопросов, касающихся связи правовой культуры общества и юридической техники, актуально для решения задач правоведения в современный период развития нашего государства. В последние годы в юридической науке появились работы, так или иначе затрагивающие эту сложную тему, однако многие проблемы до сих пор не получили своего решения и должны стать предметом теоретического анализа.

Для того чтобы понять, какое значение имеет правовая культура общества для юридической техники, какое отражение в ней находит, необходимо прежде всего уточнить содержание основных для рассматриваемой темы понятий, а именно понятий «правовая культура» и «юридическая техника».

Современные ученые-юристы дают множество различных определений понятия «правовая культура», но среди них нет ни одного общепризнанного. Это связано с тем, что в различных науках культура (без понимания которой невозможно определить правовую культуру) исследуется в разных аспектах, с применением специфического методологического инструментария; существование разных подходов к интерпретации культуры становится причиной появления разных подходов к пониманию правовой культуры. На множественность подходов к пониманию правовой культуры влияет и то, что сегодня в теории права выделяется достаточно много разновидностей правовой культуры: правовая культура должностных лиц, общества, человека, гражданина и т. д.

Разнообразие подходов к пониманию правовой культуры обусловливает множественность научных определений понятия «правовая культура». С. С. Алексеев говорит о правовой культуре как о состоянии правосознания и юридической практики, выражающей развитие права как социальной ценности, параллельно определяя взаимосвязь между правовой культурой и юридической практикой. Такой подход предполагает выделение в структуре правовой культуры трех основных элементов: психологического, поведенческого и идеологического [1, с. 35].

С. С. Алексеев подчеркивает, что, во-первых, правовая культура включает в себя интеллектуальный момент; во-вторых, правовая культура является началом законности. Это говорит нам о том, что необходимо не только изучать и понимать нормы права, но и соблюдать, уважать все его требования [1, с. 176]. Этим определяется существование связи между правовой культурой и юридической техникой.

По мнению М. Л. Давыдовой, юридическая техника – это система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых

---

[1] © Самойлюк М. С., 2023.

актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания [2, с. 380].

Теперь нам предстоит ответить на главный вопрос: какова роль правовой культуры общества в юридической технике и находит ли она в ней свое отражение?

Рассматривая роль правовой культуры общества в юридической технике, необходимо учитывать значимость для правового регулирования права, правосознания, закона, правопорядка, правовой деятельности. Все перечисленные элементы взаимосвязаны и образуют единую систему средств воздействия на общественные отношения, все они так или иначе связаны с правовой культурой. Поэтому существует необходимость в постоянном повышении уровня правовой культуры общества и отдельно взятого гражданина, а решение данной задачи приводит к улучшению качества издаваемых нормативно-правовых актов, в том числе способствует их юридико-техническому совершенствованию.

Уже в силу названного обстоятельства юридическая техника подвержена влиянию правовой культуры. Однако между правовой культурой и юридической техникой имеется и другая, менее очевидная связь. Особенности культурного развития общества находят отражение в развитии всех элементов правовой системы государства, и юридическая техника становится отражением правовой культуры общества, поскольку связана с названными элементами.

Процесс специализации юридической техники обуславливается формированием и совершенствованием культуры законодательства, в том числе использованием все более разнообразных и все более эффективных средств и технологий правотворчества. Совершенствование культуры законодательства, в свою очередь, является частью процесса совершенствования правовой культуры общества.

Главное, что определяет стиль правотворческой деятельности, состоит в том, чтобы, с одной стороны обеспечить сочетание доступности и убедительности издаваемых норм, а с другой стороны – их точности, определенности и высокой правовой культуры. При формулировании нормы права одним из средств точного и определенного словесного выражения ее содержания выступает специальная юридическая терминология, без которой сложно выразить мысль законодателя и помогает законодателю сделать текст нормативного правового акта более емким. Грамотное применение законодателем юридической терминологии является показателем высокой правовой культуры общества. Таким образом, по уровню юридической техники правотворчества можно судить о правовой культуре общества.

В то же время, зная особенности правовой культуры общества, можно рассуждать об уровне характерной для его правовой системы юридической техники. Юридическая техника в первую очередь затрагивает вопросы юридической терминологии, построения юридических конструкций, изложения и систематизации нормативно-правовых актов, особенности правовой культуры общества влияют на характеристику каждого из перечисленных компонентов юридической техники. Следовательно, об их особенностях можно узнать, зная специфику правовой культуры общества.

Проблемным моментом является то, что отражение правовой культуры общества в юридической технике не всегда учитывается учеными и юристами-

практиками, следствием этого является недостаточное внимание к культурно обусловленным факторам, влияющим на качественное применение инструментария юридической техники. Поскольку юридическая техника отражает в себе правовую культуру, нужно учитывать все нюансы последней в процессе применения приемов, средств и правил юридической техники: при разработке проектов нормативно-правовых актов, в процессе их систематизации и интерпретации, а также в правоприменительной деятельности.

Повышение качества юридической техники в свою очередь может являться действенным способом повлиять на правовую культуру граждан. Недостаточно ответственный подход к подготовке нормативно-правовых актов, невнимание к культурно обусловленным требованиям и инструментам юридической техники лишают создаваемый нормативный акт не только способности эффективно регулировать общественные отношения, но и выполнять воспитательную и идеологическую функции.

Таким образом, юридическая техника и правовая культура общества неразрывно связаны между собой. Вне зависимости от характеристик правовой культуры она неизменно находит отражение в юридической технике. По уровню юридической техники можно судить о правовой культуре общества, а по особенностям правовой культуры общества – об уровне юридической техники. Отражение правовой культуры общества в юридической технике предопределяет необходимость соблюдения при подготовке законопроектов и на других этапах правотворческой деятельности культурно обусловленных требований юридической техники. Высокая культура юридической техники является залогом качества принимаемых нормативных правовых актов, а в дальнейшем – их верной интерпретации и точного применения. Повышение уровня юридической техники правотворчества значимо для решения государством задач, связанных с воспитанием.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966. 187 с.

2. Давыдова М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. Волгоград, 2010. 408 с.

Напольских И. М.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ В АНГЛИЙСКОМ ПРАВЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

На сегодняшний день имеется тенденция разделять право и мораль как две отличающиеся друг от друга категории. Поиск различий между отдельным феноменами безусловно позволяет лучше уяснить их сущность. В то же время мы не можем упускать важнейший фактор, который их объединяет – единую природу.

Как отмечает К. Е. Сигалов, моральный аспект присутствует во всех сферах отношений между людьми – от индивидуальных до межцивилизационных, регулирует отношения как на межличностном, так и на общечеловеческом уровне [3].

Мораль и право имеют не государственную, а общественную природу. Мораль, как и право, представляет собой социальную значимость и ориентирует в выборе ценностей. Причем в данном контексте можно наблюдать, как правовые ценности трансформируются в моральные, и наоборот, а также находятся в непосредственной взаимосвязи друг с другом.

Наиболее ярко эту взаимосвязь можно проиллюстрировать, обратившись к содержанию уже имеющегося опыта, отраженного на страницах истории. Изучение истории дает возможность увидеть пути, приведшие общество в ту или иную точку, и обозначить возможности, которые прежде не представлялись очевидными [4]. Историко-правовой анализ показывает, что право демонстрирует значительное количество примеров морального компонента, одним из которых является английское право справедливости.

Обозначим, что английское право справедливости представляет собой систему руководящих установлений, обозначенных в традиции общего права Англии XIV в. Его возникновение и развитие связано с чрезмерным формализмом, преобладавшим в общих судах, который существенным образом осложнял доступ граждан к правосудию. Для исправления сложившейся ситуации была предусмотрена возможность обращения в королевский суд, где дела фактически рассматривались лордом-канцлером. Решения выносились исходя из его личного понимания справедливости. В данном вопросе, как правило, применялся индивидуальный подход, прецедент использовался крайне редко. Право справедливости было тесно связано с идеей милости, поэтому принятие того или иного решения имело субъективный характер и осуществлялось в результате изучения особенностей дела.

Следует учитывать, что субъективность решения связана в том числе с субъективностью самой справедливости, которая, по замечанию В. П. Малахова, не ограничивается «чисто нравственными аспектами и всегда рассматривается более конкретно во взаимосвязи с правовым, социально-экономическим и идеологическим смыслом» [1]. К тому же стоит подчеркнуть, что установление справедливости не сводится к логическим процедурам. Применительно к праву

[1] © Напольских И. М., 2023.

справедливости это позволяет говорить об особом механизме принятия решения, который связан с интенцией лица, которое выносит вердикт.

Нами была поставлена задача рассмотреть, каким образом в английском праве справедливости проявлялся феномен доверия. На наш взгляд, в данном вопросе следует избрать двусторонний подход, который разграничивается в зависимости от субъектов доверия. То есть, с одной стороны, речь идет о субъектах принятия решения, а с другой – о лицах, которые обращались в суды справедливости.

Прежде всего следует установить, каким образом категории справедливости и доверия связаны между собой.

Во-первых, доверие и справедливость связаны с интенцией, индивидуальным отношением и интерпретацией лица относительно того или иного аспекта социальной действительности. Они имеют субъективный и оценочный характер.

Во-вторых, могут быть представлены как правовые, так и моральные категории.

В-третьих, имеют общую природу, которая находится в плоскости человеческой культуры.

В-четвертых, имеют под собой определенные модели «должного», которые формируются под воздействием руководящих социальных установлений.

В-четвертых, если мы говорим о противоположных феноменах, а именно недоверии и несправедливости, мы имеем в виду не простое отсутствие справедливости и доверия, а отмечаем наличие качества противоположного свойства.

В-пятых, рассматривая данные феномены в праве, можно отметить привнесение морального компонента в сферу правовой действительности.

На наш взгляд, обозначенное выше двустороннее рассмотрение доверия в праве справедливости следует начать с тех лиц, которые данный механизм использовали. Представляется, что само использование данной возможности являлось демонстрацией доверия власти и тому правовому механизму, которым должно было разрешаться дело. Учитывая, что число обращений в суд справедливости было значительным, можно говорить о высоком институциональном и системном доверии в английском средневековом обществе.

В то же время отметим, что, когда мы говорим о современном доверии к праву, предполагается наличие определенных оснований (гарантий) реализации ожидаемых моделей поведения. Когда мы рассматриваем право Средневековья, стоит учитывать присутствие веры в божественное происхождение власти и, как следствие, в святость установлений, от нее исходящих. Высокая значимость сакрального элемента в праве изучаемого периода обусловливает сложность разграничения категорий веры и доверия к праву.

Что касается рассмотрения доверия в праве справедливости со стороны субъектов принятия решения, то, на наш взгляд, в данном случае доверие выполняло инструментальную ценность.

Стоит отметить, что английское право справедливости оказало влияние на современное право, в частности, что оно лежит в основе формирования института доверительной собственности. Примечательно, что развитие данный институт получил не только в странах общего права, но и в государствах романо-германской правовой семьи. В то же время, данное право лежало в основе формирования отношения социума к суду как к источнику справедливости, где значение доверия

является значительным. Доверие к суду играет существенную роль в сохранении внутригосударственной стабильности, формировании высокого уровня доверия к власти в целом, способствует повышению эффективности рассмотрения судебных дел [2].

Таким образом, сложно отрицать наличие различных проявлений доверия в праве. О нем можно говорить как о правовой категории или как о феномене, приносящем в право моральный компонент. При этом необходимо признать, что присутствие доверия в праве не является обстоятельством, характеризующим исключительно современный этап его развития. Оно проявилось значительно раньше, в частности, в английском праве справедливости, где обладало как собственной, так и инструментальной ценностью. Доверие также способствовало возникновению и развитию института доверительной собственности, в то же время оно стало важным элементом эффективного функционирования судебной системы.

Список литературы

1. Малахов В. П. Философия права : учебное пособие. Екатеринбург, 2002. 230 с.

2. Савкина М. А. Доверие граждан к правосудию: состояние и перспективы // Вестник ННГУ. 2013. № 6-1. С. 317–320.

3. Сигалов К. Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 12–15.

4. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2019. 496 с.

Рудакова О. Н.[1]*,*
адъюнкт Академии управления МВД России

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ»

Современный этап государственно-правового развития оказывает значительное влияние на ценности Конституции в целом и естественные права в частности. Существует необходимость в осмыслении противоречий, возникающих при появлении новых и смешении старых форм конституционно-правовой действительности.

Особого внимания заслуживает реализация естественных прав человека на современном этапе развития, так как именно они находятся в центре всех социальных ценностей, занимая степень высшей ценности. Сложность заключается в неподготовленности к грядущим ситуациям. Не подготовленность проявляется в практике конституционного правосудия, которое опирается на не четко сформулированные понятия. Возникают сложности в понимании, на первый взгляд, очевидных понятий у общества, исполнительной, законодательной и судебной власти.

Противоречивые научно-теоретические представления складываются о конституционных параметрах ценностной модели.

Ценности пронизывают все сферы жизни человека и определяют его предпочтения, интересы и ориентиры. Еще Протагор говорил, что мерилом всех вещей является человек. Более позднее утверждение евромарксистов, что человек представляет собой высшую ценность, нашло свое закрепление на конституционном уровне многих стран. Не стала исключением и Конституция Российской Федерации: в ч. 1 ст. 2 провозглашено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1].

Однако в специальной литературе четко определенного перечня общечеловеческих ценностей нет. Ученые вплоть до настоящего времени пытались сформулировать его, но к единому мнению так и не пришли. К примеру, по мнению М. М. Утяшева, существует следующая иерархия человеческих ценностей: человек и жизнь, свобода личности, равноправие, справедливость [11, с. 20]. В свою очередь В. Н. Жуков иначе определяет минимальный перечень человеческих ценностей: жизнь, здоровье, безопасность и порядок [4, с. 22], а Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин считают общечеловеческими ценностями квинтэссенцию мнения, выраженного обществом [13]. С. С. Оганесян объясняет это обстоятельство тем, что невозможно представить сформированный перечень ценностей, не соотнося его с определенной исторической эпохой. Даже такие важные для человека понятия, как «жизнь», «добро» и «зло», в разные времена отнюдь не совпадали по смысловому содержанию [8].

В связи с этим возникают сложности в формулировании определения «конституционных ценностей» в специальном словаре. Даже несмотря на мировое признание и активное использование в процессе толкования конституционных норм, официального закрепления термина «конституционных ценностей» в законодательстве также нет.

---

[1] © Рудакова О. Н., 2023.

Учеными лишь предпринимаются попытки дать определение данной категории. Например, О. А. Снежко под конституционными ценностями подразумевает основные, обобщенные принципы, лежащие в основе государственности [10, с. 13]. В. И. Крусс подразумевает под данной категорией систему средств и механизмов конституционного упорядочивания жизни общества [6, с. 183]. В. А. Четвернин рассматривает их как принципы, закрепленные в Основном законе, основные «нормо-цели», на которые ориентируется государство, и «нормы-принципы», под которыми подразумевается подчинение органов исполнительной, законодательной и судебной власти [10, с. 124], а Г. Б. Ройзман считает, что конституционные ценности – это система в которую входят универсальные и приоритетные принципы, закрепленные в Конституции и основанные на деятельности конституционных судебных органов, обеспечивающие развитие субъекта, социума и власти на основе интересов общества и государства [9].

Как видно, единого мнения в интерпретации термина «конституционные ценности» нет.

Причина такого разночтения очевидна и автором изложена выше. Именно поэтому до настоящего времени отсутствует однозначность естественно-правового подхода к правам человека как к конституционным ценностям. Теория естественного права до настоящего времени провоцирует дискуссии в юридической науке. На наш взгляд, это происходит потому, что естественные права:

– неоднозначно воспринимаются и конституализируются у разных народов в разные эпохи;

– находятся под постоянным воздействием процессов глобализации;

– являются непостоянной категорией, находящейся под влиянием социальных, культурных, политических и экономических отношений.

Указанные факторы, а также непрерывный процесс развития человеческого общества и усложнение общественных отношений провоцируют появление новых прав. В связи с чем установленный перечень естественных прав (право на жизнь, свободу, безопасность, собственность, физическую и психическую неприкосновенность, достоинство личности, личную и семейную тайну) является не окончательным и подлежит дополнению, что предусмотрено в ст. 55 Конституции Российской Федерации, в которой утверждается возможность присоединить «другие общепризнанные права человека» [1], которые в настоящее время активно обсуждаются, где новые естественные права воспринимаются как необходимость защиты и безопасности человека, проживающего в новой эпохе развития. К новым естественным правам относятся: информационные, соматические, право на забвение и др. Предполагается, что эти естественные права далеко не последние; в зависимости от этапа исторического развития человечества будет изменяться сущность прав, дополняться их перечень.

Таким образом, чтобы процесс эволюции естественных прав протекал с опорой на социальные аспекты, учет традиционных ценностей, с уважением прав и достоинств человека, культурной самобытности и автономии, необходимо сформировать некую общую систему ценностей, которая будет коррелироваться в процессе необратимых интеграционных процессов, характерных для мировосприятия определенной исторической эпохи.

На современном этапе одним из основных векторов государственного развития является охрана и защита ценностей многонационального народа, сохранение его целостности и индивидуальности. Реализация данного аспекта возможна при законодательстве, отвечающем критериям ясности, прозрачности, доходчивости и устойчивости, не порождающем противоречивую правоприменительную практику.

Данное направление нашло свою реализацию в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В п. 5 настоящего Указа четко определен перечень традиционных ценностей, однако в п. 32 прописано, что они подлежат корректировке, в случае необходимости, «не реже одного раза в шесть лет» [2].

Представляется необходимым рассмотреть вопрос о терминологии «конституционных ценностей» и «естественных прав», закрепив их в Основном законе для однозначного восприятия и трактовки данных категорий, зафиксировав возможность корректировки в зависимости от проживаемой социумом эпохи, которая будет накладывать отпечаток на осмысление проблем человека глобального характера, в частности, естественных прав.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906.

3. Политология : учебник для студентов высших учебных заведений / [В. К. Батурин и др.]. М. : Юнити-Дана, 2012. 567 с.

4. Жуков В. Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. 2009. № 6. С. 20–31.

5. Клочкова Ю. А. Влияние современной конвергенции на политико-правовые институты: теоретико-методологический анализ правового и политического взаимодействия // История государства и права. 2012. № 13. С. 1–5.

6. Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М. : Норма, 2007. 752 с.

7. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга : становление человека печатающего. М., 2005. 495 с.

8. Оганесян С. С. О понятии «Общечеловеческие ценности» в современном мире // Ценности и смыслы. 2019. № 5. С. 82–94.

9. Ройзман Г. Б. Понятие и юридическая природа конституционных ценностей // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (255). С. 18–24.

10. Снежко О. А. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2. С. 12–16.

11. Утяшев М. М. Права и свободы человека в системе общечеловеческих ценностей // Вестник Башкирского университета. 2009. № 3-1. С. 1244–1250.

12. Четвернин В. А. Конституция Российской Федерации : проблемный комментарий. М. : Центр конституционного исследования Московского общественного научного фонда, 1997. 702 с.

13. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М. : Норма, 2005. 319 с.

Кузюкова А. Н.[1]*,*
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Сучкова М. В.****,*
старший преподаватель
кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИНСТИТУТ СЕМЬИ И БРАКА В СССР, ЕГО ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ

Наше государство чтит подвиг солдат Красной армии и советского народа в Великой Отечественной войне, ежегодно чествует Победу над нацистской Германией. Великая Отечественная война остается в нашей памяти как трудное, кровопролитное время, однако и тогда, как и в мирное время, заключались браки и рождались дети. Интересно рассмотреть эволюцию взглядов граждан СССР на институт семьи и брака на протяжении всего советского времени.

Брак – один из старейших общественных институтов, признаваемый обществом союз между супругами с целью создания семьи, который упорядочивает межличностные отношения и порождает взаимные права и обязанности. Конкретные принципы регулирования брака зависят от исторической эпохи, от религиозных верований и культурных стереотипов.

В период 1920–1940 гг. браком признавался союз мужчины и женщины, зарегистрированный при соблюдении определенных условий в отделах записи актов гражданского состояния. Главной целью брака являлось создание семьи. Мужчина, как правило, являлся кормильцем и главой семьи, а женщина, в свою очередь, была хранительницей домашнего очага и помощницей супруга, ее главной ролью было рождение и воспитание детей. Несомненно, имела место экономическая зависимость женщины и детей от супруга, но в то же время были четко закреплены мужские и женские обязанности. Для вступления в брак был установлен 18-летний возраст.

Главными условиями, при которых советские граждане могли официально зарегистрировать свой союз, являлись достижение брачного возраста, добровольное взаимное согласие, отсутствие близкого родства между брачующимися, отсутствие у кого-либо из них зарегистрированного брака. Процедура регистрации супружества включала в себя явку брачующихся в отдел записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС) с заявлением и паспортами, где проставлялись штампы и ставились автографы супругов. В отделах ЗАГС так же осуществлялась регистрация рождения и смерти граждан.

В октябре 1934 г. был обнародован законодательный декрет «О порядке регистрации актов гражданского состояния» [1]. Отделы ЗАГС стали располагаться

---

[1] © Кузюкова А. Н., 2023.

в зданиях местных отделов милиции, поэтому торжественности церемонии бракосочетания это не прибавило. Атмосфера внутри помещения также была напряженной, сама официальная брачная церемония отличалась сдержанностью и простотой. «Ни кольцо, ни подвенечное платье, ни фата, ни особый наряд жениха, ни свадебное застолье не являлись обязательными признаками официальной церемонии бракосочетания», – пишет доктор исторических наук Н. Б. Лебина в своей книге «Советская повседневность» [2].

Регистрация брака представлялось не как духовное, праздничное событие в жизни супругов, а как официальное мероприятие, которое несло исключительно общественно-политический характер, ведь семья воспринималась как ячейка общества, часть большого и дружного коллектива единомышленников – строителей нового коммунистического общества.

Свадебной моды в СССР тогда тоже не существовало, она начала складываться уже после войны. Платья, которые надевали на бракосочетание, по старинке назывались подвенечными, а не свадебными. Но так как венчание в церкви было отменено после революции 1917 г., то светлые, а чаще всего белые платья, существовали только в 1921–1928 гг. Но уже в 1929 г. такие платья стали все реже появляться на прилавках магазинов, а вскоре их вовсе перестали шить. Да и при всем желании мало кто в 30-е гг. мог позволить себе такое платье, будущие супруги одевались только в то, что могли себе позволить. Не было обыкновением и носить золотые обручальные кольца, это считалось пережитком прошлого.

В годы войны отделы ЗАГС не прекращали свою работу. В 1941 г было сыграно около 610 тысяч свадеб, практически вполовину меньше в сравнении с 1940 г. Но даже в голод и разруху советские граждане мечтали о личном счастье. В военные годы молодожены не думали о нарядах, женились и выходили замуж в военной форме, дополняя свой наряд разве что небольшой бутоньеркой. Соблюдались условия взаимного согласия, брачный возраст был установлен для мужчин 25–27 лет, для женщин – 19–23 года. За регистрацию брака взималась твердая пошлина – 15 руб. Застолье было номинальным: бутылка спирта, хлеб, вода. Поцеловались – вот и свадьба. Однако даже несмотря на это, люди пытались создать атмосферу праздника: приглашали друзей, устраивали танцы, играли на музыкальных инструментах. «Кругом все грохотало. А нам было весело: мы шли на свадьбу. Вспышки от взрывов в какой-то мере освещали нам путь», – писал в своих мемуарах актер театра и кино Анатолий Королькевич.

Заключение брака могло происходить и вне отделов ЗАГС – на поле боя, в захваченных немецких управах, в храмах. Советскими судами, разумеется, признавались браки, заключенные в партизанских отрядах, так как в зоне боевых действий не было отделов ЗАГС. Брачующихся «расписывал» командир в присутствии свидетелей и при соблюдении формальностей.

За годы войны на фронт было призвано около 34 476 700 мужчин, что поставило под угрозу институт семьи и брака. После войны Советский Союз оказался на грани демографической катастрофы, процент мужского населения значительно снизился. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ о поддержке многодетных семей, беременных женщин, для поощрения рождаемости в стране было утверждено звание «Мать-героиня». В победном 1945 г. было

сыграно уже более миллиона свадеб – мужчины возвращались с фронта, женщины ждали встречи с ними.

Время было бедное, поэтому сразу после войны ограничивались только регистрацией в отделах ЗАГС, которая на стоила на тот момент 1,5 руб. О кольцах в те годы никто и не мечтал, в семье не было средств для таких дорогих покупок. Практически невозможно было и купить свадебную одежду. Порой на церемонию свадьбы женщина шла в одолженных ею подругой туфлях, платье, часах – все это было тогда предметом роскоши. И мало кого волновало, что на свадебном фото невеста была в чужих часах, главное, что люди были счастливы.

При отделах ЗАГС работали государственные фотографы, которые за символические деньги делали 2–3 снимка. Большой удачей считалось, если фотограф отыскивался среди знакомых или близких.

С конца 50-х гг. начала возрождаться традиция свадебных платьев. Они были широкие и пышные, стоили дорого, немногие женщины могли себе позволить их. Поэтому шили себе платья сами, но не белые, а такие, которое могли потом надеть на прогулку, день рождения, для похода в гости или в кино. В отделы ЗАГС ехали на «Волгах», «Москвичах», «Запорожцах». Автомобили украшали куклами, кольцами, атласными лентами и разноцветными шарами.

Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1960 г. предписывало «повысить культуру в работе регистрации актов гражданского состояния, обеспечить отделы ЗАГС надлежащими помещениями, инвентарем, создать необходимые условия и удобства для посетителей» [3]. Чтобы регистрация брака была праздничной, стали строить Дворцы бракосочетания – специальные богато украшенные здания, которые предназначались для регистрации брака в торжественной обстановке. В СССР первый Дворец бракосочетания был открыт 1 ноября 1959 г. в Ленинграде, в 1961 г. – в Москве. Внушительные очереди желающих выстраивались с самого утра, хотя регистрация брака проводилась ежедневно.

В начале 60-х гг. установились определенные правила проведения церемонии бракосочетания. Стало принято приходить на торжество с подарками. Невеста должна была быть с цветами, иногда цветы были и у свидетельницы. Церемония бракосочетания становилась более многолюдной и торжественной.

Многие браки, заключенные в военное время, продлились долгие годы. Это объяснимо: на войне сложно лукавить, на войне нельзя сомневаться. И в чувствах, и в принятых решениях. Тогда нельзя было «попробовать» жить в браке, набросать, как черновик, семейную жизнь. Как правило – один раз и на всю жизнь.

Наши культурные ценности и богатые свадебные традиции живы и в наши дни, их чтут, хранят, передавая из поколения в поколение.

Список литературы

1. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1960 г. «О работе органов гражданского состояния в РСФСР» // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5550.htm.

2. Инструкция НКВД СССР от 9 декабря 1934 г. № б/н // URL: ttps://www.glavbukh.ru/npd/edoc/97_472570.

3. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии, 1920–1930-е гг. СПб., 1999. 320 с.

4. Шаповалова Я. А. Советская свадебная обрядность в 1950–1980-х гг. Традиции и новации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 354–359.

Леонова Е. Р.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ТРАДИЦИОННЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В соответствии со ст. 1 Конституции Российская Федерация является правовым государством. Существование правового государства, в основании функционирования которого лежит принцип верховенства закона, невозможно без развитого правосознания.

Правосознание – одна из форм общественного сознания, определяющего поведение человека как члена общества. Все чаще в научной литературе встречается мнение, согласно которому правосознание теснейшим образом связано с нравственным сознанием. Так, Ю. А. Курбатова отмечала, что именно нравственные ориентиры, представления о добре, зле и справедливости в большинстве случает лежат в основе формирования не только нравственного сознания, но и правосознания [7, с. 128]. Ряд исследователей утверждает, что нравственность личности и вовсе является внутренним ограничителем правосознания [5, с. 33]. Анализ указанных научных трудов позволяет прийти к следующему выводу: уровень правосознания напрямую зависит от нравственного сознания, иначе говоря, чем выше уровень нравственного сознания, тем более сформированным является правосознание.

Критерии оценки уровня правосознания общества и его нравственного сознания разнообразны. Вместе с тем полагаем, что наиболее показательно их состояние отражает состояние преступности в стране. Опираясь на статистические данные, можно сделать выводы о структуре преступности, о типичных мотивах, причинах и условиях совершения преступлений, а затем – об особенностях сознания самих преступников.

К сожалению, на протяжении нескольких лет уровень преступности в Российской Федерации остается высоким [8].

В основном это преступления против собственности и против личности, последние включают убийства, изнасилования, умышленное причинение вреда здоровью и т. д. Так, например, в январе – октябре 2022 г. с 57,8 % до 62,5 % увеличился удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В этом же периоде 2,8 % зарегистрированных преступлений совершено несовершеннолетними либо при их соучастии, 24,5 % – лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения [8].

С чем же связано то, что на протяжении нескольких лет уровень преступности в Российской Федерации остается высоким? На наш взгляд, это прямой результат уменьшения числа самозапретов, ослабления самоконтроля, акцентирования внимания на физиологических и материальных, а не духовных потребностях.

---

[1] © Леонова Е. Р., 2023.

Трансформация российского общества, происходящая во всех сферах его жизнедеятельности, привела к духовно-нравственному кризису. Указанное неоднократно подчеркивал Президент Российской Федерации в своих выступлениях. По его мнению, «человечество… столкнулось с утратой, размыванием нравственных ценностей, потерей ориентиров… Такой кризис… требует переоценки приоритетов и переосмысления целей, и начинать нужно с себя, с каждого человека, сообществ, с государств, а уже потом бороться за мировое устройство» [9].

Именно нравственные ценности, об утрате которых говорит Президент Российской Федерации, не только являются внутренним ограничителем правосознания, но и лежат в его основе. Процесс формирования нравственных ценностей народа обусловлен типом цивилизации, к которому он принадлежит и который отражает ментальность нации. Российское общество относится к цивилизации евразийского типа, и в этой связи российскому общественному сознанию свойственны коллективизм, патриотизм, взаимопомощь, открытость, духовность. Указанное подтверждается трудами, посвященными российскому правовому менталитету, в частности, исследованием Р. С. Байниязова [3, с. 32–33].

В российском правовом менталитете, оказывающем влияние на формирование правосознания российского общества, прослеживается доминирование морально-нравственных ценностей и установок над формально-правовыми, что обосновывает значимость развития нравственного сознания на основе традиционных духовных ценностей, о чем свидетельствуют не только прикладные социологические исследования конца XX – начала XXI в., но и анализ научных трудов современных ученых [4, с. 56]. Вместе с тем геополитическая обстановка, сложившаяся в настоящий момент, диктует необходимость принятия государством мер, направленных на формирование у членов российского общества чувства взаимосвязанности и единства, а также правосознания, основанного на традиционных ценностях, сложившихся в процессе становления российской государственности.

Общество, знающее и уважающее закон, противодействующее правонарушениям и преступлениям, различным деформациям правосознания, является целью правового воспитания, достижение этого возможно лишь при наличии у каждого отдельного индивида высоких нравственных идеалов, отражающих традиционные ценности общества.

Закономерной реакцией на существующие в правовом поле проблемы стал Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Данный нормативный правовой акт закрепил, что к традиционным ценностям относится жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Сегодня перечисленные традиционные ценности, по природе являющиеся нравственными, рассматриваются в Российской Федерации в качестве основы

российского общества, позволяющей защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала.

Таким образом, в настоящее время актуален вопрос формирования правосознания российского общества, основанного именно на традиционных ценностях, являющихся базисом российского общества, а также объединяющих граждан. Это позволит привести к исполнению закона из чувства причастности к общему делу, уважения к правовым нормам.

Очевидно, что правосознание российского общества складывается из правосознания граждан страны. Правосознание не принадлежит человеку с момента рождения. Формирование правосознания – длительный процесс, на который оказывают влияние внешние и внутренние факторы, к последним относятся устоявшиеся представления человека об основополагающих ценностях, добре и зле, хорошем и плохом и т. п. Указанные представления вырабатываются под влиянием доминирующих в обществе нравственных идей и ценностей.

Семья является первичным институтом социализации человека, в этой связи закономерно отнесение законодателем крепкой семьи к традиционным ценностям российского общества вследствие опасений по поводу изменений в системе ценностей, ответственной за которые является семья. В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан одним из факторов, оказывающих влияние на формирование позитивного типа правосознания, назван характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей. Именно на семью возложены обязанности по воспитанию у детей заботливого отношения к общественному достоянию, привитию им уважения к закону, непрерывному разъяснению установленных в обществе образцов поведения.

Подрастающее поколение – будущее любого государства, Россия не является исключением. В связи с этим ослабление родительской семьи как социального института, обеспечивающего интеллектуальное и нравственное развитие детей и подростков [2, с. 20], негативно сказывается на правосознании детей отдельно взятых семей, а в последующем приводит к деформации правосознания российского общества в целом.

Чаще всего от нарушения законодательства подростков удерживает именно сложившееся отношение к закону в семье, выраженное в бессознательном законопослушном поведении. Также сдерживающими факторами, оказывающими влияние на поведение молодежи, выступают совесть либо чувство стыда перед родными и близкими [6, с. 55].

Из вышесказанного следует, что важно сформировать в сознании граждан такую ценность, как крепкая семья, так как построение родительской семьи, уважающей и соблюдающей закон, безусловно, положительно скажется на формировании правосознания подрастающего поколения нашей страны.

Справедливость относят к числу вечных ценностей, актуальных во все эпохи. В настоящее время в России справедливость является не только признанной законодателем традиционной ценностью, но своеобразной духовной основой

нашего общества. Принцип справедливости является общим принципом российского права, и непонимание ценности справедливости способствует неуважительному отношению к нормам права. Успешное функционирование общества возможно лишь при наличии у него правосознания, уровень которого позволяет воспринимать и реализовывать правовые нормы, понимая не только их смысл, но и цель в системе регулирования общественных отношений, а также значение их реализации для обеспечения справедливости как нравственной ценности.

Патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу – основополагающие ценности, лежащие в основе формирования правосознания. Значимость для граждан перечисленных ценностей особенно актуально в нынешнее время, так как Российская Федерация как никогда нуждается в народе, готовом к выполнению долга, исполнению обязанностей по защите интересов Родины, гражданской ответственности за судьбу страны. Люди, отрицающие их, отдающие приоритет ценностям гедонизма, склонны к правовому цинизму. Сейчас важно, чтобы в российском обществе укреплялось чувство сопричастности к великой истории и культуре поистине великого государства.

К сожалению, в современном обществе все большее значение приобретает материальное благосостояние, при этом для его увеличения не всегда используются законные способы. Отметим, что в общем числе зарегистрированных преступлений в январе – октябре 2022 г. преступления против собственности составляют около 55 %. [5] В большинстве случаев, это кражи, грабежи, разбои и мошенничества. Очевидно, при совершении указанных преступлений цель злоумышленника – обогатиться, несмотря на существующие законодательно закрепленные запреты. Приведенная статистика свидетельствует о необходимости закрепления в сознании людей приоритета духовного над материальным. Это не только лучшим образом скажется на формировании правосознания, но и впоследствии поспособствует уменьшению числа преступлений, регистрируемых на территории Российской Федерации.

Таким образом, традиционные духовно-нравственные ценности были и остаются прочным фундаментом российской государственности. Негативное отношение к праву напрямую связано с отрицанием значимых человеческих ценностей. Пренебрежение ими – один из факторов, способствующих гражданской пассивности, появлению в обществе деформаций правосознания, что ослабляет государство и общество. В настоящее время формирование у граждан правосознания, основанного на традиционных нравственных ценностях, должно рассматриваться в качестве одной из приоритетных задач, стоящих перед государством.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906.

2. Атагимова Э. И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России // Правовая информатика. 2017. № 2. С. 18–26.

3. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2006. 53 с.

4. Гусарова М. А. Проблема российской правовой ментальности и российского правосознания: философский анализ // Манускрипт. 2017. № 3-1 (77). С. 54–57.

5. Дерюгина Т. В., Зайцев А. О. Нравственность и право как основы правового воспитания и правомерного осуществления субъективных гражданских прав // Legal Concept. 2017. № 1. С. 29–33.

6. Клочкова А. В. Морально-нравственные ценности и правосознание будущих юристов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 5. С. 51–68.

7. Курбатова Ю. А. Взаимосвязь правосознания и нравственного сознания личности // Молодой ученый. 2021. № 5 (347). С. 128–134.

8. МВД России: состояние преступности // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports?ysclid=lcqb90r2iy519818731.

9. Путин заявил о размывании нравственных ценностей в мире // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20201022/tsennosti-1581058023.html?ysclid=lbajtbuf6u321663715.

Плахтий Н. А.[1]*,*
аспирант кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ СУБЪЕКТА ПРИ УСМОТРЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛУЧАЯ

Неотъемлемым компонентом любой правоприменительной деятельности является субъект права. В конечном счете именно от его решения зависит, будет ли реализовываться та или иная юридическая норма для урегулирования конкретных жизненных отношений.

Вообще следует аксиоматично утверждать, что в этом плане право и актор образуют собой единое целое. Вне зависимости от того, какой субъект права (специальный или общий) участвует в юридических отношениях, существует взаимообусловленная детерминация между содержанием нормативных положений и комплекса отношений, взглядов, позиций, идеологий в области права отдельных личностей [1, с. 118].

Вполне вероятно, что одним из основных звеньев такой корреляции является правоприменительная деятельность актора. Именно с ее помощью происходит реальное формирование современной юридической действительности.

В процессе правоприменения субъект права (должностное лицо, коллегиальный орган власти, ряд общественных организаций и т. д.) осуществляет самостоятельную оценку конкретного события, ситуации, случая, состоящего из совокупности юридических фактов. Такая процедура обозначается еще как правовое усмотрение.

В то же время для того, чтобы выполнять дискреционные мероприятия, актор должен иметь представление о самом праве, о его конструктивных и неотъемлемых принципах и идеях. В юридической науке уже давно сложился консенсус, что эту функциональную задачу в качестве элемента психики выполняет сознание отдельного индивидуума.

Например, как подчеркивал Д. А. Керимов, правосознание является непосредственной детерминантой, играющей роль движущей силы, предвосхитителя тех результатов, ради которых они возникают и действуют [2, с. 183].

Об этом косвенно говорит и Ю. А. Тихомиров, когда в механизме правоприменения выделяет следующий компонент: развитие правосознания и правовых взглядов, использование и изменение правовых концепций и теорий [3, с. 76].

Действительно, у субъекта права должно быть развито полноценное правосознание для эффективного выполнения правоприменительных мероприятий. Это необходимый фактор чтобы, в рамках законности и правопорядка производить оценку произошедшего события, ситуации, случая с точки зрения представлений о юридически необходимом, должном, возможном или запрещенном [4, с. 8].

Заметим, что наиболее требовательным к уровню и качеству правосознания субъекта усмотрения являются оценочные категории. Такое обстоятельство детерминировано спецификой их правоприменения. Как указывает Ю. В. Старых,

---

[1] © Плахтий Н. А., 2023.

усмотрение оценочных дефиниций означает: «вкладывать в них определенный смысл и на основании этого устанавливать, охватывается ли подлежащая в данный момент урегулированию ситуация содержанием оценочного понятия или нет» [5, с. 80].

Одна из таких оценочных частиц объективной реальности репрезентируется в виде феномена «исключительный случай». Данной лексеме в доминанте присуща оценочность, что предполагает возможную содержательную вариативность указанного явления в рамках своих генеральных свойств и признаков.

Так, для осуществления усмотрения исследуемой синтагмы субъекту права необходимо выявить экстраординарные, атипичные и чрезвычайные юридические факты в произошедшем казусе. С этой целью актор обращается к личностному правосознательному компоненту.

В частности, при учете феномена «исключительный случай» правоприменитель исходит прежде всего из своих первичных сознательных установок (позиций): жизненной, внутренней, субъективной, профессиональной и т. д. Это тот непосредственный базис личности, на который накладываются внешние обстоятельства [6].

Правосознание субъекта усмотрения в этом плане выступает организатором ситуационного права, формируя алгоритм правомерного и эффективного поведения с учетом своих материальных и иных возможностей – запросов и особенностей конкретной социально-правовой ситуации [7, с. 349].

Дело в том, что неопределенные свойства исключительного случая, отчасти зависят от внутренних представлений субъектов, их реализующих. Следовательно, правоприменитель, сталкиваясь с необходимостью применения указанных категорий, невольно оказывает свое личностное влияние на изучаемую частицу [8, с. 33].

Как это происходит наглядным образом? Смоделируем и рассмотрим данный процесс на следующем примере.

Субъект правоприменения, анализируя свое правосознание на предмет представлений о типичных случаях, использует их в дальнейшем для того, чтобы сделать выводы об исключительных случаях. Так, образцы идеологических концепций о праве, заложенные в правосознании, задают вектор рассмотрения обстоятельств дела (например, анализа исключительного случая с позиции конституционных принципов). Также правовые модели деятельности в правосознании обеспечивают законный порядок проведения правоприменительного усмотрения исключительного случая [4, с. 7].

Правосознание имеет ценностную природу, основанную на процессе взаимодействия всех его уровней.

Фактически от того, какие есть ценности, идеалы и представления в сфере права у субъекта, будет зависеть его позиция об аксиологическом и деаксиологическом правовом поведении [9, с. 18]. Полагаем, что, исходя из этих двух констант, правоприменитель находит, выявляет и устанавливает в совокупности обстоятельств казуса очередной исключительный случай.

Таким образом, правосознание правоприменителя играет значимую роль в процессе реализации феномена «исключительный случай». От качественного

уровня сознания актора зависит не только процедура рецепции и фактического признания атипичности происходящей ситуации в виде исключительного случая, но и детекция самих экстраординарных моментов.

Список литературы

1. Суменков С. Ю. Правосознание субъектов, наделенных специальным статусом: особенности и формы проявления // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 2 (88). С. 117–124.

2. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М. : Мысль, 1986. 336 с.

3. Тихомиров Ю. А. Правоприменение: теория и практика. М. : Формула права, 2008. 431 с.

4. Честнов И. Л. Качества правоприменителя как специальная дееспособность // Качества правоприменителя: материалы межвузовского научно-практического семинара / под общ. ред. Е. Е. Амплеевой, И. Л. Честнова. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С. 4–11.

5. Старых Ю. В. Усмотрение в налоговом правоприменении. М. : Юриспруденция, 2007. 174 с.

6. Кочнева Е. М., Жарова Д. В., Костылева Е. А. [и др.]. Подходы к изучению понятий «позиция» и «профессиональная позиция» в психологии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 255–259.

7. Бакулина Л. Т. Проблемы теории права и правореализации. М. : Статут, 2017. 384 с.

8. Гребенников В. В. Нормативная модель поведения судей и особенности судебного усмотрения в России // Государство и право. 2017. № 3. С. 26–33.

9. Марченко Д. Э. Марченко С. В. Деаксиологическое правовое сознание и его формы. Самара : Самарский юридический институт, 2021. 112 с.

Черномор А. Д.[1]*,*
старший инспектор организационно-аналитического отдела
Академии управления МВД России

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Правосознание является необходимым атрибутом становления и развития правовой культуры граждан. Ученые неоднозначно высказываются в отношении данного понятия, однако, в их понимании наличествуют схожие признаки.

Так, С. В. Склифус в своем исследовании понимает под правосознанием различные теории, эмоции, убеждения, которые показывают отношение социума к действующему праву и различным правовым явлениям [7, с. 85]. Другими словами, автор оперирует субъективной составляющей представленного детерминанта. Иное толкование представлено в трудах В. В. Лазарева [5], который говорит, что правосознание – самостоятельная сфера различного вида знания (индивидуального, общественного), которая демонстрирует социально-правовую действительность в форме юридических установок, знаний, являющихся регулятором поведения. Проводя аналогию между представленными понятиями, следует отметить, что правосознание включает в себя не только совокупность идей, эмоций, взглядов, убеждений, определяющих те или иные позиции индивида к правовым реалиям, но и совокупность юридических норм, являющихся регулятором общественных отношений, в частности, деятельности и поведения индивида.

Таким образом, необходимо определить основные компоненты правового сознания, от которых будет зависеть уровень обеспечения правопорядка. Д. А. Князев [3] выделяет три элемента. Среди которых правовые эмоции (эмоциональное восприятие человеком правовых норм), правовой долг (внутренние убеждения, являющиеся регулятором действий индивида) и правовая ментальность (мировоззренческие установки в правотолковании). Более детально элементы правового сознания определил А. В. Кученев [4], который к ним отнес правовую идеологию (совокупность знаний, учений о праве), эмоциональные элементы (психолого-правовое восприятие), информационный (процесс получения и восприятия правовой информации), оценочный, волевой (результат законного или незаконного применения полученной информации) элементы.

Представленные элементы, несомненно, являются основными составляющими, определяющие уровень правопорядка, а также способность его обеспечения и поддержания.

Таким образом, логичным будет определить следующие элементы правосознания: во-первых, психоидеологический, суть которого заключается в эмоционально-индивидуальном восприятии человеком социально-правовой действительности и ее анализ через призму полученных ранее знаний о праве; во-вторых, субъективно-волевой (субъективно-результативный), подразумевающий принятие тех или иных действий, влияющих в последующем на формирование, установление правового порядка.

---

[1] © Черномор А. Д., 2023.

Сказанное позволяет утверждать, что достичь гармонизации, стабильности общественных отношений и обеспечить в обществе должный уровень правопорядка возможно благодаря «высокому уровню правосознания» [6], поскольку граждане будут ориентированы на законность, соблюдение правовых норм и установок.

В свою очередь, чтобы достичь должный уровень защищенности граждан, обеспечения правопорядка, необходимо постоянно совершенствовать, наполнять правовое сознания как отдельных граждан, так и всего правового сообщества, гражданского общества. Поскольку это необходимая взаимообусловленная связь позволит избежать правовой коллизии, пробелов в праве, а также обеспечить правильную правовую интерпретацию, которая будет способствовать повышению уровня правовой защищенности гражданского общества и обеспечению правопорядка. Ведь сам по себе правопорядок есть «состояние упорядоченности общественных отношений, результат правотворческого и правореализационного процессов» [2, с. 65].

В частности, соответствующим уровнем правосознания должны обладать представители органов государственной власти, правоохранительных органов – в силу того, что на эти органы возложена повышенная ответственность и определены соответствующие обязанности.

Так, например, сотрудник полиции при классификации преступления должен объективно оценивать все факторы, состав преступления, установить субъект, объект, объективную и субъективную сторону, а сделать это возможно, только обладая соответствующим уровнем правосознания, правовой грамотности. Ведь от того, насколько принятое сотрудником решение соответствует законодательству, зависит, как закон будет работать и как он применим на практике. В последующем это окажет влияние на толкование и интерпретацию норм права и будет способствовать формированию надлежащего уровня правосознания, что является неотделимой составляющей поддержания и обеспечения правопорядка в обществе.

Тем не менее при установлении и поддержании правопорядка, правовое сознание претерпевает ряд деформаций и проявляется в форме правового нигилизма («отрицание» норм права), правового идеализма (норма права воспринимаются как «идеал»), правового инфантилизма (правовая пассивность, несформированность), правового радикализма (корыстные мотивы при реализации должностных полномочий), правового коноформизма (отсутствие личной позиции, своего правового мнения) [1]. Это подтверждает необходимость поддержания, развития правовой грамотности, культуры граждан, что как следствие обеспечит высокий уровень правосознания и правового порядка в обществе, который формируется при эффективном взаимодействии его структурных элементов. Самым эффективным методом ее реализации является правовое воспитание, которое начинается с дошкольного возраста, формирование определенного «правого костяка» и поэтапное, постоянное наполнение этой основы правовой информацией (посредством лекций, семинаров, практических занятий, воркшопов и иных видов, но немаловажным является и самообразование, так как волевые убеждения гражданина играют немаловажную роль).

Таким образом, правосознание – это гарантия, способствующая осуществлению законности и правопорядка в социуме, что в свою очередь является основой

для становления и развития правового государства; необходимый элемент при установлении и обеспечении правопорядка, который необходимо поддерживать на высоком уровне посредством постоянного правового воспитания, способствующего повышению правовой грамотности.

Список литературы

1. Арзамаскин Н. Н. Проблемы профессионального правового сознания и пути повышения его уровня // Молодой ученый. 2018. № 44 (230). С. 105–108.

2. Безруков А. В. Правопорядок и безопасность: сущность, соотношение и конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 2 (107). С. 59–67.

3. Князев Д. А. Правосознание человека и гражданина как основополагающая гарантия обеспечения законности и правопорядка в обществе // Вестник Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова. 2017. № 19. С. 111–113.

4. Кученев А. В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 22–25.

5. Лазарев В. В. Общая теория права и государства // URL: https://be5.biz/pravo/t012/3.html#9.

6. Сисакьян А. К. Формирование конституционного правосознания как профилактическая мера противодействия преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 14–22.

7. Склифус С. В. Правосознание и правовая культура российского общества как важный фактор развития государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 2 (93). С. 85–87.

Чиркаев С. А.[1]*,*
соискатель кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ И ПРАВОСОЗНАНИЕ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одним из малоисследованных в юридической науке правовых феноменов является «юридический приоритет». Несмотря на то что на страницах печати изучению его сущности и содержания все же уделяется внимание, однозначного понимания так и не сложилось. Так, по мнению одних авторов, под юридическим приоритетом следует понимать первоочередные задачи, проблемы, вопросы, которые необходимо решать сейчас и в ближайшей перспективе [8, с. 13], другие рассматривают юридический приоритет как «одну из форм преимущественного права, предусматривающую дополнительные процессуальные гарантии и организационные меры по внеочередному, первоочередному, безвозмездному получению благ, реализации прав и законных интересов» [10, с. 39]. Несмотря на многообразие подходов к определению содержания рассматриваемого понятия, считаем, что сущность юридического приоритета заключается в первоочередности решения каких-либо задач и необходимости учета в первоочередном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов.

Юридический приоритет, будучи особым средством правового регулирования, влияет на упорядочивание конкретных общественных отношений в соответствии с первостепенными целями и задачами, которые обозначены в нормативных правовых актах. Юридический приоритет направлен на гармоничное сочетание публичных и частных интересов, на поддержку определенного круга участников правоотношений, а также развитие определенных сфер жизнедеятельности общества. В конечном счете такие установки нацелены на повышение уровня правосознания и правовой культуры всех участников правоотношений. Следовательно, юридический приоритет существует не изолированно, а в тесной взаимосвязи с правосознанием и правовой культурой.

Традиционно под правосознанием понимается совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций людей в отношении всей юридической действительности [9, с. 61]. Правосознание оказывает непосредственное влияние на правовые ценности, нормы права и характер поведения членов общества. В этой связи соответствующий уровень правосознания субъекта права внешне воплощается в правомерном поведении и реализации правовых установлений.

Юридический приоритет, упорядочивая конкретные общественные отношения, влияет на поведение определенных субъектов. Последнее объясняется тем, что юридический приоритет отражает высшие правовые ценности и идеалы, существующие в обществе на определенный момент времени. Следовательно, на формирование приоритета, так же как и на правосознание, воздействуют социально-культурные особенности, менталитет конкретного общества, нации, народа.

---

[1] © Чиркаев С. А., 2023.

В целом русская культура основана на морально-нравственных ценностях, а не на самоутверждении личности, конкуренции индивидов и правовом согласовании интересов различных субъектов [2, с. 191]. Индивидуализм в нашем социуме не получил заметного развития. Это объясняется тем, что российское общество по своей сути является традиционалистским обществом, где любые нововведения принимаются людьми, если они не противопоставляются сложившимся традициям. В основе нравственности российского общества и российского народа лежит правда-истина. Отсутствие последней является важным критерием того, что само по себе функционирование каких-либо институтов, осуществление какой-либо деятельности является ложным. И такая специфическая черта русской культуры проходит красной нитью сквозь духовность всего российского народа.

Духовность российского общества весьма специфична. Духовные качества российского народа как таковые не подвергаются преобразованию, а всякое организующее воздействие, направленное на изменение духовно-нравственных ценностей российского народа, влечет за собой разрушение духовного образа. Именно духовные ценности в сложные жизненные периоды всего общества объединяют народ [4, с. 18]. Объяснение деятельности органов публичной власти по решению первостепенных проблем общества с духовно-нравственной точки зрения позволяет анализировать различные процессы и явления в ходе осуществления деятельности государственных структур в ее социокультурной обусловленности со свойственным ей менталитетом.

Правовой менталитет отдельных социальных групп и социума в целом отражает особенности национальных представлений и отношение к различным государственно-правовым феноменам.

Специфика российского правового менталитета выражается в следующих свойствах. Во-первых, положение человека как самостоятельной личности никогда не играло ведущей роли, личность в российской обществе растворялась в социуме и государстве. По этой причине во все времена общественные интересы и потребности были более приоритетными, первостепенными, нежели личные нужды.

Во-вторых, в отличие от западной культуры, пронизанной формальным подходом ко всему, русская характеризуется уважением к истине-правде, к нравственным началам. Особенность российского правового менталитета заключается в специфическом стиле и способе мышления индивидов в правовой сфере общественных связей, в сочетании религиозных и моральных ценностей [6, с. 15].

В-третьих, многие спорные вопросы разрешались посредством обычаев, традиций и устоев. Право понималось как некая справедливость, ради достижения которой можно было нарушить закон [7, с. 134].

Таким образом, российский правовой менталитет отличается традиционализмом, коллективизмом, стремлением к правде, добру, равенству, милосердию [3, с. 32–33]. Между тем, российский правовой менталитет складывался не только из социокультурных особенностей российской правовой реальности. В современных условиях в российский менталитет стали проникать заимствованные ценности, прежде всего рациональные ценности либеральной теории права.

Посредством либеральной теории права в правовую действительность российского общества стали внедряться западные ценности и взгляды на сущность и содержание действующего права, представление о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина, законности и неправомерности того или иного поведения, о справедливости, честности, гуманности юридических предписаний. Реализация положений данной теории права в правовую жизнь российского общества повлекло один важный факт – вся процессуальная деятельность правоохранительных органов была пронизана элементами либеральной теории права. Теперь доктрина юридического процесса отдала приоритет обеспечению прав обвиняемых в совершении противоправных деяний в ущерб защите потерпевших.

Зачастую на страницах юридической литературы встречаются восторженные отзывы в адрес либеральной теории права. Лишь ряд исследователей критически оценивает положения данной теории. Так, по справедливому мнению Р. Х. Губжокова, «либеральная теория права способна функционировать в безнравственном, бездуховном и несправедливом обществе» [5, с. 238–240].

Современное российское законодательство находится под воздействием либеральной теории права, опирающейся прежде всего на концепцию прав и свобод человека и гражданина, которая возведена в ранг важнейшего юридического приоритета. О правильности сделанного вывода свидетельствует анализ содержания многих положений нормативных правовых актов, где среди принципов юридической деятельности называется в первую очередь приоритет прав и свобод человека и гражданина, признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина.

Однако юридический приоритет прав и свобод человека и гражданина в последнее время на страницах печати стал подвергаться критическому анализу. Так, А. В. Агутин считает вредоносной данную концепцию для духовности российского народа [1, с. 80]. Подмена духовных ценностей российского народа приоритетом прав и свобод человека и гражданина приводит к духовному опустошению и разрушению. В конечном счете приоритет прав и свобод человека и гражданина направлен на поощрение в деятельности правоохранительных органов системной лжи, цинизма и эгоизма, что свойственно либеральной идеологии и чуждо нашему народу. Поэтому в российских реалиях приоритет прав и свобод человека и гражданина может рассматриваться в качестве источника повышенной опасности.

Внедрение в деятельность органов публичной власти приоритета прав и свобод человека и гражданина нейтрализует, разрушает правовой менталитет российской общности, систему ценностей, традиций и обычаев российского народа. Отдавая приоритет концепции прав и свобод человека и гражданина, российский законодатель должен признать второсортность и ущербность культурно-исторического наследия российского народа. Придерживаясь приоритета прав и свобод человека и гражданина, сотрудники государственных структур будут следовать духу и букве данной концепции, забывая об особенностях менталитета российского общества, что приведет к дисбалансу между юридической деятельностью и российской общностью, росту недоверия между властью и народом.

В заключение подчеркнем, что правосознание оказывает огромное влияние на успешную реализацию того или иного юридического приоритета, заложенного

в государственно-правовой политике, поскольку отражает отношение субъектов к правовым предписаниям. Юридический приоритет определяет наиболее первостепенные направления правового развития государства и общества с учетом сложившегося правосознания в обществе, следовательно, служит важнейшим ориентиром поведения участников правоотношений. Между тем, юридический приоритет не всегда оказывает позитивное воздействие на правосознание граждан. Ярким примером тому служит юридический приоритет прав и свобод человека и гражданина. Данный приоритет весьма привлекателен на первый взгляд, но по содержанию не соответствует культурно-историческому наследию и правосознанию российского народа.

Список литературы

1. Агутин А. В. Концепция прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: манипуляция сознанием // Академическая мысль. 2019. № 3. С. 79–86.

2. Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. М. : Алгоритм, 2004. 317 с.

3. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2006. 53 с.

4. Бенедиктов Н. А. Особенности русского правосознания // Социально-гуманитарные аспекты современного российского правосудия : материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Н. Новгород : Российский государственный университет правосудия, 2016. С. 14–18.

5. Гуджоков Р. Х. К вопросу о внешнесистемных основаниях концепции «должной правовой процедуры» в российском уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 238–240.

6. Гусейнов А. И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 14–22.

7. Захарцев С. И. Некоторые проблемы теории и философии права : монография / под ред. В. П. Сальникова. М. : Норма, 2014. 206 с.

8. Матузов Н. И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4 (219). С. 6–17.

9. Пищулина Т. В. Теоретические аспекты определения правосознания в отечественной юриспруденции // Управление в современных системах. 2017. № 2 (13). С. 60–62.

10. Репьев А. Г. Приоритеты права и приоритеты в праве // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды : сборник докладов VIII Московского юридического форума : в 5 ч. Ч. 1. М. : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 2021. С. 37–41.

Белова А. Р.[1]**,**
адъюнкт Академии управления МВД России

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В общем виде механизм правового регулирования можно определить как целенаправленное нормативно-правовое воздействие на определенные сферы общественных отношений посредством совокупности правовых средств (нормы права, правоотношения, акты реализации и применения права) и иных правовых явлений (правосознание, правовые принципы и др.) с целью достижения полезного результата. Таким образом, в качестве элемента механизма правового регулирования, по мнению С. В. Комарова, выступает правосознание [1, с. 94]. Отличительная характеристика правосознания заключается в ее нематериальности. По этой причине С. С. Алексеев не выделял правосознание в обособленную категорию (в отличие от понятия «правоотношение»), а указывал на общее значение для всего механизма [2, с. 360].

Вопросы механизма правового регулирования невозможно изучать, не касаясь политических, экономических и духовно-нравственных аспектов общества, которые выражаются в правосознании. От степени правосознания в государстве отчасти зависит результативность влияния на общественные отношения, а значит функционирование права, его соблюдение, применение и эффективность решения задач для стабильного и благополучного развития общества. Правосознание является опорой для выражения государственной воли в виде правовых норм. При этом для государства важно учитывать мнение отдельных категорий общества, реакцию населения в целом и главное – уровень правосознания в обществе. Воплощение и роль права зависит от восприятия его обществом, поскольку нормы права выступают не только регулятором отношений, но и средством достижения потребностей, социально-значимых ценностей. Как отмечал В. М. Чхиквадзе, правосознание есть связь между нормативным выражением воли государства и существующим обществом [3, с. 187].

Право является фундаментальной основой, формирующей правосознание, а правосознание, в свою очередь, влияет на результативное и устойчивое развитие права. Поскольку праву и правосознанию присуще влияние друг на друга, оба явления относятся к основам правового государства. Как отмечал В. Н. Жуков, важная роль отводится указанным понятиям для стабильного функционирования государства [4, с. 56].

Формирование высокого уровня правосознания является важным условием для совершенствования процесса реализации и регулирования права. Прежде всего, нужно отметить, что правосознание само по себе обладает регулирующей силой. Это касается и разрешения юридических споров, принятия правовых актов, поскольку большинство физических лиц применяют правовые нормы сознательно. Недостаточное развитие правосознания, в свою очередь, может оказывать отрицательное влияние на применение даже совершенного

[1] © Белова А. Р., 2023.

законодательства [5, с. 127]. В связи с этим, одно из направлений политики государства должно быть связано с просвещением личности в целях повышения уровня его правосознания и общества в целом. К примеру, в ст. 5 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» одной из задач общественного контроля названо формирование и развитие гражданского правосознания.

Как уже было отмечено, специфическая черта правосознания как части механизма правового регулирования связана с всеобщим характером, т. е. правосознание необходимо на каждом этапе: и нормотворчества, и применения права. Эффективное влияние правового сознания на механизм правового регулирования происходит посредством постоянного взаимодействия с его элементами. Наибольшее значение в механизме правового регулирования имеют профессиональное, основанное на юридической практике, и научное правосознание, поскольку они являются определяющими факторами при формировании правовых норм, а сам процесс и его качество зависит от сознательной деятельности и степени правосознания правотворческих органов. Обыденное правосознание связано с реализацией прав и обязанностей каждого индивида. Здесь правосознание имеет немаловажную роль, поскольку помогает применить право, верно истолковать нормы закона, а частично находит свое отражение в научной, образовательной деятельности конкретного лица.

В обществе, где осознано и добровольно применяются и соблюдаются действующие общепринятые правила и нормы, существует представление о целесообразности их осуществления, отпадает необходимость в применении принудительного воздействия. Для построения правового государства имеет значение прогрессивное развитие правосознания. Данная правовая категория проявляется в виде идеологических и социально-нравственных критериев функционирования всего механизма правого регулирования. На формирование и развитие правосознания оказывают влияние политические, экономические, исторические, социально-культурные факторы. И наоборот, правосознание из-за вариативности форм своего проявления воздействует на отношение к государству, его институтам и реформам, функционирование социальной, правовой и экономической системы.

Таким образом, одна из главных задач общества заключается в обеспечении эффективности и результативности механизма правового регулирования. Следовательно, уровень правосознания определяется как существенный фактор развития и совершенствования законодательства, беспрепятственного осуществления прав и свобод человека и гражданина, усиления правовой активности, достижения стабильности правопорядка, повышения общей правовой культуры и правового воспитания. Значение правосознания во взаимосвязи с иными элементами механизма правового регулирования способствует существенному укреплению правовой основы государства и общественной жизни.

Список литературы

1. Комаров С. А. Механизм правового воздействия. Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. Т. 3 / под ред. М. Н. Марченко. М., 2007.

2. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М. : Юридическая литература, 2013.

3. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966. 187 с.

4. Жуков В. Н. Государство. Право. Власть : философия и социология. М. : Мир философии, 2015. 590 с.

5. Фролов А. Н. Право и правосознание: диалектика взаимовлияния // Юридические исследования. 2017. № 5. С. 124–132.

Филиппова В. А.[1]*,*
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Медушевская Н. Ф.****,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД

В настоящее время развитие Российского государства и общества встает на путь реформ, направленный на изменение и модернизацию законодательства. Происходящие в обществе и государстве изменения предполагают создание крепкой правовой основы, регулирующей государственную и общественную жизнь, повышение эффективности мер правового регулирования, а также формирование усиленной системы воздействия на противоправное поведение граждан. Однако для реализации данной стратегии необходимым условием является совершенствование правовой культуры сотрудников органов внутренних дел, в том числе повышение уровня их профессионального правосознания. Решение вопросов, связанных с правовым регулированием, во многом зависит от правомерности действий правозащитников. Именно поэтому профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел как система социально-активного правомерного поведения имеет особое значение в профессиональной деятельности [2, с. 9–15].

Правосознание как юридическая категория – это явление, для которого характерны черты, присущие всем членам общества. Кроме того, данная категория имеет свойство изменять свой первостепенный вид в рамках универсальных парадигм. Правосознание, являясь важнейшим элементом правовой культуры, в реальности способно отражать отношение социума к конгломерату правовых явлений [7, с. 57–59]. Правосознание – это внутренний личностный регулятор правомерного и юридически значимого поведения [1, с. 99].

Профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел отличается от правовой культуры общей массы населения наиболее высоким уровнем правовых знаний и пониманием правовых норм. Главным отличием профессионального правосознания от обыденного является верховенство и особое место права, в том число правовое положение дел в государстве. Другими словами, уровень правосознания сотрудников напрямую зависит от правовой культуры общества, а уровень правовой культуры – от профессиональной культуры сотрудников ОВД. Основными факторами определения уровня правосознания являются степень образования сотрудника, его квалификация. Сотрудник правоохранительных органов, являясь представителем закона от лица государства и осуществляя государственную деятельность, должен соответствовать профессиональным

[1] © Филиппова В. А., 2023.

требованиям, постоянно совершенствуя свои знания и укрепляя престиж правоохранительной деятельности.

Сложившиеся в социальной действительности установки позволяют назвать сотрудника ОВД личностью, которая способна ставить интересы общества выше своих, т. е. при осуществлении профессиональной деятельности действовать так, как от него требуют общество и государство.

Профессиональное правосознание сотрудников ОВД состоит:

– из углубленных знаний действующего законодательства, а также основных отраслей юридической науки;

– объективной оценки социальной полезности нормативных актов и права как меры свободы и законности;

– способности грамотно пользоваться правовыми регуляторами (законодательством) и юридической техникой в повседневной деятельности, постоянно следить за достижениями и нововведениями в юридической науке и ее практической деятельности.

Вопрос профессионального правосознания рассматривается учеными наряду с проблемой его деформации. Данному явлению дается ясное объяснение: профессиональная деформация правосознания сотрудника ОВД имеет государственный характер, поскольку последствия деформации обладают различными формами тяжести.

Деформация профессионального правосознания связана с трансформацией устойчивых в обществе положений в искаженные, «неправильные» [8, с. 17]. Изменение отношения к системе ценностей способствует деформации правосознания сотрудников, работающих в юридической сфере, что впоследствии, по мнению А. И. Долгова, может привести к развитию антиобщественного поведения [7, с. 57–59].

Проявление деформации связано с нарушением норм права сотрудниками правоохранительных органов, способствующим нарушению дисциплины и законности. Криминальные формы поведения представителей закона связаны с многими факторами, условия и причины которых складываются в целый комплекс на всех этапах формирования антиобщественного поведения. В юридической науке сложилась целостная система детерминант, способствующих деформации правосознания сотрудников ОВД, которые модно разделить на две основные группы:

1. Объективные детерминанты:

– социальные причины (тенденция снижения достойного жизненного уровня сотрудников; условия несения службы, связанные с рисками; экономическая и политическая ситуация в государстве и на международной арене);

– институциональные изменения в ведомстве (в особенности, спонтанные изменения);

– субкультурные преобразования в отдельных подразделениях ОВД и т. д.

2. Субъективные детерминанты:

– низкий уровень общей правовой культуры;

– правовой нигилизм и негативизм;

– снижение уровня заинтересованности и мотивации сотрудников и т. д.

Система детерминант профессиональной деформации правосознания не является исчерпывающей. Деформация может проявляться в увеличении агрессивности, в неуважительном отношении к проблемам граждан (например, обесценивание проблем), что приводит к снижению, а иногда и утрате доверия к правоохранительным органам со стороны населения. Особенная опасность в формировании девиантного поведения сотрудников связана с пренебрежением нормами права. Чаще всего это проявляется в злоупотреблении служебным положением с целью решения личных вопросов (коррупция, взяточничество, поборы), что впоследствии становится для субъекта нормой и приводит в дальнейшем к автоматизму [4, с. 39]. «Крышевание» преступности, распространение явления латентной преступности (в частности, субъективно-обусловленной) является фактором увеличения криминогенной ситуации в обществе.

Одновременно причиной и следствием профессиональной деформации правосознания и правовой культуры сотрудников ОВД является нарушение прав человека. В первую очередь это связано со слабой системой правовой защищенности, которая вызывает сомнения в способности права обеспечить гарантированный государством порядок. Отсюда развивается неуважительное отношение к праву как социальному регулятору общественных отношений, поэтому даже самые законопослушные граждане могут допускать факты несоблюдения правовых норм.

Профессиональная деформация правосознания формируется под влиянием многочисленных факторов. Самыми распространенными являются: снижение престижа службы, низкие социальные гарантии, отношения в служебном коллективе, в том числе с руководителем.

С. А. Ковалев определил следующие причины деформации:

1. Провозглашение повышения уровня жизни населения и социального равенства в обществе. Отсюда возникает противоречие между идеологией (пропагандой) и реальным положением дел. Это стало причиной снижения авторитета власти и должностных лиц, дезорганизации общества и разочарования населения.

2. Ущемление населения в их законных интересах и правах, отсутствие уважения к личности, ослабление контроля за деятельностью СМИ и пользователями сети Интернет, отход от политики гласности.

3. Рост коррупции и «телефонного права», нарушение законодательства со стороны государственных служащих, которое связано с избирательностью в применении права.

4. Рост противоречащих друг другу запретов и предписаний.

5. Сохранение преимущественно императивного (запретительного) метода, при котором запрещается все, что не разрешено законом, а не диспозитивного, согласно которому разрешено все, что прямо не запрещено правовыми нормами [5, с. 13].

Сегодня активно развиваются борьба по искоренению деформации правосознания сотрудников ОВД, среди которых можно выделить следующие: профессиональная подготовка и переподготовка (проверка сотрудника на соответствие замещаемой должности); нравственно-правовое воспитание; осуществление научной деятельности; контроль за психологическим климатом в коллективе,

направленный на оздоровление межличностных отношений между сотрудниками; развитие принципа открытости деятельности правоохранительных органов и доступности их для населения; взаимодействие сотрудников органов внутренних дел со СМИ и общественными объединениями.

Самый распространенный способ преодоления правовой деформации – это правовое воспитание. Проблема правового воспитания изучается многими учеными-юристами, среди которых П. П. Баранов, А. И. Долгова, Д. А. Керимов, И. Ф. Покровский, Л. В. Явич и др. Изучение данной проблемы началось не так давно, ранее вопросы деформации правосознания сотрудников практически не исследовались. Работы в данном направлении начались в период реформирования МВД России (создание в 2011 г. института российской полиции) и продолжаются сейчас. Коренные изменения системы МВД, законодательной базы деятельности института обеспечения правопорядка, реорганизация организационно-штатной структуры стали предпосылкой создания системы правового воспитания правоохранителей.

В практической деятельности работа с личным составом в области правового воспитания многообразна, она требует научной обоснованности и анализа общественных процессов. Уровень воспитательной работы с сотрудниками напрямую зависит от используемых методов и средств проводимых мероприятий, а также соответствия потребностям современного общества и политике развития России. Регулярное правовое воспитание, по мнению Н. Г. Канунникова, является неотъемлемым элементом деятельности правоохранительных органов и обусловлено следующими обстоятельствами:

– регулярными изменениями общественно-политической жизни, проявлением в обществе нацизма, правового нигилизма и экстремизма, для борьбы с которыми необходимы грамотные и тактичные кадры, способные обеспечить общественный порядок, сохранить общественную безопасность и гарантировать охрану личных прав и законных интересов граждан;

– ростом правовой активности общественных движений, расширением круга прав и свобод населения, которые могут создать противоборствующие силы;

– возложением на полицию дополнительных полномочий, необходимостью повышения правовой культуры личного состава для повышения эффективности служебной деятельности [4, с. 13].

По мнению Министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева, важнейшей мерой преодоления деформации правосознания сотрудников МВД является контроль и анализ правоохранительной деятельности со стороны общественности. Общественное мнение является важным критерием оценки деятельности органов внутренних дел, поскольку оказывает значительное влияние на эффективность управленческой, административной и служебной деятельности в обеспечении безопасности всего населения и государства от противоправных посягательств [6].

Профилактика профессиональной деформации связана с модернизацией организации и управления всей структурой правоохранительной системы. Пренебрежение проблемами научной организации ОВД может стать фактором развития правовой деформации, которая сначала проявляется на служебном уровне

(неравномерное распределение служебных обязанностей и нагрузки личного состава, низкий психологический климат в коллективе, разобщенность и повышенная конфликтность, отсутствие конкретных путей достижения служебных задач), а впоследствии и на уровне взаимодействия с гражданами (проявление грубости и неуважения к личным проблемам граждан, отсутствие мотивации в оказании помощи). Ответственность за организацию управления возлагается на руководителя, который должен постоянно следить за состоянием законности и служебной дисциплины своих подчиненных. Наука управления и организации служебной деятельности выдвигает требования, которые способствуют искоренению неправильной организации рабочего времени, усталости, в том числе физического и психического переутомления, которые могут стать факторами недовольства работой даже любящего свое дело сотрудника. К таким мерам относят:

– институт наставничества (закрепление за вновь прибывшим или впервые принятым на службу сотрудником опытного коллеги);

– возможность разделения на части отпуска, в том числе предоставление краткосрочного отпуска;

– создание условий облегченного режима служебной деятельности;

– перевод сотрудника в другие службы или подразделения;

– решение жилищно-бытовых вопросов и др. [2, с. 27–28].

Контроль за организацией службы возлагается не только на руководителя подразделения и его заместителей, но и психолога. Психолого-педагогические мероприятия, проводимые с личным составом, позволяют специалисту выявить «слабые» места у сотрудников и в кратчайшие сроки принять меры по их устранению с целью недопущения развития профессиональной деформации.

В заключение хотелось бы отметить, что правосознание сотрудников ОВД неразрывно связано с уровнем правовой культуры, который формируется на основе профессионального мастерства. В современных условиях сотрудники правоохранительной системы должны осуществлять не только меры репрессивного характера с целью улучшения криминологической ситуации в обществе, но и оказывать социальную поддержку гражданам, чьи права и законные интересы были нарушены. Деятельность сотрудников ОВД связана с постоянным стрессом, моральной нагрузкой, ненормированным рабочим графиком. Все это может привести к изменениям личности сотрудника, социальной изоляции, проявляющейся в непонимании близких и коллег, а также к профессиональной деформации правосознания. Однако правильное применение современных методов и средств преодоления правовой деформации способствует нормальному функционированию института обеспечения правопорядка и законности.

Список литературы

1. Безруков А. В. Профессиональное правосознание как фактор мотивации правомерного поведения сотрудников ОВД (теоретико-прикладной аспект) : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2003. 144 с.

2. Беляева О. В., Клевцов С. В. Деформация правосознания сотрудников полиции современной России: пути преодоления : методические рекомендации. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2014. 34 с.

3. Гранат Н. Л. Деформация профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики // Проблемы действия права в новых исторических условиях. Труды Академии. М. : Академия МВД России, 1993. С. 30–43.

4. Канунникова Н. Г. Актуальные проблемы правового воспитания полицейских в условиях реформирования МВД России // Административное право и процесс. 2012. № 10. С. 35–38.

5. Ковалев С. А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 13. С. 35–37.

6. Поручись за участкового // Российская газета. 2013. № 28 (6004).

7. Трошина И. О. Трансформация правосознания лиц, наделенных властными полномочиями, в современной России // Юридический мир. 2011. № 5. С. 57–59.

8. Хван Д. А. Деформация профессионального правосознания юристов // Административное и муниципальное право. 2008. № 2 (2). С. 93–99.

Хорошавина Я. А.[1]**,**
слушатель факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Лановая Г. М.,***
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Изучение правосознания современной молодежи относится к числу тех актуальных проблем, которым сегодня юристы-правоведы уделяют повышенное внимание. Это обусловливается целым рядом обстоятельств. Во-первых, молодежь – это значительная часть российского общества (около 40 млн человек в России). Во-вторых, молодежь современной России – это будущее почти всех отраслей общественной жизни, «резерв» специалистов в промышленных отраслях, потенциальные кадры российского научного сообщества. В-третьих, как и все российское общество в целом, названная социально-возрастная группа претерпевает серьезные трансформации.

Молодежь – не только отдельная социально-возрастная группа (к ней относятся люди в возрасте от 14 до 35 лет), но и специфическая социально-демографическая группа населения, которая представлена наиболее активными в социальном, политическом и экономическом плане гражданами, позиция которых в современном обществе иногда носит конструктивный характер, но в то же время в силу специфики своего правосознания порой несет в себе разрушительный для общества потенциал. На правосознание современной молодежи России влияют свобода и популяризация правового нигилизма и инфантилизма, что приводит к мировоззренческой и идеологической аномии, которая в свою очередь способствует утрате традиционных ценностей и разобщению русского народа.

Изложенное подтверждает актуальность выбранной темы, теоретической и практической значимости изучения отличительных черт и динамики правосознания молодежи, а также исследования факторов, влияющих на формирование и развитие правосознания молодого поколения граждан на современном этапе развития российского общества [2, с. 116]. Ведь формирование правосознания и правовой культуры современного молодого поколения – первоочередная задача любого современного демократического правового государства, в своей деятельности исходящего из идеи бесспорной ценности права и закона.

Состояние правосознания на конкретном историческом этапе развития общества зависит от многих факторов, таких как: содержание экономических, политических и социальных реформ, проводимых в государстве; изменение сущностных

[1] © Хорошавина Я. А., 2023.

характеристик государства и права; трансформация нравственных и духовных категорий общественной жизни и т. д. Переломные моменты, имевшие место в истории государства и права нашей страны, в связи с преобразованием общественных отношений всегда оказывали наиболее ощутимое влияние на правосознание как общества в целом, так и отдельных его групп и индивидов.

Положение о том, что состояние правосознания зависит от конкретного этапа развития общества и трансформации его мировоззренческих и идеологических установок, появилось в начале XIX в. в трудах М. М. Сперанского. Он отметил изменение массового правосознания в связи с проводимыми реформами. Изначально людям была свойственна радость и положительное отношения к начавшимся реформам, однако спустя время в изменившихся условиях жизнедеятельности общества у людей возникало «всеобщее презрение» как к проводимым в государстве реформам, так и к самим реформаторам и государственным деятелям, имеющим к этому отношение [5, с. 114].

Указание на такую взаимосвязь правосознания и влияющих на него факторов можно найти и в трудах И. А. Ильина, который исследовал монархическое и республиканское правосознание, а также отношение носителей правосознания названных типов к проводимым в стране реформам. Также особое внимание Ильин уделил правосознанию личности в условиях стремительного изменения привычной общественной жизни, в частности, правосознанию человека в период революционных изменений в государстве [4, с. 343]. Действительно, человек в процессе революционных преобразований попадает в условия, в которых происходит смена и мировоззренческих установок, и образа его жизни. Такая смена характеризуется кардинальным изменением не только привычных жизненных устоев, но, главное, переосмыслением правовых ценностей, предопределяющих содержание и состояние правосознания.

Стоит отметить, что в силу специфики ментальных оснований правосознания российского общества, а также характерных для него мировоззренческих установок в целом на каждом этапе развития российского общества обнаруживается глобальное отчуждение населения от власти, смягчающееся в отдельные исторические периоды [6, с. 185]. Именно по этой причине быстрое и ощутимое изменение общественных отношений в условиях существования деструктивно воздействующих на массовое правосознание факторов способно оборачиваться неприятием той идеологии, которая ассоциируется с действующим правом и с государством, отторжением обществом тех принципов и норм, которые в другой ситуации могли бы быть восприняты позитивно.

Наиболее остро реагируют на кардинальные изменения в системе общественных отношений те социально-демографические группы, которые характеризуются отсутствием устойчивого правового мировоззрения и идеологических взглядов, и прежде всего такой социально-демографической группой является молодежь.

Состояние правосознания современной молодежи свидетельствует о наличии в нем оценочных перекосов, непонимания существа и пределов ответственности за то или иное общественно опасное деяние, а также других негативных характеристик [3, с. 188]. И этому есть ряд объективных причин.

Во-первых, такой причиной является высокая законотворческая активность. Она характерна для любого переходного периода, так как служит средством преобразования общественных отношений, однако даже в тех ситуациях, когда она является необходимой и неизбежной, она приводит к усложнению системы правовых норм и, как следствие, дезориентации правосознания человека, не способного разобраться в существующих предписаниях. «Старые» нормы права еще действуют в определенных правовых ситуациях, но при этом вводятся «новые» нормы, которые люди еще не осмыслили и не сформировали к ним своего отношения. Данная ситуация осложняется добавлением «экспериментального» законодательства. Законодатель прибегает к нему как к экстренной мере, когда возникают ситуации, вызванные событиями, которые не охватывает своим регулированием действующее право. При этом данные ситуации чаще всего вызывают широкий общественный резонанс, в связи с чем законодатель оказывается перед необходимостью принять меры, найти пути устранения возникших пробелов в праве в соответствии с проводимой в государстве правовой политикой. Но «экспериментальное» законодательство принимается лишь для решения конкретной ситуации и на конкретный период времени, значит, оно не является эффективным инструментом стабилизации общественных отношений и выступает дополнительным фактором дезориентации правосознания.

В Российской Федерации с огромной скоростью увеличивается количество новых законодательных актов, большинство из которых вносят поправки в существующие и действующие законы и кодексы. Современный законодатель, стремясь обойти правовые коллизии, создает новые законы, тем самым меняет правовое поле и, конечно, затрудняет для человека, не обладающего юридическими знаниями, процесс постижения и реализации основных правовых норм.

Все указанное негативно влияет на правосознание молодежи, в огромном количестве нормативных актов нелегко разобраться даже опытному юристу или правоведу. Конечно, российская молодежь характеризуется активным стремлением к участию в жизни государства, а информационные технологии дают доступ к любым источникам информации, что делает возможным постижение юридической информации самостоятельно. Но и тут необходимы специальные знания и навыки, получаемые в некоторых случаях только при обучении на юриста [1, с. 30]. В данном случае решение проблемы видится в систематизации действующего законодательства, получении открытого доступа к законодательным актам путем использования информационных технологий, а также разъяснении содержания правовых норм путем проведения правового информирования в учебных заведениях и с использованием интернет-площадок.

Во-вторых, как было сказано, для менталитета русского народа характерно специфическое отношение к власти, оно проявляется в особом отношении ко всему, что с ней связано, в том числе и к праву. Специфика исторического развития России (смуты, кризисы, затяжные войны и т. д.) научила ее граждан не видеть трагедии в том, чтобы при возможности обходить и нарушать правовые предписания.

На современном этапе развития российского общества осуществляется трансформация правосознания современной молодежи, меняются оценка и понимание

правомерного и неправомерного поведения. С одной стороны, в молодежной среде нередко процветают неуважение к закону, праву, правовой нигилизм, об этом свидетельствует статистика молодежной преступности. С другой стороны, общий уровень правовой образованности растет, чему во многом способствует повышение с развитием сети Интернет доступности правовой информации, в том числе преподносимой в формах, доступных для лиц, не имеющих юридического образования. Поэтому неуважение молодежи к закону, праву, правовой нигилизм зачастую маскируются, приобретают такие формы, которые затрудняют борьбу с названными негативными явлениями.

В-третьих, имеет место изменение форм и методов, применяемых для воздействия на правосознание российской молодежи. В настоящее время процесс развития правового сознания молодого поколения граждан зачастую носит неконтролируемый характер. На развитие правосознания современной молодежи оказывают влияние различные социальные институты, а также средства массовой информации (далее – СМИ). Зачастую СМИ оказывают негативное воздействие на правосознание молодого поколения, так как большинство его представителей не имеет четко сформированного мировоззрения, а значит, молодые люди более подвержены негативному информационному влиянию.

Важно учитывать, что, несмотря на законодательные положения, регулирующие деятельность СМИ, достоверность информации, получаемой через такие источники, во многих случаях может быть поставлена под сомнение. В современном мире правда давно уступила место зрелищу, и современные СМИ могут оказываться инструментом управления общественным сознанием в руках опытных политиков. Решению данной проблемы уже посвящено много научных исследований, а в настоящее время государством сделан важный юридический шаг: им стало принятие «закона о фейках», устанавливающего уголовную ответственность за действия, дискредитирующие Вооруженные Силы Российской Федерации, а также за распространение заведомо ложной информации. Данное законодательное решение было обусловлено резкой необходимостью в защите правосознания граждан России от информационного влияния из-за рубежа. Действительность, к сожалению, обусловлена непростой внешнеполитической обстановкой и проведением специальной военной операции, в период осуществления которой нашей стране необходима поддержка народа, в том числе самой активной его части – молодежи.

В заключение хотелось бы сказать, что проблема трансформации правосознания молодежи на современном этапе развития российского общества является актуальной для Российского государства и права. И данная проблема может быть решена лишь при условии координации усилий государства, различных правовых институтов и семьи, которые осуществляли бы целенаправленное влияние на формирование у молодого поколения положительного отношения к праву, а также законопослушного поведения и уважительного отношения к высшим ценностям демократического правового государства. Не стоит забывать и о роли СМИ как инструмента воздействия на общественное сознание. В данном случае СМИ должны выступать в роли информационного посредника между властью и личностью. Это должно выражаться в правовой пропаганде и открытости в предоставлении

информационных материалов правового характера, необходимых для развития компонентов правосознания современной российской молодежи.

Список литературы

1. Вавин А. В. Профессиональная юридическая ориентация молодежи как предпосылка формирования профессионального правосознания // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 29–37.

2. Загутин Д. С., Самыгин П. С., Самыгин С. И. Особенности правовой социализации современной российской молодежи в трансформирующемся обществе // Философия права. 2017. № 1 (80). С. 113–117.

3. Захаров Н. И. Особенности трансформации правосознания молодежи в условиях демократических реформ // Общество и право. 2006. № 1. С. 186–192.

4. Ильин И. А. Наши задачи. Исторические задачи и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. М. : Айрис-Пресс, 2008. 528 с.

5. План государственных преобразований графа М. Сперанского. М. : Русская мысль, 1905. 359 с.

6. Поломошнов Л. А. Народ и власть в контексте русского национального характера // KANT. 2018. № 4 (29). С. 180–186.

Боброва С. Н.[1]*,*
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Правкин И. В.****,*
заместитель начальника кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Для понимания особенностей формирования правосознания необходимо отметить конкретность понимания субъектами общественных отношений данного понятия. В первую очередь правосознание – субъективная оценка личностью всех областей деятельности в сфере правового регулирования, зависящая от долгосрочных процессов, происходящих в личности в течение всей жизни относительно исполнения субъектами его прав, санкционирования его действий юридическими мерами и иных проявлений регуляции общества при помощи права.

Правосознание может иметь разные характеристики, что обусловлено особым восприятием права определенной социальной группой. Так, если рассматривать в качестве носителя правосознания такую отдельную группу как курсанты образовательных организаций системы МВД России, то следует прежде всего отметить, что она включает в себя субъектов в возрасте от 18 до 25 лет. В этом возрасте процесс становления правосознания принято считать самым активным, поэтому получая высшее образование в образовательных организациях системы МВД России, эта категория лиц, именно в этот период времени усваивает основные базовые понятия, а также формирует свои представления о праве и правовой действительности.

Конечно, наиболее важной составляющей в процессе формировании правосознания курсантов является правовое воспитание. Но прежде чем говорить об этом процессе, хотелось бы определиться с тем, что именно представляет собой правовое воспитание. Если говорить в общем, то формами такого вида воспитания принято считать сознательную деятельность общественных и государственных организаций, направленную на трансляцию истории, культуры, опыта, идеалов права с целью развития личностного и общественного правосознания в рамках государства. Средства правового воспитания – все технические приспособления и средства, которые используются для эффектного проведения правовоспитательной деятельности в рамках социальных групп и общества в целом. Методы правового воспитания имеют наиболее важное значение в этом процессе, так как подразумевают под собой все способы деятельности правового регулирования воспитания для формирования и развития правосознания как каждого отдельно

[1] © Боброва С. Н., 2023.

взятого индивида, так и общественного правосознания в целом [6, с. 85]. В итоге средства, формы и методы правосознательной деятельности – большой организационно-технический механизм, оказывающий влияние на общественное и индивидуальное сознание с целью осознания субъектами различных идей, принципов, норм права.

Правовое воспитание в современном обществе играет действительно большую роль для формирования правосознания общества, поскольку осуществляется посредством внедрения правовых принципов и традиций еще в процессе обучения старших классов школы и высших учебных заведений. Одним из ярких примеров и первой ступенью такой формы развития правовоспитательной деятельности среди молодежи является дисциплина «Обществознание» в школьной программе. В старшей школе ее изучение заключается в изучении блока «Право», а конкретно – основной принципиальности построения нормативно-правовых актов, сферы их действия, их функций и видов, а кроме того – изучение главного нормативно-правового акта Российской Федерации – Конституции Российской Федерации. Благодаря этой дисциплине у обучающихся происходит первичное понимание понятий «правовой акт», «юридическая ответственность», «закон», «правомерность» и других различных юридических терминов, что позволяет сформировать основные принципы понимания и следования действующим правовым традициям, принципам и нормам.

Следующей ступенью принято считать правовоспитательную деятельность и работу со студентами средних профессиональных и высших учебных заведениях, где она происходит в основном параллельно обучению, исключая профили образования с юридическим уклоном. Проводятся различные образовательные мероприятия, занятия в соревновательных и игровых формах, направленных на поверхностное и глубокое изучение права, правовых норм, источников права и других различных его составляющих, формируя осознание и точное понимание права, в дальнейшем формируя правовую культуру, воспитание и правосознание. Кроме этого, такие формы и методы правового воспитания помогают проявить в студентах патриотизм, честь, любовь к родине, героизм и честность, что тоже является высшей ценностью самоопределения и причисления собственной личности к своей стране.

Правовое воспитание как важная составляющая в формировании правового сознания курсантов, обучающихся в образовательных организациях системы МВД России, осуществляется в течение всего цикла обучения – как в процессе посещения образовательно правовых мероприятий, так и при изучении учебных дисциплин. К таким дисциплинам относят четыре вида наук: историко-теоретические, отраслевые, межотраслевые и прикладные.

К историко-теоретическим наукам относят «историю государства и права России», «историю государства и права зарубежных стран», которые дают курсантам понимание закономерностей формирования права и правовых систем в истории, что помогает создать личное и общее мнение о важности и необходимости действия права в государстве и обществе в целом [3, с. 155]. Таким образом, изучая отдельно историю государства или историю государства в совокупности с правом, курсанты образовательных организаций системы МВД России

так или иначе учатся самоопределять себя частью определенной страны и нации, у них вырабатывается чувство патриотизма, любви к своей родине, государству, что является очень важным критерием в период взросления современного человека.

Стоит отметить и другую дисциплину, относящуюся к данной группе наук, – «теория государства и права», которая является базовой для всех будущих юристов и офицеров, поскольку содержит в себе термины и закономерности воздействия права на общество и его взаимодействие с государством.

К отраслевым дисциплинам относятся непосредственно правовые науки: конституционное, гражданское, административное, уголовное право и т. д. В процессе их изучения акцент делается в первую очередь на умение находить нужную правовую информацию, читать, правильно понимать и воспринимать правовые нормы, верно их использовать. Конкретно для курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел дисциплины «уголовное право», «уголовно-процессуальное право», «административное право» являются основой их профессиональной деятельности, и их изучение в первую очередь является основополагающим фактором для дальнейшей работы в органах внутренних дел. Кроме того, дисциплины отраслевых юридических наук имеют огромное влияние на знание содержания самих правовых норм, понимание необходимости их соблюдения и охраны их органами внутренних дел как представителей государства. Приобретение знаний по данным правовым дисциплинам позволяет формировать правовое сознание путем осознания влияния права на нормальное функционирование государства и общества с его помощью, тем самым можно говорить о том, что отраслевые правовые науки имеют наибольшее влияние на правосознание будущих офицеров.

К межотраслевым юридическим дисциплинам относят науки, которые непосредственно связаны с науками отраслевыми, но предмет их изучения является самостоятельным, хотя этот предмет составляют также юридические знания. В курс обучения курсантов образовательных организаций системы МВД России входят такие дисциплины, как: «криминология», «прокурорский надзор», «муниципальное право» и др. Необходимость изучения данных дисциплин обусловлена, в первую очередь, их практическим применением и осознанием их влияния на профессиональную деятельность полицейских. Эти дисциплины также влияют на правовое воспитание и формирование правосознания курсантов. Влияние происходит путем изучения деятельности различных правовых органов и понимания необходимости честного и справедливого выполнения своих служебных и гражданских обязанностей, исполнения законов и соблюдения прав граждан.

Прикладные юридические науки – науки, сфера изучения которых касается юридических специальностей, и которые наполнены неюридическими знаниями для решения юридических вопросов. Примерами таких наук являются «судебная медицина», «юридическая психология», «правовая статистика», «криминалистика» и др. Данный вид дисциплин не предусматривает прямого изучения правовых норм, но все-таки имеет значение в косвенном формировании правосознания. В первую очередь, данные науки расширяют кругозор и способности курсантов, научают их рассматривать ситуации или объекты правоотношений глубже, а не только изучать внешние характеристики, позволяют упростить дальнейшую

деятельность сотрудников органов внутренних дел. Во-вторых, в совокупности с остальными изучаемыми курсантами науками, эти дисциплины позволяют видеть полную картину действия права в различных отраслях и сферах жизни и общества, что еще раз напоминает им о значимости права и необходимости его соблюдения и охраны. Именно для этих целей и формируется правосознание курсантов образовательных организаций системы МВД России.

Таким образом, прослеживается закономерность высокого влияния юридического образования на курсантов образовательных организаций системы МВД России, но существует, и определенная проблематика в формировании правосознания как среди курсантов, так и группы «молодежь» в целом. Главной особенностью этой социальной группы необходимо признать несогласованность правового образования с правовым воспитанием. Проблема состоит в основном в том, что изначально проводимые мероприятия для формирования правопонимания и правосознания являлись дополнительными и необязательными, в связи с чем многие курсанты высших учебных заведений системы Министерства внутренних дел, потратив огромное количество сил и времени на учебные занятия, уже не были заинтересованы в дополнительных их затратах. Кроме того, в течение нескольких лет за социальной группой «молодежь», к которой относятся курсанты, наблюдается тенденция нигилизма относительно всего права: у субъектов данной группы отсутствует желание научиться правильно понимать и использовать законодательство, а возникает оно только в ситуациях, когда это является жизненной необходимостью.

Эта проблема в Российской Федерации разрешается путем проведения различных конкурсов, конференций, викторин, которые привлекают курсантов в связи с их дальнейшим влиянием на формирование портфолио и папок достижений, играющих роль при приеме на работу в престижные компании и органы государственной службы. Кроме того, проводятся тематические классные часы, на которых заслушиваются доклады на определенные актуальные темы, связанные с государством, правом и обществом в целом. Кроме самих юридических дисциплин, конкурсов и конференций, для курсантов также проводятся внеучебные мероприятия, например, Единый день государственного правового информирования (далее – ЕДГПИ). На данном мероприятии для переменного и постоянного состава образовательных организаций системы МВД России проводятся доклады и презентации, в которых идет речь о последних тенденциях, изменениях в правовом регулировании, доносится информация о работе государственных органов в системе правового регулирования. При этом курсантами ведутся конспекты по выступлениям, что помогает информации, услышанной в процессе ЕДГПИ, усваиваться каждым курсантом и выноситься на обсуждение в учебных взводах и на учебных курсах.

Кроме того, значительное влияние на правосознание курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации оказывает достаточно высокий уровень скорости цифровизации общества. Появившиеся практически у каждого в относительно недавнем времени компьютерные, а сейчас и мобильные средства с выходом в интернет помогают быстро находить любую правовую информацию. Сейчас совсем не обязательно владеть

бумажным вариантом нормативного правового акта, чтобы с ним ознакомиться, для этого достаточно воспользоваться браузером смартфона или компьютера. У курсантов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя также есть уникальная возможность воспользоваться компьютерами в электронной библиотеке университета, в период нахождения курсантов на его территории. Но у поиска любой информации в интернете (в том числе и юридической) существует отрицательная сторона – не все источники являются достоверными, не все являются актуальными. Такая проблема решается использованием электронно-правовых систем, таких как «КонсультантПлюс» или «Гарант-сервис», всегда содержащих актуальные сведения.

Таким образом, можно сказать, что правосознание курсантов образовательных организаций системы МВД России формируется как стихийно, так и целенаправленно. Этот процесс осуществляется в рамках учебных занятий, при проведении внеучебных мероприятий, а также путем самовоспитания, когда происходит работа по совершенствованию своих знаний и умений. С учетом комплексного подхода, даже на начальных этапах своего обучения курсанты быстро достигают высокого уровня правосознания, что позитивно отражается на дальнейшей их профессиональной деятельности, направленной на осуществление охраны и защиты прав и свобод граждан.

Список литературы

1. Иванов А. А. Теория государства и права : учебное пособие / под ред. В. П. Малахова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2009. 351 с.

2. Рязанова М. Н. Формирование правосознания молодежи в условиях современного мира // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 2. С. 51–53.

3. Раков К. А. Формальные и содержательные основания правопорядка: проблема оптимального соотношения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 1 (27). С. 152–156.

4. Абдуразакова Д. М., Даудов М. Формирование правосознания молодежи // Евразийский союз ученых. 2014 № 8-3. С. 8–9.

5. Рыбаков А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 3 (44). С. 23–28.

6. Муслумов Р. Р. Психологическая природа правового сознания личности // Правовое сознание личности : учебное пособие. Екатеринбург, 2013. 84 с.

7. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М. : Норма, 2017. 383 с.

Шапкина Л. С.[1]*,*
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Медушевская Н. Ф.****,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Современная Россия давно вступила в постиндустриальный период развития, выбрав путь модернизации и технологизации. Несмотря на сложности, следует отметить прогрессивные стороны этого процессе, которые затрагивают многие сферы жизни общества: политическую, правовую, социальную, культурную, научную и многие другие. Главную и основополагающую роль в этих сферах играет общественное правосознание, уровень его развития. Важность состояния правосознания заключается в том, что он представляет собой фундамент, на котором строятся общественные отношения. Кроме этого, правовое сознание выполняет регулятивную функцию, ориентируя индивидов на правомерное поведение и способствуя принятию верного решения в различных ситуациях.

Проблема понимания сущности правосознания была поставлена давно, она изучалась на разных этапах развития юридической науки, в разные временные периоды государственного строительства, что неизменно говорит о ее актуальности. Сегодня многие правоведы полагают, что «правосознание живет «до», и «после», и «параллельно» с правом, одновременно являясь его источником, который отражает объективные потребности развития общества, одним из важнейших механизмов воплощения в жизнь, средством оценивания того, соответствует ли поведение человека правовым предписаниям» [3, с. 14–17].

Понятие правосознания также имеет различные трактовки, оно дополняется и видоизменяется вместе с изменением этапов развития юридической науки. До сих пор у ученых нет единого мнения о природе, сущности, структуре, признаках правосознания. Следует отметить, что в древности понимание «что можно, а что нельзя» основывалось на интуиции. С появлением государства право стало рассматриваться теоретически и приобрело официально-нормативный характер. Так, И. А. Ильин отмечает, что человек не может существовать в обществе и государстве без правосознания, оно выступает общественным регулятором, он отстаивает положение, что с учетом императивов правового сознания должны создаваться нормы, правила, предписания в праве, что является выражением гуманного отношения непосредственно к человеку и его воле [4, с. 235].

В свою очередь, профессор С. С. Алексеев толкует правосознание как «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям в общественной жизни» [1, с. 496]. Ю. В. Высоких считает, что

[1] © Шапкина Л. С., 2023.

правосознание представляет собой «сферу сознания, связанную с отражением правозначимых явлений и обусловленную правозначимыми ценностями (правопониманием и представлением должного правопорядка)» [2, с. 41–44].

Еще одну позицию о сущности правосознания мы находим у В. Н. Корнева. Он считает, что правосознание – это совокупность теоретического и ценностно-чувственного понимания существующего государства, его порядка, права, правосудия, которое находит свое выражение в совокупности чувств и знаний, определяемых политическими взглядами и интересами [6, с. 38–41].

Обобщая мнения ученых-теоретиков, можно выделить основные признаки правосознания, на которые указывает И. Ю. Лимаренко: «во-первых, данное явление является сферой общественного сознания, во-вторых, является отражением правовой действительности в определенном обществе, далее стоит отметить, что правовое сознание представляет собой совокупность теорий, знаний, взглядов, убеждений, ориентаций, оценок, мнений, чувств и эмоций. В-четвертых, оно координирует отношение индивида к установленному праву. В-пятых, регулирует поведение людей и приводит его к правильности выбора в юридических обстоятельствах. В-шестых, формирует институты гражданского общества и формирует в сознании людей представления о желаемом праве, что находит свое отражение в правовых предписаниях» [7, с. 55–57].

В последнее время проблемы правосознания в современном обществе стали приобретать особую значимость и актуальность. В значительной степени это обусловлено происходящими изменениями в социально-политической и духовной областях, падением уровня нравственности в связи с крушением эпохи социализма. Данные явления привели в нашей стране к деформации правосознания, которая стала причиной искаженного отношения людей к правовым нормам, роста преступности. Деформация правосознания может привести и приводит как к правовому инфантилизму, так и к правовому негативизму.

Рассмотрим понятие «деформация сознания». Так, С. А. Ковалев под деформацией правосознания понимает негативное социальное явление, для которого свойственно искаженное отражение правовой действительности в негативном отношении к установленной системе права [5, с. 35–37].

Появление деформации правосознания в России обусловлено масштабными причинами, которые серьезно влияют на массовое общественное сознание. В современной научной юридической литературе к ним относят социальное расслоение общества, бедность, распространение коррупции, разрушение традиционных жизненных ценностей. В силу этих причин у многих людей меняется и отношение к преступности. Они ищут легальный способ совершить правонарушение и не нести за это ответственность. На этой почве растет масштаб злоупотреблений полномочиями должностных лиц и представителей различных ветвей власти. Такие последствия ожидаемы, они являются результатом деформированного правосознания и низкой правовой культуры, которые приводят к потере доверия личности к закону и государству. Следовательно, важнейшей причиной низкого уровня правосознания является нарушение естественных прав человека.

Следует отметить, что ответственность за рост деформации правосознания в стране лежит и на государстве: в условиях ослабления и невозможности

обеспечить человеку достойную жизнь происходит рост преступности, а самое главное, снижается у большинства населения страны уважение права. Человек в условиях социального расслоения, экономической нестабильности думает в первую очередь о выживании, а не о следовании праву и нравственным ориентирам [5, с. 35–37]. Современное общество неустойчиво, динамично, подвижно, поэтому следует вырабатывать теоретические и практические меры с целью противодействия росту деформации правосознания. И. А. Ильин писал, что деятельность государства должна быть направлена на благоустройство жизни, чтобы решить проблему деформации правосознания, вектор правовой политики России должен сосредоточиться на сфере правового воспитания человека [4, с. 235].

Итак, сделаем следующие выводы. К основным формам деформации правосознания относят правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовой релятивизм, правовой романтизм и иные. В настоящее время проблема правового нигилизма достигает своего пика, проникает в различные сферы общества. Правовой нигилизм происходит этимологически от латинского слова nihil (ничто), означает равнодушное или отрицательное отношение к праву при отсутствии замысла на совершение противоправного деяния. Являясь формой деформации правосознание, нигилизм представляет собой искаженную разновидность правового сознания. В этих условиях граждане имеют минимальную заинтересованность в использовании правовых средств при исполнении правовых предписаний. Если рассматривать этот вопрос с философской точки зрения, то следует обратить на такую его сторону, как отсутствие или искажение ценностей. Но не менее опасным является и правовой инфантилизм, сущность которого выражается в полном отсутствии или недостаточно сформированном уровне правовых знаний и представлений.

Список литературы

1. Теория государства и права / [С. С. Алексеев и др.]. М. : Норма, 2005. 496 с.
2. Высоких Ю. В. Генетические истоки правосознания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13 (68). С. 41–44.
3. Донченко Р. Н. Правовой нигилизм как устоявшееся общесоциальное явление // Юрист. 2005. № 6. С. 14–17.
4. Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.
5. Ковалев С. А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 13. С. 35–37.
6. Корнев В. Н. Проблемы теории правосознания в современной отечественной юриспруденции // История государства и права. 2009. № 20. С. 38–41.
7. Лимаренко И. Ю. Существенные признаки правосознания // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 55–57.
8. Панченко А. М. Социально-психологические факторы, влияющие на деформацию правового сознания сотрудников правоохранительных органов // Юридическая психология. 2014. № 4. С. 10–13.

Ананичук И. М.[1],
курсант Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Раков К. А.,***
старший преподаватель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОБРАЗ И РОЛЬ НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА

В современном мире сложно переоценить роль права. По своей природе оно обладает большим количеством преимуществ, которые делают право неотъемлемой частью общества. Регулятивная функция права представляет огромную ценность, прежде всего тем, что устанавливает рамки должного и возможного поведения, вследствие чего можно утверждать, что нас окружает порядок. За счет права формируется правопорядок. Необходимо учитывать, что правопорядок – явление, которое имеет множество подходов в своем определении, и эта изменчивость также обуславливается контекстом, который разнится от случая к случаю. Однако необходимо отметить, что все существующие подходы не противоречат друг другу. Говоря о правопорядке, необходимо учитывать, что речь идет о сформированных и устойчивых формах общественного взаимодействия, однако «реальный правопорядок представляется как сложная разнонаправленная система, упорядоченная правовыми средствами, но в то же время включающая все отступления и исключения, имеющиеся в действительной правовой практике участников правоотношений» [4, с. 11]. Но возможен ли правопорядок, когда участниками отношений выступают не конкретные индивиды, а целые государства, в которых существуют собственное право, на основе которого государство выполняет внутренние и внешние функции. Современные государства – это сложные механизмы, в которых в нынешних условиях за счет права формируется правовая идеология, которая способствует осуществлению правопорядка и стабилизации общественной жизни в одном государстве, так как правовая идеология обладает важным свойством – способствует объединению людей на основе общего каркаса и дальнейшей манипуляции над сознанием [3, с. 17], в таком случае можно будет говорить о совершенной правовой идеологии. И действительно, имея такой сильный механизм, можно сформировать правопорядок, который будет поддерживаться не только государством путем использования методов принуждения, но и самим обществом, так как в случае функционирования правовой идеологии право будет отражать в себе моральные нормы общества или даже сформирует их в нем и тем самым положит основу для раскрытия силы общественного порицания, которая станет одним из сдерживающих факторов девиантного поведения и источником поддержания правопорядка.

---

[1] © Ананичук И. М., 2023.

Но если говорить о мировом сообществе, в котором субъектами взаимодействия являются целые государства, то вопрос в формировании международного правопорядка, роли и образе правовой идеологии принимает проблематичный характер. Проблематичность прежде всего исходит от самих участников международных отношений и несет в себе разрушительный характер.

На данный момент можно утверждать, что современный правопорядок и способы организации взаимодействия субъектов геополитики переживают серьезный кризис, что подтверждают заявления руководителей государств, государственных деятелей, политологов и общая обстановка, которая складывается хаотически, непредсказуемо.

Остро ощущается конфликт Востока и Запада, который в любой момент может перерасти в вооруженный конфликт. Обострились конфликты в Восточной Европе, на Балканах, на востоке и Ближнем Востоке.

В теории такое в принципе было невозможно, так как события Первой и Второй мировых войн показали, что международное право в целом является ключом к установлению равновесия и формирования правопорядка в мире. На практике ситуация получилась совершенно иная. Международное право демонстрирует свою беспомощность и бесполезность. Это выражено прежде всего в конфронтации стран, чьи идеологические, политические интересы противоречат друг другу.

США и Европа имеют общую правовую идеологию, которая провозгласила ценности и принципы, которые были приняты этими государствами, и их взаимодействие представляет единый механизм. Общие ценности – ориентир в организации их деятельности, сформировалось даже ложное убеждение в незыблемости идей и принципов, но тем не менее есть основания полагать, что данный механизм создается на основе идеологии национальных интересов США [1, с. 11].

Совершенно иначе обстоит дело с государствами, которые имеют собственные пути развития и идеологически отличаются от Европы и США. Россия, Китай – яркие представители. Образуется своеобразная цепочка взаимоотношений, между звеньями которой существует своеобразная правовая идеология, устанавливающая ценности, которым необходимо следовать. Была сформирована ООН, которая должна была показать, что мир может сосуществовать и двигаться в общем направлении поддержания мирового порядка. Можно было бы утверждать, что появилась правовая идеология на основе международного права, которая установила равновесие между государствами, но события в мире показали совершенно другой результат, который доказывает, что до установления международного правопорядка еще далеко.

Прежде всего международная правовая идеология оказалась несостоятельна ввиду проблем международного права, на основе которого она и пыталась формироваться. Прежде всего это право условно-легитимно. С одной стороны, государства принимают общие правила, с другой – есть яркие случаи нарушения этих правил и норм и даже попытки манипуляции. В качестве примера нарушений можно привести вторжение США в Ирак и манипуляцию международным правом, когда это вторжение пытались оправдать с трибуны ООН, ссылаясь на необходимость данной меры ввиду угрозы мировому правопорядку, но на деле это лишь подтверждало «растущий эгоизм наиболее мощных

государств и интегрирующихся групп государств, пытающихся силой использовать свои экономические, военно-политические и финансовые преимущества, а также интеграционные механизмы в борьбе за контроль над ресурсами, территориями, народами, сферами влияния» [2, с. 6]. Таких случаев много, и зачастую они исходят от «главных пропагандистов» международного права и «международных ценностей» в лице США и Европы. С помощью этих правил они сдерживают другие страны и народы от обретения и поддержания суверенитета. Противостоять этому могут лишь крупные государства в лице России и Китая. Россия могла бы стать связующим звеном между Западом и Востоком, но этого не произошло ввиду того, что позиции России и Китая пытались ослабить, нарушая основу международного права, что ознаменовало его крах. Современные конфликты, которые вновь обострились, лишь подтверждают это.

Главной причиной тому можно считать тот факт, что нынешнее международное право обеспечено лишь доброй волей участников, признающих его [3, с. 311]. Закономерным является нарушение международного права государством, если тем самым государство пытается решить свои национальные вопросы и обеспечить собственный суверенитет, который является важным признаком сильного и независимого государства, поэтому и создается убеждение в бесполезности международного права, невозможности формирования на его основе общей правовой идеологии и установления мирового правопорядка. Ошибочно утверждать, что формирование международного правопорядка невозможно, как и невозможно формирование международной правовой идеологии. Правовые идеологии англосаксонской, немецкой, романской и скандинавской правовых семей в целом совпадают [5, с. 80], а различия определяются различными факторами (политическими, экономическими). Также если рассмотреть мировое сообщество и обратить внимание на союзы, создаваемые государствами, то можно увидеть способ установления правопорядка в мире. Создание региональных образований способствует объединению государств, которые не имеют между собой противоречий и стремятся объединиться с целью получения экономической и политической выгоды. В рамках таких союзов (например, ЕАЭС, БРИКС) действует право интеграционного типа [3, с. 315], на основе которого может сформироваться правовая идеология, которая будет действовать внутри этого союза, тем самым устанавливая правопорядок. Отсутствие разногласий и общность интересов, которые будут обеспечены правовой идеологией, – ключ к установлению правопорядка. После формирования подобных союзов можно будет говорить, о создании общих соглашений и правил, которые будут действовать между этими союзами и удовлетворять интересы участников этих союзов, тем самым делая эти правила приемлемыми и легитимными в мировом сообществе и образуя общий консенсус в вопросе организации международного взаимодействия. В результате чего можно будет утверждать о формировании общей ценностной надстройки – международной правовой идеологии.

На данном этапе мировое сообщество только начинает формировать союзы, в рамках которых существовал бы правопорядок и легитимность действующих внутри норм [6, с. 18]. Чтобы сохранить данную тенденцию, необходимо решить существующие международные противоречия, которых накопилось большое количество.

В любом случае международный правопорядок – это хрупкая система взаимодействия субъектов геополитики. Международная правовая идеология играет важную роль, так как является стабилизирующим элементом правопорядка, но ввиду большого количества противоречий, существующих в мире, сложно сказать, когда будет установлен правопорядок в мире. Однако очевидно, что в основу правовой идеологии войдут важные принципы, которые имеют гуманистические начала, и идеи о важности и ценности государственного суверенитета.

Список литературы

1. Исаков В. Б. Право и идеология в демократическом обществе // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 11–15.

2. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование / [С. Ю. Кашкин и др.]. М. : Проспект, 2015. 484 с.

3. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества : монография. М. : Норма, 2017. 384 с.

4. Раков К. А. Современный правопорядок: формальные и содержательные основания : монография. М. : Проспект, 2023. 120 с.

5. Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право : в 2 т. / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М. : Международные отношения, 2011. 726 с.

6. Правкин И. В. Иррациональное в праве // Современное право. 2015. № 6. С. 17–19.

Поломошнова А. А.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Медушевская Н. Ф.,***
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ПРИЧИНА ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Важным показателем степени цивилизованности общества является уровень развития в нем правовой системы и состояние правосознания. От этого зависит, насколько осознанно отдельные индивиды или социальные группы будут следовать нормам права, законности, существующей в данном социуме. В настоящий момент во всем мире эта тема весьма актуальна, ведь большинство сфер жизни и степень своевременности решения многих социально-политических вопросов напрямую зависят от уровня правового сознания граждан, от их стремления активно участвовать в претворении правовых норм в повседневную жизнь.

Правосознание имеет ряд функций, в которых раскрывается его роль и социальное назначение в обществе, и необходимо, чтобы сотрудники правоохранительных органов четко представляли и осознавали не только структуру, но и технологию правосознания, ведь его проблематика составляет основу деятельности специалистов, занимающихся вопросами профилактики противоправного поведения.

Правосознание – это прежде всего психическое отражение человеком государственно-правовой действительности в виде обобщенных понятий и образов. Оно значительно отличается от других видов общественного сознания (политического, религиозного, нравственного, эстетического).

Следует отметить, что в современном обществе с высоким и стремительным уровнем развития могут складываться различные взгляды на принятые государственными органами правовые нормы. Благодаря анализу фактов искажения правосознания в силу негативного восприятия правовой сферы, приданию законодательству неправовых свойств проявляется и такой феномен, как деформация правосознания. Она влечет за собой формирование у индивидов ошибочного восприятия правовых норм, приписывание им неаргументированных, вымышленных характеристик, как положительных, так и отрицательных. Деформация правосознания – это социальное явление, оно характеризуется своей динамикой, различием форм проявления, которые могут быть разной степени тяжести. Одной из форм проявления деформации правосознания является правовой нигилизм [2].

Правовой нигилизм можно рассматривать как осознанное пренебрежение принятыми правовыми нормам и требованиями закона. Это выражается в недоверии

---

[1] © Поломошнова А. А., 2023.

в потенциальную и реальную силу права, в желании руководствоваться самостоятельно проанализированными идеями, подчас не соответствующими действительному содержанию законов. Распространению правового нигилизма может послужить ряд причин, одна из которых использование государством правовых норм для подавления общественного мнения общества, минимизация индивидуальной воли человека.

В этой связи следует проанализировать проблему обращения граждан по личным вопросам нарушения прав и свобод в государственные и муниципальные органы публичной власти. Люди ждут, что им окажут помощь в защите и осуществлении их прав. Но, к сожалению, нередки случаи, когда к проблемам граждан наблюдается пренебрежительное отношение. Люди могут столкнуться с сотрудниками, которые в силу низкой правовой подготовленности и неграмотности не смогут адекватно ответить на тот или иной вопрос. Результатом таких ситуаций может стать деформация правосознания граждан, которые сделают вывод, что государство, якобы используя правовые инструменты, не способно обеспечить безопасность правам и свободам, решить правовой казус.

Выделяют различные уровни правового нигилизма:

1. Общий (общесоциальный) уровень выражается в отрицании правовых норм всей социальной системой, в том числе и управленческими структурами.

2. Уровень отдельных социальных с структур (политических и неполитических).

3. Личный. Правовому нигилизму подвержен отдельный индивид.

На сегодняшний день ученые-юристы отмечают, что правовой нигилизм в России получил довольно широкое распространение не только среди населения, но и в официальных структурах: государственных и муниципальных органах, политический партиях и т. д.

Н. И. Матузов и А. В. Малько пишут, что «нигилизм… одна из форм мироощущения и социального поведения» [1, с. 123]. Действительно, поведение правовых нигилистов отличается пренебрежительным отношением к существующим институтам права. В обществе и социуме каждый человек должен соблюдать нормы права, чтобы не нарушать права и интересы другого во избежание конфликтных ситуаций, которые могут привести к плачевным и даже катастрофическим последствиям. Для этого государство как гарант безопасности граждан устанавливает определенные границы поведения в обществе. Человек как социальное существо должен постоянно взаимодействовать с другими, и это является одной из основных его потребностей. Таким образом, правовые нигилисты, выражающие оппозицию действующему законодательству, являются в социальном мире опасными индивидами, поскольку их действия, не опирающиеся на правовые нормы, могут затронуть права и свободы другого человека, помешать функционированию общества в целом.

Идеи и проявления правового нигилизма необходимо устранять, поскольку в век современных технологий сознание общества подвергается постоянным воздействиям, как положительным, так и отрицательным, следовательно, правовой нигилизм можно преподнести как «положительное» явление, путем манипуляции общественным сознанием в целом.

Таким образом, правовой нигилизм является одной из основных причин деформации правосознания граждан, он выражается в отрицательном отношении индивида к существующим правовым нормам и действующим законам. Правовой нигилизм как деформация правосознания является дестабилизирующим фактором, который в конечном итоге может привести к падению эффективности функционирования общества и его дальнейшей деградации [3]. Согласно авторской концепции, основной причиной возникновения правового нигилизма является нестабильность политических институтов, низкая правовая подготовленность государственных органов, методы и способы осуществления власти через неправомерное подавление индивидуальной воли. Одной из основных задач по преодолению деформации правосознания населения является поиск юридических и социальных способов решения актуальных проблем общественной жизни, дальнейшее совершенствование законодательства, правовая просвещенность и правовое воспитание.

Список литературы

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2004. 245 с.

2. Осипов М. Ю. Понятие и особенности формирования правосознания // Современное право. 2013. № 13. С. 7–11.

3. Петров В. Р. Деформация правосознания граждан России (Проблемы теории и практики) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2000. 222 с.

Саможен Е. С.[1]*,*
курсант Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Лановая Г. М.****,*
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917–1920 ГГ.: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

К проблеме правосознания обращаются многие ученые, занимающиеся проблемами теории и истории государства и права, отмечая, что она является комплексной и сложной, требующей описания не только теоретической стороны, но и условий жизни человека, исторических событий и других условий его существования. Типы правосознания человека настолько разнообразны, что описание правосознания вообще, без указания исторического и/или культурного контекста, невозможно. Мы рассмотрим российское правосознание в контексте исторических событий, которые происходили в 1917–1920 гг.

Вообще правосознание можно определить как представления общества в определенный период времени на определенной территории о нормах и правилах, которыми руководствуются люди в своей ежедневной деятельности, о правовых ценностях и идеалах, а также о способах и пределах правового регулирования общественной жизни со стороны государства и его властных органов.

Выбранный период является одним из переломных моментов как для политической жизни нашей страны, так и для представления людей о праве и государстве. В это время эволюционирует общественная оценка органов власти и государственных структур, определяются предпосылки существовавшего до 1991 г. правосознания советского типа.

Данный период нельзя назвать малоизученным, так как на протяжении следующего столетия многие авторы обращались к нему. Однако проблема состоит в том, что отношение к нему полярно, т. е. одни авторы полностью поддерживают существовавший тогда правовой порядок, другие выступают против него. Это связано с тем, что исследователи являются либо приверженцами коммунистической идеологии (если исследования были проведены в период существования Советского Союза), либо его ярыми противниками (в случае, когда авторы исследовали данную проблематику после 1991 г.).

Любое явление никогда не может быть полностью негативным или положительным, в нем всегда можно найти как одни, так и другие черты. Однако, лишь немногие авторы, рассматривая политическую и историческую картину событий тех лет, уделяют должное внимание изменениям в общественных отношениях, обусловившим трансформацию системы ценностей.

---

[1] © Саможен Е. С., 2023.

Мы сделаем попытку проанализировать правосознание в обозначенный период максимально объективно, без предвзятости, рассмотрев при этом все реалии общественной жизни, в которых существовали граждане нашей страны в первые годы советской власти, и сделать вывод о причинах, предпосылках и особенностях феномена правосознания в России в начале XX в.

Прежде всего это время можно рассматривать как период слома традиционных ценностей и построения на основе коммунистической идеологии нового типа правосознания – советского. Его обычно выделяют, так как оно обладает собственными отличительными чертами и не похоже на правосознание других типов.

Изменение правосознания граждан в рассматриваемый период влияло как на правотворческую деятельность власти, так и на практику применения правовых норм и на правовое поведение большей части общества, которое впоследствии стало советским народом с четко присущей ему позицией, идеологией и согласовывалось с правительственным курсом развития страны.

Начало рассматриваемого периода мы связываем с Октябрьской революцией 1917 г., с установлением в стране советской власти, которая начинает строить свою политическую систему и претворять в жизнь свои ценности и идеологию. И хотя основу данной системы составлял марксизм как правовая концепция классовой борьбы, в России он преломляется через призму существовавших ранее ценностей коллективизма, общинности и религиозности, приобретая тем самым специфическую окраску и преобразуясь в идеологию большевизма. Поэтому мы считаем необходимым принять во внимание особенности основных установок и представлений, существовавших у граждан страны до начала рассматриваемого нами периода.

Идеи социализма окончательно утвердились в России именно благодаря тем социально-экономическим и культурным условиям, которые существовали в стране ранее: наличие большинства в лице рабочих и крестьян без образования и с низким уровнем правовых знаний и меньшинства в виде элиты, которая осуществляла власть в стране. Идеология большевиков как раз и строилась на идее о том, что указанную несправедливость необходимо изменить, отдав принятие властных решений большинству. На этой идее базировалось вообще большинство социалистических учений и доктрин. Правящая партия верно смогла определить, что необходимо обычным гражданам, и заявить о курсе на достижение тех идеалов, которые были понятны всем и каждому. При этом даже те, кто не обладал высоким уровнем правосознания, могли уяснить для себя базовые установки правящей элиты и считали их верными [1, с. 165].

Странно было бы, если бы имела место другая картина, ведь большевики заявляли о том, что власть отдается народным массам, они будут решать вопрос о дальнейшем развитии страны, кроме того, они получат рабочие места, необходимую для жизни заработную плату и жилье, а при правильно выбранном курсе страна в дальнейшем достигнет коммунизма, при котором каждый человек будет получать по своим потребностям. Все эти заявления не могли оставить равнодушными простых рабочих и крестьян, которые до этого сталкивались с поборами и несправедливостью. (Забегая вперед, скажем, что декларировать определенные

положения – еще не значит их исполнять.) Существовавшие до начала преобразований в умах российских граждан ценности и установки позволили им точно и правильно воспринять предложенные большевиками идеи и практические меры по их претворению в жизнь, а положения из учения марксизма, например, связанные с диктатурой пролетариата, очень гармонично связались с желанием обычных граждан избавиться от гнета элит, которые долгие годы эксплуатировали их.

Итак, установление диктатуры пролетариата нашло поддержку у большей части населения, привело Россию к Гражданской войне, которая закончилась победой большевиков, что говорит о верно избранных правящей партией идеологической опоре и курсе развития.

В эти годы советские правоведы, например, П. Стучка или М. А. Рейснер, делали акцент на то, что право должно существовать лишь как нормативное закрепление порядка действий при возникновении тех или иных правовых казусов между гражданами. Кроме того, для них важным было не только избавление от всех ранее существовавших нормативных закреплений, но и создание новых законов, которые должны были существовать в таком виде, чтобы при необходимости они могли быть изменены в 24 ч [6, с. 225]. Господствовало узкопозитивистское правопонимание, которое подразумевало, что право – это нормативные акты, законы. Его еще называют легистским – когда правом признается все, что установлено властными институциями и в его содержание не включаются никакие другие элементы, что характерно для широкого понимания данного явления [5, с. 419].

Произошедшие перемены в политической жизни страны, возникшие вследствие победы пролетариата в Великой Октябрьской революции, напрямую повлияли на выстраивание новой правовой системы. Право в Советской России в 1917 – конце 1920 гг. именовалось «революционным», этот же термин использовали и тогда, когда характеризовали правосознание народа, кроме того, достаточно честным и открытым шагом было введение термина «революционная целесообразность», что позволяло осуществлять многие правовые изменения [4, с. 167].

В первые годы революции партийные установки и изданные директивы становились новой общественной нормой. Возникшая правовая система, которая именовалась системой «пролетарского права», могла стать оправданием для власти при принятии ею спорных решений, а главным способом такого оправдания было указание на произведенные действия «во имя высоких целей», которые могли быть абсолютно разными. Не зря В. И. Ленин говорил, что «плох тот революционер, который останавливается перед незыблемостью закона. Высшее «революционное» право, служащее делу коммунизма, дозволяет то, что не допускает ни одна из систем позитивного права и никакое сознание, содержащее определение «право» в строго юридическом его значении, – прямое, неконтролируемое, беспредельное и массовое насилие, открывает безбрежный неограниченный простор для любых, каких угодно акций» [3, с. 89]. Именно на таких правовых постулатах базировалась система права в ранние годы существования СССР.

Концепцию нового права как средства осуществления диктатуры пролетариата активно развивал и внедрял в практику деятельности властных органов

Д. И. Курский, который был народным комиссаром юстиции в 1918–1928 гг. Он выдвигал на первый план деятельность «революционных народных судов» в качестве нового источника правотворчества, акцентируя при этом внимание на том, что «в своей основной деятельности – уголовной репрессии – народный суд абсолютно свободен и руководствуется, прежде всего, своим правосознанием» [2, с. 91].

Строительство коммунизма происходило в условиях противоборства с культурной жизнью человека. По этой причине действующая власть стремилась противопоставить себя христианству как духовному фундаменту страны. В. А. Туманов, проанализировав данное явление, пришел к выводу, что «как только страна отказалась от тоталитарных методов правления и попыталась встать на путь правового государства, как только люди получили реальную возможность пользоваться правами и свободами, так сразу же дали о себе знать низкий уровень правовой культуры общества, десятилетия царившие в нем пренебрежение к праву, его недооценка. Юридический нигилизм при востребованном праве оказался куда более заметным, чем при праве невостребованном» [7, с. 20].

Влияние на правосознание оказывает в том числе и духовное состояние общества, его стремление к нравственным идеалам. Для правовой системы нашей страны важным была смена ценностных установок, которая и повлияла на развитие обществе с приходом к власти большевиков. Ценности нового правосознания русского человека были основой для понимания и преобразования большевиками учения о классовой борьбе в своих интересах с последующим установлением диктатуры пролетариата как правящего класса. По этой причине в России были созданы условия для того, чтобы возможно было быстро и максимально незаметно для жизни обычных граждан производить замены в формах властного регулирования права, а также в изменении теории и идеологии, на которой строилось общество.

Закон в это время рассматривался учеными и обычными гражданами лишь как формализированный источник, в котором закреплялись нормы, сложившиеся в правоотношениях между людьми. Именно поэтому создание новых законов, а также их последующее применение базировались, в первую очередь, на задачах, которые ставила революционная политика, т. е. предполагалось, что они должны быть целесообразными для правящей партии и ее идеологии.

В то же время система права, существовавшая в первые годы советской власти, все еще являлась гарантом соблюдения прав и свобод граждан страны, считалась справедливой и следующей принципам законности и обоснованности, хотя в то же время существовала и так называемая «революционная целесообразность», из-за которой имели место значительные отклонения от моделей поведения, предписываемых существующим правом в качестве обязательных. Закон как форма выражения права являлся скорее формальным закреплением норм и носил факультативный характер.

Отрицание позитивного права сменяется представлениями о революционной законности как системе норм, которые гарантировали защиту классовых интересов большинства революционно настроенного общества. Процесс создания такой законности был основан на преобразовании буржуазных норм

и принципов права, которое осуществлялось в рамках идеологии советской политико-правовой системы.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея : Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. Судьба России. М. : Сварог и К, 1997. 540 с.

2. Евстратов А. М. Правосознание и правовая культура в период формирования Советского государства в 1920–1930-е гг.: Историко-теоретическое исследование : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2001. 39 с.

3. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958. 330 с.

4. Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. Т. 33. М. : Политиздат, 1969. 434 с.

5. Мальцев Г. В. Понимание права: подходы и проблемы. М., 1999. 419 с.

6. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925. 276 с.

7. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. 748 с.

8. Туманов В. А. Пульс реформ: юристы и политики размышляют. М., 1989. 370 с.

Долженко Г. В.[1]*,*
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Гарашко А. Ю.****,*
доцент кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГОСУДАРСТВОМ

Гражданское общество – одно из основных явлений, изучаемых социальными и правовыми науками. Актуальное значение оно приобретает именно в наше время в связи с возросшей активностью граждан во всех сферах общества. Понятие «гражданское общество» происходит от двух понятий: «гражданский» и «общество». Разберем их этимологию.

Общество в широком смысле – совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга; в узком смысле – тип общения, предстающий как исторически определенная целостность или относительно самостоятельный элемент этой устойчивой целостности. Термин «гражданский» может представать в четырех значениях:

– сфера имущественных частных отношений, регулируемых гражданским правом;

– антитеза термину «военный»;

– антитеза термину «церковный»;

– морально-этическая категория, позволяющая оценить человека по его гражданской активности.

Таким образом, гражданское общество предстает перед нами как общность политически активных граждан, понимающих свой долг друг перед другом и перед государством.

Одним из первых философов, выделивших гражданское общество в самостоятельную категорию, был Платон. Декларируемые им идеи о том, что людям от рождения присущи такие качества, как долг, добродетель, ответственность, мудрость, а также факт его критики государственной власти приводят к мысли о том, что, помимо государственной активности, есть и активность отдельных граждан, не охватываемая государством.

Понятие «гражданского общества» можно также связать с идеей полиса, выдвинутой Аристотелем и развитой впоследствии Цицероном. Быть членом полиса значило быть гражданином – принимать на себя обязательства соблюдать правила, созданные полисом и сосуществовать с другими гражданами без нанесения им вреда.

---

[1] © Долженко Г. В., 2023.

Макиавелли, в связи с политическими веяниями своего времени, считал, что пиком проявления общественности является государство, а долг каждого гражданина – служить государству. При этом он полагал, что необходим образ сурового, но справедливого государя, который, имея монополию на насилие, будет ей пользоваться только в исключительных случаях, не нарушая при этом личных и имущественных прав своих подданных [5, с. 152]. То есть, по сути «правление без нарушения прав подданных» – это невмешательство в дела гражданского общества.

Так, Платон, Аристотель, Цицерон и Макиавелли развели понятия «государство» и «гражданское общество», хотя и не вполне осознанно. Они определили, что, помимо государства, есть некая субстанция, живущая по своим законам и взаимодействующая с ним. Уже более осознанно ставился вопрос о гражданском обществе у Гоббса, Локка, Руссо и других мыслителей XVII в. [3].

Гоббс, говоря о гражданском обществе, выражает свои мысли не вполне последовательно: в одних случаях гражданское общество у него – синоним государства, в других – абсолютно самостоятельная сущность, отличная от государства и активно взаимодействующая с его аппаратом. Локк, говоря о гражданском обществе, считает, что оно появилось раньше государства и имеет определенный примат над ним: у граждан есть право на восстание, если государство посягает на их естественные права. Неотъемлемым правом человека и гражданина Локк считает право на частную собственность, поэтому при сосуществовании людей принцип частной собственности нарушаться не должен. В целом государство по Локку – орган охраны гражданского общества от злоупотребления людей своими естественными правами.

Новые мысли относительно концепции гражданского общества высказывал и Монтескье. Гражданское общество у него – одна из ступеней исторического развития, стоящая после семьи, рода, племени и перед государством, но не вытесненная им. Он разделяет и законы на государственные и гражданские. Гражданские законы регулируют правоотношения граждан, связанные с их добровольными объединениями и оборотом имущества [1, с. 22]. Государственные законы, в основном, устанавливают политические рамки действий граждан. Монтескье замечает диалектическое единство этих законов – они находятся в противостоянии и постоянном развитии, при этом одно не может существовать без другого. Руссо трактует государство как «узаконенное» при помощи общественного договора гражданское общество. Так, оно тоже имеет право на свержение абсолютизма и диктатуры в случае подавления естественных прав. Однако основой взаимодействия людей является не уважение к частной собственности, а добрая воля и желание на объединение в общины.

Таким образом, если обобщить взгляды мыслителей, затрагивавших вопрос гражданского общества и его взаимодействия с государством, можно вывести следующие выводы. Гражданское общество возникло в результате исторического развития в период кризиса феодальных отношений, начала революционных движений, формирования правового государства и «просвещенного абсолютизма». Основными условиями возникновения гражданского общества являются экономический базис – частная собственность граждан и их волеизъявление

на объединение. В качестве исторических предпосылок возникновения гражданского общества можно выделить ликвидацию сословных привилегий и секуляризацию церкви, что привело к возвышению роли человека и гражданина в государстве, появлению у него ряда неотъемлемых прав, на которые никто не может посягать. Гражданское общество и государство – силы, находящиеся в диалектическом единстве: одно не может существовать без другого. В развитых странах в середине XX в. сложилась определенная модель гражданского общества, базирующаяся на приоритете частной собственности и индивидуальных интересов [1, с. 37]. Для такого гражданского общества характерно большое количество представителей «среднего класса», большое количество добровольных объединений граждан – политических партий, общественных движений, выражающих интересы самых разных слоев общества. В государствах, в которых гражданское общество только начинает формироваться, характерны определенные черты как авторитаризма, так и демократии. То есть государство не только создает условия для возникновения добровольных объединений граждан, но и вмешивается в функционирование гражданского общества, из-за чего оно еще не может развиться в полной мере, так как гражданское общество по своей сути должно функционировать отдельно от государства, но в тесном взаимодействии с ним.

Список литературы

1. Бляхман Б. Я. Гражданское общество: теоретическая конструкция или практическая реальность? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2005. № 4. С. 32–49.

2. Сигалов К. Е. Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 3–7.

3. Платон. Государство. СПб. : Наука, 2015. 570 с.

4. Аристотель. Политика. М. : Астрель, 2012. 393 с.

5. Макиавелли Н. Государь. М. : Эксмо, 2003. 653 с.

Корнюхина Е. С.[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Гарашко А. Ю.***,
доцент кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Формирование законопослушного поведения личности – сложное, многоаспектное явление, проникающее во многие сферы деятельности и направленное на выработку правосознания у индивидов и правовой культуры общества в целом.

Существует мнение, что правомерное поведение и правовое воспитание, посредством которого и формируется законопослушный образ жизни у граждан, направлены только на построение правового государства и гражданского общества [5, с. 162], однако это только один из основных аспектов, для чего вообще нужно это законопослушное поведение. В чем же еще заключается суть рассматриваемой категории?

Как справедливо отмечает правовед, действующий судья Д. В. Рукавишников, законопослушное поведение, в первую очередь, есть ответственное правомерное поведение индивида, которое характеризуется сознательным подчинением требованиям закона [6, с. 7]. Уже из этого определения можно выделить два аспекта, которые раскрывают более широкое значение законопослушного поведения, – ответственность и сознательность. Иными словами, законопослушное поведение следует понимать, как самостоятельное волевое решение каждого человека соблюдать закон. Немного спорной представляется формулировка «подчинение требованиям закона»: если имеет место сознательное законопослушное поведение, то говорить о подчинении не приходится, поскольку индивид в собственном сознании понимает, что соблюдать общеобязательные правовые нормы – это естественно и нормально, это не требует каких-либо особых усилий, например, подчинения. На наш взгляд, в этом и заключается основная суть формирования законопослушного поведения у современной молодежи: человек должен сознательно понимать, что соблюдение законодательных норм есть не что иное, как естественный процесс жизнедеятельности, направленный на поддержание личного, общественного и государственного порядка.

Почему же так важно формирование законопослушного поведения именно у молодежи? Этому есть ряд разносторонних причин: на первый план здесь выходит психологический аспект – молодому сознанию необходимо задать вектор понимания правовой действительности, а также указать установленные законом границы правомерного поведения. Это особенно актуально в подростковый период и в юношестве (условно от 14 лет и примерно до 21 года), когда происходит пик

[1] © Корнюхина Е. С., 2023.

формирования собственного сознания, взросления личных воззрений относительно тех или иных явлений. Также в рассматриваемом возрасте зачастую имеет место протест против установленных правовых и нравственных норм, пренебрежительное отношение к закону, порядку, власти, не имеющее при этом под собой никакой существенной подоплеки, и обусловленное лишь стремлением подражать кому-либо, обладающему таким же юношеским нигилизмом [3, с. 206]. И в дополнение нельзя не отметить тот фактор, что воспитывать молодые умы и прививать им правовые ценности легче и эффективнее, нежели старшему поколению с устоявшимися взглядами на то или иное правовое или общественное явление.

Следующая причина имеет характер нравственно-правовой, поскольку заключается в необходимости формирования уровня правового сознания у каждого гражданина с молодого возраста. Законопослушное поведение невозможно без четкого понимания, для чего нужно соблюдать закон и какие последствия могут наступить в случае его нарушения. Молодежь, особенно, учащиеся старших классов, должны четко уяснить ряд факторов:

– соблюдать и не нарушать закон – естественно и нормально, это не требует никаких особых усилий;

– нарушение общеобязательных законодательных норм влечет юридическую ответственность, которую в некоторых случаях уже с 14 лет придется нести самостоятельно;

– нормальное функционирование и развитие общества и государства невозможно без соблюдения закона.

Также стоит отметить, что если ранее мы упомянули о таком явлении, как юношеский нигилизм, то теперь важно обратить внимание еще на одно проявление отношения молодежи к установленному в обществе и государстве порядку – нонконформизм. Индивиды, ввиду упомянутых ранее собственных внутренних юношеских протестов, нередко стремятся к самовыражению путем противопоставления своих взглядов господствующему в государстве правопорядку. И здесь уже зачастую имеют место активные противоправные действия, направленные на дезорганизацию установленного порядка и влекущие за собой наступление юридической ответственности [2, с. 343]. В этой связи формирование правосознания и законопослушного поведения у современной молодежи является единственным экологичным способом предотвращения подобного рода антиобщественных проявлений.

Еще одной нравственно-правовой причиной важности формирования законопослушного поведения у современной молодежи является необходимость понимания человеком с ранних лет неотвратимости правовых последствий. Чаще всего, несовершеннолетние лица имеют убеждение в том, что в случае совершения ими каких-либо противоправных деяний, ответственность за это понесут не они, а их родители, поскольку являются законными представителями своих детей. И здесь очень важно уже на первых уроках обществоведения донести до учащихся тот факт, что юридическая ответственность бывает разной и возраст ее наступления зависит от совершенного деяния и тяжести противоправных последствий этого деяния. Например, общий возраст уголовной ответственности, предусмотренный в ч. 1 ст. 20 УК РФ, – 16 лет, однако представляется полезным

на уроках правоведения закрепить графически, например, в виде схем или таблиц, конкретные составы, закрепленные в ч. 2 ст. 20 УК РФ, за которые уголовная ответственность наступает уже в 14 лет. И в этой связи важно отметить, что цель такой меры – в первую очередь просветительская, а не устрашающая [2, с. 345]. Просто в сознании молодых людей должна сформироваться четкая причинно-следственная связь: нарушил закон – наступила юридическая ответственность.

Заслуживает внимания и тот печальный факт, что приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 874 «Об утверждении Порядка разработки и утверждения федеральных основных общеобразовательных программ» предмет «Право» ныне покинул перечень обязательных к изучению в рамках старших классов школы [1]. Остается не совсем понятной логика этого шага, особенно при учете того, что сейчас, ввиду мировых событий, как никогда актуально прививать молодежи правовые знания и формировать правовую компетентность молодого поколения.

Социолог Е. Л. Чернышова провела социологический опрос о правовой и ценностной ориентации у современной учащейся молодежи, по его результатам сделаны следующие выводы: 78 % учащихся старших классов и студентов 1–2 курсов ответили, что испытывают высокую потребность в получении правовых знаний, обусловленную желанием ознакомиться со своими правами и обязанностями, а также осторожностью: респонденты справедливо отметили, что не хотели бы стать жертвами мошеннических действий преступников, использующих правовую безграмотность населения в своих корыстных целях; 22 % опрошенных ответили, что правовые знания необходимы современной молодежи для того, чтобы иметь высокий уровень нравственно-правового и культурного развития [7, с. 128–129].

Несомненно, что каждое из вышеприведенных мнений является верным и логичным. И в этой связи нельзя не повторить: незнание закона не освобождает от ответственности. Представляется позитивным тот факт, что учащиеся старших классов и студенты осознают необходимость изучения правовых норм, правового воспитания и законопослушного поведения. Можно предположить, что, несмотря на исключение из школьной обязательной программы урока права, учащиеся самостоятельно будут изучать законодательные основы, действующие в нашем государстве.

И еще одной существенной причиной формирования законопослушного поведения у современной молодежи является необходимость поддержания установленного общественного и государственного порядка, что не представляется возможным без соблюдения законов населением. Безусловно, указанную причину можно было бы поставить на первое место в рамках проводимого исследования, однако без личного понимания каждым человеком необходимости соблюдения законодательных норм поддержание порядка в государстве недостижимо. Здесь снова имеет место отсылка к психологическому аспекту законопослушного поведения, поскольку каждому индивиду проще сформировать отношение к какому-либо явлению через призму собственных воззрений, а вектор этих воззрений нужно задавать посредством правового воспитания и правового образования [8, с. 174].

Итак, очевидно, что все приведенные причины необходимости формирования законопослушного поведения у современной молодежи находятся в тесной взаимосвязи, дополняя и раскрывая друг друга.

Можно резюмировать, что цель формирования законопослушного поведения у современной молодежи заключается в необходимости развития правового сознания и правовой культуры молодого поколения, в достижении молодыми людьми понимания значения права как гаранта всеобщего порядка и блага, а не как средства устрашения и принуждения, знания ими своих прав и обязанностей и осознания возможной юридической ответственности.

Формирование законопослушного поведения у современной молодежи становится возможным посредством:

– знания закона, через повышение уровня правовой грамотности населения и правового просвещения уже в стенах школ, колледжей и вузов;

– обращения к закону: в случае возникновения конфликтных ситуаций молодое поколение должно понимать, что решать их необходимо в рамках правового поля посредством применения законодательных норм, а не иными, противоречащими закону, способами;

– уважения закона, что снова указывает на необходимость осознания молодежью права как гаранта обеспечения всеобщего порядка и блага, а не как приказ, средство принуждения или наказание [4, с. 58–59].

Таким образом, в формировании законопослушного поведения у современной молодежи важнейшую роль имеет правовое сознание, правовое воспитание и правовое просвещение, в связи с чем считаем, что Министерству просвещения необходимо вновь пересмотреть общеобразовательную и вернуть в число обязательных уроков предмет правоведения; в училищах, колледжах и вузах предусмотреть возможность ознакомления с основами права всех студентов, а не только обучающихся на профильных факультетах. Всеобщее правовое просвещение однозначно будет способствовать развитию Российской Федерации в качестве правового государства, поддержанию установленного законом порядка, профилактике преступности, формированию законопослушного поведения современной молодежи.

Список литературы

1. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 874 «Об утверждении Порядка разработки и утверждения федеральных основных общеобразовательных программ» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211020040.

2. Авязова А. А. Роль правового воспитания молодежи в профилактике преступлений // E-Scio. 2022. № 6 (69). С. 341–347.

3. Жидяева Е. С. Правовой нигилизм и его влияние на формирование девиантного поведения молодежи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7-1 (70). С. 205–208.

4. Припечкин В. В. Функциональная роль правовой культуры в формировании правосознания молодежи // Уголовный закон: современное состояние

и перспективы развития : материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной ко дню принятия Уголовного кодекса Российской Федерации. Воронеж : Амиста, 2018. С. 55–59.

5. Рубанова М. Е., Портенко Н. Н. Правовое воспитание молодежи как фактор формирования правовой культуры общества // Молодежь, власть, общество: проблемы и перспективы взаимодействия : сборник статей Международной научно-практической конференции. Саратов : Центр социальных агроинноваций СГАУ, 2021. С. 162–167.

6. Рукавишников Д. В. Понятие законопослушного поведения // Адвокатская практика. 2011. № 2. С. 6–10.

7. Чернышова Е. Л., Иванов Д. В., Рощупкина Е. И. Социально-психологическое исследование ценностных ориентаций учащейся молодежи // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2022. Т. 19. № 1. С. 125–130.

8. Раков К. А. Социальные основания правопорядка // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 173–176.

Ярмак М. К.[1]*,*
слушатель Института-факультета судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Клименко А. И.****,*
начальник кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Общими целями идеологической функции государства являются унификация ценностей, легитимация государственной власти, снятие социальной напряженности, консолидация общества, мобилизация общества для достижения конкретных целей [4, с. 16–18]. Перед тем как рассмотреть ее трансформацию в период, когда страна стоит перед серьезными вызовами и нуждается в мобилизации своих ресурсов для решения стоящих перед ней задач, будет полезно обратить внимание на опыт Советского государства в период Великой Отечественной войны.

В СССР была установлена общеобязательная идеология, однако в период Великой Отечественной войны она претерпела ряд изменений. Реализовывалась политика укрепления идейных основ патриотизма и единства народов. Усилилось прославление героического прошлого народов СССР. Применялся широкий спектр пропагандистских мер (в том числе новаторских для того времени), в частности, применялись новые методы пропаганды [3, с. 407–411]. Несмотря на первоначальную строгость идеологических принципов, в СССР было принято решение расширить и укрепить социальную базу поддержки путем расширения содержания самой идеологии и ее «смягчение». Это, в частности, нашло выражение в частичном обращении к религиозным идеям и постановке на службу государственным и общенародным интересам Русской православной церкви, которая конструктивно встраивалась в идеологический механизм государства. Все это было направлено на идеологическую мобилизацию общества, на снятие социальной напряженности и решение других целей идеологической функции государства.

Следует отметить, что, когда перед государством встает задача социальной мобилизации, становятся наиболее заметны недостаточно проработанные идеологические вопросы. Объем и своевременность принятых в ходе социальной мобилизации мер обуславливает не только итог выполнения или невыполнения конкретных задач, но и последующие настроения в обществе, что напрямую влияет на государственный строй.

Каковы же признаки и средства смены идеологического строя в Российском государстве на современном этапе?

Например, количество выступлений Президента Российской Федерации Владимира Путина, за исключением традиционных выступлений накануне нового

[1] © Ярмак М. К., 2023.

года и прямой линии, с 2021 г. существенно увеличилось. Именно с этого года можно говорить о необходимости социальной мобилизации в период критических ситуаций: сначала пандемия COVID-19, позднее – начало специальной военной операции (далее – СВО).

Был принят ряд оправданных мер по недопущению вредоносного идеологического воздействия. Так, в рамках Федерального закона от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были внесены изменения в УК РФ. Формулировки ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации» и ст. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» являются примерами свидетельства стремления к точному и правдивому освещению ситуаций в ходе СВО и желания государства предотвратить деструктивное идеологическое воздействие со стороны недружественных иностранных государств и их агентов внутри страны.

Следует выделить ряд требований, которым должна отвечать идеологическая функция Российского государства в условиях социальной мобилизации в связи с экзистенциальными вызовами Российской государственности со стороны западной микросистемы.

Это прежде всего необходимость диалога и обратной связи. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», увеличение количества выступлений Президента России, выступления других представителей государства в социальных сетях и в интернете говорит о том, что государство готово к живому конструктивному общению в целях консолидации общества для выполнения насущных задач. Также следует отметить требование к полноте и достоверности информации, которое сложно удовлетворить в условиях функционирования различных агитационных информационных площадок в сети Интернет, контролируемых иностранным капиталом, однако целый ряд шагов по этому направлению сделан. Совершенствуется информационное взаимодействие органов государственной власти и населения, информационно-идеологическая деятельность государства стала более интенсивной, что не может не вызывать одобрения в контексте современной внутриполитической и международной обстановки.

Идеологическая функция современного Российского государства, проявляется сегодня во всех решениях и действиях государственного аппарата. Однако условия идеологической конкуренции и информационной войны порождают необходимость совершенствования форм и средств идеологической работы. Современные реалии, в частности, применительно к юридической науке не только позволяют – требуют от ученых-юристов и особенно от юристов-теоретиков не только изучать идеологические аспекты Российского государства, но и предлагать свои варианты как нынешней идеологической политики, так и направлений ее совершенствования в будущем.

Список литературы

1. Бакунин М. А. Государственность и анархия. М. : Книжный Клуб «Книговек», 2014. 701 с.

2. Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М. : Алгоритм, 2003. 238 с.

3. История России : учебник / [А. С. Орлов и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби : Проспект, 2004. 520 с.

4. Клименко А. И. Актуальные проблемы осуществления идеологической функции государства и развития правовой идеологии : учебное пособие. Смоленск : Смоленская городская типография, 2009. 277 с.

Парадников П. А.[1]*,*
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Клименко А. И.****,*
начальник кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОПОРЯДКА

Правопорядок является неотъемлемой частью правовой системы правового государства. Он представляет собой своего рода инструмент в руках государства, задачей которого является оказание регулирующего влияния на людей и их поведение, на их коммуникативные отношения и связи.

А. Ф. Черданцев рассматривал правопорядок как «определенную систему общественных отношений, складывающуюся на основе права и законности» [3, с. 197]. Это определение представляется достаточно удачным и позволяет заключить, что общественные отношения, возникающие при ежедневном и привычном нам контакте социальных акторов, урегулированные правом, конкретными нормативными правовыми актами, образуют упорядоченную систему, помогающую человеку мирно существовать в современном обществе.

Соблюдение правопорядка жизненно важно для поддержания устойчивой системы современного правового государства, а также для недопущения роста беззаконности и анархии в обществе. Система правопорядка включает сегменты государственного и гражданского правопорядка. Если государственный правопорядок формируется за счет усилий государственной власти, то гражданский образуется стихийно, за счет самостоятельного упорядочения общественных отношений самими гражданами государства. Государственный правопорядок ориентирован на поддержание организованного состояния общества, на гарантирование законности и справедливости. Государственный правопорядок формируется за счет грамотно выстроенной нормативной правовой базы, благодаря чему осуществляется гарантия законности в государстве. Гражданский правопорядок, самоорганизованный и саморазвивающийся, является основой построения демократических и цивилизованных общественных отношений современного общества (в частности, это характерно и для России). Он формируется на основе культурных и ценностных факторов. Это объясняется тем, что общество стремится к созданию комфортной окружающей среды, удовлетворяющей все его (общества) потребности, как духовные, так и материальные, а достигается это путем выстраивания четкого плана, который формируется в общественном сознании как раз на основе сформировавшейся в таком обществе культуры.

Гражданский и государственный сегменты правопорядка взаимозависимы. Для создания модели легитимного порядка необходимы усилия государства. При

[1] © Парадников П. А., 2023.

плохо развитой системе гражданского правопорядка, где будут деградировать и «проседать» духовная, экономическая, культурная и тем более политическая сферы, невозможно формирование надежного и эффективного государственного аппарата и, как следствие, эффективного механизма реализации государственного правопорядка.

Для эффективной реализации правопорядка в целом нужна устойчивая нормативная правовая база, регулирующая общественные отношения во всех сферах жизни общества и государства на основе принципов легальности и легитимности, а также взращивание здорового правосознания в обществе на основе культурных, духовных и нравственных ценностей, что впоследствии даст возможность формирования системы гражданского правопорядка, обладающего способностью к саморегуляции общества.

Правосознание представляет собой форму общественного сознания, включающую в себя идеи, убеждения, правовые взгляды настроения и чувства отдельных социальных акторов. Во всем этом выражается отношение гражданина государства к провозглашаемому государством праву, его явлениям и поведению человека. Если правильно направлять и ориентировать граждан государства, можно создать благоприятную атмосферу для формирования здорового правосознания, которое будет отвечать требованиям государственной власти и при этом устроит самого гражданина. Здоровое правосознание в современном демократическом государстве, где «человек, его права и свободы являются высшей ценностью и признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства» (ст. 2 Конституции Российской Федерации), будет иметь исключительно положительную характеристику, ведь такое правосознание будет сориентировано на принципы законности, гуманности и справедливости.

Справедливость является одной из принципиальных идей правовой идеологии. Идею справедливости в одной из своих работ описал А. И. Клименко: «Идея справедливости является одной из базовых идей, образующих правовой дискурс. Это именно правовая идея. В сочетании с идеей порядка идея справедливости дает ключ к осмыслению основных правовых проблем в социальном измерении. Эта идея связана с идеями порядка, меры, равенства, ответственности» [2, с. 37]. Все дело в том, что в правосознании идея о справедливости занимает ведущее место ввиду неустанного и вполне объяснимого человеческого желания равномерного распределения как благ, так и издержек между всеми субъектами правоотношений независимо от статуса таких субъектов, материального и иного положения в обществе.

Таким образом, правовая идеология как элемент структуры правосознания должна строиться вокруг идей о справедливости, законности, а также должна соответствовать тенденциям современности. В условиях перехода к постиндустриальному обществу с цифровой трансформацией государств, с развитием телекоммуникационных технологий, с появлением Глобальной сети интернет и в целом с развитием средств массовой информации – значительно расширился перечень инструментов и возможностей для влияния на сознание не только отдельного человека (гражданина), но и на целые группы и даже массы людей. Влияние извне

на правовую идеологию вносит свои коррективы в систему правосознания общества. Да, идеология и правосознание могут быть подвержены внешним воздействиям, склонным к переменчивости, что далеко не всегда является положительным.

Идеологический фактор имеет весьма важное значение в установлении правопорядка, и его ни в коем случае нельзя оставлять без внимания. Дело в том, что влиять на сознание человека идеология может двояко: конструктивно и деструктивно [4, с. 152]. Каким будет это влияние, зависит от развития и состояния идеологической работы с обществом, поддержки продвижения традиционных ценностей российского общества и, в частности, правовых ценностей.

Если по названным направлениям государственной и общественной деятельности работа будет проводиться не в полном объеме или один из этих критериев будет вовсе упущен при организации системы воспитания здорового правосознания – идеологический фактор станет влиять на общество деструктивно, под воздействием радикальных оппозиционных движений и вмешательства со стороны иностранных государств. Таким образом, если не обращать должного внимания на нравственные и традиционные для нашего общества идеи, у граждан может формироваться и стремительно развиваться правовой нигилизм. Радикально и негативно настроенная деструктивная оппозиция будет пользоваться такой неустойчивостью общественного правосознания, что может привести к массовому отрицанию любых действий государственной власти, «раскачиванию» общественных настроений и стать причиной массовых беспорядков.

Примером правильного и своевременного развития здорового правосознания граждан путем акцентирования внимания на традиционных для России духовно-нравственных ценностях является Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где дано определение понятию «традиционные ценности»: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [1]. В Указе эти традиционные ценности конкретно названы: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [1].

Учитывая, что современное демократическое государство, целью которого является создание легальной и легитимной системы как государственного, так и гражданского правопорядка, нуждается в воспитании здоровой системы правосознания, данный Указ имеет важнейшее значение в контексте рассматриваемого вопроса. Задача воспитания здорового правосознания граждан будет актуальна

всегда, постоянно будет составлять предмет многочисленных дискуссий в юридической науке [5, с. 169]. Жизнь не стоит на месте, развиваются средства производства, производительные силы и производственные отношения, не стоят на месте технологии, развиваются государство и право, идеология и средства идеологического воздействия, а также иные элементы надстройки. Все это будет требовать постоянного переосмысления идеологической составляющей правопорядка.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906.

2. Клименко А. И. Основные правовые ценности, идеи и концепты в содержании современной правовой идеологии // Закон и право. 2015. № 10. С. 35–41.

3. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М. : Юрайт, 1999. 429 с.

4. Раков К. А. Формальные и содержательные основания правопорядка: проблема оптимального соотношения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 1 (27). С. 152–156.

5. Попов В. И. К вопросу о конституционном закреплении понятия гражданского общества в Российской Федерации // Право и образование. 2020. № 5. С. 168–172.

Пьячева П. Ю.[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Гарашко А. Ю.***,
доцент кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Жизнедеятельность современного общества немыслима без работы по повышению уровня просвещения населения в сфере правовой культуры в связи с активизацией деятельности по обману населения. Реализация вышеуказанных остроактуальных ориентиров будет более плодотворной при подключении социально значимых организаций, а также средств массовой информации.

В основе работы по общественному правовому просвещению должна лежать система взаимодействия комплексов информационных субъектов, обладающих широким спектром коммуникационных инструментов.

К субъектам правового просвещения населения можно отнести такие социальные институты, как семья, учреждения среднего и высшего образования, церковь, а также средства массовой информации, обладающие в настоящий момент несомненным приоритетом в этом направлении. Фундаментальным субъектом формирования правовой культуры является государство (в лице органов государственной власти), которое доминирует в наличии возможностей влияния на общество.

Реалии современного общества таковы, что средства массовой информации присутствуют в жизни человека постоянно и влияют на правовую культуру населения ежечасно и непрерывно, тогда как другие субъекты имеют возможность производить такое воздействие не всегда, а лишь периодически. Средства массовой информации могут информировать граждан об их юридических правах и законодательных изменениях, тем самым помогая формулировать их правовые проблемы, запросы, т. е. проводить своего рода правовую профилактику.

Возможности средств массовой информации как субъекта формирования правовой культуры имеют и созидательную специфику. Пресса часто полемизирует законодательство, подзаконные акты, практику их применения и т. д. Эту информацию можно и нужно использовать для совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности.

В законе Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» в средства массовой информации включены: «периодические печатные издания, радио-, теле- и видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы распространения массовой информации». В настоящее время в это понятие необходимо добавить и интернет, т. к. его возможности

[1] © Пьячева П. Ю., 2023.

позволяют обращаться за получением информации к различным источникам. Однако интернет имеет и обратную сторону – обилие входящей, навязываемой пользователю информации.

Средства массовой информации как инструмент правового просвещения населения обладает следующими особенностями:

– они являются инструментом распространения информации, причем не только правовой, но и неправовой, на массовую аудиторию. Именно независимые средства массовой информации способны оказывать достаточное влияние на рассредоточенное население, независимо от местоположения человека он будет получать информацию;

– благодаря средствам массовой информации люди могут не только получать правовую информацию, но и ориентироваться в ней достаточно серьезно, в том числе и в социально значимых явлениях и проблемах. Помимо этого, сведениями, полученными из средств массовой информации, люди могут оперировать в различных сферах жизни;

– актуальностью информации. Сегодня очень востребованы такие средства массовой информации, которые способны оперативно предоставить свежую правовую информацию, например, о политической ситуации в стране или о недавно изданных законах и поправках к ним [2, с. 22];

– доступностью информации. В отличие от официальных законов, средства массовой информации подают правовую информацию в легкой для усвоения форме. Помимо этого, доступность информации также подразумевает ее бесплатное или весьма символически оплачиваемое получение;

– способностью создавать единую активную общественную позицию по тем или иным вопросам, интегрировать ее в социум.

Средства массовой информации и основные социальные институты (такие, как государство, семья, образовательные учреждения и общественные организации) являются инструментом формирования и совершенствования правосознания у населения и правовой культуры в широком смысле [4, с. 9]. Помимо того, средства массовой информации также имеют далеко не последнее значение в оказании влияния на население: они способны к непрерывному формированию правовой культуры не только определенных категорий граждан, но и широких слоев населения.

Средства массовой информации играют немаловажную роль в формировании правосознания населения. Несмотря на то что определенные категории населения, в частности, люди преклонного возраста, в меньшей степени связаны с социальными сетями, они также находятся под воздействием средств массовой информации, например, телевидения.

Сегодня средства массовой информации принимают активное участие в преодолении негативных тенденций в правовой и морально-правовой сферах, опираясь на законодательство и корректируя правовую информированность населения.

Средства массовой информации также имеют возможность влиять и оказывать целенаправленное воздействие на приобретение правового опыта, получаемого из изучаемых правовых источников, законодательных актов и т. д., а также на обеспечение просвещения населения в области права для более разумных

действий граждан, касающихся урегулированных нормами права отношений в дальнейшем. С помощью средств массовой информации формируются ориентиры на ценности в области права [1, с. 122].

Средства массовой информации выступают не только в роли субъекта и инструмента формирования правовой культуры и правосознания гражданина, но и в качестве инструмента правового обучения, способного воспитать уважение к закону. Одним словом, средства массовой информации являются неотъемлемой частью социальной жизни современного общества, так как активно встраиваются во все процессы, происходящие в мире [5, с. 168].

Подводя итоги, можно сказать, что средства массовой информации приобрели достаточную популярность относительно недавно, однако очень быстро заняли лидирующие позиции, оставив позади кино, литературу, а также средства наглядной пропаганды и агитации в системе инструментов формирования правосознания населения. Правовое просвещение населения через средства массовой информации является необходимым условием повышения правовой культуры граждан.

Список литературы

1. Зарубина Е. В. О путях повышения правового культуры в России // Экономическая, правовая и духовная культура России на рубеже тысячелетий : тезисы конференции. Т. 1. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 1999. С. 23–27.

2. Мартынкина Д. Ю. Правовое просвещение населения через печатные СМИ: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 5. С. 72–78.

3. Гришнова Е. Е. Правовая культура в политическом пространстве России. М. : Институт инфраструктуры предпринимательства, 2005. 155 с.

4. Ларина Н. Призрак бюджетной революции // Аргументы недели. 2004. № 44. С. 9.

5. Попов В. И. К вопросу о конституционном закреплении понятия гражданского общества в Российской Федерации // Право и образование. 2020. № 5. С. 168–172.

Пасканова К. И.[1]*,*
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Медушевская Н. Ф.****,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРИЧИНЫ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В эпоху развития и становления постиндустриального общества отчетливо видны изменения во всех сферах общественной жизни. Наиболее существенной является проблема формирования правосознания молодежи. В условиях политической и экономической нестабильности ужесточаются требования, предъявляемые к правосознанию населения, формированию его правовой культуры. Особое внимание уделяется развитию правовой техники и законодательства, в том числе принятию гражданами требований правовой нормативности и иных правовых ценностей.

К сожалению, правосознание, будучи сильнейшим социальным регулятором, в современных реалиях терпит ряд деформаций. Вследствие этого актуализируется вопрос, связанный с выявлением причин, условий и иных детерминант, оказывающих влияние на его формирование. Говоря о правосознании молодежи, стоит обратить внимание и на ее общую культуру, ее особенности и недостатки, ведь культура молодежи не тождественна культуре взрослого населения, молодые люди часто отвергают устоявшиеся принципы, традиции и идеалы.

Недостаточная социальная зрелость подростков приводит к тому, что они ищут пути самовыражения среди своих сверстников. Именно в данной среде начинается процесс их дальнейшей социализации, в ходе которой они усваивают нормы этой неформальной группы. И очень часто эти нормы противоречат нормам права и основным принципам морали.

Характерными особенностями правовой культуры российской молодежи являются следующие:

– отсутствие интереса к политической жизни общества (абсентеизм);
– разделение населения по национальному и имущественному признаку;
– криминализация сознания;
– подверженность влиянию со стороны антиобщественных групп и пропаганды.

Противоречия в становлении правосознания, по мнению К. Т. Бельского, «условно можно разделить на три группы:

– противоречия между правосознанием и общественным бытием;
– противоречия между различными элементами правосознания (между правовой психологией и правовой идеологией, между нормами права и другими элементами правосознания);

---

[1] © Пасканова К. И., 2023.

– противоречия внутри каждого элемента правосознания (в правовой психологии, в правовой идеологии, в обыденном сознании, в теории, в норме права)» [1].

Можно выделить несколько факторов, влияющих на процесс формирования правосознания молодежи: внешние и внутренние, природные и социальные. Главным из них является социализация, так как именно в процессе усвоения новых знаний и умений индивид формирует свои базовые знания и отношение к праву. В условиях динамичного российского общества социализация молодежи протекает хаотично. Кризис правосознания во многом связан с низким уровнем правовой культуры в целом.

В качестве культурных, социальных и психологических особенностей формирования сознания молодежи ученые выделяют: эмоционально-чувственное отношение к миру (этим они существенно отличаются от предыдущего поколения, которому свойственно рационально-логическое восприятие окружающей обстановки), оптимизм, беззаботность, стереотипное мышление, незаинтересованность в политической жизни, информационная перегрузка и т. д.

Информационная перегрузка, или, как ее называют многие исследователи, информационная атака, наиболее характерна в условиях информатизации современной жизни. Так, воздействие на молодежь предпринимается с помощью рекламы и агитации, в том числе и через социальные сети, а также посредством массы пропагандисткой информации, вследствие чего у молодых людей пропадает доверие к правдивости и объективности этой информации. Отсюда вытекает еще одна особенность молодежного сознания: доверять только той информации, которая поступила от человека своего поколения, от ровесника.

Основными формами проявления деформации правосознания являются:

– правовой нигилизм – отрицание роли права как социального регулятора общественного поведения, категорическое несогласие с его значимостью для общества и государства. На его основе может формироваться молодежный экстремизм, выражающийся в крайне радикальных взглядах, что может привести к разрушению государственной целостности, провокации общественных беспорядков, террористическим действиям и т. д. Экстремистские движения получили возможность своего распространения во многом благодаря интернету. Многие мессенджеры и социальные сети функционируют вне государственного контроля, поэтому пропаганда запрещенных движений и антиправовых настроений осуществляется достаточно просто. Стоит отметить, что во многом это связано и с пробелами в законодательстве. Так, в Российской Федерации, несмотря на быстрый уровень цифровизации и информатизации, до сих пор нет норм права, регулирующих отношения в указанных сферах. Причинами развития правового нигилизма многие ученые-историки называют нестабильность российского законодательства и права в целом, многообразие его источников в процессе формирования и исторического развития. Подобное положение обусловлено наличием «конфликта интересов – реально необходимых (законов и правовых учреждений) группе с доминирующим экономическим интересом (в момент перестройки – номенклатуре) и провозглашаемых (идея правового государства противоречила самой сути деятельности номенклатуры)» [3, с. 80];

– правовой или юридический идеализм. Деформации правосознания противоположна правовому нигилизму. Для идеализма характерна чрезмерно высокая оценка права в процессе регулирования общественной жизни, убежденность в том, что с его помощью можно решить все социальные, политические и экономические проблемы. Предпосылки к рассматриваемому феномену появились еще задолго до советского времени. Исследователи отмечают, что «в нашей стране правовой нигилизм имеет глубокие корни, которые уходят еще в дооктябрьскую историю России». При этом признается тот факт, что усиление этого феномена происходит именно в современном обществе: «высокомерно-пренебрежительное и снисходительно-скептическое отношение российских граждан к праву, оценка его не как базового и основополагающего социального института, а как второстепенного явления в общественной жизни соответствующе характеризует уровень цивилизованности гражданского общества и состояние его духа» [2, с. 3];

– еще одной, не менее важной формой проявления деформации правосознания является его амбивалентность. Чаще всего она выражается в неоднозначной оценке того или иного явления, в данном случае – восприятия норм права и их роли. Двойственная характеристика правовой действительности во многом мешает молодежи сформировать свою позицию по отношению к правовой культуре.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что в эпоху информатизации и сложившейся сложной политической обстановки особое внимание стоит уделять процессу формирования правосознания населения. Наиболее уязвимой группой, подверженной деформации правосознания, является молодежь, что происходит в силу воздействия нескольких факторов. Во-первых, несформированность психики и мировоззрения, во-вторых, подверженность влиянию третьих лиц, антиобщественных групп и пропаганды, в-третьих, отсутствие программы содействия в развитии правовой культуры. Деформация правосознания может привести к очень серьезным последствиям, выраженным в дестабилизации российского общества. Именно поэтому необходимо применить механизмы социально-управленческого характера как со стороны общества, так и со стороны государства.

Список литературы

1. Бельский К. Т. Социалистическое правосознание. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1979. 384 с.

2. Гуляихин В. Н. Правовой нигилизм в России : монография. Волгоград : Перемена, 2005. 279 с.

3. Ослунд А. Право в России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 1. С. 80–84.

Трухачев А. А.[1]*,*
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Мельник Е. В.****,*
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОВЕТСКОЕ КЛАССОВОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Становление советского правосознания начинается с октября 1917 г., затем развивается сообразно трансформации Советского государства. Исследователь М. А. Гусарова считает, что в первые годы советской власти революционное правосознание было не только отправной категорией при объяснении феномена общественного правосознания, но и считалось основой принципа революционной законности в советском обществе и государстве [1, с. 68]. Известный советский правовед П. Стучка подчеркивал, что революционное правосознание складывается в народных массах непосредственно под влиянием победы Октябрьской революции и подразумевает противостоящую буржуазному правосознанию совокупность правовых идей и идеологий, определяющих правовое поведение. Высшим типом правосознания становится социалистическое правосознание как система научно разработанных идей, распространенная в массах господствующего класса [8, с. 90].

А. В. Мицкевич писал, что «конституционные взгляды рабочего класса в период подготовки революции по своему содержанию были главным образом революционно-демократическими. Однако они выражали и стратегический план большевистской партии, направленный на осуществление немедленного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В этом смысле взгляды рабочего класса и его партии служили главным выражением социалистического правосознания в период подготовки Октябрьской социалистической революции» [5, с. 50].

В широком смысле под революционным правосознанием понималась идеология пролетариата, который и совершил Октябрьскую революцию. Однако, по мнению исследователя Т. Е. Новицкой, с которой трудно не согласится, основную часть жителей в дореволюционной России составляли крестьяне, поэтому говорить о диктатуре и правосознании только пролетариата будет неправильно и уместнее трудящихся крестьян также отнести к источнику революционного правосознания.

Революционное правосознание было закреплено в декрете СНК о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. Так, в п. 5 сказано: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуясь в своих решения и приговорах законами

[1] © Трухачев А. А., 2023.

свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [2]. Из этого следует, что с 22 ноября 1917 г. советское революционное правосознание было официально закреплено и стало обязательным элементом правового регулирования, более того – и официальным источником права, так как в тот период количество советских законов не могло восполнить необходимые пробелы права.

Считалось, что революционным правосознанием обладали все представители трудящихся классов, благодаря чему трудностей в формировании народных судов не было. Однако анализ деятельности народных судов показал недостатки новой системы, известны случаи самоуправства и самосуда. По замыслу руководителей страны, в частности, В. И. Ленина, советское революционное правосознание считалось неким инструментом, благодаря которому можно управлять представителями народных масс.

В 1922 г. Г. М. Португалов в работе, посвященной советскому революционному правосознанию, обратил внимание, что именно революционная совесть внесла наибольший вклад в построение государственного строя. Рассуждая об идее соотношения декретов и революционного правосознания, он делает вывод о том, что доктрина социализма включает в себя духовные, нравственные и бытовые элементы, а декрет – отражает в себе эти элементы, т. е. революционное правосознание [6, с. 32]. Автор подчеркнул верховенство социалистического правосознания над декретами, которые являются, по его мнению, всего лишь правовыми путеводителями.

По мнению А. В. Луначарского, революционное правосознание представлено в обществе как интуитивное право, которое выражено в классовых интересах пролетарского общества [4, с. 35]. Интуитивное право могло существовать только в условиях революционных изменений, это было право, которое создавалось как творчество в условиях величайших изменений государственного устройства.

Идея социалистической революции заключалась в уравнивании прав представителей малых и больших классов. вот идея права возникает тогда, когда равенство между людьми нарушается.

Классовое право подразумевает право пролетариата. Право пролетариата отрицает наличие естественного права. К наиболее принципиальным особенностям классового права относятся право на союзы, труд, стачки.

М. А. Рейснер считал, что право и его элементы – это компромисс, который основывается на идеологии общества [7, с. 332]. Как известно, общество представляют разные классы, которые имеют разные идеи, поэтому образуется своего рода пестрая ткань разных правовых требований. Классовое право не направлено на установление общественной тирании, оно направлено на обеспечение договорных отношений.

Исторически пролетарское право начинается с момента установления диктатуры пролетариата и окончания Гражданской войны, именно в этот период классовое правосознание обретает ведущую роль в формировании правопорядка. В этой обстановке, как утверждал В. И. Ленин, право обосновывает себя как единый инструмент власти.

К 1924 г. пролетарское право переходит в господствующее право Советского Союза [3, с. 59]. Таким образом, классовое право стало субъективным, а это значит, что ему присущи такие идеалы, которые образуют равенство в государстве.

Советское правосознание на протяжении своего существования так или иначе реструктуризировалось. В постреволюционное время речь шла о революционной совести или о революционном правосознании. Затем был введен термин «правосознание трудящихся классов», который был позднее изменен на термин «революционное коммунистическое правосознание». Логическим завершением этой эволюции является становление социалистического правосознания.

Конечный вид социалистического правосознания отличался от предыдущих форм понимания права. Во-первых, социалистическое правосознание является инструментом укрепления социалистического права. Развитие нравственных идеалов подвигает граждан к уважительному отношению к советским законам. Во-вторых, оно выступает гарантом правильного применения права как в судебной, так и в законодательной ветви власти. В-третьих, социалистическое правосознание организует систему правообразования.

В итоге анализа явно прослеживается перспективная линия развития классового советского правосознания. В первые годы существования советской власти революционное правосознание являлось одновременно источником и инструментом советского права. На смену революционному правосознанию пришло социалистическое, которое перестало являться источником права, а играло лишь идеологическую роль в формировании правовой системы.

Список литературы

1. Гусарова М. А. Эволюция концепций правосознания в советской правовой науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11. С. 67–71.

2. Декрет СНК РСФСР о суде // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1917. № 4. Ст. 50.

3. Источники российского права. Вопросы теории и истории. М. : Норма, 2005. 336 с.

4. Луначарский А. В. Революция и суд // Материалы НКЮ. Вып. 2. М., 1918.

5. Мицкевич А. В. Роль революционного правосознания в формировании конституционных принципов Советского государства // Труды научной сессии, посвященной 40-летию первой Советской Конституции 1918 г. М., 1959. С. 46–59.

6. Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петроград, 1922. 50 с.

7. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925. 276 с.

8. Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931. 336 с.

Меликовский А. А.[1]**,**
магистрант кафедры
теории государства и права и политологии юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ В ИХ СООТНОШЕНИИ

Проблема правосознания в научной и учебной литературе по теоретическому правоведению стала классической. Ни один автор фундаментальных юридических трудов в настоящее время уже не оставляет данный вопрос без внимания. Тем не менее теория правосознания, вероятно, самая неразработанная, по существу не проанализированная и в этом смысле загадочная правовая теория.

Уже в названии «правосознание» встречаются два без преувеличения магических понятия и явления: «право» и «сознание». Если в отношении первого есть некоторые устоявшиеся в науке подходы, то в отношении второго небезосновательно можно утверждать, что современная наука (как естественная, так и социогуманитарная) находится в состоянии полного мрака. Конечно, знаменитая мысль И. Канта о том, что юристы все еще ищут свое определение права, ставшая универсальной формулой, сущностным принципом теоретического юридического познания, не утратила своей актуальности и в современности [4, с. 3; 9, с. 29]. Все же ситуация с правопониманием более ясная, чем по сравнению с исследованием феномена сознания.

Известный американский нейрофизиолог XX – начала XXI в., теоретик сознания Дж. Боген высказал замечательное сравнение, которое, аналогично кантовской мысли, стало универсальным принципом в исследовании вопросов сознания. Рассмотрев множество вариантов в использовании понятия сознания, он пришел к выводу, что многие из них имеют «общее, центральное ядро». Для его характеристики Дж. Боген вводит понятие «важнейшее ядро сознания» – *the crucial core of consciousness*, или просто «свойство С»[2] [16; 17]. «Попытка указывать на С – все равно, что указывать на ветер, – утверждает ученый. – Мы можем лишь указать на последствия ветра. На самом деле мы не видим самого ветра, а только развевающиеся листья или пыль и дым, переносимые ветром. Аналогично с С, мы обнаруживаем его присутствие по его последствиям» [15]. Приведенная образная сентенция автора аллегорически демонстрирует всю сложность проблемы сознания. Ситуация еще более усложняется, если учитывать, что наряду с сознательным существует и подсознательное (З. Фрейд), или бессознательное (К. Юнг).

В любом случае, оба феномена (право и сознание) роднит то, что мы не знаем и, скорее всего, не узнаем, *что* они собой представляют. Но так или иначе мы предпринимаем попытки хотя бы уяснить в самом общем виде (умозрительно) некоторые вопросы их взаимосвязи (отношения) и соотношения. Правда, в отечественной теоретико-правовой литературе акцент делается немного на другой проблеме – на соотношении права и правосознания.

---

[1] © Меликовский А. А., 2023.

[2] Дж. Боген – не единственный ученый, который приходит к аналогичному выводу. У понятия «свойства С» в нейрофизиологии, когнитивистике, философии есть множество иных названий. Например, «опыт от первого лица» [18], «субъективность» [19], «осведомленность» [20] и многие другие аналоги этого понятия.

Очевидно, что право является частью культуры, из чего следует, что право – часть сознания (т. е. право и сознание находятся в отношении подчинения). Наиболее последовательное следование данной позиции позволяет констатировать, что право и есть правосознание (модель тождества права и правосознания). Более умеренная интерпретация данного подхода может позволить выделить модель включения права в правосознание. Ключевые идеи этих подходов впервые были освещены в психологической теории права. Представителями данного подхода к разрешению проблемы соотношения права и правосознания были выдающиеся русские правоведы Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер, П. А. Сорокин. Нетрудно заметить, что именно из отождествления права и сознания (включая подсознание) и следует самая оригинальная идея психологического подхода – концепция интуитивного права Л. И. Петражицкого [8].

Из зарубежных мыслителей право как правосознание рассматривали, например, Н. Неновски – право как «специфическое правосознание» [7, с. 72], А. Подгурецкий – право как «взаимное отношение правомочий и обязанностей, выраженное обычно в общественном сознании» [10, с. 260] и др.

Помимо модели включения права в правосознание, в науке высказывалась и обратная позиция включения правосознания в право. Такой подход последовательно обосновывал Р. З. Лившиц. Так, он утверждал, что право (правовая действительность, правовая материя) существует в трех проявлениях, в трех формах: в форме правосознания, идеи, представления о праве; в форме норм права; в форме социальных отношений. Это определение весьма любопытно: получается, что «правосознание – часть общественной идеологии, та ее часть, которая связана с правом» [3, с. 15]. Внимание ученых-юристов догматического направления сосредоточено на соотношении права и правосознания, рассматриваемом во многом с точки зрения марксистской традиции.

Следует заметить, что проблема правосознания впервые была комплексно исследована в русской юридической науке как проблема (форма, способ) бытия права и государства (правовой действительности, правовой реальности). Первый мыслитель, который всецело охватил данную проблему, – И. А. Ильин. В начале своего знаменитого труда «О сущности правосознания» он утверждает, что всем людям присуще известное мировоззрение, что все люди имеют свой эстетический вкус, что все люди стоят в известном постоянном отношении к голосу совести, что у них имеется характерное для человеческой души правосознание. Очень важно, что И. А. Ильин подошел к этой проблеме с позиций идеализма [13, с. 146–167]. То, что он начинает повествование по существу с констатации факта взаимосвязи мировоззрения, «эстетического вкуса», совести, души и правосознания, очень ценно для теоретико-правовой науки, поскольку его подход представляет собой основу для альтернативной интерпретации проблемы правосознания, что, несомненно, обеспечивает гуманитарную научность (а не одномерную идеологизированность) рассматриваемой проблематики [6, с. 54–57][1].

[1] Данный тезис далеко не бесспорный: противоположной позиции придерживаются И. А. Калиниченко, О. В. Зиборов и А. И. Клименко. С их точки зрения, идеалистические концепции выполняют идеологические задачи, а значит, носят псевдонаучный характер [2, с. 3–8].

На сегодняшний день практически во всех учебниках по теории государства и права на этот подход и эту взаимосвязанность внимания вовсе не обращается. И. А. Ильин не говорит о том, что правосознание – это субъективное отношение к действительности (ее восприятие), что известно в науке как тезис о правосознании как отражении, получившей развитие в марксистко-ленинской теории государства и права, в рамках материалистической онтологии, согласно которой материя первична по отношению к сознанию. И. А. Ильин утверждает обратное: правосознание (идеи) порождает (порождают) действительность. Именно в правосознании существует право и государство как политико-правовые феномены. Действительность выступает лишь отражением правосознания. С практической точки зрения именно в этом смысле правосознание рассматривается в качестве генетического источника права, фактора правообразования.

Однако И. А. Ильин отнюдь не первый, кто исходил из этого. Классические теории естественного права (т. е. периода Нового времени) основаны на идее человеческого разума как источника права (естественного права). Причем в классических теориях разум – непосредственный источник права. Этим классика существенно отличается от современности: в новейших естественно-правовых теориях правосознание (разум) – опосредованный источник права. Место непосредственного источника заняло общество (это можно с полной уверенностью утверждать с учетом тенденций признания дискурсивных практик), что сильно сближает современные естественно-правовые и социологические теории права.

В рамках своей концепции И. А. Ильин также отмечал взаимосвязь права и правосознания. По его мнению, «право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой жизненной силой; а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность. В то же время, по мысли ученого, «право тогда осуществляет свое назначение, когда правосознание примет его, наполнится содержанием и позволит новому знанию влиять на жизнь души, определять ее решения и направлять поведение человека. Тогда право станет силой во внутренней жизни общества, а через это и его внешней жизни» [1, с. 40].

По-другому проблема правосознания рассматривалась в рамках советской юридической доктрины. Там прослеживается классический марксистский обществоведческий подход. Первый, кто комплексно исследовал проблему правосознания-отражения, был И. Е. Фарбер [12]. В его работе откровенно доказывается, что правосознание – не более чем форма общественного сознания, т. е. отражение действительности (материя) в сознании (причем только в общественном, отрицая индивидуальное).

В этой традиции (за исключением отрицания существования индивидуального правосознания) освещали и по сей день освещают проблемы правосознания советские и большая часть современных ученых-юристов [11, с. 615–626; 14, с. 337–345]. Такой взгляд на правосознание как на отражение действительности обусловливает решение вопроса о соотношении права и правосознания как феноменов, выступающих отдельными, относительно самостоятельными элементами в правовой системе общества.

Таким образом, в науке теоретического правоведения существует два подхода (модели) к разрешению проблемы соотношения права и правосознания: модель их отождествления (модель включения права в правосознание) и модель их разграничения (включая модель их относительной автономии и модель включения правосознания в право).

Список литературы

1. Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.
2. Калиниченко И. А., Зиборов О. В., Клименко А. И. Материалистический подход и идеалистические концепции в современной теоретико-исторической правовой науке // История государства и права. 2022. № 11. С. 3–8.
3. Лившиц Р. З. Теория права : учебник. М. : Бек, 1994. 208 с.
4. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999. 419 с.
5. Меликовский А. А. Современный теоретико-правовой кризис и проблема междисциплинарности // Аграрное и земельное право. 2022. № 9. С. 7–10.
6. Меликовский А. А. Междисциплинарность и методологический плюрализм правоведения // Аграрное и земельное право. 2022. № 11. С. 54–57.
7. Неновски Н. Право и ценности. М. : Прогресс, 1987. 248 с.
8. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Слово, 1907. 656 с.
9. Пищулин А. В. Правопонимание: теоретические вопросы формирования понятия // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 1. С. 29–41.
10. Подгурецкий А. Очерк социологии права. М. : Прогресс, 1974. 325 с.
11. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. М. : Проспект, 2017. 744 с.
12. Фарбер Е. И. Правосознание как форма общественного сознания. М. : Юридическая литература, 1963. 206 с.
13. Фролова Е. А. Рациональные основания права: классика и современность : монография. М. : Проспект, 2020. 576 с.
14. Экимов А. И. Социалистическое правосознание. Правовая культура // Теория государства и права. 1987. С. 337–350.
15. Bogen J. E. An approach to the physiology of consciousness. URL: https://web.archive.org/web/20050509023015/http://www.its.caltech.edu/%7Ejbogen/text/350kversion.html.
16. Bogen J. E. Intralaminar nuclei and the where of awareness. Cambridge : Cambridge University Press, 2007, pp. 14–46.
17. Bogen J. E. On the Neurophysiology of Consciousness. I. An Overview. Consciousness and Cognition.
18. Fessard A. E. Mechanisms of Nervous Integration and Conscious Experience.
19. Flanagan O. Consciousness Reconsidered. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1992, 252 p.
20. Goldman A. I. Consciousness, Folk Psychology and Cognitive Science. Consciousness and Cognition.

Зыкин Н. И.[1]*,*
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Раков К. А.****,*
старший преподаватель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ПРАВОСОЗНАНИЯ В ТЕОРИИ Т. ГОББСА

Актуальность работы заключается в том, что зарождение и укрепление правосознания – необычайно сложный и долгий процесс, охватывающий множество различных факторов и контекстов. Одним из таких факторов является секуляризация, которая нивелирует внеположную объективность в лице Бога и устраняет божественную букву закона. Нами будет проделан теоретический анализ естественной школы права для выявления ее специфики.

Ярким представителем идеи естественных прав человека является английский философ Томас Гоббс. Он известен своей фундаментальной работой «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского», в которой обосновывает свои политико-правовые воззрения.

Гоббс указывает на то, что природа создала равенство между статусами субъектов, значит, нет никакой дифференциации прав и обязанностей между двумя, казалось бы, разными людьми. Невзирая на физическую мощь и интеллектуальные способности, люди, по Гоббсу, имеют одинаковые естественные права. Естественное право – это использование своих ресурсов по собственному усмотрению для сохранения «собственной природы». Свобода же предполагает отсутствие внешнего ограничения [2, с. 117].

С одной стороны, для политико-правовой системы это создает некую динамичность, инновационность, поскольку каждый субъект может принимать решения, предлагать альтернативы и всячески способствовать улучшению институтов и системы в целом. С другой стороны, при абсолютном равенстве субъектов их притязания на определенный объект релевантны, поскольку отсутствует внешний фон в лице, например, Бога. Поэтому Гоббс отмечает, что «из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение своих целей… если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. И на пути к достижению их цели (которая состоит главным образом в сохранении жизни, а иногда в одном лишь наслаждении) они стараются погубить или покорить друг друга» [2, с. 114].

Если ранее, допустим, политический актор в христианском дискурсе предпринимал необоснованные, порой абсурдные действия, его легитимность могла не пострадать, поскольку в этом правовом контексте осужденным может быть не только виновный, но и невиновный человек, потому что он, во-первых, критически не относился к своей жизни, а во-вторых, Бог может испытать душу человека,

---

[1] © Зыкин Н. И., 2023.

чтобы удостовериться в истинной любви к нему: «Подвергаются наказаниям вместе не потому, что совместно вели дурную жизнь, а потому, что совместно (хотя и неравномерно, но, однако же, совместно) любили жизнь временную… Затем, есть и иная причина, по которой добрые подвергаются временным бедствиям, – такая, какая имела место в отношении Иова: чтобы душа человеческая испытывала саму себя и, наконец, осознала, насколько она, в силу одного только благочестия, бескорыстно любит Бога» [1, с. 17].

Таким образом, правосознание, артикулирующееся в религиозной топике, является порождением множества конфликтов и коллизий из-за возможности списывания действий на абсолютного, полного, доброго Бога. Если взять одного из правителей, например, Генриха VIII Тюдора, можем ли мы сказать, что он был тираном? Скорее всего, да, так как каждый год его правления уносил приблизительно по две тысячи человек, осужденных за различные преступления. Даже если мы предположим, что Генрих VIII был кровавым тираном, то это все равно не помешает ему использовать смертную казнь в своих корыстных целях, так как общество не может повлиять на политическую структуру: «Ведь Петр учит нас смиренно подчиняться не только добрым и честным, но даже, как сказано во втором послании Петра, дурным господам. В самом деле, если кто-то незаслуженно претерпит страдание, это будет для него благодатью» [4, с. 240].

В теории Гоббса власть является необходимой, так как она срезает неправомерные действия для создания полного политико-правового тела, поскольку гоббсовская система предлагает изначальную деструктивную природу человека, состоящую из соперничества, недоверия и любви к славе [2]. Поэтому люди отчуждают ряд своих естественных прав суверену, заключая между собой общественный договор [5]. Однако ответственность за действия политического актора возлагается на народ, ведь именно он выбрал политического субъекта, договорившись друг с другом, принимая на свою ответственность «все действия (без исключения) человека или собрания, которых мы делаем своими суверенами» [2, с. 176]. Здесь следует отметить, что народ имеет право не повиноваться действиям суверена, если приказ нарушает главную, первостепенную функцию общественного договора – создание стабильности и безопасности. Как отмечает Гоббс, «если суверен приказывает человеку (хотя бы и по праву осужденному) убить, ранить или изувечить себя, или не оказывать сопротивления тому, кто на него покушается, или воздержаться от пищи или пользования воздухом, от употребления лекарства или от какой-либо другой вещи, без которой он не может жить, то такой человек свободен не повиноваться» [2, с. 177].

Конечно, человек должен использовать свой частный разум, следуя языком Канта, т. е. осознавать необходимость следования приказу вышестоящего начальства для ликвидации потенциального хаоса [3], но он может отказаться от этого, осознавая, что суверен может его наказать за этот отказ.

Таким образом, правосознание в гоббсовском дискурсе создается и артикулируется посредством заключения общественного договора между людьми, осознавая свои естественные права и свободы, дарованные не внеположным, трансцендентным Богом, а самой жизнью. Люди выбирают суверена, который наделяется определенными правами и выступает агентом создания политико-правового

дискурса для создания безопасности. Общество должно подчиниться правителю, так как именно его выбрало, отчуждая ряд собственных естественных прав. Однако человек может в некоторых обстоятельствах не подчиниться действующей власти, осознавая потенциальные санкции, направленные на него.

Список литературы

1. Августин Блаженный. О граде Божием. СПб. : Алетейя, 1998. 555 с.
2. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 505 с.
3. Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 8. М. : Чоро, 1994. 718 с.
4. Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Ленинград : Наука, 1990. 245 с.
5. Правовая культура и правовая идеология российского общества : сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына / сост. И. В. Правкин, К. Н. Костиков. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. 531 с.

Хаврошина А. А.[1]*,*
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Раков К. А.****,*
старший преподаватель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЦ, НАДЕЛЕННЫХ ВЛАСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

В современном мире значение правового сознания как субъективного отражения действительности приобрело большую актуальность. Это обусловлено всесторонней трансформацией и модификацией права под влиянием различных факторов: экономических, политических, социальных. Во многом трансформация права связана с изменением политической системы при переходе от советской модели управления обществом к существующей демократической системе, от социалистической централизованной экономики к капиталистической. Параллельно с этим претерпевали трансформацию и духовные ценности, и правосознание.

Правосознание как достаточно абстрактная категория представляет собой не явление модификации в конкретный момент времени, а видоизменяющийся процесс в социуме. В этой связи достаточно интересным предстает исследование трансформации правосознания лиц, наделенных особыми, властными полномочиями. Это обусловлено специфическим социальным статусом этих лиц как отдельной категории, обладающей своими правовыми устоями, целями, задачами [6]. Специфика этого статуса во много связана с возможность властных лиц требовать от третьих лиц исполнения определенных требований, связанных с реализацией их воли, которая в свою очередь должна осуществляться в рамках строго регламентированных правовых предписаний. В данном случае правовое предписание выполняет стабилизирующую, регулирующую функцию в виде установления рамок воздействия на третьих лиц. Правовое предписание в конкретных условиях может лежать в основе формирования правосознания у лиц, наделенных властными полномочиями. Оно действует в качестве феномена правоприменения, которое реализуется непосредственно через деятельность управомоченных лиц.

В связи с наделением таких лиц специальными полномочиями появляются определенные проблемы толкования правовых предписаний в собственной интерпретации. Это обусловлено прежде всего связью процесса правоприменения тех или иных правовых предписаний с субъективной волей властного лица.

Мы считаем, что зачастую одна из главных проблем современности – проявление коррупционных нарушений законодательства должностными лицами – связана именно с неправильной интерпретацией данными лицами законодательно определенных предписаний. Это происходит зачастую от изначально неправильно

---

[1] © Хаврошина А. А., 2023.

сформировавшейся формы правосознания, где правовые идеи, концепции дозволяют недопустимое законом поведение. Психическая составляющая данного явления профессиональной деформации заключается в повышенной самооценке, уверенности в безошибочности своих мнений, взглядов и поступков, а иногда и в некритическом отношении к противозаконным действиям [3, с. 36].

Также одной из проблем современного общества является интерпретация гражданами правовых и не являющихся таковыми явлений во взаимосвязи с субъектами правоприменения. В качестве примера приведем преступление майора милиции Евсюкова, который обвинялся в двух убийствах и 22 покушениях. Будучи сотрудником милиции, т. е. представителем власти, он открыл стрельбу по мирным гражданам в продуктовом магазине. Это преступление получило активную огласку в СМИ, и многие граждане стали оценивать его поведение не как преступление физического лица, а как нарушение законодательства сотрудником правоохранительных органов, хотя в момент совершения преступления Евсюков не находился на службе. И ассоциативно граждане стали проецировать эту модель поведения на все властные структуры, внушая себе нормальность подобного поведения представителей этих структур. После этого события произошли кардинальные реформы в аттестации личного состава подразделений, профессиональной морально-психологической подготовке сотрудников, которая в итоге привела к трансформации правовых взглядов сотрудников правоохранительных органов.

Правосознание лиц, наделенных властными полномочиями, включает в себя определенные элементы:

1. Правовую идеологию. Данное понятие является достаточно абстрактным, однако в целом его можно охарактеризовать совокупностью устойчивых правовых идей, концепций, взглядов, имеющих определенную правовую направленность.

2. Правовую психологию. Мы считаем, что данное понятие коррелируется с морально-волевым качеством в человеке. Оно включает в себя совокупность эмоций, чувств, которые формируют отношение человека к праву и в дальнейшем оказывают определенное влияние на выбор действий при сложившихся ситуациях.

Если правовую психологию можно представить в виде чего-то внешне выраженного и более консервативного, устойчивого к изменению, то правовая идеология – это что-то внутренне существующее в человеке.

Стоит отметить, что детерминантами в трансформации правосознания выступают и определенные окружающие явления и процессы, которые оказывают в значительной степени влияние на формирования каких-либо идей, концепций. Дополнительными важными определяющими моментами являются конкретные время, место, обстановка. Таким образом, многие моменты извне могут вносить определенные корректировки в правосознание личности.

С. А. Ковалевым был предложен перечень стадий по трансформации правосознания [2, с. 35–37]. В качестве первой стадии указано воздействие на внешнюю фазу человека через информационно-познавательный правовой уровень. Данный уровень будет в любом случае иметь субъективную окраску из-за

специфики восприятия информации каждым конкретным человеком. Именно из-за этого и происходит диссонанс в когнитивном восприятии человеком новых правовых идей, особенно если они не схожи с тем бэкграундом, который у него уже есть. Вторая стадия подразумевает внутреннюю борьбу, возникающую в связи с диссонансом первого уровня. Данная стадия затрагивает оценочный уровень, на котором человек пытается восстановить возникший правовой дисбаланс либо через новые правовые знания, либо изменив существующие старые знания. Третья стадия – сведение индивидом полученных знаний в единую целостную систему.

Лица, наделенные властными полномочиями, при трансформации правосознания проходят аналогичные стадии. Так, при получении каких-либо новых знаний на первой стадии они вынуждены в связи со своим статусом претерпевать процедуру принятия новых правовых идей в качестве своей правовой идеологии [7, с. 153]. Именно тут и происходит прохождение новых знаний через призму правоприменителя. Здесь стоит отметить, что важно именно устойчивое формирование у правоприменителя правовых ценностей, чтобы, пройдя через сознание человека, предписание не потеряло своего истинного значения. Второй уровень скорее искусственно оказывает влияние на данную категорию лиц, это связано прежде всего с изменением законодательства и вынужденной модификации правоприменителем своего правосознания. Третий этап включает в себя психологическое восприятие и чувственную оценку новой правовой установки [8, с. 67]. Итак, лица, наделенные властными полномочиями, находятся перед постоянным выбором модели поведения с целью соответствия правовым предписаниям.

Таким образом, трансформация правосознания лиц, наделенных властными полномочиями, имеют определенную специфику. Важную роль играют две составляющие правосознания – внутренняя и внешняя. Правовая идеология позволяет формировать у данной категории лиц определенные устойчивые идеи и концепции, которым они обязаны следовать. Правовая психология позволяет формировать отношение лиц к праву. При формировании правосознания лица, наделенные властными полномочиями, при помощи определенных внешних детерминантов проходят стадии трансформации правового сознания, которые позволяют им прийти к целостному внутреннему согласованию своих субъективных идей с необходимыми правовыми предписаниями.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

2. Ковалев С. А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 13. С. 35–37.

3. Хван Д. А. Деформация профессионального правосознания юристов // Административное и муниципальное право. 2008. № 2. С. 94–99.

4. Синюкова Т. В. Правосознание и правовое воспитание. Теория государства и права. Саратов, 1995. 460 с.

5. Мигущенко О. Н. Роль правосознания в применении права // Юридический мир. 2007. № 6. С. 4–8.

6. Гарашко А. Ю. Сущность и структура системы права в контексте различных типов правопонимания // Проблемы правопонимания: история и современность : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 60–64.

7. Раков К. А. Формальные и содержательные основания правопорядка: проблема оптимального соотношения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 1 (27). С. 152–156.

8. Попов В. И. Роль права в обеспечении коммуникативных практик государства и гражданского общества в контексте социоаксиологического подхода к правопониманию // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 43–50.

Михеева А. В.[1]*,*
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Кулакова Ю. Ю.****,*
заместитель начальника кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВАЯ ИНФОРМИРОВАННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Одной из главных проблем общества XX в. являлась правовая безграмотность населения. Интерес к изучению этой проблемы с каждым годом возрастал среди исследователей не только российского государства, но и всего мира в целом. Советский ученый-правовед В. М. Боер, писал, что «интерес к праву у граждан характеризуется избирательностью: уровень правовой информированности выше там, где происходит правовое общение личности, т. е. существует прямая связь между гражданской активностью и культурой личности, уровнем правовых знаний и образованием человека» [1]. Уровень правовой информированности общества существенно влияет на правосознание, правовую культуру и правовую грамотность.

Свое начало эта проблема берет еще с советского периода, когда преобразования в правовой сфере стали настолько неожиданными и глобальными, что оказали большое влияние на граждан страны. Помимо преобразований в правовой системе, в обществе проходил ряд других важных реформ. Факторами распространения правовой безграмотности населения в тот период стали социальные явления, происходившие в советском обществе в тот период. Наиболее значимыми причинами безграмотности стали кризис системы образования и воспитания подрастающего поколения, недостаточное развитие правового сознания граждан, падение нравственной культуры, а также межгосударственные конфликты. Сведения об этих процессах были весьма противоречивыми, что очень сильно дезинформировало граждан, тем самым понижая уровень их правовой информированности.

Эта проблема требует основательного разбора, и чтобы разобраться в ней, необходимо дать наиболее точное определение правовой информированности: «это такое состояние сознания личности, которое пополняется при помощи получения новой достоверной правовой информации о действующем законодательстве, об изменениях и т. д, где большое влияние на данное состояние оказывает проводимая государством политика по правовому информированию граждан» [2].

Изменения в законодательстве происходили часто, законы приобретали сложность, и порой даже специалисты-правоведы не могли дать грамотного разъяснения тем или иным юридическим установкам. Что же говорить и простых

---

[1] © Михеева А. В., 2023.

гражданах? Ведь прожить в то время без базового набора юридических знаний было непросто: осведомленный в правоведении человек обеспечивал безопасность не только себе, но и семье, мог самостоятельно решить юридические проблемы.

С тех пор прошло более 30 лет. Про нынешнее российское общество нельзя сказать, что оно не обладает знанием своих конституционных прав и свобод. Граждане серьезно подходят к этому вопросу, учатся отстаивать свои законные права и восстанавливать нарушенные. Уровень правовой информированности сегодня в большей степени зависит от самих граждан, которые усваивают нужную правовую информацию и отсеивают ненужную [3].

Повышению правосознания, правовой культуры и правовой грамотности в нашей стране уделяют особое внимание. Для оказания юридических услуг гражданину необходимо получить высшее юридическое образование. Сотрудникам полиции для поступления на службу также необходимо высшее юридическое образование, которое подтверждает их правовую грамотность.

На формирование правильного демократического государства большое влияние оказывает правовая информированность граждан. Для того чтобы быть субъектом права, человек должен понимать смысл существующих в обществе правовых норм, способен оценивать их социальную значимость. При этом под правовой информированностью не подразумевается знание каждого закона наизусть, предполагается лишь, что гражданин ориентируется в текущем законодательстве. Гражданам любой страны необходимо знать свои права и обязанности. Несмотря на то что любой гражданин может обратиться за юридической помощью, он сам должен обладать начатками правовых знаний для получения квалифицированной услуги.

На этапе становления информационного общества большое влияние на уровень правовой информированности оказывают средства массовой информации, являясь источниками оповещения о новых принятых нормативных правовых актах и способах их применения в жизни общества. Стоит, однако, отметить, что не все средства массовой информации преподносят достоверную и юридически правильную информацию.

Учеными-правоведами принято выделять два способа донесения правовой информации до общества:

– официальный – опубликование нормативных правовых актов на официальных источниках; оглашение правовой информации на федеральных каналах телевидения; опубликование информации в газетах федерального уровня и т. д.;

– неофициальный – использование массовой культуры для предоставления правовой информации (фильмов, сериалов); опубликование сведений на неофициальных сайтах в сети Интернет и т. д.

Одной из основных проблем правового информирования современного общества является преподнесение гражданам недостоверной правовой информации. При изучении исследований по данной проблеме можно сделать вывод, что каждый второй житель нашей страны не получает достаточного объема знаний о праве, а если и получает, то половина этой информации получена из неофициальных источников. Причиной этого является, в частности, переход к постиндустриальному

обществу, где наиболее доступным являются правовые сведения, опубликованные в глобальной сети Интернет.

Чем выше уровень достоверности правовой информации, преподносимой средствами массовой информации, тем выше уровень правовой информированности общества в целом. От степени правовой информированности, ее качества во многом зависит законопослушное поведение человека, поскольку отсутствие знаний основных норм действующего законодательства приводит к нарушению правопорядка и законности. Многие ученые считают, что именно правовая информированность является основой режима законности и правопорядка в нашей стране [7, с. 131]. Ее уровень способствует поддержанию баланса между публичными и частными отношениями, а также играет большую роль в развитии общества. Личность, которая не обладает достаточными знаниями в области правовой информации нередко становится беспомощной в различных жизненных ситуациях [6, с. 47].

Для повышения активности, заинтересованности населения в поиске достоверной правовой информации государству необходимо принять ряд мер для повышения данной потребности и обеспечить:

– качественные характеристики преподносимой информации;

– понятность языка нормативных правовых актов – для того чтобы неподготовленный гражданин смог понять и изучить предоставленную информацию;

– всеобщую грамотность;

– высокий уровень правовой информированности должностных лиц – для оказания высококвалифицированной помощи гражданам при обращении в различные инстанции.

В свою очередь правовую информированность можно делить на уровни:

– обыденная – та, что применима к жизни, к гражданам, не являющимся специалистами в юридической сфере и получающим информации из различных источников;

– профессиональная – та, что применима к деятельности граждан, работающим в юридической сфере и заинтересованным в знании нормативных правовых актов.

В настоящее время правовая информированность играет важную роль в формировании законности и правопорядка в стране. Эта роль должна удовлетворять как частные, так и публичные интересы, соответствовать развитию общества.

Усиление интенсивности и результативности воздействия международной информации на правосознание граждан детерминировано таким процессом, как глобализация, влияние которой на правовую сферу весьма велико.

Как любое демократическое государство, Россия стремится закрепить данный статус и считает это одной из самых важных задач в информационной сфере. Наше государство старается создать все условия для получения гражданами достоверной, правовой информации путем быстрого и грамотного ее донесения, повышения уровня правовой грамотности граждан путем проведения всевозможных бесед, конференций и т. д.

Последние статистические данные по индексу правовой грамотности населения проводились в 2020 г., где значение индекса правовой грамотности россиян

составило 54 %, но стоит отметить, что 65 % граждан страны желают узнать больше о своих права и их защите. На основе этих статистических данных стоит сказать о том, что граждане Российской Федерации заинтересованы в получении и изучении правовой информации, а это значит, что этот индекс будет расти.

Таким образом, для решения поставленной проблемы требуется защитить информационную правовую среду от влияния международных правовых каналов, публикуя всю информацию на российских официальных сайтах. Также в целях повышения правовой грамотности населения целесообразно было бы проводить популярные занятия по ознакомлению граждан с текущим законодательством, а также с применением норм закона на практике. В нашей стране созданы прекрасные условия для изучения законодательства, сопоставления его с законодательством советского периода, анализа и разбора различных правовых ситуаций, которые могут возникнуть в настоящее время. Также стоит использовать глобальную сеть Интернет для изучения нормативных правовых актов на российских официальных источниках, что может пригодится в будущем для решения правовых проблем. Студентам юридических вузов для повышения правовой грамотности стоит обращаться к профессорско-преподавательскому составу.

Согласно статистическим данным, уровень правовой информированности в нашем государстве за последние годы значительно вырос.

Список литературы

1. Боер В. М. Информационно-правовая политика и безопасность России (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб., 1998. 31 с.

2. Осипов Р. А. Правовая информированность: понятие и структура // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 305–309.

3. Пиголкин А. С. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2020. 516 с.

4. Искевич И. С., Попов, А. Н. Правовая система России и международная правовая система: вопросы и пути взаимодействия // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 162–165.

5. Тихомиров Ю. А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. 2018. № 8. С. 5–12.

6. Попов В. И. Роль права в обеспечении коммуникативных практик государства и гражданского общества в контексте социоаксиологического подхода к правопониманию // Вестник юридического факультета Южного федерального университета, 2022. Т. 9. № 1. С. 43–50.

7. Раков К. А. Конституция как основа формирования должного правопорядка // Идеи конституционализма в юридической науке: история и современность (секция молодых исследователей) : сборник материалов III Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С 130–135.

Пантелеева Е. В.[1]*,*
курсант Института-факультета судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Попов В. И.****,*
преподаватель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РОЛЬ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

В настоящее время процесс правовой социализации играет важную роль в обществе, это обусловлено историко-цивилизационными предпосылками, правовой культурой, идеологией, психологией отдельного индивида и социальными настроениями в обществе. Ключевую роль в процессе формирования правосознания оказывают правовые традиции. На наш взгляд, правовая традиция – это исторически сложившаяся и развивающаяся совокупность принципов построения правовой системы, которая определяет содержание и направление правового регулирования, закладывает его начала. Правовые традиции выступают как объединение и обобщение исторической социально-правовой практики.

Правовые институты, ценности и принципы передавались из поколения в поколение, совершенствовались и образовывали традиции, определяющие правовую культуру конкретного общества. Правовые институты включают в себя совокупность юридических норм, которые регулируют общественные отношения и сохраняют стабильность в обществе, позволяют достичь гарантированного результата (опираясь на государственное принуждение) и обеспечивают его развитие и совершенствование. Они закладывают основы и содержание нормативно-правовых актов, правовых норм. Социальная ценность права заключается в его точности и определенности, наличии границ правомерного поведения, предупреждении и пресечении нарушений, обеспечении устойчивого порядка в общественных отношениях. В общесоциологическом смысле под ценностью понимают идеи, принципы, взгляды, которые служат целью и средством для удовлетворения определенных потребностей и интересов субъектов права, к которым, по мнению общества, необходимо стремиться. Среди правовых ценностей необходимо выделить справедливость, естественные права человека, гуманность, признание ценностно-правового значения закона и государства. Правовые принципы выражают закономерности права, представляют общие нормы, которые действуют в сфере правового регулирования. Ценности и принципы права лежат в основе формирования правовых традиций. Р. С. Сулипов считает: «Целевое назначение права выражено в сохранении существующих ценностей, что проявляется по таким направлениям, как закрепление ценностей, информирование о ценностях, создание иерархии ценностей, перераспределение ценностей и защита ценностей», они должны не просто передаваться следующему поколению, необходимо, чтобы правовые традиции были восприняты и закреплены в правосознании

[1] © Пантелеева Е. В., 2023.

людей этого поколения [4, с. 49–52]. Многие ученые (и мы разделяем эту позицию) считают, что правовые традиции оказывают влияние на формирование правосознания, аккумулируют правовые ценности, накапливают знания и опыт прошлых поколений.

Весьма интересной представляется позиция С. С. Алексеева, который считает, что правосознание обычно не существует в чистом виде, оно связано с другими видами и формами осознания реальности и действительности. Так, достаточно часто правосознание переплетается с моральными воззрениями. Люди оценивают право и правовые явления с точки зрения моральных категорий добра и зла, справедливости и несправедливости, совести, которые лежат в основе правовых традиций. Их воздействие однозначно влияет на образование и развитие правосознания, так как они воспроизводят смыслообразующие принципы права, которые обеспечивают трансляцию и преемственность правового опыта, а также ориентацию правовой деятельности на укрепление и восполнение правового наследия. Перспективы правового развития, правового прогресса определяются объективным формированием и реализацией тех правовых традиций, которые позволят вывести право на более высокий уровень.

Так, влияние правовых традиций способно преобразить все части правовой системы – правосознание, правотворчество, правореализацию и т. д. Поэтому очень важно, чтобы соблюдение тех или иных правовых традиций обеспечивалось не только государственным принуждением, но и внутренними установками, моральным убеждением людей в их правоте и справедливости. А. И. Клименко отмечает, что «правовое государство ориентируется именно на право как систему ценностей. Современное капиталистическое государство, становясь правовым, как бы продлевает себе жизнь, обеспечивает возможность трансформации без видимых социальных потрясений, так как способно на трансформацию вместе с самим своим правом как системой ценностей». В государстве должны быть юридически оформлены и закреплены ценности [1, с. 70]. Важное место в этом вопросе отводится и правовым традициям. Этическое обоснование права, соблюдение принципов морали, повышение значимости права в обществе позволяет повышать уровень правового сознания.

Отношение к праву отдельного индивида в первую очередь опирается на знания, анализ и сравнение правовых традиций. Правосознание человека основано на его мировоззрении, является составной частью его правовой культуры. В. П. Сальников определяет правовую культуру как особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние личности и общества, совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании, воплотившую достижения правовой мысли, юридической техники и практики. Понятие «правовая культура личности», будучи компонентом правовой культуры общества и зависимой от нее величиной, отражает степень и характер ее развития, так или иначе обеспечивающего социализацию личности и правомерную деятельность индивида [3, с. 59–61]. Только положительное отношение к правовым традициям, понимание и принятие действующих в обществе моральных норм, обычаев и традиций предполагает законопослушное поведение и соблюдение правовых установок в обществе. Рассматривая влияние правовых традиций на правовое развитие общества, Р. С. Сулипов

определил, что «правовая традиция – это особый вид традиции, в которой, кроме характеристик информационной модели, содержится предписание, императивное требование. Специфическая черта правовой традиции – ее регулятивная направленность» [4, с. 49–52].

Правосознание уникально как у отдельного человека, так и у социальных групп, у общества в целом. Типичность и массовость черт, взглядов и убеждений образуют правовую психологию, определяют динамику общественного прогресса. К. Маркс считал, что «не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Уклад жизни в обществе, правовые традиции, процессы, которые формируются в повседневной жизни людей, способы жизнеобеспечения определяют сознание людей в данном историческом периоде. Основа существования отражается в сознании масс, изменяет ход общественного развития, так как трансформация правосознания основана на объективных факторах, оказывающих воздействие на изменение права, политику, экономику и в общем понимании – на жизнь людей во всех сферах [5, с. 40]. В государстве должны сохраняться базовые и моральные ценности, выраженные в правовых традициях, передаваться другим поколениям, чтобы избежать возможных казусов, инцидентов и катастроф.

Развитие страны требует высокого уровня правосознания, формирования правового государства и гражданского общества, в котором будут реализовываться и закрепляться права и свободы граждан, принцип разделения властей, господство права и верховенство закона. В различные исторические периоды уровень правосознания был разным, это объясняется тем, что правовые традиции общества находили свое отражение в противоречивых ценностях, идеалах, взглядах. Ю. Н. Оборотов полагает, что правовая традиция представляет собой связь времен, социальное (правовое) наследование [2, с. 61–62]. Правовые традиции, как культурное наследие, образовали и привели в действие механизм сохранения и воспроизведения исторической социальной практики, они содержат в себе юридическое восприятие, отношение людей к государству и праву как единому союзу, и во многом именно они определяют уровень правосознания и правовой культуры как отдельных лиц, групп, так и всего общества.

Список литературы

1. Клименко А. И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 6. С. 58–76.

2. Оборотов Ю. Н. Традиции и новации в правовом развитии. Одесса : Юридическая литература, 2001. 160 с.

3. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юристъ, 2001. 776 с.

4. Сулипов Р. С. Понятие и признаки правовых традиций: теоретический аспект // Вестник Пермского университета. 2010. № 4. С. 49–52.

5. Раков К. А., Попов В. И. Правовой позитивизм: опыт критического анализа // История государства и права. 2022. № 11. С. 39–43.

Курбакова Д. О.[1],
курсант Института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Попов В. И.,***
преподаватель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЫДЕННОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Современная правовая жизнь представляет собой сложную систему, состоящую из множества элементов, затрагивающих различные сферы общественной жизнедеятельности. Отмечая важность правовой жизни общества, А. В. Малько и В. В. Трофимов в своих исследованиях предлагают утвердить это понятие в качестве самостоятельного объекта теории права. Авторы отмечают, что правовая жизнь общества существует и развивается параллельно с научно-правовым знанием. Снижение уровня правового сознания граждан оказывает негативное влияние на поддержание на должном уровне состояния всех сфер общественной жизни, а также на их развитие [4, с. 42].

На протяжении всей жизни человека происходит формирование общественного сознания [6, с. 96–97]. Как известно, общественное сознание обладает сложной структурой, среди элементов которой можно выделить научное, нравственное, политическое, правовое и другие формы общественного сознания. Правовое сознание, в свою очередь, также классифицируется на различные виды, среди которых принято выделять обыденное (массово-обыденное) и профессиональное правосознание. Эти типы правосознания представляют особый интерес для изучения, поскольку взаимосвязаны друг с другом.

В исследованиях, посвященных сравнительному анализу видов правосознания, В. П. Малахов утверждает, что типология правосознания формируется на основании различных критериев, выделение которых зависит по большей части от самого исследователя, а потомку весьма неопределенных. Ученый-правовед отмечает, что объективность и объем выделяемых типологий правосознания напрямую зависит от выделенных параметров [3, с. 240–241].

Для выделения конкретных типов правосознания, автор предлагает руководствоваться следующими параметрами: субъект; объект; источник становления и воспроизводства; связанность с определенным типом правопонимания; существенные признаки правовой реальности; системообразующая функция; основной структурный элемент; роль нормативного компонента; основной механизм действия; ориентированность содержания на частное и/или публичное право и др.

В своей работе мы остановимся на рассмотрении обыденного и профессионального правосознания.

---

[1] © Курбакова Д. О., 2023.

Так, В. В. Беденков говорит о влиянии обыденного правосознания на развитие правовой активности личности и отмечает важность структурирования правосознания, что, в свою очередь, обуславливается лучшим восприятием у людей достижения высокого уровня правосознания в жизни социума [1, с. 23]. Необходимо знать особенности обыденного правосознания, поскольку именно оно является своего рода проводником между социумом и государством. Именно данный тип правосознания определяет развитие права в государстве, способствует созданию и укреплению связей между государством и обществом [7, с. 100]. Отметим, что обыденное правосознание обладает следующими характеристиками:

– оно фрагментарно, поскольку многие устоявшиеся правовые ценности утрачивают былую необходимость в существовании и отмирают в связи с развитием общества и государства, информатизацией общества, внедрением новых технологий, в то же время новые правовые ценности находятся в процессе своего развития, поэтому еще не усвоены социумом;

– выступает доказательством этапа правовой социализации личности (разумеется, на правовую социализацию личности, на формирование ее правового сознания, которые носит процессуальный характер, на разных стадиях своего развития оказывают непосредственное влияние различные социальные институты);

– носит в большей степени ориентационный характер (его суть заключается в направленности поведения личности, в непосредственном регулировании человеческого поведения нормами права. Но важно учитывать, что при данной функциональной способности правосознание все же не может обеспечить полноценного понимания права, овладение индивидом определенными знаниями в правовой сфере);

– имеет достаточно прочную связь с иными формами общественного сознания.

В. П. Малахов также считает, что обыденное правосознание обладает определенной противоречивостью, заключающейся в том, что оно «диффузно по своим носителям» и в то же время «индивидуализировано». Также автор отмечает, что «массово-обыденное правосознание тождественно правовосприятию» и одновременно данное «правопонимание опирается на идею естественного права». Главной идеей массово-обыденного правосознания, по мнению автора, выступает справедливость. В качестве важного структурного элемента массово-обыденного правосознания В. П. Малахов выделяет притязание на право, отмечает также практичность обыденного правосознания, обусловленную тем, что в его основе лежат простые человеческие жизненные принципы и обычаи.

Как уже было упомянуто, особое место в типологии правосознания занимает профессиональное правосознание. В качестве объекта профессионального правосознания автор выделяет правовую реальность.

Главной и ключевой особенностью профессионального правосознания выступает сам субъект, обладающий конкретным профессиональным правосознанием, а именно тот факт, что данный субъект занимается профессионально юридической деятельностью [2, с. 24].

В своих исследованиях Е. И. Махрова выделяет и ряд других особенностей профессионального правосознания:

– четкая предметная направленность, иными словами, профессиональное правосознание рассматривает правовую действительность через призму определенных профессиональных знаний и наличие конкретного опыта юридической деятельности;

– наличие профессиональных навыков;

– осознание субъектом профессионального правосознания значимости права и его составляющих в государстве с учетом понимания структуры государственного аппарата, деятельности законодательных органов, наличия представлений о статистических данных по юридическим направлениям деятельности, практического опыта [5, с. 88].

Говоря о профессиональном правосознании, считаем необходимым заметить, что его также можно разделить на подвиды, в зависимости от определенных категорий. Например, по такому критерию, как профессиональная юридическая среда, профессиональное правосознание предположительно можно разделить на профессиональное правосознание: адвокатов; следователей; судей; преподавателей юридических дисциплин, которые раньше работали в юридической среде; следователей, дознавателей и т. д.

Вместе с тем, стоит понимать, что, несмотря на такое теоретическое деление профессионального правосознания на виды, правосознание разных субъектов даже в группе одной профессиональной юридической направленности будет отличаться, что обусловлено его индивидуальным формированием, т. е. влиянием личного жизненного опыта, морально-психологических установок, темперамента, акцентуации личности.

Таким образом, на основе проведенного анализа теоретической и правовой сущности обыденного и профессионального правосознания можно сказать, что оба формируются в процессе всей жизни субъекта, оказывают сильное влияние на принимаемые им решения и поведение, в том числе и на саму личность. Обыденное правосознание с определенным временным промежутком может преобразовываться в профессиональное.

Несомненно, оба вида правосознания, хоть и отличны друг от друга по множеству критериев, одинаково важны для развития субъекта, поскольку осознание ценности права, его значения в государстве жизненно необходимо для поддержания демократических начал в нашей стране.

Список литературы

1. Беденков В. В. Понятие и структура обыденного правосознания // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 23–27.

2. Кученев А. В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 22–25.

3. Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2020. 335 с.

4. Малько А. В., Трофимов В. В. Правовая жизнь общества как объект теории права: к постановке проблемы // Государство и право. 2017. № 5. С. 39–50.

5. Махрова Е. И. Правовая природа профессионального правосознания: понятие, структура и функции // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 1 (90). С. 86–90.

6. Попов В. И. Правовая коммуникация как фактор формирования правосознания и правосознание как смысловая среда правовой коммуникации // Актуальные проблемы юридической теории и практики : сборник научных статей. Вып. 4. М. : Граница, 2019. С. 96–100.

7. Раков К. А. К вопросу об отношении правосознания к действительному правопорядку // Актуальные проблемы юридической теории и практики. М. : Граница, 2019. С. 100–104.